

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**THE PENNSYLVANIA STATE
UNIVERSITY LIBRARIES**

Salias de Turnemir

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Собрание ^{ГРАФА} сочинений

Е. А. САЛІАСА.

Томъ XVI.

Андалузскія легенды. — Los Novios. — Камеръ-юнгфера. —
Философъ.

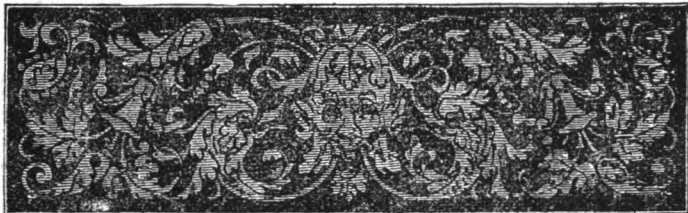
Издание А. А. Карцева.

МОСКВА.

Типо-Литографія Г. И. ПРОСТАКОВА, Петровка, домъ № 17, Савостьяновой.
1896.

АНДАЛУЗСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

I. Три пряжи.

Жила была однажды молодая дѣвушка, которая отличалась особенною лѣнью. Мать и сердилась, и уговаривала ее, и даже наказывала, но ничто не помогало.

Какъ-то разъ, потерявъ всякое терпѣнье, мать начала ее бить, а дочь начала кричать чуть не на всю улицу. Въ это время проѣзжала королева и, услыхавъ плачь, велѣла остановить свою карету, вошла въ домъ и начала разспрашивать мать, въ чемъ дѣло.

Женщинѣ было стыдно сознаться, что ея дочь такая лѣнивица. Она и придумала солгать.

— Какъ же мнѣ дочь не наказывать, когда я не могу отнять у нея веретено. Она постоянно хочетъ пряхть, а я не могу, по моей бѣдности, купить ей такое количество льна.

Королева на это сказала:

— Ничто мнѣ не доставляетъ такого удовольствія, какъ трудолюбіе. Отдайте мнѣ вашу дочь. Я ее возьму во дворець. Что касается до льна, то я ей дамъ много, и она можетъ пряхть сколько захочетъ.

Мать, конечно, не посмѣла отказать, и королева увезла молодую дѣвушку съ собой.

Когда онѣ пріѣхали во дворець, королева повела дѣвушку и показала ей три комнаты, съ верху до низу наполненныхъ тончайшимъ льномъ.

— Спряди мнѣ весь этотъ ленъ, и когда работа будетъ

окончена, я тебя отдамъ замужъ за моего старшаго сына. О бѣдности своей не безпокойся, плоды твоего прилежанія будутъ хорошимъ приданымъ.

Дѣвушка ничего не отвѣтила. Она была въ ужасѣ. Если бы она стала работать отъ зари до зари, то все-таки въ триста лѣтъ не кончила бы этого урока.

Она осталась одна въ комнатѣ и горько заплакала.

Три дня миновали, а она все еще не принималась за работу.

Наконецъ, на четвертый день, королева приходитъ въ ея комнату и видитъ, что дѣвушка и не начинала еще работать.

— Что жъ ты? спросила королева.

Дѣвушка, смущаясь, объяснила, что она очень скучаетъ объ своей матери, потому только и не принималась за работу.

Королева удовольствовалась этимъ отвѣтомъ, но однако прибавила:

— Погрустила и довольно. Пора приняться и за работу.

Когда дѣвушка осталась одна, то была такъ смущена, что не знала, что ей придумать и въ глубокомъ раздумьѣ сѣла у окна.

Вдругъ видитъ она: идутъ какія-то три старыя женщины, одна страшнѣе другой. У первой была громадная длинная нога, у другой губа такъ велика, что висѣла и спускалась даже на подбородокъ, у третьей былъ огромный широкой па-лець.

Они подошли къ окну и спросили у дѣвушки, отчего она такъ печальна. Дѣвушка немедленно рассказала имъ свою заботу. Три женщины предложили ей свои услуги.

— Но съ однимъ уговоромъ, сказали онѣ.—Если ты обещаешь намъ пригласить насъ къ себѣ на свадьбу и, не стыдясь, назвать насъ твоими тетками, то мы спрядемъ тебѣ весь твой ленъ, и такъ скоро, что всѣ не надивятся.

— Съ удовольствіемъ обещаю все исполнить, отвѣчала дѣвушка.

— Ну, такъ нечего терять золотое время. Пойдемъ, примемся за работу, сказали старухи.

Молодая дѣвушка ввела ихъ въ комнаты, и онѣ тотчасъ принялись за работу. Первая вертѣла ногой прялку, вторая мочила ленъ на губѣ, а третья сучила нитку и придавливала

къ столу своимъ большимъ пальцемъ. И при каждомъ поворотѣ колеса цѣлый пудъ льна, какъ чудомъ, превращался въ тончайшую нитку.

Всякій разъ, что королева приходила въ комнату, молодая дѣвушка прятала своихъ пряжъ, а королева, видя, сколько уже сдѣлано, поневолѣ восторгалась.

Когда первая комната была окончена, пряжи перешли въ другую, потомъ въ третью и, наконецъ, кончили свою работу.

Когда все было готово, то молодая дѣвушка пошла къ королевѣ и попросила ее прійти посмотрѣть, что ленъ весь спряденъ.

Тогда королева обняла дѣвушку и сказала, что и она сдержать слово, назначивъ день свадьбы.

Принцъ былъ въ восторгѣ, что у него будетъ жена такая трудолюбивая и прилежная.

Молодая дѣвушка не забыла своего обѣщанія, даннаго пряхамъ, и обратилась къ королевѣ и къ жениху съ просьбой:

— У меня есть три тетки, которыя мнѣ дѣлали много добра. Позвольте мнѣ ихъ пригласить на свадьбу и посадить за одинъ столъ съ нами.

Королева и принцъ, конечно, дали свое согласіе.

Наступилъ день свадьбы. Въ великолѣпныхъ экипажахъ, одѣтыя въ дивные костюмы, явились три женщины. Всѣ взоры были на нихъ устремлены и всѣхъ поразили онѣ своимъ безобразіемъ. Но невѣста, не краснѣя, ласково и вѣжливо обратилась къ нимъ и сказала:

— Милыя тетюшки, какъ я рада, что васъ вижу. Милости прошу, пожалуйста и будьте дорогими гостями.

Но принцъ не вытерпѣлъ и сказалъ невѣстѣ:

— Какія у тебя безобразныя тетки.

Затѣмъ онъ обратился къ той, у которой была большая нога и спросилъ у нее:

— Отчего у васъ такая большая нога?

— Оттого, что я очень люблю прясть и всю жизнь вертѣла прялку, отвѣтила старуха.

Принцъ обратился къ другой:

— А у васъ отчего такая губа?

— Потому, что я все помогала сестрѣ и мочила нитку.

Наконецъ, онъ спросилъ у третьей:

— А у васъ отчего такой большой палецъ?

— А я все сучила нитку.

Принцъ былъ такъ испуганъ всѣмъ, что услышалъ, что тотчасъ объявилъ невѣстѣ:

— Никогда не позволю я тебѣ даже дотронуться до прялки. Общай мнѣ, что послушаешь меня. Молодая дѣвушка, конечно, согласилась и была рада, что она навсегда будетъ избавлена отъ ненавистнаго ей занятія.

II. Обратни.

Въ прежнія времена, лѣтъ съ триста тому назадъ, жить около Саламанки—бѣда была суцая. Нѣкто Антоніо, поселянинъ, хорошій человѣкъ, богобоязливый, домовитый и испытанной честности, чуть не разорился и чуть жену не потерялъ, да не смертью. Умалчивая о томъ, что собственно бываетъ около Саламанки,—онъ заповѣдалъ дѣтямъ своимъ и внукамъ никогда не жить около этого города.

И понятно, что Антоніо не рѣшался рассказывать, что съ нимъ было. А было вотъ что.

Извѣстно, что Саламанка славилась университетомъ и было въ ней много студіозусовъ и студентовъ. Всѣ они — народъ молодой, о двухъ головахъ, ничего не дѣлаютъ, Бога не помнятъ, на всякія отчаянныя штуки пускаются—и на глупыя и на грѣшныя. А дьяволу это на руку. Онъ около нихъ и сталъ увиваться.

Наконецъ, онъ такъ привыкъ дѣла водить со студентами, что они ужъ и рады бы отъ него отдѣлаться, отмолиться и добрыми дѣлами откупиться отъ его власти надъ ними, да ужъ не могутъ.

Самая обыкновенная вещь, которую дьяволъ любилъ съ ними творить—это превращать ихъ въ разныхъ звѣрей, а то и въ птицъ.

Нигдѣ не было за то столько обратной, какъ около Сала-

манки. Вотъ что случилось съ Антоніо, что онъ видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами.

Поселился онъ близъ города съ женой своей Хосефой. Дѣтей у нихъ еще не было, ибо они только-что обвинчались. Хосефа была замѣчательной красоты и кокетка тоже не послѣдняя.

Но Антоніо былъ увѣренъ въ своей женѣ и поэтому не ревновалъ ее. Всякій другой мужъ сталъ бы ревновать, видя, какая стая студентовъ шатается около его дома и какія штуки дѣлаетъ Хосефа. Разумѣется, она это дѣлала шутя, по легкомыслию, но другой мужъ не взялъ бы въ расчетъ самую суть дѣла, а сталъ бы судить по внѣшности и по мелочамъ.

Купилъ Антоніо на скопленные деньги отличнаго мула и не могъ нарадоваться на него: крѣпкій, сильный, красивый, шерсть точно шелкъ, а рубашка—что твой шеколадъ, самаго нѣжнаго коричневаго цвѣта. Многіе покупатели стали набиваться къ Антоніо, и давали большія деньги за мула, но Антоніо не продавалъ. Одинъ студентъ, богачъ, знатнаго рода (красавецъ такой былъ, что даже Хосефа признавалась, что не будь у нея мужа—она съ ума бы сошла отъ него), молодой человѣкъ и большой руки шалунъ, предлагалъ Антоніо за мула двадцать червонцевъ. Капризъ такой на него нашель: хочу имѣть этого мула! А на Антоніо тоже капризъ нашель: не хочу продавать. Даже поругались они чрезъ это съ женой, потому что Хосефа находила глупымъ не брать 20 червонцевъ, когда мулъ стоилъ три. Студентъ богачъ пересталъ у нихъ бывать (а прежде часто бывалъ) и погрозился, что отобьетъ себѣ мула. Но мулъ никому не достался. Антоніо его потерялъ даромъ—такимъ страннымъ образомъ, что богачъ студентъ и отбить не могъ.

Случилась такая оказія: отлучился разъ Антоніо изъ дому по дѣламъ, вернулся домой на другой день и пошелъ въ конюшню. А въ стойлѣ стоитъ въ уздѣ молодой человѣкъ, очень приличной наружности, по всему: кавальеро *)—да жалостно пищить.

— Кто ты? Чего тебѣ? воскликнулъ Антоніо.

— Христа ради поѣсть дай! Умираю! Три года не ѣлъ ничего, кромѣ ячменя.

1) Т. е. кавальеръ, дворянинъ.

— Да гдѣ мой мулъ? ахнулъ Антоніо, видя, что конюшня пуста.

— Мула твоего, благодаря милосердію Божію, нѣту болѣе. Я былъ твоимъ муломъ и благодарю тебя за твое ласковое обращеніе со мной. Теперь Господь простилъ меня—и я снова сталъ человѣкомъ.

И молодой человѣкъ разсказалъ Антоніо, что онъ за легкомысленную и грѣшную жизнь, поддавшись искушеніямъ дьявола, совершилъ заклинаніе, продалъ свою душу сатанѣ и долженъ былъ сдѣлаться изъ студента на всю жизнь—муломъ, но благодаря молитвамъ своей матери чрезъ три года опять сталъ человѣкомъ.

Антоніо чуть не заплакалъ о своемъ мулѣ, но не сталъ жаловаться громко. Молодой же человѣкъ былъ такъ счастливъ, переставъ быть животнымъ, что чуть не прыгалъ отъ радости.

Что жъ было дѣлать, Антоніо пригласилъ его поужинать, а затѣмъ отпустилъ съ Богомъ въ Саламанку кончать обученіе наукамъ.

Богачъ студентъ какъ узналъ, что собирался купить оборотня, то очень испугался, а потомъ обрадовался, что все такъ счастливо сошло съ рукъ, и подарилъ Хосефѣ три червонца на платье. Только при этомъ онъ попросилъ у нея сдачи—три поцѣлуя.

Хосефа по ошибкѣ дала сдачи — шесть. Другой мужъ непременно бы сталъ ревновать, но Антоніо былъ увѣренъ въ женѣ своей какъ въ самомъ себѣ.

Прошло мѣсяцевъ шесть послѣ этого случая; жили мужъ съ женой мирно и тихо. Хосефа завела себѣ прелестнаго кота, да такъ его полюбила, что съ одной тарелки съ нимъ ѣла, даже спать съ собой клала.

Однажды ввечеру заѣхалъ къ нимъ проѣздомъ знакомый аббатъ, человѣкъ уже пожилой, и остался ночевать. Сидя за ужиномъ, онъ увидѣлъ кота, сталъ его разсматривать внимательно, и наконецъ говорить:

— Донъ Антоніо, вы этого кота берегите и молитесь за него почаще. Это несчастная христіанская душа. Это оборотень. Надо вамъ его отмолить изъ-подъ власти сатаны.

Антоніо уже зналъ по опыту, что чортъ творить иногда по этой части. Отмадывать душу кота онъ тотчасъ согласился съ удовольствіемъ—думая, что это не мулъ. Тутъ деньги не пропадутъ. Оказалось, что и это денегъ стоитъ.

— Вы дайте мнѣ на нѣсколько обѣденъ, реаловъ съ сотню, да бѣднымъ еще раздать столько же, чтобы молились, сказаль аббать.

Жаль было Антоніо изъ-за новаго оборотня, проклятаго женинаго кота, деньги тратить—да что жъ дѣлать—грѣхъ великъ оставить христіанина погибнуть.

Уѣхаль аббать съ деньгами, и Антоніо поѣхаль опять по дѣламъ въ городъ. Прошло три дня—и Антоніо сюрпризомъ женѣ пріѣзжаетъ домой на третій день, когда жена ждала его только на пятый.

Вошелъ онъ къ Хосефѣ, а она сидитъ и завтракаетъ съ молодымъ студентомъ. Не будь Антоніо увѣренъ въ своей женѣ, онъ просто ревновать бы сталъ при эдакомъ сюрпризѣ. Хосефа была очень смущена, краснѣла и блѣднѣла.

— Кто это такой? спрашиваетъ мужъ.

— Ахъ, Антоніо! говоритъ наконецъ Хосефа.—Бѣдный мой котеночекъ...

— Околѣлъ, что ли?

— Нѣтъ. Вотъ онъ! Правъ былъ аббать... И Хосефа показала на студента.

Антоніо только руками развелъ; да что жъ другое-то сдѣлать? Онъ къ тому же не зналъ, какая бѣда изъ-за кота этого произойдетъ.

А бѣда вышла та, что котъ сталъ студентомъ только по виду. Отмолили его душу только на половину, а не совсѣмъ. Говоритъ онъ, напимѣръ, не могъ, а мяукалъ. Работать не могъ, а все сидѣлъ въ уголкѣ и умывался ручкой или въ воротахъ на солнышкѣ грѣлъ себѣ спинку. Это все бы еще ничего, но студентъ этотъ, или котъ, ѣлъ за десятерыхъ. Положеніе Антоніо было пренеприятное. Содержать на свой счетъ эдакаго здоровяка накладно, а прогнать нельзя. Во-первыхъ, куда же пойдетъ бѣдный оборотень, котораго еще не совсѣмъ отмолили,—а во-вторыхъ, болтаясь безъ крова и пристанища, онъ опять можетъ подпасть подъ власть дьявола. Грѣхъ! Нечего дѣлать, взялась Хосефа отмаливать несчастнаго совсѣмъ, поселила его въ отдѣльной горницѣ, поила, кормила и всячески ухаживала за нимъ. Истинно по-христіански!

Наконецъ, однажды Антоніо надоѣло содержать нахлѣбника—и онъ объявилъ, что пускай оборотень или уходитъ, или опять обращается въ кота. Будучи котомъ, онъ гораздо мень-

ше Ёль, да и жена меньше занималась имъ и больше заботилась объ хозяйствѣ.

Оборотень ушелъ, но чрезъ день опять пришелъ, и началъ эдакъ таскаться въ домъ къ Хосефѣ изо дня въ день, потихоньку отъ мужа.

Уѣхаль разъ Антоніо по дѣламъ, пріѣхаль домой и нашель оборотня у себя въ кровати: тотъ, видите ли, покушавъ, легъ отдохнуть.

Антоніо взялъ половую щетку и ею разбудиль оборотня, а разбудивши, сталъ его приводить ею въ себя и ею же чуть его не лишилъ пяти чувствъ; такъ ужъ старательно распорядился онъ, хлопая по оборотню.

Оборотень взбѣлился, да и Хосефа тоже къ удивленію Антоніо расплакалась и стала заслонять своего прежняго любимаго кота.

Оборотень выскочилъ изъ дому и погрозилъ Антоніо, что онъ ему отомститъ тѣмъ, что продастъ опять душу дьяволу съ условіемъ обратитъ въ кошку и самую Хосефу.

И что жъ? Не прошло недѣли, поѣхаль Антоніо по дѣламъ въ городъ, пріѣхаль домой, а жены нѣтъ нигдѣ. А на порогѣ сидитъ тотъ же котъ и уже новая—имъ еще невиданная кошка.

Съ ума, было, сошелъ бѣдный Антоніо, понявъ, что эта кошка—Хосефа и есть.

Заѣхаль снова знакомый аббатъ, и подтвердилъ его мнѣніе, что кошка эта — ничто иное, какъ обернувшаяся Хосефа.

Что жъ было дѣлать? Кота Антоніо бросилъ со злости въ колодезь и взялъ на свою совѣсть загубленную душу, хотя и проданную дьяволу, а все-таки душу. Бѣдную Хосефу, т. е. кошку, Антоніо взялъ и сталъ за ней ухаживать, какъ, бывало, она ухаживала за проклятымъ котомъ-студентомъ.

Всѣ деньги, какія только зарабатываль Антоніо, шли аббату на молитвы, обѣдни и на раздачу милостыни, чтобы отмолить душу Хосефы.

Чрезъ годъ Антоніо запрыгаль однажды отъ радости и заплакалъ какъ младенецъ. Вернувшись домой съ поѣздки, онъ нашель дома свою настоящую Хосефу—уже въ видѣ супруги, а не въ видѣ кошки. Отмолили!

И какихъ только чудесъ не рассказала ему Хосефа! Она ничего не помнила и не знала за весь годъ, — она какъ бы

не видѣла всего того, что дѣлалъ для нея мужъ, пока она была кошкой.

Боясь какой новой бѣды, Антонио и Хосефа переѣхали жить въ Андалузію. Ни мужъ, ни жена не любили и вспоминать, не только рассказывать про этотъ случай съ ними.

III. Госпожа Смерть.

Авно тому назадъ проживалъ около Севильи, въ маленькой деревушкѣ, нѣкто Родриго Гомесъ, человѣкъ бѣдный отъ своей безпечности и лѣни. Работать онъ не хотѣлъ, въ торреросы ¹⁾ итти боялся, потому что въ тѣ времена на бояхъ быковъ бывало опаснѣе, чѣмъ теперь; въ монахи итти ему не хотѣлось—не весело все Богу молиться; въ солдаты итти пора прошла, да и тоже страшно—пожалуй воевать придется.

И такъ, жить Гомесу было нечѣмъ, а семья его все увеличивалась. Что ни годъ, новый сынъ у него рождался—и такъ дошло дѣло до 18-го. И всѣ-то 18 ѣсть просятъ.

Прослышалъ Родриго Гомесъ, что если онъ доложить королю, что у него полторы дюжины сыновей, одинъ краше другого, а ѣсть нечего,—то ему выдадутъ пенсію.

Собрался онъ ко двору въ столицу.

Кому незадача въ жизни, то все на свѣтѣ—и самое умное—кверху ногами выйдетъ.

Пришелъ Гомесъ въ столицу, велѣлъ объ себѣ доложить королю, что „такъ и такъ, молъ, у меня полторы дюжины сыновей, одинъ краше другого, а ѣсть нечего. Дайте пенсію“.

Король было обѣщалъ, но въ тотъ же самый день заболѣлъ молодой королевичъ (а у короля только и былъ одинъ един-

¹⁾ Торреро или матадорами называются на боѣ быковъ сражающіеся съ разъяреннымъ животнымъ одинъ на одинъ, пѣшіе бойцы, вооруженные шпагой, которой они обязаны нанести быку смертельный ударъ не иначе какъ спереди и напрямью черезъ наклоненные рога въ становую жилу.

ственный сынъ и наслѣдникъ престола); захвораль королевичъ объѣвшись фигъ, слегъ и умираеть совсѣмъ — и все въ столицѣ стало вверхъ дномъ; а вмѣстѣ съ другими важными дѣлами и обѣщанная пенсія пошла къ чорту. Созвали докторовъ со всей Испаніи, но доктора объявили, что ничѣмъ помочь нельзя и что королевичъ Богу душу отдасть чрезъ три дня.

Гомесь, видя, что королю и двору не до него, грустный собрался домой съ пустыми руками. Только и было у него въ рукахъ что колбаса да апельсинъ.

Выйдя за городъ, онъ съ горя сѣлъ на дорогѣ и собрался съѣсть свою провизію. Грустно ему стало.

— Вотъ, думаетъ, — королевичъ умираеть, а ему ли не жить. У меня вотъ полторы дюжины сыновей и ни одинъ, поди, не умреть. Хоть бы мнѣ ужъ самому умереть! Такъ нѣтъ—и за мной смерть, поди, не скоро придетъ.

Только успѣлъ Гомесь подумать это, какъ видитъ—подходить къ нему грязная и противная старуха-нищенка, какъ есть вѣдьма, и говоритъ:

— Кушать изволите, донъ-Родриго Гомесь?

— Да-съ! вамъ не угодно ли?

Извѣстно, что всякій благовоспитанный кавалеръ, когда ѣсть, долженъ поневолѣ предложить присутствующему раздѣлить съ нимъ хлѣбъ-соль; но извѣстно тоже, что всякій благовоспитанный кавалеро или дама должны отказаться, когда имъ предлагаютъ раздѣлить пищу.

Какова же была досада Гомеса, когда старая вѣдьма въ мгновение ока плюхнулась около него на траву и сказала:

— Ахъ, съ удовольствіемъ! Я уже давно не ѣла.

Взяла она колбасу, отрѣзала оба кончика, гдѣ торчали веревочки, для Гомеса, сама зацѣпила всю колбасу своими зубищами—и не успѣлъ Гомесь мигнуть, какъ старуха сожрала ее всю. Какъ бы и не бывало ее никогда.

— Ахъ, чортъ тебя побери! подумаль Гомесь.

— А это, говоритъ старуха,—что у васъ? Апельсинъ? Съ удовольствіемъ.

И, взявъ сама изъ рукъ Гомеса апельсинъ, старая вѣдьма, не обчищая его, угрызла съ кожей въ одну секунду.

— Нѣтъ, какова чертовка! подумаль Гомесь про себя: — Нужно мнѣ было тутъ располагаться ѣсть, на дорогѣ, гдѣ всякій чортъ таскается.

— А знаете, колбаса-то и апельсинъ превкусные! говорить старуха.—Я съ удовольствіемъ ихъ скушала.

— Оно и замѣтно, сердито сказала Гомесь.

— Нѣтъ ли у васъ еще чего съѣсть?

Гомесь на такое невѣжество, еще и невиданное въ Испаніи, ничего и отвѣчать не захотѣлъ, а всталъ и сказалъ:— Прощайте, сударыня.

— Погодите, донъ-Гомесь. Вы меня угостили — и я хочу отплатить вамъ добромъ. Хотите ли вы быть богаты?

Гомесь поглядѣлъ на старую вѣдму въ дырявомъ балахонѣ, босоногую, нечесаную, и понялъ, что отъ этой обжоры и хвастуны ничего путнаго не дождешься. Лучше уйти.

— А вы не спѣшите. Присядьте-ко.

Нечего дѣлать. Гомесь, какъ благовоспитанный кавалеро, сѣлъ опять и, глядя на животъ старухи, поневолѣ опять подумалъ:

— Эка обида—куда моя колбаса съ апельсиномъ пошли!

— Позвольте имѣть честь прежде всего вамъ представиться! сказала старуха, дѣлая ручкой.—Я сама госпожа Смерть — собственной, такъ сказать, своей персоной.

Гомеса такъ и отбросило отъ собесѣдницы.

— Вы, вѣроятно, слыхали обо мнѣ, хотя въ вашъ домъ давненько я уже не навѣдывалась.

Гомесь вскочилъ и хотѣлъ было удрать что было мочи, да вспомнилъ, что вѣдь отъ смерти не уйдешь, смерть вездѣ тебя найдетъ. Такъ чтожъ бѣгать? Да при томъ дѣла его были такъ плохи, что онъ самъ за полчаса предъ тѣмъ звалъ ее къ себѣ.

— Сударыня, если я васъ звалъ, тому назадъ минуто... Если вы потому явились, что я... Началъ заикаться Гомесь.— Я могу васъ увѣрить, что я пошутилъ. Я бы не посмѣлъ васъ беспокоить. У васъ столько дѣла на свѣтѣ, что такую важную и занятую особу я не рѣшился бы беспокоить.

— Сядьте, не бойтесь, донъ-Гомесь. Я пришла съ вами познакомиться, а не за вами. За вами я такъ невзначай не приду, а пошлю васъ предупредить о себѣ, когда наступитъ время.

— Не могу ли я, сударыня, узнать, когда и кого вы пришлете ко мнѣ, чтобы быть готовымъ васъ принять?

— Я пришлю кого-нибудь изъ моей прислуги, у меня ихъ нѣсколько сотенъ.

— Эко счастье! подумаль Гомесь.—А у насъ одна старая Хосефа, горничная, да и та хромая.

— Чаше всѣхъ я посылаю предупредить о своемъ прибытїи мою любимицу Холеру.

— Холеру?! Такъ вотъ у васъ какая прислуга-то! привско-чилъ Гомесь.

— Вы ее знаете?

— Нѣтъ, нѣтъ. Да и Христось съ ней! Упаси меня Матерь Божїя отъ нея!

— А то посылаю Подагру, Параличъ. Этихъ я посылаю задолго до своего прихода. Они ужъ очень медленны, лѣнивы, старые слуги; имъ лѣтъ по тысячѣ. А вотъ Холера — молоденькая; ей ста лѣтъ нѣтъ, такъ ее я посылаю предъ тѣмъ какъ итти самой. Кромѣ того, я ее посылаю ужъ заразъ предупредить нѣсколько человекъ. Знаете, чтобы не гонять по пусту. Есть у меня еще Чума. Это старуха тоже старая, хотъ и моложе много меня самой. Я ровесница Адаму. Съ Чумой мы ходимъ въ одно время, вмѣстѣ; куда она — п я сейчасъ за ней. Да много вообще у меня слугъ. Есть молоденькїй мальчикъ, славный такой, — Тифомъ звать. Много надеждъ подаетъ.

Гомесь, разумѣется, ротъ разинулъ, слушая госпожу Смерть, и все думаль только, какъ бы отъ нея удрать поскорѣе.

— Ну-съ, донъ-Гомесь, такъ хотите вы разбогатѣть?

— Еще бы не хотѣть! Да вы-то тутъ, извините, при чемъ же?

— Ну, слушайте. Идите вы въ доктора.

— Какъ-съ?

— Объявите себя докторомъ и начните лѣчить.

— Помилуйте, я по-латыни ни бельмеса не знаю.

— Это не нужно совсѣмъ.

— Я ни писать, ни читать не училъ, потому что у меня въ молодости палець все болѣлъ, да одинъ глазъ косилъ! совралъ Гомесь.

— И это не нужно. Слушайте. Объявитесь докторомъ и начните лѣчить, вотъ хотъ съ королевича. Тамъ теперъ у меня Холера сидитъ, я къ ней туда собираюсь сейчасъ, только не за королевичемъ, а за другими. Слушайте уговоръ. Когда васъ позовутъ къ больному, то смотрите: сижу я около него или нѣтъ. Коли я сижу, уходите, говоря, что дѣлать нечего, больной умираетъ. Если меня нѣтъ, то какъ

плохъ больной ни будь — давайте лѣкарство и беритесь вы-
лѣчить.

Гомесъ даже обидѣлся.

— Какія же лѣкарства я буду давать, когда я, милостивая
государыня, говорю вамъ, что я по-латыни не знаю ни слова!

— Ахъ, Создатель мой! Вотъ оловянная-то башка!... вос-
кликнула смерть въ нетерпѣніи.—Да воды-то въ рѣкѣ развѣ
мало? Не всю же ее доктора вычерпали, чтобъ людей-то мо-
рочить. Охъ, ужъ эти мнѣ доктора! То ли дѣло было, когда
люди медицину еще не выдумали. Бывало пошлешь кого изъ
прислуги предупредить человѣка, потомъ придешь сама — и
въ одну минутку дѣло обдѣлаешь. А теперь хлопочи да воз-
зись отъ этихъ проклятыхъ докторовъ, да время теряй. Вѣдь
ужъ когда я къ кому приду, то какъ ты тутъ ни вертись, а
не отвертись отъ меня—только возня! А когда я за кѣмъ
не пришла, а только кого изъ прислуги послала напомнить
о себѣ, что есть, дескать, на свѣтѣ смерть,—тогда эти про-
клятые доктора только мою прислугу задерживаютъ зря и че-
ловѣка зря мучаютъ... Ну, однако, довольно. Я заболталась.
И такъ, донъ-Родриго Гомесъ, господинъ докторъ, желаю вамъ
быть здоровымъ и разбогатѣть. До свиданья.

— Охъ, лучше бы до не-свиданія, сударыня! Хоть я и
очень вамъ благодаренъ за совѣтъ и за открытіе мнѣ тайн-
ства медицины—а все-таки я бы не желалъ, чтобы вы ко мнѣ
пожаловали когда-либо.

— Я васъ предупредить пожалуй не стану, чтобъ не пугать,
а приду за вами вдругъ во время свадьбы вашего сына.
Прощайте.

— Котораго? закричалъ что было мочи Гомесъ.

Но Смерть пропала—и слѣдъ простылъ.

— Ахъ чертовка эдакая, подумалъ Гомесъ.—Вѣдь у меня
сыновей полторы дюжины. На свадьбѣ сына? Да котораго же?
Вотъ одолжила-то! Ужъ лучше бы держала языкъ за зубами,
старая шатунья!

Прийдя въ себя отъ всего случившагося, Гомесъ рѣшилъ
немедленно приняться за дѣло. Онъ вернулся въ столицу.

Всюду только и было говору, что про больного королевича,
кончину котораго ожидали съ часу на часъ. Кромѣ того, въ
городѣ было много больныхъ, нѣкоторые уже умерли въ нѣ-
сколько часовъ. Говорили, что это новая чума посѣтила го-
родъ. Гомесъ пошелъ прямо во дворецъ и велѣлъ доложить.

королю, что онъ докторъ и возьмется вылѣчить королевича. Извѣстiе это поставило во дворецъ, да и въ народъ, все вверхъ дномъ... т. е. лучше сказать, поставило все внизъ дномъ, такъ какъ всѣ придворные ходили уже какъ потерянные, а теперь обрадовались и успокоились — и дѣло пошло своимъ порядкомъ.

Гомеса встрѣтилъ самъ король и обѣщалъ ему за спасенье сына половицу своего королевства и титулъ маркиза Касторкина. Гомесъ вошелъ въ опочивальню королевича и нашелъ тамъ полсотни докторовъ—старыхъ и молодыхъ. Вся комната была завалена лѣкарствами, и смрадъ отъ нихъ шелъ такой, что Гомесъ чуть не задохнулся. Королевичъ лежалъ безъ чувствъ, потому что изъ него доктора выпустили ужъ третье ведро крови и собирались выпустить еще три. Доктора такъ и окрысились на новаго доктора Гомеса, а одинъ такъ даже его ловко укусилъ сзади за локоть.

— Ну что жь, — вылѣчишь мнѣ сына? спрашиваетъ король, а самъ чуть не плачетъ.

Гомесъ оглядѣлъ комнату, видитъ—дѣйствительно его новой знакомой, т. е. Смерти, нѣтъ нигдѣ.

— Вылѣчу, ваше королевское величество. Это, дѣйствительно, трудная болѣзнь — и кромѣ меня вылѣчить никто не можетъ.

— Ну, донъ Гомесъ, слушай: вылѣчишь — отдамъ тебѣ полъ-королевства и будешь ты герцогъ Касторкинъ. Не вылѣчишь—я тебя казнить велю на площади. Согласенъ?

Гомесъ опять оглядѣлъ горницу, чтобы не ошибиться—боялся онъ на первыхъ порахъ — но, не найдя положительно нигдѣ Смерти, храбро и важно отвѣчалъ, что не пройдетъ трехъ дней, какъ онъ вылѣчитъ королевича. Доктора совсѣмъ остервенились на Гомеса и одни стали надъ нимъ насмѣхаться, ругаться, другіе начали даже драться. Гомесъ прежде всего велѣлъ выкинуть въ окошко всѣ лѣкарства и принести сто ушатовъ воды. Кромѣ того приказалъ подать бутылку самой лучшей малаги, да бутылку перваго сорта лиссабонскаго, потомъ полъ-теленка жаренаго съ каштанами и дюжину анельсиновъ. Все это онъ велѣлъ себѣ подать въ отдѣльную комнату и никому туда не входить.

Докторовъ онъ велѣлъ разогнать палками и не пускать во дворецъ. А за женой своей и за дѣтьми выпросилъ у короля послать золотую карету, чтобы привезти ихъ въ столицу.

Безъ нихъ ему, видите ли, стало скучно, а ходить пѣшкомъ они, видите ли, не привыкли.

Король былъ какъ мальчишъ на побѣгушкахъ у Гомеса. Все общалъ, только сына вылъчи.

Вышелъ Гомесъ въ отдѣльную горницу, гдѣ было все приготовлено, заперся и сталъ будто составлять лѣкарство. Во всякомъ случаѣ, жареная телятина съ каштанами, апельсины, малага и лиссабонское—сами составились вмѣстѣ въ желудкѣ Гомеса.

Плотно поѣвъ и выпивъ, Гомесъ, радостный, вышелъ къ больному и вынесъ миску съ водой, въ которую подлил рюмочку малаги. На счетъ ста ушатовъ воды онъ распорядился, чтобы ихъ по одному и по два держали придворные у окошекъ—и каждый разъ, что ко дворцу сунется кто-либо изъ докторовъ—то воду выливать имъ на голову.

Вошелъ Гомесъ въ опочивальню королевича, далъ ему лѣкарство свое и, сѣвъ на кровать, началъ хвастать. Откуда что у него бралось съ сыта. И султана-то турецкаго онъ спасъ отъ смерти, и убитаго полководца французскаго воскресилъ. И всякую другую дичь понесъ новый докторъ.

Въ опочивальнѣ были только король, королева да королевичъ. Вдругъ, смотритъ Гомесъ, отворяется дверь и входитъ... кто жъ бы такой? Да сама она—госпожа Смерть... Вошла да и сѣла съ ними въ кружокъ. У Гомеса языкъ прилипъ къ нѣбу, да такъ и остался. Хотѣлъ онъ было крикнуть:

— Батюшки свѣты! Надула!... но и этого языкъ его не былъ въ состояннн выговорить.

Король и королева не могли видѣть неожиданную гостью. Могъ видѣть ее одинъ Гомесъ—и поэтому они не могли себѣ объяснить, что сдѣлалось вдругъ съ докторомъ.

— Ахъ, анаеема! закричалъ, наконецъ Гомесъ, забывая всякое приличіе.—За что же ты меня, анаеема, погубила? Не лѣзь я въ доктора—не быть бы мнѣ и казнену!

Король выпучилъ глаза на Гомеса—и смекнувъ, что докторъ, можетъ быть, съ ума спятилъ, отскочилъ отъ постели сына въ уголь; королева прыгнула въ другой уголь... А Смерть будто тоже испугалась, тоже отскочила, да за королемъ. И стоитъ около него—глазомъ не моргнетъ, проклятая; будто не ея дѣло.

Гомесъ поглядѣлъ-поглядѣлъ, да и треснулъ себя по лбу.

— Вотъ оно что! Эка я тетера! сообразилъ онъ про себя.—

Ну, хорошо! Спасибо Смерти. Сразу прославлюсь. Вишь штука-то какая!..

Видя, что докторъ успокоился, король и королева опять подѣли къ сыну, а Смерть опять за королемъ—и еще ближе, чуть не на спинѣ у него сидить.

— Ваше королевское величество! заговорилъ Гомесь важно.—Вамъ бы лечь въ постель. Вы нездоровы.

— Что ты! Христось съ тобой! говорить король.—Типунъ тебѣ на языкъ.

— Сухо дерево! Тьфу, тьфу, тьфу!... три раза плюнула королева.—Ляжетъ король въ постель, некому править королевствомъ.

— Ей Богу, лягте, ваше величество! повторяетъ Гомесь.— Вы очень даже опасно больны. Королевичъ будетъ здоровъ чрезъ три дня, а вы чрезъ три дня, а то и прежде того... капутъ можете быть.

Король разсердился — и забывъ, что Гомесь хочетъ вылѣчить его сына, постращаль его острогомъ; но этотъ не унялся.

— Соберите придворныхъ! важно скомандоваль Гомесь.— Сзовите верховный совѣтъ, сенать и все войско. Всѣхъ зовите на площадь выслушать то, что я имъ объявлю. Народъ гоните въ шею. Это не его дѣло въ государственные дѣла мѣшаться.

Нечего дѣлать, собрали совѣтъ, сенать и войско на площадь, народъ по шеямъ разогнали и наострили уши слушать, что скажетъ новый докторъ королевскій.

Гомесь объявилъ коротко и ясно, что чрезъ три дня королевичъ будетъ здоровъ и будетъ королемъ, потому что настоящій король боленъ, вылѣчить его нельзя и онъ чрезъ три дня будетъ уже на томъ свѣтѣ въ качествѣ ужъ не короля, а простой души.

— Если же этого не будетъ и я все вру, то на этомъ же мѣстѣ меня казните.

Какъ Гомесь сказалъ, такъ и случилось. Королевичъ выздоровѣль, а король, котораго сенать насильно уложилъ въ постель и далъ лѣчить 50-ти докторамъ—Гомесь, разумѣется, отказался, а тѣ взялись—король отправился на тотъ свѣтъ.

За то въ этотъ день Гомесь и возрадовался несказанно и озлился неопишимо. Возрадовался Гомесь потому, что слава о немъ дошла уже до Французскаго короля и тотъ прислалъ

за нимъ пословъ приглашать его къ себѣ. А озлился Гомесъ потому, что при его напоминаніи объ обѣщанной ему покойнымъ королемъ наградѣ, т. е. половинѣ королевства—королевичъ отвѣчалъ:

— Не хочешь ли вотъ этого! и показалъ Гомесу шипъ.

Гомесъ сослался на королеву, какъ на свидѣтельницу. Королева отвѣчала, что ея изба съ краю—ничего не знаю! Что жъ было дѣлать? Позлился Гомесъ и согласился взять мѣшокъ золота. И за то спасибо. Кромѣ того, онъ началъ уже величаться маркизомъ Касторкинымъ.

Во Францію онъ не захотѣлъ ѣхать.

Гомесъ зажилъ въ столицѣ, сталъ лѣчить и скоро прославился на весь мѣръ. Не было случая, чтобы онъ не вылѣчилъ, когда брался за дѣло, и не было случая, чтобы остался живъ больной, отъ котораго онъ отказывался.

Гомесъ сталъ страшнымъ богачемъ и жилъ въ домѣ, который былъ не хуже дворца, и ѣздилъ въ золоченыхъ каретахъ. Только одна была у него забота. Онъ строго на-стро-го приказалъ своимъ 18-ти сыновьямъ не смѣть и думать объ женитьбѣ. Когда кто изъ нихъ приходилъ просить позволенія жениться, то Гомесъ приходилъ въ такую ярость, что грозился убить родного сына, прежде чѣмъ дозволить ему эдакое безобразіе. Жена, сыновья и всѣ друзья не могли объяснить себѣ этой нелѣпости и говорили, что какъ у всякаго барона своя фантазія, такъ у всякаго великаго человѣка свой пунктикъ. А Гомесъ, конечно, считался великимъ человѣкомъ во всемъ королевствѣ.

И такъ, маркизъ Касторкинъ жилъ-поживалъ въ свое удовольствие и нажилъ горы золота. Но вмѣстѣ съ деньгами и почетомъ голова у Гомеса пошла кругомъ. Хвастунъ и вралъ онъ сталъ уже давно, но съ каждымъ годомъ все увеличивалась его самонадѣянность.

Всѣ вѣрили, что онъ великій медикъ, какихъ и не бывало еще на свѣтѣ... Скоро и самъ Гомесъ повѣрилъ въ это. Хоть и оглядывалъ онъ тщательно горницу, прежде чѣмъ взяться лѣчить больного, и не брался никого вылѣчить, если госпожа Смерть была на лицо—но, однако, онъ лѣчилъ уже не попржнему. Сталъ онъ водить знакомство съ другими докторами—и хотя обращался съ ними величественно и достойно, но сталъ кой-чему у нихъ и учиться. Прежде, бывало, возьметъ онъ воды простой, наболтаетъ въ нее сахару

или соку апельсиннаго, или вина — и готово лѣкарство! И живъ больной! А теперь, вообразивъ себя и впрямь ученымъ, сталъ онъ, по примѣру другихъ, травы собирать цѣлебныя и настоящія лѣкарства стряпать.

Придетъ онъ къ больному. Смерти въ горницѣ нѣтъ, — взять бы воды! И прекрасное бы дѣло! Такъ нѣтъ! Гомесъ давай бурду сочинять, травы разныя варить и больного ими накачивать. А то начнетъ, съ важнымъ видомъ, кровь пускать изъ больного. Все другіе доктора да своя глупость — смущали.

Бѣдныхъ онъ еще лѣчилъ водой изъ рѣчки, но чѣмъ важнѣе былъ больной, тѣмъ пуще Гомесъ мудрилъ.

Лѣчилъ онъ разъ одного сенатора, такъ цѣлый возъ сѣна сварилъ въ котлѣ и все это выпить его заставилъ. Спасибо, сенаторъ попался здоровенный, да съ большимъ животомъ. Было куда вливать.

Долго ли, коротко ли лѣчилъ такъ и мудрилъ Гомесъ, а пришло время — и страслась на него изъ-за этого мудрствованія лихая бѣда.

Вздумай прихворнуть на грѣхъ королева — и чѣмъ-то совсѣмъ не смертельнымъ. Разумѣется, сейчасъ послали за Гомесомъ. Этотъ былъ не злопамятенъ — и хоть новый король, вступивъ на престолъ и надулъ его, не сдержавъ обѣщаніе отца, — но Гомесъ потомъ утѣшился титуломъ маркиза Касторкина и своимъ золотомъ, что загребалъ чуть не лопатами.

Явился Гомесъ во дворецъ. Король его встрѣтилъ, какъ прежде встрѣчалъ Гомеса его отецъ, покойный король.

— Ну, Гомесъ, голубчикъ, мамаша моя захворала. Всѣ доктора говорятъ, что это пустяки, и лѣзутъ ее лѣчить, именно потому, что болѣзнь пустая, но я ужъ по старой памяти за тобой послалъ.

Гомесъ вошелъ въ горницу. Смерти, конечно, нѣту! Да она и быть не могла, потому что королева, по правдѣ сказать, съ жиру баловалась; захотѣлось ей поваляться да поохать. А болѣзнь у нея совсѣмъ никакой нѣтъ. Здоровехонька, голубушка.

Доктора это пронюхали — оттого особенно и лѣзли лѣчить. Гомесъ поглядѣлъ больную и тоже видитъ: — здоровехонька королева, а такъ, блажить!

Потому ли, что хотѣлось Гомесу поспорить съ докторами,

или хотѣлось важности напустить на себя, или, можетъ такъ, зря, но только Гомесъ заартачился... И говоритъ онъ королю:

— Доктора всѣ врутъ! Ваша мамаша при смерти.

— Что ты? ахнулъ король. Онъ помнилъ, какъ Гомесъ насильно уложилъ въ постель его отца, еще здороваго, и какъ тотъ дѣйствительно чрезъ три дня умеръ.

— Очень даже ваша мамаша плоха! все повторяетъ Гомесъ.—Совсѣмъ дрянъ дѣло!

Королева хоть и была здоровехонька, а услышавъ эти слова великаго доктора, такъ и привскочила на постели. Она тоже помнила случай съ покойнымъ мужемъ и предсказанье Гомеса. Здорова-здоровая была королева, а и ее морозъ по кожѣ пробралъ.

— И на кой прахъ я ложила въ постель! подумала она. Только болѣзнь себѣ накликала. Что жъ у меня такое? спрашиваетъ королева Гомеса.

— Какая-же болѣзнь у мамы? спрашиваетъ и король.

— Холера! говоритъ Гомесъ.

— Что ты, Христось съ тобой! говоритъ королева.—Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ ужъ это-то... такъ, ей-Богу, нѣтъ!

— Я вамъ говорю: холера! чуть не кричитъ Гомесъ.—Будете вы со мной еще спорить! Что вы въ медицинѣ смыслите?!

— Помилуй, Гомесъ! возражаетъ королева. — Не въ обиду будь тебѣ сказано, ты не можешь судить.

— Кому же судить, коли не мнѣ?

— Да вѣдь мнѣ-то ближе знать, все противорѣчить королева.—Не вѣришь—спроси моихъ фрейлинъ и дамъ. Не то что холера у меня, а даже я тебѣ скажу—совсѣмъ напротивъ того...

Сообразилъ Гомесъ, что совралъ, и говоритъ:

— Да вы, ваше королевское величество, ничего въ медицинѣ не понимаете. У васъ холера въ головѣ.

— Какъ въ головѣ?! воскликнули вмѣстѣ и королева и король, одурѣвъ отъ испуга.

— Какъ? Такъ! говоритъ Гомесъ.—Вотъ тутъ, въ головѣ сидитъ.

Королева струхнула не на шутку; ей даже жарко вдругъ стало и потомъ въ холодъ бросило, такъ что она тутъ же ослабла и поблѣднѣла.

— Видите, говоритъ Гомесъ.—Начинается...

— Батюшки, свѣты! завyla королева.—И на кой прахъ

я здоровая въ постель ложилась. Холеру въ головѣ належала только.

— Вонъ, вонъ оно! говорить Гомесъ королю.—Начинается!.. Слышите, увѣряетъ мамаша теперъ, что здоровая легла. Начинается.

— Берешься ли ты вылѣчить? спрашиваетъ король.

— Разумѣется, берусь и вылѣчу. Не вылѣчу, вы меня казнить прикажите... Вотъ что!

— Всѣ наши доктора берутся вылѣчить, говорятъ, что это пустяки, да ужъ я по старой памяти...

— Знаю, слышалъ ужъ! Вы не повторяйте по два раза то же самое. Казните меня на площади, коли не вылѣчу. Сейчасъ пойду домой за лѣкарствомъ и черезъ три дня вылѣчу.

Гомесъ отправился домой. Во всей столицѣ и во всей Испаніи пошелъ говоръ о томъ, что у королевы холера, да еще въ головѣ, и что Гомесъ—не даромъ великій медикъ—и изъ головы взялъ выгнать холеру.

Гомесъ между тѣмъ дома сталъ стряпать лѣкарство. Взялъ котель, наклалъ туда всякой травы, потомъ въ разныхъ овощныхъ лавочкахъ накупилъ всякой дряни. И что не принесли, все валить въ котель. Валить, варить да мѣшаетъ, мѣшаетъ, валить да варить. Человѣкъ до ста набралось глядѣть на его стряпню и только ахають его учености. И крапивы-то онъ наклалъ, и репейнику навалилъ, и сальныхъ свѣчъ фунтъ положилъ, и орѣховъ подсыпалъ, и ворону жареную нарѣзалъ и туда жъ бултыхнулъ.

Пришелъ какой-то докторъ къ нему, тоже удивляется и ахаеть.

— Донъ Гомесъ, говорить онъ вдругъ,—а про царя всѣхъ порошковъ вы забыли!

— Какой такой царь порошковъ?

— А персидскій-то! Или, думаете, не надо?!

— Надо! Надо! говорить Гомесъ. — Добѣгите, принесите. Тотъ живо сбѣгалъ и принесъ цѣлый пудъ.

Гомесъ взялъ и туда же вывалилъ.

— Вотъ такъ лѣкарство! похваляется предъ народомъ Гомесъ.—Стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такого лѣкарства не составитъ никто.

— Да вѣдь и болѣзнь тоже такая, что стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а холеру въ головѣ ни у кого не приключится!

говорить народъ. (А извѣстно, что гласъ народа—гласъ Божій).

Сварилъ Гомесъ лѣкарство, розлилъ на бутылки, взялъ дюжину съ собой и поѣхалъ во дворецъ. Смотритъ онъ, королева лежитъ на постели—еще блѣднѣй и слабѣй.

— Гомесъ, говоритъ она.—Холера у меня изъ головы, видно, ушла.

— А что?

— Да такъ. Она уже теперь не въ головѣ.

— Ну, все равно. На-те-ка вотъ...

Гомесъ налилъ лѣкарства и сразу заставилъ королеву выпить цѣлую бутылку. Не прошло получасу, королева начала кричать... Да не кричать, а выть благимъ матомъ.

Весь городъ собрался на площадь; спрашиваютъ всѣ, что-моль не рѣжутъ ли королеву, чтобы холеру изъ нея выпустить.

— Ничего, говоритъ Гомесъ.—Выпейте-ка еще бутылочку.

Выпила королева еще бутылочку. На минуту ее какъ будто одурманило и будто полегче стало... Да вдругъ какъ хватить опять... „Батюшки свѣты! Еще хуже!“ Такъ все у нея вотъ и подтягиваетъ.

— Что это? воетъ королева. — Что это такое? Смотрите-ка! Смотрите! показывается она на небо. — Никакъ это овчинка?

— Нѣтъ, мамаша, успокаиваетъ ее король.—Это наше небо испанское! Оно вамъ теперь съ овчинку кажется. Это всегда отъ боли такъ бываетъ.

Королева скоро начала кувыркомъ кувыраться. Держутъ ее двое, а ничего сдѣлать не могутъ.

— Ничего! говоритъ Гомесъ.—Это изъ нея холера выходитъ. Ужъ очень крѣпко засѣла. Нуте-ка, ваше величество, еще бутылочку.

Хотѣлъ было Гомесъ поднести больной еще своего лѣкарства, сталъ наливать, да вдругъ остановился, бросилъ бутылку... да и заоралъ самъ, какъ шальной. Да такъ заоралъ, что всѣ со страху, даже сама королева, одервенѣли на мѣстѣ.

— Что вы? Что вы? спрашиваютъ всѣ.

А Гомесъ трясется, какъ осиновый листъ, глядя на кровать королевы, да и шепчетъ:

— Да, вѣдь, васъ же не было... Вѣрно говорю, не было...

Развѣ я бы посмѣлъ послушаться? За что жъ вы меня губите-то? А? За что? У меня семья. 18-ть сыновей сиротами останутся.

Всѣ такъ и обмерли. Спятилъ Гомесъ самъ.

Должно быть, Холера изъ королевинной головы къ нему въ голову перелѣзла. Но Гомесъ не спятилъ. Гомесъ увидалъ на кровати королевы—саму госпожу Смерть.

— Уйдите! Ради Создателя, уйдите! шепчетъ все Гомесъ.

Но Смерть сидитъ около королевы и глазомъ не моргнетъ.

Всѣ обступили Гомеса, справляются объ его здоровьѣ. А королева-то заливаается еще пуще, совсѣмъ ужъ оспшла и голосу не хватаетъ.

Спохватился Гомесъ—и сказавъ, что пойдетъ за новыми лѣкарствами, вышелъ изъ дворца, припустился что есть духу въ поле. Пробѣжавъ десять версть безъ оглядки, сѣлъ онъ отдохнуть.

— Ахъ, проклятая Смерть! Каково надула? А? Что теперь дѣлать? Къ французскому королю бѣжать. Здѣсь поймають, казнятъ на площади.

И Гомесъ горько заплакалъ.

— Здравствуйте, донъ Родриго Гомесъ, маркизь Касторкинъ! вдругъ слышитъ онъ за собой.

Обернулся Гомесъ какъ ужаленный, думаетъ, что вѣрно полиція,—но нѣтъ... Стоитъ передъ нимъ она же самая госпожа Смерть.

— Что вы со мной надѣлали, сударыня? за что вы меня надули? Это съ вашей стороны подлость, сударыня. Я не думалъ, чтобы такая почтенная дама, какъ вы...

— Оловянная ты башка, Гомесъ! отвѣчаетъ Смерть.—Вѣдь я не всегда по собственной волѣ прихожу за людьми. Иной разъ и сами люди заставляютъ прийти. За какимъ ты дьяволомъ—прости Господи—лѣкарство-то это сочинялъ? Зазнался ты—возгордился, вотъ и пропалъ. А лѣчи ты водой изъ рѣчки, то и по сю пору былъ бы счастливъ.

— Что жъ теперь-то дѣлать? Королеву-то вы покинули... Стало быть, есть надежда.

— Королева ужъ по твоей милости въ гробу и на столѣ лежитъ смирихонько. Мнѣ тамъ больше и дѣлать нечего. А за тобой сто жандармовъ послано, поймать и привести, чтобы казнить. Стало быть, какъ тебя поймають, такъ я къ тебѣ и приду.

— Помилосердуйте! Вы же сказали, что придете за мной на свадьбу моего сына. А они у меня ни один не женаты.

— Вотъ то-то и бѣда, Гомесь! Какъ только королева умерла, а про тебя сказали, что ты бѣжалъ,—такъ король приказалъ тебя разыскивать, чтобы казнить, а сыновьямъ твоимъ велѣлъ поровну раздѣлить все твое богатство, сейчасъ же выбирать себѣ невѣсть и жениться. А за нихъ всякая пойдетъ. Не пройдетъ трехъ дней, они всѣ будутъ вѣнчаться и пировать... Да вотъ гляди и жандармы скачутъ... прибавила Смерть:—до свиданія!

Черезъ часъ Гомесь былъ уже въ тюрьмѣ, а на площади устраивали помость, чтобы его казнить. Въ вечеру пришли ему сказать, что у него на дому пиръ горой. Всѣ 18-ть сыновей жениться собрались и пируютъ. Даже самъ король на пиръ поѣхалъ.

По утру ранехонько въ казематъ къ Гомесу постучали:

— Войдите! простоналъ бѣдный Гомесь.

Вошла госпожа Смерть и сѣла. Гомесь было жаловаться, просить... но Смерть сидитъ и глазомъ не моргнетъ, будто не ея и дѣло. Пришли палачи, раздѣли Гомеса, опять одѣли. Причесали, наподадили. Потомъ подали завтракать, поѣлъ бѣдный Гомесь. Завтракъ былъ превосходный. Не сиди тутъ Смерть, такъ просто и не подумалъ бы онъ, что его казнить собираются. Потомъ Гомеса спросилъ палачъ: не хочетъ ли онъ сигару. Дали и сигару. Курить Гомесь, а Смерть сидитъ молчать. Затѣмъ пришелъ толстый сенаторъ, котораго Гомесь когда-то лѣчилъ и спросилъ его отъ имени короля, какое будетъ его послѣднее желаніе.

— Король поклялся жизнью его свято исполнить, сказалъ сенаторъ.

— Скажите королю, надумался Гомесь,—что мое послѣднее желаніе, чтобы мои сыновья раздѣлили себѣ мое богатство, но чтобы ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ никогда жениться.

— Хорошо. Я доложу королю.

Сенаторъ ушелъ, а Гомесь приободрился и говоритъ Смерти:

— Вотъ я васъ и поставлю въ тупикъ!..

А Смерть будто не слышитъ, сидитъ молчать и глазомъ не моргнетъ.

Вернулся сенаторъ и говоритъ:

— Король не можетъ исполнить вашей просьбы. Вашъ старшій сынъ уже повѣнчался и изъ церкви домой поѣхалъ,

остальные шестнадцать вѣнчаются, а послѣдній восемнадцатый въ церковь поѣхалъ. Какое же другое желаніе прикажете передать королю? Онъ далъ клятву исполнить.

Гомесь думалъ, думалъ и придумалъ:

— Мое послѣднее желаніе такое, чтобы король присутствовалъ на моей казни! сказала Гомесь.

— Онъ и такъ непременно желаетъ присутствовать—ради развлечения, отвѣчалъ сенаторъ.

— Да. Но это не все... Мое желаніе заключается въ томъ, что когда меня будутъ казнить, король пускай думаетъ объ чемъ пожелаетъ, но никакъ бы не думалъ обо мнѣ, Гомесь, маркизъ Касторкинъ.

— Хорошо. Я передамъ королю.

Сенаторъ ушелъ.

— Что-то будетъ... думаетъ Гомесь.—Король поклялся своею жизнью. Клятва страшная. А что стоя предо мной, когда меня будутъ казнить, мудрено ему будетъ обо мнѣ не думать.

Гомесь сталъ было надѣяться, что его спасетъ эта выдумка. Только одно его смущало. Смерть сидитъ около него, молчитъ и не моргнетъ глазомъ, проклятая.

Вернулся опять сенаторъ и объявилъ Гомесу, что король, давши клятву исполнить послѣднее желаніе Гомеса, согласился и на это. А что казнь назначена черезъ часъ.

Дѣйствительно, черезъ часъ Гомеса вывели на площадь и взвели на помость. Народу набралось какъ всегда тьма тьмущая, давка была такая, что Смерть, не отходявшая прежде ни на шагъ отъ Гомеса, два раза бѣгала въ толпу за двумя старухами, которыхъ придавили въ толгѣ.

— Батюшки! Смерть! Задавили! кричали эти старухи. И дѣйствительно Смерть живо за ними сходила и назадъ вернулась.

Король вышелъ изъ дворца со свитой своей, и всѣ сѣли противъ помоста.

Палачъ объявилъ народу, что такъ какъ Гомесь, маркизъ Касторкинъ, взялся вылѣчить покойную королеву, а вмѣсто того ее уходилъ, что доказано показаніями другихъ докторовъ, то его по уговору и по закону будутъ казнить; но такъ какъ онъ когда-то спасъ отъ смерти нынѣшняго короля, когда еще онъ былъ королевичемъ, то король ему за пять минутъ до казни жалуетъ титулъ герцога Медицина-Сола.

И такъ, почтеннѣйшая публика, кончилъ палачъ,—донъ Родриго маркизь Касторкинъ уже скончался, такъ сказать, умеръ политически или метрически, вѣлнїемъ короля; а предъ вами—вновь пожалованный герцогъ, которому я сейчасъ и отрублю глупую голову. И такъ, знайте всѣ, думайте и молитесь за душу герцога Медицина-Сола-отца, такъ какъ сыновья его тоже наследуютъ этотъ титулъ. Его Величество король, глядя на казнь, будетъ вмѣстѣ съ вами думать и молиться за душу спроваживаемаго мною на тотъ свѣтъ герцога Медицина-Сола.

— Надули, мошенники! были послѣднїя слова Гомеса, такъ какъ его тотчасъ поставили на колѣни, и палачъ отрубилъ ему голову. Говорятъ, что голова его отскочила къ королю и показала ему языкъ. Говорятъ, что король, въ отвѣтъ, приказалъ—шишъ. Говорятъ, что 18-ть сыновей Гомеса, всѣ герцоги Медицина-Сола, имѣли много сыновей и сдѣлались родоначальниками знатнаго и богатаго испанскаго рода грандовъ. Старшїй же изъ нихъ основалъ даже въ Испанїи городъ, носившїй его имя, т. е. Медицина-Сола. Говорятъ, что этотъ городъ и этотъ знатный родъ герцоговъ и грандовъ существуетъ и теперь,—что будто это ничто иное, какъ городъ и родъ Медина-Сѣли ¹⁾, преобразившїйся въ устахъ народа изъ Медицина-Сола. Но это пускай говорятъ. Это вздоръ!

Ну, а съ госпожею Смертью что жъ случилось?

Госпожа Смерть гуляетъ и теперь по бѣлу свѣту. Говорятъ, что ей теперь еще чаще приходится по неволѣ итти иной разъ къ больному. Какъ захвораетъ кто и лежитъ одинъ, тужится да охаетъ,—Смерть не беспокоится; а какъ только больной, покричавъ да поохавъ, пошлетъ за докторомъ, такъ ужъ Смерть сидитъ на чеку.—Это тоже пускай говорятъ. А правда ли это—неизвѣстно!..

Доктора говорятъ, что это положительно вздоръ.

¹⁾ Medina Celi, городъ въ старой Кастиліи.

IV. Дубинка дяди Хозара.

Жилъ поживалъ давно тому назадъ одинъ веселый человекъ, маленькій, да толстый, по имени дядя Хозаръ. Онъ былъ очень богатъ, но у него было только три любимыя занятія: ѣсть, пить и спать. Никто не могъ съѣсть больше, выпить скорѣе и спать крѣпче.

И дядя Хозаръ такъ усердно занимался этими тремя занятіями, что скоро съ женой и съ дѣтьми очутился безъ еди-наго гроша. Единственно, что осталось въ его распоряженіи— это 365 дней въ году, но ѣсть было уже нечего. Дѣти кричали и плакали, прося хлѣба, а жена начала драться всякій день. Хозару, наконецъ, стало не въ терпежъ отъ нихъ и, выпросивъ у жены веревку, онъ отправился въ лѣсъ съ тѣмъ, чтобы повѣситься.

Прицѣпилъ онъ петлю къ дереву и собирался уже вѣшаться, какъ вдругъ видитъ: сидитъ на вѣткѣ бѣлочка, да не простая, а золотая, хвостъ изъ брилліантовъ, лапочки изумрудныя, а глазки, два яхонта, какъ огонь горять.

— Дядя Мартынъ, ты что это затѣялъ? спрашиваетъ бѣлочка пискливымъ голоскомъ.

— Нешто не видишь. Повѣситься хочу съ тоски, да съ толоду.

— Какъ тебѣ не стыдно. Брось. На вотъ тебѣ кошелекъ, въ немъ всегда деньги будутъ, сказала бѣлка и, бросивъ кошелекъ, пропала.

Мартынъ взялъ кошелекъ, связанный изъ краснаго шелка и смотритъ: въ немъ червонецъ. Онъ вынулъ его, поглядѣлъ и хотѣлъ назадъ положить, но червонецъ не лѣзетъ, ибо въ кошелекъ другой уже его мѣсто занялъ. Вынулъ Мартынъ этотъ другой, а тамъ третій... Сообразилъ дядя Мартынъ, какой у него дивный кошелекъ, и весело побѣжалъ домой...

По дорогѣ случился трактиръ. Дядя Мартынъ зашелъ въ него на минуточку. Видя его ободраннаго, ему не хотѣли давать ни ѣсть, ни пить, требуя уплаты впередъ. Мартынъ

натаскалъ цѣлую горсть червонцевъ и бросилъ хозяину на столъ, говоря, что у него есть на что всю Испанію купить.

Угостившись чрезъ мѣру—Мартынъ тутъ же свалился подъ столъ и заснулъ какъ убитый.

Трактирщикъ замѣтилъ, какая сила въ кошелекѣ Мартына, ведѣлъ своей женѣ связать поскорѣе кошелекъ точь въ точь такой же, какъ у Мартына и, пока тотъ спалъ, подмѣнилъ чудный кошелекъ другимъ, простымъ.

Дядя Мартынъ, проснувшись, пошелъ домой и издали сталъ кричать женѣ, что досталъ кошелекъ, изъ котораго можетъ наворотить гору золота.

Вынулъ Мартынъ кошелекъ и сунулъ пальцы за червонцемъ, а въ немъ нѣтъ ничего. Онъ и такъ и сякъ... И вертѣлъ, и встряхивалъ, и выворачивалъ его, опять клалъ въ карманъ, и опять вынималъ. Но не тутъ-то было. Нѣтъ ничего въ кошелекѣ—и конецъ! Жена Мартына безмѣрно озлилась, думая, что мужъ надъ ней насмѣхается и, не говоря худого слова, развернулась, да такъ мужа угостила, что тотъ вылетѣлъ на улицу кубаремъ. Съ горя, да со злости побѣжалъ онъ прямо въ лѣсъ, на то же мѣсто, чтобы вѣшаться.

А на деревѣ сидитъ та же золотая бѣлочка.

— Ты что, Мартынъ? пицить она.

— Вѣшаться. Жить не хочу, когда даже твой кошелекъ и тотъ у меня не дѣйствуетъ. Съ голоду хуже умирать, лучше повѣситься.

— Ну, полно. Не горюй. На, вотъ тебѣ плащъ. Когда захочешь ѣсть, разстели его по землѣ и садись.

Бѣлочка пропала, а на дядѣ Хозарѣ очутился плащъ. Снялъ онъ его, разостлалъ на травѣ и сѣлъ. И вдругъ видитъ, весь его плащъ покрылся блюдами и винами. Цѣлый обѣдъ на десять человѣкъ.

На радостяхъ Мартынъ наѣлся и напился и, едва двигаясь, чуть не ползкомъ отправился домой. Трактирщикъ, увидя его, смекнулъ, что если Мартынъ—сытъ, да и пьянъ, то что-нибудь да есть у него новое въ родѣ кошелька. Онъ вышелъ къ нему и сталъ приглашать выпить съ нимъ. Мартынъ отказался войти и предложилъ трактирщику его самого угостить. Мартыну хотѣлось похвастаться.

— Чѣмъ же и гдѣ ты меня угостишь. Развѣ открылъ ты трактиръ?

— Вотъ, мой трактиръ! сказалъ Мартынъ.

И, разложивъ плащъ, онъ сѣлъ и велѣлъ сѣсть и трактирщику. Плащъ такъ и закрыло всякими блюдами и бутылками съ виномъ. Трактирщикъ онѣмѣлъ отъ изумленья и сталъ придумывать, какъ бы украсть плащъ. Онъ притворился пьянымъ, заспорилъ съ Мартыномъ, полѣзъ на него съ кулаками и такъ его ударилъ, что Мартынъ растянулся на землѣ какъ мертвый. Трактирщику только того и надо было. Подмѣнилъ онъ плащъ Мартына своимъ и ушелъ. Мартынъ, придя въ себя, обѣщался мысленно отомстить трактирщику въ другой разъ за побои и отправился скорѣе домой. Завидя жену и дѣтей, онъ сталъ звать ихъ обѣдать.

— Вотъ дай только развернуть плащъ, объявилъ онъ и даже намъ не сѣсть всего того, что на немъ сейчасъ будетъ.

Жена и дѣти сѣли. Мартынъ тоже сѣлъ и развернулъ плащъ. Смотрятъ они—блюды нѣтъ никакихъ, а только куча клоповъ поползли изъ плаща на нихъ.

Жена при этой новой насмѣшкѣ, остервенѣла отъ злости и, наскочивъ на мужа, начала его колотить чѣмъ попало, а дѣти давай ей помогать. Такъ проводили они Мартына чрезъ всю деревню. Побѣжалъ дядя Мартынъ прямо въ лѣсъ, съ тѣмъ, чтобы ужъ непременно повѣситься.

А на деревѣ опять сидитъ его покровительница.

— Что дядя? Или опять плохо? пищитъ она.

— Какъ же не плохо, когда меня всѣ бьютъ. Трактирщикъ, жена и даже дѣти родныя. Какъ же послѣ этого не повѣситься?

— Ну, слушай, Мартынъ. Кошелекъ и плащъ укралъ у тебя трактирщикъ. Такъ и знай. Дамъ я тебѣ теперь такую дубинку, что съ ней ты вернешь себѣ и мои первые подарки и, кромѣ того, съ ней тебя уже никто не одолѣетъ. Только, помни, это ужъ въ послѣдній разъ, и если у тебя ее украдутъ, то не прогнѣвайся—ничего больше не получишь и меня никогда не увидишь. Когда захочешь, чтобы дубинка дѣйствовала, скажи только: дубиночка, размахнись! Она тебѣ скорехонько кошелекъ и плащъ вернетъ назадъ. Прощай и не горюй!

Бѣлочка пропала, а у Мартына въ рукахъ дубинка очутилась. Пошелъ онъ домой. На дорогѣ тотъ же трактиръ и трактирщикъ на крыльцѣ пьянствуетъ съ гостями.

— А, дядя Мартынъ! Что, хорошо я тебя угостилъ прошлый разъ! кричитъ трактирщикъ. Будешь впередъ спорить?

— Дубиночка, размахнись! вымолвилъ тихонько дядя Мартынъ.

Дубинка выскочила у него изъ рукъ и, прыгнувъ на трактирщика, начала его катать. Гости отъ страха бросились бѣжать. А Мартынъ сталъ да приговариваетъ:

— Еще, дубиночка, еще!

— Помилосердуй! кричить трактирщикъ.

— Отдай мнѣ мой кошелекъ и плащъ, говоритъ Мартынъ.

— Все бери! Хоть трактиръ себѣ бери! воетъ несчастный трактирщикъ, увертываясь отъ дубинки, которая такъ и свиститъ у него на спинѣ.

Дубинка, наконецъ, повалила его на землю и все бьетъ да бьетъ.

— Жена! Отдай ему скорѣе кошелекъ и плащъ, закричалъ трактирщикъ.

Мартынъ получилъ отъ жены трактирщика свой кошелекъ и плащъ и, взявъ дубинку въ руки, пошелъ радостный и веселый домой. Трактирщика подняли и понесли, потому что онъ отъ побоевъ даже на ногахъ стоять не могъ и чрезъ часъ отдалъ Богу душу.

А Мартынъ, подходя къ дому, сталъ звать жену и дѣтей, говоря, что у него такой кошелекъ, и такой плащъ, и такая дубинка, какихъ они отъ роду не видали.

Жена, увидя мужа и услыхавъ эти слова, схватила помело и прямо на Мартына.

— Такъ ты опять пожаловалъ надо мной насмѣхаться. Дѣти, берите по палкѣ...

И вся семья бросилась на Мартына и давай его барабанить, кто чѣмъ попало. Напрасно кричалъ онъ и увѣрялъ, что на этотъ разъ онъ не обманываетъ,—жена пуще злилась и пуще била его помеломъ.

— А! Такъ вы вотъ какъ меня приняли! разсердился Мартынъ.—Дубиночка, размахнись!

Дубиночка развернулась и пошла въ ходъ.

— Дубиночка! Не жалѣй злую вѣдьму жену, которая учитъ дѣтей родного отца бить. Валий на смерть.

Дубинка размахнулась сильнѣй и такъ треснула жену Мартына, что у ней тутъ же и духъ вонъ.

Оставивъ жену убитую и дѣтей сильно избитыхъ, Мартынъ вошелъ въ домъ и, развернувъ плащъ свой, сталъ обѣдать.

Между тѣмъ исправнику сосѣдняго города донесли, что Мартынъ убилъ трактирщика, собственную жену и обѣщается убить всякаго, кто только ему слово скажетъ противное. Исправникъ явился съ жандармами арестовать Мартына. Но дядя Мартынъ только завидѣлъ ихъ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу и крикнулъ:

— Дубиночка, размахнись!

Черезъ полчаса всѣ жандармы были перебиты до смерти, а исправникъ бѣжалъ съ перешибленной рукой и послалъ донесеніе губернатору, а губернаторъ королю обо всемъ происшествіи. Король приказалъ немедленно схватить Мартына и доставить въ столицу.

Губернаторъ выслалъ противъ бунтовщика цѣлый полкъ гренадеръ. Но Мартынъ не дался. Дубиночка отработала гренадеръ такъ ловко, что половина осталась на мѣстѣ, а половина добралась до города, кто безъ руки, кто безъ ноги, а полковникъ съ фонаремъ подъ глазомъ.

Король собралъ всѣ войска, и самъ предводительствуя цѣлой арміей, состоящей изъ кавалеріи и пѣхоты, пошелъ походомъ на дядю Мартына.

Дядя Мартынъ встрѣтилъ войско въ долину. Король послалъ къ нему парламентеровъ, угрожая сдаться или быть казненнымъ. Мартынъ поручилъ дубинкѣ принять пословъ. Она приняла ихъ по своему, и ни одинъ не вернулся назадъ.

Тогда король велѣлъ начать сраженіе...

— Дубиночка, размахнись! приказалъ Мартынъ, — да не сломись, ужъ больно много тебѣ работы будетъ.

Сраженіе произошло такое ужасное, что стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а ничего подобнаго люди не увидятъ. Дубинка работала три дня и три ночи и, расхолодившись, была зря почему попало. Войска побилъ и разогнала, короля ухлопала какъ муху, лошадей искрошила, землю изрыла, городъ сосѣдній разрушила до основанія и, зацѣпивъ въ темнотѣ нечаянно по небу, три звѣзды сшибла разомъ на землю. Самъ Мартынъ перепугался и сидѣлъ со страху въ кустахъ, боясь чтобъ и его ненарокомъ дубинка не отдула.

Оставшійся въ живыхъ королевичъ собралъ совѣтъ мудрецовъ и спросилъ: „Что дѣлать съ дядей Мартыномъ?“

Мудрецы послѣ трехдневнаго совѣщанія рѣшили, что дубинка дяди Мартына ему досталась отъ нечистой силы и что на такое навожденье только святая сила можетъ подѣйство-

вать. Королевичъ приказалъ розыскать одного святаго чело­вѣка, жившаго въ горахъ, и послалъ его къ Мартыну съ тѣмъ, чтобы его убить.

Святой чело­вѣкъ согласился итти, но не за тѣмъ, чтобы убивать дядю Мартына—этого онъ не могъ взять на себя— а чтобы уговорить его уйти изъ ихъ государства за море, въ Америку.

Такъ и было сдѣлано. Когда святой чело­вѣкъ пришелъ къ Мартыну и объявилъ, что онъ отъ имени королевича, то Мартынъ, не долго думая, крикнулъ:

— Дубиночка, развернись! Но дубинка не двинулась.

Мартынъ, видя, что дѣло плохо и что святой чело­вѣкъ гро­зить его связать и самъ отвести въ тюрьму, да взяться сте­речь его—согласился покинуть государство и итти за море въ Америку.

Тамъ дядя Мартынъ былъ избранъ королемъ за свою силу и богатство и самъ основалъ новый городъ. Мартынъ жилъ долго и правилъ мудро. Подданныхъ своихъ Мартынъ уго­щалъ на своемъ плащѣ и такъ приучилъ къ своимъ привыч­камъ много пить и ѣсть и драться, что американцы и по сю пору не могутъ отвыкнуть отъ нихъ.

Червонцы у дяди Мартына изъ кошелька не истощались никогда, и такую кучу золота онъ при жизни своей ната­скалъ изъ него, что американцы отвели особое мѣсто Кали­форнію и тамъ зарывали его въ землю, а потомъ, когда не хватило уже мѣста, стали вывозить его. И по сю пору все еще вывозятъ это золото изъ Калифорніи въ Европу и все не могутъ его вывезти.

V. Теща сатаны.

Атъ сто тому назадъ а можетъ быть и тысячу лѣтъ—не въ томъ дѣло—проживала въ одномъ городишкѣ, не далеко отъ Гренады — пожилая вдова съ дочерью. Женщину эту всѣ знали во всей окрестности за ея ехидство, злость и безобразіе, и про­звали ея теткой Кикиморой. Она была длинная какъ шесть,

худая какъ щенка, желта какъ лимонъ, но трудолюбива и дѣятельна. Цѣлый день отъ зари до зари она моталась по дому какъ маятникъ и работала за десятерыхъ; если же она прекращала работу на минуту, то затѣмъ только, чтобы поругаться или подраться. Достаточно было теткѣ Кикиморѣ только высунуться въ окошко, чтобы всѣ сосѣдніе ребятишки разсыпались во всѣ стороны и давай Богъ ноги кто куда попало.

А выйдеть тетка на крыльцо — такъ и сосѣди косятся на нее, запустили бы утюгомъ или щеткой въ голову. Дралась тетка Кикимора большею частью такъ — здорово живешь. У себя дома вдова не переставала воевать ни на минуту — да и какъ тутъ не воевать.

У нея была только одна дочь Пепита, красавица писаная, но лѣнивая и безпечная до того, что ей хоть колъ на головѣ теши—ничѣмъ не проймешь. По утру не добудятся ея ничѣмъ. Хоть быкъ ее на рога подыми съ постели, такъ она не проснется. Кромѣ того, она была невозмутимо спокойнаго характера. Хоть землетрясеніе случись, домъ развалился — она не вздрогнетъ, даже бровью не поведетъ. Такая ужъ уродилась словно на смѣхъ матери.

Кромѣ сна Пепита любила еще—какъ и подобаеть красавицѣ — любезничать съ молодежью. Если подь окнами ея или подь балкономъ остановится какой молодець, то ужъ Пепита сейчасъ у окошка, глазки ему дѣлаеть, усмѣхается или цвѣтокъ ему бросить. А если кто ей серенаду дастъ, то какъ заслышитъ Пепита гитару и куплетъ въ ея честь про ея волшебные глаза или про ея чудные волосы, маленькія ножки и ручки—то тутъ провались для нея все. Не только Пепита работу бросить, а если мать умирать будетъ, такъ она все-таки убѣжитъ къ окну поглядѣть, кто поеть, и заняться мимикой съ новымъ обожателемъ. Вслѣдствіе этого не мудрено, что отъ зари до зари въ домѣ теткі Кикиморы шла война. Мать не переставала ни на минуту ругать дочь за ея лѣнь и за ея вѣтренность.

— Наказанье мнѣ Богъ послалъ, говорила она. Не дочь у меня, а шатунья. Только и на умѣ что гитары, да пѣсни, да пляски, да какъ бы замужъ выйти. Въ наше время дѣвѣнцы были не такія, отъ работы какъ отъ чумы не бѣгали. Знали всякое рукодѣлье. Жили скромно, выходили изъ дому только въ церковь. Старшихъ слушались, родителей почитали. Объ

женихъхъ не помышляли. По ночамъ у окошекъ не торчали, а спали. За то съ зарей вставали да за работу принимались. А нынче дѣвицы—шатуны, грубянки, лѣнивицы. Умнѣе родителей себя считаютъ. Что не скажи—грубятъ. Станешь учить—въ одно ухо впускаютъ въ другое выпускаютъ...

Пепита, явно привыкшая къ вѣчной брани матери, не обращала на нее никакого вниманія. Если иногда тетка Кикимора начинала черезъ-чуръ злиться и дѣло шло къ дракѣ, то дочь загодя уходила на улицу. Иногда мать шла за ней и если находила ее съ какимъ-нибудь молодцемъ, то, не долго думая, пускала въ обоихъ что попадало ей подъ руку, щетка—такъ щетку, ведро—такъ ведро, скамейка—такъ скамейку. Одного молодца тетка Кикимора такъ подшибла, что онъ двѣ версты крюку давалъ и мимо ея даже не ходилъ, а при встрѣчѣ съ ней припускался отъ нея куда глаза глядятъ.

Между матерью и дочерью бывали иногда и разговоры объ женихъхъ такого рода.

— Когда ты, отчаянная, перестанешь егозить. Бросишь ли ты свои затѣи дурацкія съ разными шатунами. Доведеть тебя до бѣды твоя отчаянная голова.

— До какой бѣды? отвѣчала Пепита. Какая же это бѣда. Свадьба—не бѣда.

— Не грѣши и меня въ грѣхъ не вводи. Всѣ тебѣ кости переломаяю.

— Вотъ грѣхъ нашли! Что я замужъ-то хочу выйти. Такъ это не грѣхъ, а Божье опредѣленіе.

— Замужъ! Да я тебя на цѣпь посажу. Покуда я жива, не бывать тебѣ замужемъ, какъ не бывать мнѣ солдатомъ. Вишь что вздумала. Безобразница.

— Вы же были замужемъ?

— Была къ несчастью. Не будь я замужемъ, такъ не родилась бы у меня грубянка-дочь и не мучила бы меня на старости лѣтъ. Ты эту чушь изъ головы выкинь. Хоть и была замужемъ моя мать а твоя бабка, а тебѣ никогда не бывать. Ни тебѣ, ни моей внучкѣ, ни моей правнучкѣ не позволю итти замужъ.

— Да коли я не выйду—такъ у васъ внучки и не бывать.

— Молчи, грубянка. Не смѣй меня учить. А вотъ какъ есть сковорода, со всей яичницей въ голову пуцу!

Вотъ, эдакъ-то и разговаривали мать и дочь акуратно всякій день.

Тетка Кикимора становилась всякій день все злѣе и бранилась все больше, а Пепита всякій день все больше и больше мечтала объ замужествѣ.

Однажды предъ самымъ обѣдомъ надо было вытащить изъ печи большой котелокъ съ супомъ. Пепита всегда дѣлала это, такъ какъ мать ея была хоть и злюча, но слабоспльна—бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ—и не могла дотащить котелокъ изъ печи на столъ. Тетка Кикимора позвала дочь на помощь, та собралась, было, доставать котелокъ, но вдругъ услышала гитару и знакомый голосъ, который пѣлъ въ ея честь. Пепита бросила дѣло и выскочила на улицу.

Мать подождала немного и, видя, что дочь опять провалилась куда-то и что ея съ собаками не отыщешь, попробовала чрезъ силу достать котелокъ и донести до стола. Теткѣ Кикиморѣ ѣсть хотѣлось до страсти. Потщила она котелокъ изъ печи, силъ-то не хватило, котелокъ выскользнулъ изъ рукъ и весь супъ на полъ. Но это бы еще ничего. А главная бѣда была въ томъ, что кипятокъ пролился теткѣ Кикиморѣ на ноги, а она была на босу ногу.

Обваривъ себѣ ноги, Кикимора такъ заревѣла, что пѣвецъ пѣть пересталъ и бросился на утекъ, чуть не забывъ гитару, а Пепита прибѣжала домой—что было уже чудомъ, ибо она никогда не бѣгала.

— Проклятая! Распроклятая! Будь ты проклята! Сто разъ, тысячу разъ будь проклята! встрѣтила Кикимора дочь, приплясывая отъ боли на своихъ обваренныхъ ногахъ.

— Зачѣмъ вы не обождали. Чѣмъ я виновата.

— Только и на умѣ у проклятой егозы что замужество. Пошли тебѣ Господи сатану въ мужья. Съ руками бы отдала.

Прошло нѣсколько времени послѣ этого случая. Тетка Кикимора полежала въ постели съ недѣлю—то-то раздолье было ребятишкамъ; расхрабрились они такъ, что почти въ двери дома лѣзли, зная, что старая Кикимора лежитъ вверхъ ногами на кровати.—Потомъ тетка встала и забыла совсѣмъ про случай и про свое пожеланье сатаны въ зятя.

Однажды явился въ городкѣ знатный и богатый иностранецъ и поселился недалеко отъ дома вдовы. Говорили, что это былъ англичанинъ, нѣкоторые же полагали, что иностранецъ нѣмецъ. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ похожъ на испанца. Бѣлокурый, курчавый, съ голубыми глазами и почти съ бѣленькими усиками. Онъ былъ очень красивъ собой,

Большой франтъ, необыкновенно вѣжливый съ стариками, предупредительный со старухами, любезный съ дѣвушками и услужливый съ мужчинами, готовый всякаго одолжить всячески.

Дѣвницы городка отъ него всѣ съ ума сошли къ великой досадѣ всей молодежи. Только и толку было что объ немъ. Что онъ сказалъ, да что сдѣлалъ. Пепита, какъ и другія, влюблена была въ него заглазно, не будучи еще и знакома.

Однако, старики и старухи, не смотря на знатность, любезность и вѣжливость этого иностранца, сознавались, что есть въ немъ что-то отталкивающее, что-то подозрительное. Руку подасть, хоть и бѣлую, нѣжную, какъ у дѣвницы,—морозъ по кожѣ пробираетъ отъ его пожатія. Станетъ смѣяться—зубы, какъ у волка, блестятъ и шелкаютъ и языкъ красный, какъ раскаленное желѣзо. Прямо глядѣть пристально—не глядѣть, а все изъ-подлбья, и глаза недобрые, взглянуть, точно уколеть. Походка у него тоже была странная, да и сапоги странные, точно будто не ноги подъ ними. Идетъ онъ по полу—стучить, точно копытомъ. Волосы онъ носилъ не приглаженные, а взерошенные, буклями, особенно надъ лбомъ и подъ волосами точно будто сквозить что-то, какъ бы двѣ шишечки надъ самыми висками. Уши у иностранца этого были такія странныя, что и описать нельзя, совсѣмъ на уши не похожи.

Однако, вообще говоря, онъ былъ очень красивъ собой, уменъ, какъ чортъ—такъ ужъ и говорится—а главное, знатенъ и богатъ страшно. Многіе отъ него сторонились, косились на него, а приглашенья его принимали и у него угощались. Черезъ мѣсяць ужъ онъ былъ во всѣхъ домахъ и ухаживалъ за всѣми дѣвушками.

Познакомился онъ и съ теткой Кикиморой, но когда онъ первый разъ вошелъ къ нимъ въ домъ, то Пепита уже была давно влюблена въ него и давно знала его. Иностранецъ прежде всѣхъ другихъ дѣвицъ обратилъ особое вниманіе на Пепиту. Серенадъ ей не давалъ, на гитарѣ подъ окномъ не игралъ и не пѣлъ, потому что не умѣлъ пѣть, и это обстоятельство было особенно подозрительно для всѣхъ, но за-то постоянно приходилъ ночью подъ балконъ Пепиты и до зарп болталъ съ ней, увѣряя ее въ вѣчной любви и общая ей горы золота и свою покорность.

Черезъ недѣлю послѣ перваго свиданія и бесѣды съ балко-

на, Пепита уже согласилась выйти къ нему на улицу и среди ночи гуляла съ нимъ по сосѣднему гуляню. Тетка Кикимора какъ нарочно, словно ее бѣсъ попуталь, спала безъ просыпу всѣ ночи и просыпалась послѣ восхода солнца. Сама удивлялась Кикимора такому чуду и, найдя по утру солнце выше домовъ, принималась ругаться на солнце.

— Что его чертъ, что ли, раньше сталъ выпихивать изъ-подъ земли? злобно говорила она, глядя на солнце. Я, кажется, сплю не больше прежняго. Это, выходитъ, сама природа-то и та нарочитъ какъ бы мнѣ на смѣхъ что сдѣлать. У-у, скворода! грозилась тетка Кикимора на солнце своимъ костлявымъ кулакомъ.

Если ночью бывало Пепитѣ весело съ милымъ иностранцемъ, влюбленнымъ въ нее, то днемъ отъ матери ей приходилось еще хуже. Мать стала драться всякій день и иной разъ отъ ея толчковъ и пинковъ происходило чудо, то есть Пепита, куда дѣвалась ея лѣнь, выбѣгала изъ дому. Когда иностранецъ появился въ домѣ и представился Кикиморѣ, вдова приняла его, какъ и всѣхъ, грубо и съ нравоученьями насчетъ того, что молодежь вся — шатуны, болтуны, грубияны, пьяницы и моты.

Однако иностранецъ такъ себя повелъ съ теткой Кикиморой, что она поневолѣ стала къ нему милостивѣе, чѣмъ къ другимъ, а скоро и совсѣмъ, видимо, благоволила.

Пепита была въ восторгѣ отъ умѣнья своего обожателя умастить мать при всякомъ случаѣ.

Долго ли, коротко ли, а иностранецъ посватался, и тетка Кикимора согласилась на бракъ дочери. Да и какъ было не согласиться матери, хотя бы и Кикиморѣ! Женихъ богатый, знатный, красивый и такой покорный, что тише воды, ниже травы, особенно съ ней, будущей тещей. Была одна минута, что Кикиморѣ словно кто въ ухо шепталъ отказать иностранцу и выгнать его изъ дому вонъ, но вдова подумала тоже, что не вѣкъ же ей бѣдствовать, работать, ноги обваривать, съ дочерью напрасно ругаться, а между тѣмъ солнце начинало все больше и больше опережать ее по утру. Бывало, она встанетъ до зари и ругается, что солнце запаздываетъ, а теперь солнце чрезъ дома смотритъ на нее, когда она продеретъ глаза, и точно надъ ней потѣшается: — Что, молъ, проспала, старая Кикимора. Подумала, подумала тетка Кикимора, посоветовалась съ сосѣдками и съ кумовьями, и рѣшила согласиться и принять предложенье.

Была, однако, еще одна большая помѣха для брака Пепиты, но не для Кикиморы. Всякая другая мать изъ-за этого одного не отдала бы дочь, а теткѣ Кикиморѣ это-то и было тринь-травой. Иностранецъ оказался не католикъ, а протестантъ, и поэтому говорилъ, что не можетъ вѣнчаться въ церкви католической, а выпишетъ своего духовника изъ своей земли и будетъ вѣнчаться въ часовнѣ, которую нарочно выстроить, а затѣмъ разрушить. Такъ какъ денегъ у него было видимо-невидимо, то затѣвай, что хочешь.

Многіе въ городкѣ стали говорить Кикиморѣ, что вѣнчаться на ладь иностранца все одно, что качучу отплясать, что это будетъ не бракъ, а такъ себѣ — только сатану тѣшить; но Кикимора уже уперлась на своемъ и стала подозрѣвать, что сосѣдки изъ зависти хотятъ разстроить бракъ дочери съ богачемъ.

— А плевать мнѣ, по каковски они будутъ вѣнчаться! — отвѣчала тетка Кикимора.

Старая сама рѣдко въ церковь ходила и Пепиту не посылала. А когда, случалось, и пойдетъ старуха къ вечернѣ, такъ только поругается съ кѣмъ-нибудь во время службы изъ-за стула или изъ-за чего другого, да при выходѣ непременно нищенку какую-нибудь на паперти приберетъ или мальчишку за волосы оттаскаетъ, придя же домой, всегда бранитъ аббата. И служилъ-то онъ не такъ, и пѣлъ хрипло, и ходилъ — сорокой прыгалъ, и всю-то проповѣдь свою ей на смѣхъ сказалъ.

И такъ, теткѣ Кикиморѣ было все равно, что женихъ-протестантъ. Будь онъ хоть мусульманинъ!

Мужчины для Кикиморы всѣ были особенно ненавистны уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ она стала стара. Они всѣ-то гроша не стоятъ; который и католикъ, а потому ужъ, что мужчина — то хуже всякой собаки.

Было и еще одно обстоятельство, по которому Кикимора не хотѣла уже отказывать жениху, объявившемуся вдругъ протестантомъ. Онъ надѣлалъ будущей тещѣ кучу подарковъ, одинъ великолѣпнѣе другого, и разставаться съ ними, отдавать ихъ назадъ не хватило бы духу ни у кого.

Начались приготовления къ свадьбѣ.

Женихъ послалъ за своимъ духовникомъ и нанялъ рабочихъ строить протестантскую часовню. Тетка Кикимора готовила приданое, а Пепита... Пепита ногъ подъ собой не

чувствовала, не ходила, а летала, не говорила, а пѣла, не спала, а только вертѣлась въ постели, какъ бѣлка въ колесѣ, и считала каждый день и часъ, проклиная длинные дни и длинныя ночи, которые казались ей теперь цѣлыми недѣлями.

И такъ, дѣло шло на ладъ и долженъ былъ случиться великій грѣхъ, какого еще не бывало на свѣтѣ, потому что иностранецъ былъ, конечно, никто другой, какъ самъ дьяволъ. Проклятья, которыми осыпала всякій день тетка Кикимора свою дочь и пожеланіе ея, чтобы допустилъ Господь выйти ей замужъ за самого сатану — дали право дьяволу явиться на свѣтѣ подъ видомъ красавца и богача-жениха.

Когда дьяволъ услышалъ, сидя у себя въ аду, пожеланіе тетки Кикиморы, то не обратилъ на ея слова особаго вниманія. Мало-ль что приходится ему всякій день слышать. Къ нему столько народу всякій день посылають, что всѣхъ впускать—дома не скажешься. Да и призываютъ его такъ часто, что бѣгать на бѣлый свѣтъ всякій разъ по всякому требованію, столько саногъ истреплешь, что никакихъ денегъ не хватить. Да кромѣ того, дьяволъ знаетъ, что человѣкъ храбръ на словахъ, блудливъ какъ кошка и трусливъ какъ заяцъ; звать чорта—зоветъ, а приди онъ только—сейчасъ человѣкъ подъ лавку, крестится, отплеивается, да молитвы читаетъ. Взять-то его и нельзя; съ пустыми руками и иди назадъ.

На этотъ разъ, однако, сатанѣ было скучно, и пришло ему на умъ, что отчего бы не попробовать, ради шутки, хоть разъ въ жизни по-человѣчески пожить немножко. Справился онъ объ Пепитѣ, говорятъ всѣ: писанная красавица. Въ домѣ тетки Кикиморы, говорятъ, ни одинаго образа и въ заводѣ никогда не было. Ее же, старую, такъ часто многіе посылали къ нему на словахъ, и сама она такъ часто любила его поминать и звать, что ему теперь итти къ ней было во сто разъ легче, чѣмъ къ кому-либо. Ну, просто оказія! Само въ ротъ просится!

Дьяволъ подумалъ, подумалъ, да и рѣшился пошалить. Сдаль онъ всѣ текущія дѣла вице-дьяволу, сдѣлалъ разныя необходимыя распоряженія, далъ порученія разнымъ дьяволятамъ и отправился.

Увидя Пепиту, онъ, въ самомъ дѣлѣ, влюбился въ нее. Ему надоѣло все только съ вѣдьмами имѣть дѣло, да и то больше все по части администраціи, а ужъ никакъ не по части любви.

Красавица Пепита своими огненными глазками, розовыми губками и черными, какъ смоль, взбитыми локонами, сама такъ смахивала на прелестнаго чертенка, что сатана нашель въ ней что-то родственное себѣ, симпатичное, общее имъ обоимъ. Онъ, ухаживая за Пепитой, послѣ перваго же полученнаго отъ нея поцѣлуя, сталъ уже мечтать о томъ, что хорошо было бы и въ самомъ дѣлѣ завести себѣ жену, да и всѣхъ у себя переженить — и чертей, и чертенятъ, однимъ словомъ, всю свою канцелярію и всѣхъ директоровъ адскихъ департаментовъ, вице-директоровъ, столоначальниковъ и даже департаментскихъ сторожей. Эта реформа стала казаться ему самую насущною и неотложною, вопросомъ дня. Надо итти со временемъ!.. Прежде адъ могъ состоять изъ однихъ чертей, теперь нужны и чертовки. Во-первыхъ, адъ чрезъ эту коренную реформу перестанетъ быть какимъ-то бенедиктинскимъ монастыремъ или іезуитскимъ коллегіумомъ. Чертовки оживятъ его своимъ присутвіемъ.

Однимъ словомъ, дьяволь, пришедшій, было, только пошлеть на бѣломъ свѣтѣ и уйти домой, бросивъ жену послѣ медоваго мѣсяца, теперь сталъ помышлять уже взять съ собой Пепиту и даже будущую тещу.

Лучше тетки Кикиморы, дѣйствительно, нельзя было найти домоправительницы для ада. Она въ одну недѣлю такъ бы подтянула всѣхъ вице-дьяволовъ, директоровъ и столоначальниковъ, вообще всю администрацію, что дѣла пошли бы вдвое скорѣе. Да и чертенятъ она бы уняла. Только одно нужно было: обезпечить себя, чтобы тетка Кикимора дѣйствовала въ томъ же духѣ и въ томъ же направленіи, чтобы не было разлада и косности въ правительственномъ механизмѣ.

Вообще сатана, подъ вліяніемъ Пепиты и ея поцѣлуевъ, разнѣжился и сталъ фантазировать. Онъ забылъ, что тетка Кикимора, явившись въ адъ, распугала бы всѣхъ чертей одной своей фигурой.

И такъ, бракъ сатаны ладился. Духовникъ жениха приѣхалъ и былъ тощъ, худъ и дуренъ собой до такой степени, что красавица Пепита, цѣнившая красоту въ мужчинѣ, чувствовала сильную тошноту подъ ложечкой каждый разъ, что говорила съ нимъ. А тетка Кикимора, хоть и была худа сама, а казалась полной женщиной около такой глысты.

Наконѣцъ наступилъ день свадьбы. Женихъ и невѣста

поѣхали съ духовникомъ въ новую часовню. Тамъ духовникъ что-то постряпалъ, побурчалъ, покаркалъ по-вороньи и объявилъ, что молодые повѣнчаны. Народу и гостей было много на свадьбѣ, старые и молодые. Весь городъ былъ приглашенъ. Такого пира горой на дому жениха никто не видывалъ, да и не увидить никогда, потому что въ другой разъ на бѣломъ свѣтѣ—надо надѣяться—подобной свадьбѣ уже не бывать. Все, что было на свадьбѣ, ѣло, пило, пѣло, плясало, опять пило и опять плясало! И только около полуночи половина гостей расползлась на четверенькахъ по домамъ, а другую половину за ноги таскали на улицу, чтобъ запереть двери, и клали рядами, какъ мѣшки.

Новобрачные отправились къ себѣ въ опочивальню, какъ всегда бываетъ, потому что такъ ужъ принято на свѣтѣ... А тетка Кикимора побрела къ себѣ въ отведенную ей горницу. Подвернулся, было, ей въ дверяхъ духовникъ зятя, такъ, нечаянно, на дорогѣ попался, и сталь, было, вдовѣ любезности разныя отпускать насчетъ ея одиночества, но Кикимора приняла его по своему, и духовникъ далъ стрелка отъ нея, какъ если бы его варомъ обдали.

На другое утро Кикимора поднялась ранехонько, а молодые пропочивали до полудня. Когда Пепита вышла изъ опочивальни, довольная, веселая и счастливая, то встрѣтила мать злѣе и грознѣе, чѣмъ когда-либо. Тетка Кикимора стала ругать дочь за долгое спанье, но Пепита съ первыхъ же словъ отрѣзала матери:

— Помилуйте! Я ужъ не дѣвушка, а замужняя, и командовать собою не позволю.

Тетка Кикимора позеленѣла отъ злости и еще пуще набросилась на Пепиту, говоря, что если она будетъ всегда спать отъ полуночи до полудня, то проспитъ полжизни, а мужъ, отъ такой хозяйки, — разорится, будь онъ хоть миллионеръ.

— Да я не спала! Я проснулась въ восемь часовъ, — стала оправдываться Пепита.

— Такъ что жъ ты дѣлала по сю пору? Сидѣла, сложа руки? Болты-болтала съ мужемъ?

— Нѣтъ. Я дѣло дѣлала.

— Какое дѣло, лѣнница?

Пепита молчала и не говорила. Какъ ни добивалась тетка

Кикимора, Пепита отмалчивалась. Наконецъ, когда мать начала уже черезчуръ ругаться, Пепита объявила ей, что она дѣлала нѣчто, о чемъ говорить не можетъ, такъ какъ это великая тайна, и мужъ не велѣлъ никому сказывать ни за что, ни во-вѣки-вѣковъ.

— Мужъ говоритъ, что всѣ замужнія женщины это знаютъ, но объ этомъ не говорятъ. Это секретъ...

Теткѣ Кикиморѣ, которая была ходокъ-баба и на всѣ руки, показалось совершенно страннымъ и даже подозрительнымъ, про какую такую тайну намекаетъ дочь.

Видя, что бранью ничего не возьмешь, тетка Кикимора въ первый разъ въ жизни покривила душой и стала нѣжничать съ дочерью, просить, умолять и всякую всячину обѣщать ей—только скажи секретъ.

— Да, вѣдь, и вы, матушка, тоже дѣлали, вѣрно, для покойнаго батюшки, такъ что жъ вы допрашиваете! — сказала Пепита. Вы вспомните только.

Но тетка Кикимора стояла, разводя руками, и не могла ни догадаться, ни вспомнить. Что она только ни перебирала, что ни вспоминала,—все было не то, да не то.

— Ахъ, матушка, совсѣмъ не то,—важно повторяла Пепита, чувствуя какъ бы свое превосходство. Вы, вѣрно, забыли.

Тетка Кикимора, наконецъ, совсѣмъ развела руками и плюнула.

Но вѣтренница Пепита сама созналась, прося только мать ни за что не говорить мужу про то, что она расскажетъ ей.

Она призналась матери, что четыре часа къ ряду расчесывала и помадила мужу хвостъ.

— Какой хвостъ?..—заорала. Кикимора, какъ укушенная.

— Какъ какой? Такой. Ну, вотъ, такой же, какъ у коровы.

Тетка Кикимора, какъ стояла передъ дочерью, такъ и хлопнулась объ полъ.

Пепита перепугалась, думая, что съ матерью отъ старости ударъ приключился, и скорѣе начала ее прыскать и обливать водой. Пришла въ себя тетка Кикимора и хотѣла начать, съ горя, плакать; но такъ какъ она съ дѣтства не плакала, то разучилась съ тѣхъ поръ, и у нея плачь не вытанцовывался. Тогда она это бросила и начала просто завывать по-собачьи.

Теперь, вдругъ, вспомнила старая ехидна все!.. Все, все вспомнила она! Она—несчастливая мать несчастной дочери! И.

всѣ грѣхи свои припомнила она, и всѣ проклятія свои на дочь, и, наконецъ, роковое пожеланіе—чтобъ Господь послалъ ея Пепитѣ въ мужа самого сатану. Пожелала, — ну, вотъ тебѣ и готово! Радуйся!

Тетка Кикимора сразу сообразила, кто таковъ молодець-удалець—ея любезный зятюшка!

Ни слова не сказавъ дочери, она собралась въ дорогу, вышла изъ дому и отправилась, верстъ за десять, на одну гору, около Сіерры Невады, гдѣ жилъ одинъ святой отецъ, пустынный, человекъ праведной жизни и замѣчательной мудрости.

Святой отецъ, пустынный, принялъ тетку Кикимору ласково, выслушалъ все, но сразу даже не повѣрилъ. Такъ невѣроятенъ казался ему случай.

— На кой прахъ черту жениться! — все повторялъ онъ, недоувѣрчиво покачивая головой. Да ему любую чужую жену взять. Всякій день мужей съ тысячу, а то и больше, посылають своихъ женъ къ черту; даже на всѣ лады и ко всѣмъ чертямъ. Бери любую. Зачѣмъ же тутъ жениться? Совсѣмъ непонятно и, съ чертовской точки зрѣнія, даже нелогично.

Тетка Кикимора замѣтила святому отцу-пустыннику, что объ этомъ собственно—логично или не логично — толковать ужъ нечего.

Такъ ли, эдакъ ли, а дѣло въ томъ, что чертъ на ея Пепитѣ женился, и что она сама, ставши вдругъ чертовой тещей, должна теперь выйти изъ этого, неприятнаго во всѣхъ отношеніяхъ, положенія. Во-первыхъ, сатана можетъ Пепиту стащить въ адъ, на это онъ даже и по закону теперь имѣеть право, и жаловаться на него нельзя; а во-вторыхъ, если она и уговоритъ дочь бѣжать отъ мужа, то ей самой-то зазорно будетъ считаться, все-таки, до конца жизни тещей сатаны. Узнають въ городѣ ея сосѣдки, то не только на смѣхъ ее поднимутъ, а и со свѣту сживутъ шутками да прибаутками.

Святой пустынный помолился часъ, потомъ продумалъ цѣлый часъ, потомъ опять помолился часъ, опять подумалъ часъ, потомъ опять и опять за то же... И эдакъ продержалъ онъ Кикимору до вечера. Наконецъ, онъ намоллся, надумался и сказалъ теткѣ Кикиморѣ, что ей надо дѣлать.

— Слушай и запомни!—сказалъ онъ.—Ступай домой и вели своей дочери заранѣе устроить спальню такъ: запереть окна и двери, заткнуть всѣ дырочки и щели, какія бы ни нашлись

въ горницѣ, хотя бы въ вершокъ величиной. Пусть только останется одна скважина въ замкѣ наружной двери, куда вставляется ключъ. Его ты вынь. Когда же твой зять...

— Сатана, хотите вы сказать!—замѣтила Кикимора обидчиво.

— Ну, ну, сатана... И такъ, когда сатана раздѣнется и уляжется спать, пускай Пепита возьметъ освященную вербу и начнетъ ею хлестать окаяннаго врага человѣческаго. Какъ бы онъ ни визжалъ, ни жалился, ни кричалъ, ни просилъ прощенія,—пусть она его бьетъ, да бьетъ и гоняетъ по горницѣ. Онъ бросится спасаться и, не имѣя иного исхода, кромѣ замочной скважины въ двери, бросится въ нее и улизнетъ.

— Какъ же онъ пролѣзетъ?—замѣтила тетка Кикимора.

— Чертъ-то? Помилуй! Да онъ всюду влѣзетъ. Онъ, съ позволенія сказать, тебѣ въ ротъ влѣзетъ. Оттого и надо ротъ крестить, когда зѣваешь ужъ очень широко, да еще подымаешь при этомъ! Какъ разъ проскочить! Бывали примѣры, что чертъ въ ухо влѣзалъ, и тамъ отъ него всякая дрянь заводилась. Ну, слушай же... Когда твой зять проскочить въ замочную скважину, ты...

— Позвольте, святой отецъ. Я уже, кажется, тонкимъ намекомъ просила васъ не называть его этимъ священнымъ для меня именемъ!—замѣтила съ негодованіемъ Кикимора.

— Да ты не обижайся... Слушай. Когда онъ проскочить въ скважину, ты ее перекрести и покропи святой водой. Сатана, уже извѣстное дѣло, откуда пришелъ, туда и уйдетъ всегда, и, наоборотъ, куда ушелъ, откуда же только и прійти можетъ. Такимъ образомъ, окропивъ замокъ святой водой вслѣдъ за нимъ, ты ужъ на всю жизнь отъ него спасена будешь у себя дома. Ну, а за то на улицѣ тебѣ и Пепитѣ отъ него плохо будетъ всегда. Онъ на васъ золь будетъ безмѣрно за эту штуку. И, пожалуйста, ты ему не брякни, что это я придумаль.

— Вамъ-то что же его бояться, святой отецъ?

— Какъ, чего бояться? Помилуй! Со святымъ-то Антоніемъ, въ пустыни, онъ какихъ штукъ надѣлалъ, даже подъ видомъ красавицы приходилъ искушать его.

— Ну, и не искусилъ же, вѣдь!—замѣтила Кикимора.

— Антонія-то... нѣтъ. Ну, а я-то, вѣдь, пожалуй... и того!.. Искушусь!..

— Въ ваши года-то! Что вы, святой отецъ!—воскликнула Кикимора.

— Ну, ну, это мое дѣло. Ты, все-таки, пожалуйста, меня не выдавай своему зятю... Тѣфу, сорвалось!... Сатанѣ, то есть, хотѣлъ я сказать!

Пошла тетка Кикимора домой и дорогой все раздумывала надъ тѣмъ, что приказалъ сдѣлать святой пустынный.

Такъ какъ она была баба не промахъ, то ей пришло на умъ воспользоваться совѣтомъ пустытника, но сдѣлать все такъ, да не такъ, а гораздо умнѣе того.

— Пстой, голубчикъ, зятюшка!—Кикимора особенно презрительно произнесла это слово.—Я тебя отучу жениться на дѣвушкахъ... Да и больше того. И ты ловокъ, да и я лицомъ въ грязь не ударю! Я такъ тебя пристрою, что ты у меня, покуда я жива, рабомъ моимъ будешь. Всѣ мои прихоти исполнять будешь. Пстой! Будешь вѣки вѣковъ свою тещу вспоминать и пуще черта бояться... то есть, нѣтъ! Не то я хотѣла сказать. Будешь ты меня бояться; какъ люди тебя боятся. Подлецъ эдакій! Что выдумалъ! Заставлять мою Пепиту себѣ хвостъ расчесывать и помадить! Да еще увѣрилъ дѣвочку невинную,—анаѰема эдакій—что это, вишь, у всѣхъ мужей хвосты коровьи, и всѣ жены имъ должны помадить ихъ да расчесывать по четыре часа въ сутки. Пстой, анаѰема! Пстой!..

Тетка Кикимора, все бранясь вслухъ, не шла, а бѣжала домой. Нетерпѣнне брало ее отомстить зятю и проучить окаяннаго врага человѣческаго на славу.

Одно только обстоятельство смущало Кикимору. Дочь, по глупости своей, и не воображаетъ, каковъ молодецъ у нея муженекъ, и положительно влюблена въ него, особенно на первый же день свадьбы-то. Не даромъ, вѣдь, говорится: дѣвкѣ подай мужа, будь онъ хоть чертъ! Кикимора была убѣждена, что если сказать всю правду Пепитѣ и объяснить, что она собирается сдѣлать съ ея мужемъ, то Пепита, чегѣ добраго, по глупости своей, и не согласится.

И тетка Кикимора рѣшила надуть и дочь...

Когда Кикимора пришла домой, окаяннаго зятя не было дома, и Пепита грустная сидѣла одна.

— Что ты такая, пригорюнилась?—спросила тетка Кикимора.

Съ той поры, что дочь ея была въ такой бѣдѣ, мать стала съ ней нѣжнѣе.

Оказалось, что Пепита купила себѣ крестикъ золотой и надѣла на шею. Мужъ какъ только увидѣлъ его, заоралъ, взбѣсился, поднялъ такой содомъ въ домѣ, что всѣ сосѣди сбѣжались, а затѣмъ велѣлъ ей выбросить крестикъ и не смѣть никогда надѣвать, грозясь въ другой разъ ее исколотить до полусмерти.

— Вотъ что? Не нравится ему это?—злбно усмѣхнулась тетка Кикимора. Хорошо, голубчикъ. Мы тебя уйемъ. Слушай, Пепита. Хочешь ты властвовать надъ мужемъ, быть полной хозяйкой въ домѣ, дѣлать все, что ты хочешь и мужа въ грошъ не ставить? Хочешь, онъ будетъ у тебя смириѣе овцы и трусливѣе зайца.

— Хочу! воскликнула Пепита и даже вскочила отъ радости со стула. Но какъ это сдѣлать? Онъ пресердитый. Онъ нынче безъ васъ отъ этого крестика—и добро бы еще изъ-за чего важнаго—такъ озлился, что весь трясся, какъ отъ холоду. А глаза кровью налились. Меня даже страхъ взылъ.

— Ну, слушай меня. Если ты хочешь въ одинъ часъ времени сдѣлать его шелковымъ на всю жизнь, то я для твоего счастья не пожалѣю секретомъ, который мнѣ передала одна старая гитана. Только исполни все въ точности, что я прикажу тебѣ.

— Все, матушка, исполню! съ радостью объявила Пепита. Что хотите исполню, только бы мнѣ его укротить! То ли дѣло, какъ онъ будетъ у меня смириѣе овцы. Вѣдь я тогда буду дѣлать съ нимъ все, что мнѣ вздумается и сколько вздумается!

— Разумѣется. Веревочки витъ изъ него будешь.

Тетка Кикимора научила дочь все сдѣлать такъ, какъ приказывалъ святой пустынный, но, разумѣется, прибавила, чтобъ Пепита, когда мужъ начнетъ просить прощенья, не прощала его и продолжала хлестать вербой хоть до утра.

— Если же онъ бросится къ наружной двери, тутъ ты еще пуще сѣки его, да еще перекрести. Тогда съ нимъ сдѣлается обморокъ—и конецъ. Придетъ онъ въ себя и навѣки вѣчные твоимъ рабомъ станетъ! Башмакъ твой не будетъ смѣть поцѣловать безъ твоего позволенія.

Пепита въ восторгѣ бросилась готовить все въ горницы, мать помогала ей. Закрывъ окна, занавѣсивъ ихъ, онѣ розыскали всѣ щелки и дырки, какія только были въ гор-

ницѣ, и всѣ заткнули и перекрестили. Затѣмъ Пепита взяла освященную вербу и спрятала ее подъ кровать.

Тетка Кикимора достала святой воды и, кромѣ того, сбѣгала и купила бѣлую бутылъ изъ самаго толстаго стекла. Потомъ она выбрала крѣпкую свѣжую пробку и намочила ее въ святой водѣ.

Когда явился домой молодой супругъ, все было уже готово и у матери, и у дочери. Кикимора не могла глядѣть на своего зятя; зло такъ ее разбирало, что она готова была тутъ же взять первую попавшуюся вещь въ руки и запустить ею ему въ голову.

Поужинавъ вмѣстѣ, они простились. Молодой муженекъ былъ, очевидно, очень веселъ и доволенъ. Понравилось, видно, окаянному мужа-то разыгрывать на землѣ.

Молодые пошли къ себѣ въ опочивальню, а тетка Кикимора—шашть тихонько за ними, и какъ только они вошли, она заперла дверь на ключъ и вынула его. Бутылъ и пробка, намоченная въ святой водѣ, были у нея уже въ карманѣ. Она стала на караулѣ.

Сначала въ спальнѣ все было мирно и тихо, но вдругъ поднялся шумъ.

— Что ты! Что ты! Помилосердуй! взвыль вдругъ молодой муженекъ.

Пошла потѣха!—Содомъ поднялся въ спальнѣ. Верба освященная дѣйствовала въ рукахъ Пепиты на славу. Сатана кубаремъ катался по горницѣ, пересчиталь головой всѣ стѣны, всю утварь, всѣ стулья и шкафы, забивался подъ кровать отъ Пепиты и все молилъ жену на всѣ лады, чтобъ она простила его и только выпустила вонъ.

Пепита не слушала и продолжала его хлестать. Верба была не велика, но на сатану дѣйствовала какъ самая огромная дубина, даже хуже. Еслибъ раскаленнымъ желѣзомъ жгли человѣка, то ему не такъ было бы больно, какъ больно было врагу человѣческому отъ освященной вербы.

Наконецъ, выбившись изъ силъ, весь мокрый, съ жалобнымъ песьимъ визгомъ, бросился сатана къ двери и вдругъ увидѣлъ, что замочная скважина безъ ключа. Онъ даже вскрикнулъ отъ радости и въ одну секунду влѣзъ въ нее... Влѣзъ и взвизгнулъ! Отчаянный этотъ визгъ раздался на весь домъ, потомъ на всю улицу, затѣмъ на весь городъ и, наконецъ, на всю окрестность.

Тетка Кикимора, очевидно, приставила къ замочной скважинѣ свою бутылъ. Проскочивъ въ замокъ, сатана думаль, что ужъ спасся на волю. И хлопъ!.. прямо, сразу попалъ въ бутылъ.

Тетка Кикимора, разумѣется, тотчасъ заткнула ее освященной пробкой, да на радостяхъ такъ прихлопнула ладонью по пробкѣ, что не было еще на свѣтѣ, да и не будетъ такого штопора, которымъ бы можно было вытащить назадъ эту пробку.

— Здравствуй, зятюшка дорогой! радостно заголосила тетка Кикимора, держа бутылъ на свѣчку и глядя на несчастнаго, который—голенькій и мокренькій—сплющился тамъ и изъ красавца-франта сдѣлался поневолѣ капелешнымъ чертенкомъ.

— Что, голубчикъ, посиди теперь тутъ! Покуда жива я—ужъ тебѣ не гулять по свѣту. Тю-тю!! Пепита тутъ только узнала всю правду, кто таковъ былъ ея мужъ. Тетка Кикимора думала, что Пепита отъ ужаса въ обморокъ упадетъ, а Пепита какъ узнала, что она безъ мужа опять осталась, такъ и залилась слезами.

— Какое мнѣ дѣло, что онъ сатана, коли онъ красавецъ, плакала Пепита. А что жъ теперь лучше, что ли, мнѣ, когда ни черта нѣтъ у меня.

— Ахъ ты, шальная, безумная! Да развѣ можно объ эдакомъ мужѣ жалѣть! говорила ей мать.

Но Пепита неутѣшно плакала и все косилась на бутылъ. Дай ей эту бутылъ, она бы, пожалуй, какъ разъ опять выпустила отгуда своего муженька. Между тѣмъ, пока мать съ дочерью бранились, сатана смиренхонько усѣлся на днѣ бутылки, поджалъ подъ себя ножки, подвернулъ хвостикъ и, не на шутку пригорюнившись, повторялъ все себѣ подъ носъ:

— Вотъ такъ оказія, судари вы мои! Вотъ такъ женился! Вотъ такъ теща! Ну, вотъ и мое вамъ почтенье! Сатана сталъ размышлять, грустно виляя кончикомъ хвостика.

— Что жъ теперь дѣлать? думаль онъ. Хорошо если проклятая Кикимора поставитъ бутылъ на полку, тогда я, прыгавши поусерднѣе, свернусь какъ-нибудь съ ней вмѣстѣ на полъ, разобью ее да и выскочу; а какъ она меня въ землю закопаетъ? На свѣтѣ-то, на свѣтѣ-то, что безъ меня будетъ!! Батюшки мои, какое ужасное, невѣроятное приключеніе!

Думаль, думаль сатана и пришелъ опять-таки къ тому же заключенію и къ тому же восклицанію:

— Вотъ такъ теща! Ну!

Чего ожидалъ сатана отъ своей тещи, то тетка Кикимора и надумалась сдѣлать, т. е. вышла на огородъ и, вырывъ яму, закопала бутылъ, да такъ, чтобы дочь не видала.

— Посиди тутъ покуда, а то Пепита тебя еще, пожалуй, по глупости выпустить, сказала Кикимора.

Вернулась она въ домъ и, найдя Пепиту всю въ слезахъ, стала ужъ ругаться.

— Глупая ты, глупѣе не было да и не будетъ. Ты бы лучше подумала со мной, что теперь съ нимъ сдѣлать. Вѣдь, не стеречь же мнѣ его, какъ кладъ какой. Вѣдь, онъ не намъ чета, съ голоду не околѣетъ.

— А вотъ что, матушка, я надумала. Сдѣлаемъ мы съ нимъ условіе. Пускай онъ мнѣ поможетъ найти богатаго жениха—тогда мы его и выпустимъ. Разумѣется, прежде всего надо уѣхать изъ этого города отъ сраму.

Тетка Кикимора вдругъ вскочила, какъ сумасшедшая, треснула себя по лбу и, ни слова не сказавъ, побѣжала на огородъ. Старуха рѣшила сразу исполнить свою мысль, а не тянуть. Она отрыла бутылъ изъ земли и стала говорить:

— Ну, зятюшка, слушай, попрошу я у тебя исполнить мои десять желаній. И какъ всѣ ты мнѣ ихъ исполнишь, такъ я тебя и выпущу на волю. Съ тѣмъ только уговоромъ, что если ты когда опять къ намъ явишься, то ужъ я съ тобой еще хуже сдѣлаю. Теперь ты въ бутылѣ, а тогда я тебя проглочу да ротъ перекрещу.

— Ахъ, отчаянная баба!—возопилъ сатана. Вотъ отчаянная-то! И не придумаешь, на какое дѣло ее хватить. Хорошу тещу себѣ выискалъ.

— Согласенъ ты десять желаній исполнить?

— Помилосердуй!—запищаль сатана, стоя въ бутылѣ и безпомощно складывая руки.—Если ты меня не боишься, побойся хоть Бога; какъ же я исполню тебѣ десять желаній? Ты, вѣдь, не вѣсть что попросишь.

— Не хочешь, такъ сиди тутъ!

И тетка Кикимора собралась уже опять осторожно зарывать бутылъ въ землю.

— Стой! стой!—заораль сатана самымъ отчаяннымъ голосомъ, такъ что бутылъ даже зазвенѣла. Согласенъ на пять желаній.

Тетка Кикимора подумала и махнула рукой.

— Ну, такъ ужъ и быть, скряга эдакій!

— А послѣ пятого желанія выступишь?

— Выпущу.

— Поклянись: если, молъ, я обману, то провалиться мнѣ, теткѣ Кикиморѣ, со всѣмъ моимъ домою, въ тарь-тарары.

Тетка Кикимора поклялась, повторивъ клятву слово въ слово и съ особенной торжественностью.

— Карету!—воскликнула Кикимора тотчасъ по заключеніи этого договора съ дьяволомъ. Черезъ минуту, онѣ, вмѣстѣ съ Пепитой и съ бутылью между ними обѣими, уже сидѣли въ каретѣ и ѣхали. Сатана, отъ тоски, лазилъ въ бутылцѣ по стеклу, кругомъ, долѣзая до пробки и кувырчался на дно, взмахивая хвостомъ.

— Куда же намъ ѣхать-то?—спросила Пепита. Вѣдь мы зря ѣдемъ.

— Эй ты, дьяволенокъ поганый, будетъ тебѣ ерзать-то!—крикнула Кикимора, нагибаясь надъ бутыллю. Слушай, мы развѣ зря ѣдемъ?

— Зря!—отвѣчаетъ сатана.—Говори, куда надо.

— Въ Гранаду! говоритъ Пепита.

— Вотъ невидаль! Ёхать такъ ужъ ёхать... Въ Вавилонъ ступай! скомандовала Кикимора.

— Такого и города нѣтъ!—отвѣчалъ сатана.

— Не ври. Есть.

— Былъ. А теперь нѣту. Развалился давно отъ столпотворенія.

— Ну, а нѣту, такъ и не надо! Въ Севилью ступай.

Не успѣли мать и дочь мигнуть, какъ карета уже катить по улицамъ Севильи.

— Это уже два желанья!—пищитъ сатана.

— А ты не считай. Я сама счетъ знаю. Теперь слушай.

— Дворецъ мнѣ съ Пепитой въ полную собственность!—воскликнула Кикимора.

И въ ту же минуту карета подкатила къ великолѣпному подъѣзду, освѣщенному тысячами огней.

Десятки слугъ въ разноцвѣтныхъ ливреяхъ выскочили высаживать Кикимору и Пепиту и затѣмъ подъ руки повели ихъ по мраморной лѣстницѣ.

Тетка Кикимора ротъ разинула отъ удивленья, глядя на золотые потолки и росписныя стѣны дворца. Она такъ зазѣвалась на всѣ диковины, что чуть-чуть не выронила бутылъ

изъ рукъ. Сатана сидѣлъ на чеку и только того и ждалъ. Вотъ бы славно-то было.

— А то, поди, старая Кикимора еще такое надумаетъ, что и исполнить нельзя будетъ.

Выспавшись во дворцѣ, поѣвши вдоволь, Кикимора стала придумывать, что еще заставить сатану сдѣлать.

— Еще два желанья осталось!—думаетъ Кикимора.

— Ну, матушка, теперь мнѣ красавца мужа, говорить Пепита. Это главное. А безъ мужа, что мнѣ и дворецъ этотъ.

— Ну, ты, гусь лапчатый!—скомандовала Кикимора надъ бутылью.—Давай Пепитѣ мужа красавца. Ты вѣдь самъ-то не въ счетъ.

— Это ужъ будетъ четвертое желаніе—говорить сатана.— Одно останется.

— Ладно. Знаемъ. Ну, живо.

Очень неприятно было сатанѣ своей же женѣ мужа доставлять, но онъ вспомнилъ, что на свѣтѣ между людьми и это бываетъ часто, такъ почему же ему, черту, не услужить женѣ мужемъ.

Пепита къ вечеру была уже замужемъ за молодымъ малымъ, очень бѣднымъ, но замѣчательной красоты. Счастливѣе Пепиты не было дѣвушки. Дворецъ и красавецъ мужъ—чего больше. Она сіяла такимъ счастьемъ, что теткѣ Кикиморѣ стало завидно, глядя на дочь.

И пришло старой на умъ такое пятое желаніе: потребовать у сатаны, чтобы онъ вернулъ ей молодость и красоту ея, о которыхъ она, было, давно и думать забыла.

На другое утро, когда Кикимора, не спавши всю ночь отъ разныхъ сладкихъ мечтаній, собиралась уже, было, требовать исполненія послѣдняго своего желанія, къ ней вошелъ главный церемоніймейстеръ со счетами и попросилъ денегъ на расходы по хозяйству. Самыя пустяки нужны были. Всего-то десять тысячъ на слѣдующую недѣлю. Тетка Кикимора выпучила глаза на главнаго своего церемоніймейстера. У нея въ карманѣ былъ только одинъ завалавшійся грошъ.

— Ахъ я дура, дура безтолковая!—подумала Кикимора.— Мнѣ бы прежде всего миллионъ просить? Что теперь дѣлать? Не-то деньги просить, не-то молодость свою.

Тетка Кикимора призадумалась и не знала, на что рѣшиться. Пепита явилась къ матери разряженная и веселая и объявила ей о томъ же самомъ, о чемъ думала и мать.

— Матушка, мы главное-то и забыли. Деньги! Денегъ не будетъ, у насъ и дворець этотъ за долги отнимуть.

Хоть и грустно было теткѣ Кикиморѣ отказываться отъ своихъ мечтаній— снова помолодѣть— а дѣлать нечего. Деньги были нужнѣе.

— Сама виновата. Карету просила, дура, да еще везти просила. Взяла бы милліонъ прямо, такъ и карету бы купила и доѣхала сюда и дворець бы выстроила. Ахъ, я просто-филя! Ну, ты, чучело, давай послѣднее, и нечего дѣлать, придется тебя выпустить. Давай милліонъ денегъ.

Черезъ секунду, вокругъ тетки Кикиморы уже лежали кучи золота и въ сосѣднихъ горницахъ нельзя было пройти отъ кучъ серебра. Пепита набрала полные карманы и поѣхала съ мужемъ по магазинамъ. Этимъ-то она и спасла себя и мужа отъ гибели.

— Ну, что жъ, выпускать тебя, стало,—спросила тетка Кикимора, оставшись наединѣ съ бутылью, а у самой сердце ныло при мысли выпускать сатану, такъ ловко ей доставшагося.

Сатана сидѣлъ въ бутылѣ, поджавъ хвостъ, и молчалъ, какъ убитый, притворяясь, что дремлетъ.

— Что жъ, молчишь? А? Выпустить?! Эй!..

Молчить чертъ, какъ раздавленный. И не шевельнется даже. Умысль у него свой была, а тетка не смекнула.

— А!.. Ты со мной и говорить ужъ не желаешь!—озлилась вдругъ, Кикимора.—Такъ сиди же вѣкъ тутъ, проклятый. Мнѣ же лучше. Не выпущу.

Но, не успѣла тетка Кикимора выговорить эти слова, какъ дворець затрещалъ, а стѣны и потолокъ рухнули на Кикимору и на столъ. Бутылъ, разумѣется, разлетѣлась въ дребезги. Сатана выскочилъ, перевернулся отъ радости въ воздухъ, даже присвистнулъ и, мазнувъ теткѣ по носу хвостомъ, самымъ невѣжливымъ образомъ, исчезъ какъ молнія... А тетка Кикимора вмѣстѣ съ своимъ дворцомъ, и съ кучами золота, ухнула въ таръ-тарары. А ужъ тамъ-то что съ ней было—совершенно никому неизвѣстно!..

VI. Саида.

I.

Великъ Аллахъ и Магометъ, пророкъ его! Нѣтъ Бога выше Бога правовѣрныхъ! Нѣтъ пророка выше Магомета! Прекрасна земля, сотворенная Аллахомъ, обильна дарами... Сладка жизнь человѣческая, но тотъ, кто вѣренъ заповѣдямъ Корана, заживетъ послѣ смерти другою, дивною жизнью: вѣкъ будетъ отдыхать и наслаждаться въ раю съ прелестными гуріями.

Всемогущъ и страшенъ калифъ Абекъ-Серрахъ! Нѣтъ повелителя на землѣ равнаго ему! Пышенъ и великолѣпенъ Альказаръ, въ которомъ обитаетъ калифъ, роскошны сады, величественны террасы, стройны минареты и башни! Довольный міромъ и всѣми дарами Аллаха, безопасно счастливъ калифъ. Лишь двѣ заботы есть у него: первая забота—постоянная борьба съ Кастильскими королями, при перемѣнчивомъ счастьи. Вторая забота не меньшая: будущность его единственной дочери.

Красавица дочь, Саида, цвѣтъ женъ Мавританіи. Ни въ Гренадѣ, ни въ Кордовѣ не найдется красавицы, равной ей прелестью. Жизнь, казалось бы, должна улыбаться единственной дочери всемогущаго калифа, но Саида — странная юница. Всѣ ее любятъ, всѣ поклоняются, отецъ боготворить, но всѣ жалѣютъ ее, будто ждуть, что приключится съ нею что-нибудь худое. Между сотенъ глазъ, черныхъ, узкихъ, арабскихъ, странно смотрять большіе синіе глаза Саиды. Совсѣмъ не похожа она на мавританку.

И среди своей пышной, сладострастной и счастливой жизни калифъ озабоченъ судьбой дочери еще болѣе, нежели борьбой съ Кастильскими королями.

Великъ Господь Вседержитель, пославшій Сына на землю

пострадать за грѣхи человѣческіе, научить любви, смиренію и всепрощенію.

Милосердна Святая Марія, Заступница за людей предъ престоломъ Всевышняго и предъ Богомъ Сыномъ.

Земля юдолю грѣха, горя и страданій, гдѣ человѣкъ обреченъ въ потѣ лица своего снискивать хлѣбъ насущный.

Только исполняющій заповѣди Господни спасется и наслѣдуетъ жизнь вѣчную, гдѣ нѣтъ воздыханія и печали.

Всемогущъ и страшенъ врагамъ король Кастильскій Гонзало. Нѣтъ христіанскаго владыки могущественнѣе его.

Тяжелъ и мраченъ замокъ короля, угрюмо смотрятъ бастионы, бойницы и подъемные мосты.

Вѣрный рабъ святого отца папы и церкви Римской, живетъ строгою жизнью король Гонзало съ Ave Maria на устахъ, съ милосердіемъ въ сердцѣ для всѣхъ, кромѣ враговъ христіанства.

Двѣ заботы у Кастильскаго короля. Первая забота: борьба съ врагами Христа, сосѣдями маврами и изгнаніе ихъ. Вторая забота: исчезновеніе, если не гибель, его любимца и племянника, рыцаря Алонзо, отважнѣйшаго витязя обѣихъ Кастилій и Арагона.

II.

Жизнь дочери калифа, прекрасной Саиды, проходила безмятежно. Все было у нея: былъ отецъ, обожавшій ее, были подруги для игръ и бесѣдъ, была нянька, старая, шестидесятилѣтняя Аикса, исполнявшая всѣ прихоти своей питомицы. Саида была не только всеобщей любимицей, но первою личностью во всемъ калифатѣ. Главные наперсники Абень-Серраха значили менѣе, нежели Саида. Но юная мавританка пользовалась своею властью только для добра, для милосердія, для помощи бѣднымъ и угнетеннымъ.

Единственнымъ удовольствіемъ Саиды были прогулки по обширному саду, окружающему Альказаръ. Въ тѣни миртовъ и лавровъ проводила она большую часть дня, тихо бесѣдуя со старою Аиксой о прежнемъ всесвѣтномъ владычествѣ мавровъ или о витязяхъ Мавританіи, или о коварствѣ и злобѣ христіанъ, ихъ враговъ.

Но Саида, любившая бесѣды съ подругами и розказни своей Аиксы, еще болѣе любила оставаться въ одиночествѣ,

размышлять и разговаривать сама съ собою. Это рѣдко удавалось ей.

Аикса, и даже самъ калифъ, замѣтили, что Саида, оставаясь одна, становилась всегда грустна отъ своихъ помысловъ. О чемъ она думала, она сказать не могла, но ее томило нѣчто. Безпричинная грусть являлась какъ бы хворостью. Не мудрено, что просто злые люди сглазили ее когда-нибудь. Или при рожденіи зависть людская вооружила противъ нея какую-нибудь злую силу.

Несмотря на всѣ старанія подругъ и няньки не оставлять Саиду въ одиночествѣ, ей удавалось всякій день провести хотя бы нѣсколько минутъ одной, въ тѣни садовъ. Иногда она умышленно скрывалась, убѣгала и, притаившись въ благоухающей кругомъ чащѣ, не откликалась на поиски.

Однажды, въ тихій вечеръ, среди душевной мглы, Саида умышленно скрылась отъ всѣхъ и зашла въ самую чащу сада. Она слышала, что ее звали, но не откликалась. Ей особенно сильно хотѣлось остаться нѣсколько мгновений одной.

Едва пробравшись не по дорожкѣ, а просто черезъ чащу, она вышла на открытую полянку. И тутъ ей пришло на умъ, что нянька Аикса никогда не водила ее гулять въ ту нижнюю часть сада, которая разстилалась теперь предъ ней по покатоному холму.

Это соображеніе удивило Саиду. Почему за столько лѣтъ ни Аикса, ни подруги никогда не ходили съ нею гулять по самому низу холма.

„Можетъ быть, тамъ что-нибудь страшное“, подумала Саида и уже готова была крикнуть и присоединиться къ подругамъ. Но вдругъ непреодолимое любопытство потянуло ее. Ей захотѣлось спуститься съ холма и побывать тамъ, гдѣ никогда, ни разу не была она.

Внизу, за чащей обширнаго сада, виднѣлось тяжелое уродливое зданіе съ маленькими окнами. Надъ зданіемъ не высилось ни одного минарета, не было ни одной граціозной арки, ни единой колонны. Все зданіе походило на огромный, продолговатый темный ящикъ.

Саида спустилась робко по холму и рѣшила приблизиться къ самой стѣнѣ этого уродливаго зданія. Здѣсь, сквозь вѣтви, увидѣла она предъ собой два окна, такія же, какъ въ Альказарѣ, но въ нихъ были желѣзныя рѣшетки.

Саида глянула въ обѣ стороны и увидѣла, что вдоль все-

го зданія виднѣлись два ряда такихъ же оконъ съ желѣзными загражденіями. Нижнія окна были почти у самой земли. Если тамъ было жильѣ, то очевидно, это были подвалы. Саида стояла разочарованная. Она думала, что увидить тутъ что-нибудь болѣе любопытное.

Она хотѣла уже вернуться, но вдругъ вздрогнула и затрепетала всѣмъ тѣломъ. Изъ ближайшаго къ ней окна слышался протяжный стонъ, слабый, болѣзненный, за сердце хватающій.

Добрая и мягкосердая Саида не могла выносить человѣческихъ стоновъ. Не часто они долетали до нея—дочери калифа, обитающей въ высокомъ Альказарѣ. Но однако она хорошо знала, что есть на свѣтѣ несчастье, и могла, конечно, и разумомъ, и сердцемъ отличить плачь отъ смѣха, стонъ отъ пѣсни.

Не успѣла Саида прійти въ себя, какъ изъ другихъ оконъ послышались ей другіе стоны. Она обомлѣла и, какъ околдованная, боясь двинуться съ мѣста, стояла какъ истуканъ.

Стоны замолки, но черезъ нѣсколько мгновеній снова въ ближайшемъ отъ нея окнѣ раздался болѣе тихій голосъ, еще сильнѣе схватившій ее за душу. Этотъ голосъ сталъ произносить чуждыя ея слуху слова, но она почувствовала, что это слова молитвы.

Кто же это можетъ быть? Что это можетъ быть? Какія это существа такъ страшно стонуть и такъ странно молятся?

Саида думала, что только въ бѣднѣйшихъ частяхъ города обитаютъ несчастные, а вдругъ здѣсь, около самаго Альказара, мучаются люди.

Придя въ себя, дочь калифа поспѣшно удалилась отъ страшной стѣны уродливаго зданія. Скоро нашла она своихъ подругъ, рѣзвящихся вокругъ большого мраморнаго бассейна, недалеко отъ террасы дворца.

Въ ту же ночь Саида мольбами, ласками и слезами выманила у старой Аиксы объясненіе тайны. Аикса созналась питомицѣ, что потому никогда не водила ее въ нижнюю часть сада, что повелитель - калифъ строго воспретилъ кому-либо ходить туда.

Подъ холмомъ, въ этомъ угрюмомъ зданіи, въ казематахъ и подвалахъ, заключены плѣнные собаки Кастильцы и другіе христіане, люди звѣроподобные и лицомъ и нравомъ.

Когда ихъ забираютъ въ плѣнъ послѣ какой-либо битвы,

то сажаютъ тамъ, и они умирають, обреченные на смерть голодомъ.

Аикса присовѣтовала питомицѣ никогда болѣе не ходить близко къ стѣнѣ каземата, такъ какъ христіане порожденіе злого духа. Если кто - либо изъ нихъ увидить ее, поглядить на нее, то можетъ взглянуть и сдѣлать на всю жизнь несчастною.

III.

Нѣсколько дней, даже и ночей продумала Саида о неожиданномъ открытіи. Наконецъ, однажды въ ясный полдень она точно также отдалилась незамѣтно отъ своихъ подругъ и пошла къ роковой стѣнѣ съ рѣшетчатыми окнами. Здѣсь долго боролась она сама съ собой, но наконецъ рѣшилась, подошла къ самой стѣнѣ и заглянула черезъ рѣшетку одного изъ оконъ.

При яркомъ солнечномъ днѣ, несмотря на тьму въ самомъ зданіи, Саида разглядѣла на земляномъ полу подвала фигуру молодого человѣка въ странномъ нарядѣ, не похожемъ на одежду правовѣрныхъ.

Саида ожидала увидѣть нѣчто страшное и быть перепуганною, а вмѣсто этого она увидѣла несказанно красивое блѣдное лицо, черные, какъ смоль, кудри, черные, красивые, но какъ бы потухающіе глаза.

Саида наклонилась къ самой рѣшеткѣ. Лежащій узникъ увидалъ ее и кроткимъ, слабымъ взоромъ посмотрѣлъ на нее. Онъ тихо, черезъ силу, произнесъ какія-то слова, но Саида не поняла ихъ. Она стояла, какъ потерянная. Она понимала лишь одно, что видъ этого страдальца - узника не внушаетъ ей ни малѣйшаго страха, а чрезмѣрную жалость. Даже болѣе того... Онъ ей милъ!

Узникъ произнесъ два слова, тихо простоналъ и закрылъ глаза.

— Что съ тобой? Что тебѣ нужно? произнесла Саида.

— Хлѣба... отвѣтилъ узникъ на ея языкѣ. — Хлѣба... Я умираю...

Саида, не помня себя, бросилась бѣжать въ Альказаръ, и уже достигнувъ главной мраморной лѣстницы, спускавшейся изъ ея горницъ въ садъ, она сообразила, что ей предстоитъ самое мудреное дѣло, какое когда - либо было въ ея жизни.

Ей—дочери калифа—достать кусокъ хлѣба въ великолѣпномъ Альказарѣ повелителя правовѣрныхъ, было невозможно. У кого и зачѣмъ спросить она хлѣба въ неурочный часъ? И какіе толки, какое недоумѣніе можетъ возбудить подобнаго рода желаніе съ ея стороны.

Разумѣется, обдумавъ все, Саида, обратилась за помощью къ той же Аиксѣ.

Старуха перепугалась страшно и объяснила, что питомица сама не знаетъ, что говорить и что хочетъ сдѣлать. Плѣнные христіане должны безъ исключенія умирать голодомъ. Великій грѣхъ предъ Аллахомъ спасти хотя одного изъ нихъ. Если калифъ узнаетъ о такомъ дѣяніи, то, несмотря на всю любовь свою къ дочери, онъ не помилуетъ и ея. Что касается самой Аиксы, то, конечно, калифъ велитъ казнить ее.

Но всѣ увѣренія и клятвы старухи не привели ни къ чему. Саида умоляла объ одномъ: достать скорѣй хлѣба и снести узнику.

Черезъ нѣсколько времени объ мавританки уже пробрались тайкомъ въ чащу сада, двигаясь къ каземату.

Приблизясь къ знакомому уже рѣшетчатому окну, Саида окликнула узника. Онъ повернулъ къ ней блѣдное лицо, открылъ глаза, но не двинулся съ земляного пола. Саида просунула руку въ окно и бросила кусокъ хлѣба на землю.

Съ этого дня ежедневно въ сумерки, иногда вечеромъ, Саида отправлялась тайкомъ въ нижнюю часть сада и несла всегда въ своемъ раззолоченномъ фартукѣ всякаго рода пищу и кувшинчикъ воды. Все къ тому же окну ходила она.

Узникъ подходилъ къ рѣшеткѣ, просовывалъ руки. Онъ былъ уже не тотъ теперь. Онъ ожилъ. Лицо его не было уже такъ блѣдно и было еще красивѣе. Взоръ былъ иной—не потухающій, а яркій.

Наконецъ, однажды старшій изъ придворныхъ калифа доложилъ повелителю, что взятые въ послѣдней битвѣ Кастильцы, рыцари и простые воины, всѣ уже покончили свое существованіе и что казематъ вновь очищенъ, въ надеждѣ, что новая битва принесетъ новыхъ христіанскихъ собакъ. Но при этомъ придворный объявилъ, что одинъ рыцарь, самый главный изъ всѣхъ взятыхъ, родственникъ Кастильскаго короля, живъ и даже здоровъ.

Абениъ-Серрахъ изумился, какое колдовство могло спасти отъ голодной смерти гаура-рыцаря.

Придворный заявилъ, что колдовства никакого нѣтъ, а есть тайна. Тайна роковая и страшная, которую онъ не смѣетъ повѣдать. На строгое приказаніе калифа, онъ палъ ницъ предъ нимъ, отдавая свою голову правосудному повелителю, если окажется, что онъ лжетъ. Затѣмъ онъ повѣдалъ калифу невѣроятное событіе.

Плѣннаго рыцаря, обреченнаго на смерть, кормить ежедневно собственными руками сама дочь калифа, Саида. Каждая сумерки, иногда вечеромъ, иногда очень поздно, близъ полуночи, она выходитъ изъ Альказара тайкомъ, въ темномъ одѣяніи, и проноситъ въ фартукѣ пищу для узника. Затѣмъ они бесѣдуютъ по-долгу чрезъ окно и расстаются до слѣдующаго дня.

Калифъ вспыхнулъ гнѣвомъ. Тотчасъ же приказалъ онъ взять докладчика и за клевету посадить въ тотъ же казематъ, обрекая его на ту же голодную смерть.

Повелитель правовѣрныхъ не могъ повѣрить, чтобъ его любимица Саида могла взять на себя такой страшный грѣхъ предъ Аллахомъ, такое преступленіе противъ законовъ.

Однако Абень-Серрахъ провелъ тревожную ночь, и почти не ложился спать. На слѣдующій день онъ не допустилъ къ себѣ никого, не занимался дѣлами, а бродилъ по внутреннему дворику Альказара, гдѣ били серебрястые фонтаны изъ мраморныхъ львиныхъ головъ.

IV.

Въ сумерки калифъ, никѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ Альказара, прошелъ весь садъ и спрятался въ чащѣ кустовъ, неподалеку отъ каземата. Наступила ночь, и среди полумглы онъ увидѣлъ идущую по дорожкѣ женскую фигуру въ темномъ одѣяніи.

Сердце дрогнуло у калифа. Это была его дочь, его Саида, его единственное сокровище въ мірѣ. И онъ обреченъ видѣть ее преступающею заповѣди Аллаха, законы калифата.

Абень-Серрахъ поднялся, вышелъ изъ чащи и сталъ на дорожкѣ, по которой робкою походкой двигалась Саида.

Черезъ мгновеніе отецъ и дочь встрѣтились. Калифъ поднимая руку и, казалось, этимъ молчаливымъ движеніемъ поразилъ дѣвушку въ самое сердце.

Саида остановилась, опустила голову и стояла как обреченная на смерть. Она понимала, что предъ ней теперь стоитъ не отецъ, а стоитъ калифъ.

— Куда ты идешь? произнесъ, наконецъ, Абенъ-Серрахъ.

И лишь черезъ мгновеніе слабый голосъ, въ которомъ онъ едва узналъ голосъ дочери, отвѣчалъ:

— Гуляю...

— А что у тебя въ фартукъ?..

И снова лишь черезъ мгновеніе, едва слышный замирающій голосъ Саиды отвѣтилъ:

— Цвѣты.

— Покажи мнѣ ихъ, вымолвилъ калифъ и дернулъ за фартукъ.

Края его выпали изъ омертвѣлыхъ рукъ Саиды, и изъ фартука, при блескѣ луны, посыпались на дорожку чудныя и пышныя розы всѣхъ цвѣтовъ.

Калифъ вскрикнулъ, бросился, обнялъ дочь, и ни слова не говоря, повелъ ее въ Альказаръ. Здѣсь, приведя къ себѣ, онъ всячески ласкалъ ее и, наконецъ, сталъ умолять простить его за подозрѣніе.

Саида оставалась смертельно блѣдна, трепещущая, едва живая.

— Что же съ тобой? спрашивалъ калифъ.— Неужели я такъ испугалъ тебя? Виновенъ во всемъ клеветникъ, обвинившій тебя въ преступленіи самомъ ужасномъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ты тайно, всякій день, носишь хлѣбъ плѣннику-христіанину. А у тебя бывали цвѣты.

— Нѣтъ, родитель! воскликнула въ ужасѣ Саида, ломая руки, и страшная, какъ сама смерть.— Нѣтъ, въ фартукѣ моемъ былъ хлѣбъ, а не цвѣты. Я всякій день носила туда пищу, чтобы спасти отъ смерти рыцаря. И въ этотъ разъ я тоже несла хлѣбъ...

— Но какъ же оказались вмѣсто хлѣба цвѣты? изумился калифъ.

— Этого я не знаю. Понять этого нельзя! А тотъ, кто пойметъ, долженъ умереть. Ахъ, какъ желаю я это понять.

— Стало быть, это чудо?!

— Да... И чудо не Аллаха, а чудо Бога христіанскаго.. А мнѣ надо умереть...

— Не кощунствуй, дочь милая. Только Аллахъ правовѣрныхъ мусульманъ можетъ творить чудеса на землѣ.

— Стало быть Аллахъ заступился за меня и плѣнника-христианина, хотѣлъ спасти насъ отъ гнѣва калифа.

— Нѣтъ, дочь... Аллахъ не можетъ простить твой грѣхъ, твою помощь гяуру, собакамъ, христианину.

— Вѣрю я въ это, отецъ, и спрашиваю: Кто же обратилъ въ единый мигъ пищу и хлѣбъ въ цвѣты?..

— Не знаю... Не понимаю...

— Я начинаю понимать и чувствую, что должна умереть.

И Саида лишилась чувствъ, долго лежала безгласная, безжизненная...

Три дня никто изъ правовѣрныхъ не видалъ повелителя; калифъ сидѣлъ одинъ, удрученный, задумчивый, терзался въ борьбѣ съ самимъ собою. Духъ сомнѣнія овладѣлъ имъ и мучилъ его...

Наконецъ, на третьи сутки, уже въ ночь, изъ Альказара вышелъ простой мавръ, судя по его скромной одеждѣ. Онъ прошелъ садъ, обошелъ казематъ и, отворивъ своимъ ключемъ тяжелый затворъ главныхъ воротъ, скрылся подъ темными сводами тюрьмы.

Но чрезъ нѣсколько мгновений два человѣка снова вышли изъ этихъ воротъ: мавръ и узникъ-рыцарь.

— Иди вотъ въ этотъ домикъ, сказалъ мавръ—тамъ найдешь ты нашу одежду... За ночь выходи изъ города... Ступай на родину. Да сохранить тебя въ пути твой Богъ. И да проститъ мнѣ Аллахъ и Магометъ мой страшный грѣхъ предъ заповѣдью Корана.

— Благодарю тебя, добрый человѣкъ! воскликнулъ кастильскій рыцарь.—Но если узнается твое доброе дѣло, ты погибнешь. Калифъ тебя казнить.

— Нѣтъ. Калифъ самъ себя теперь казнить. То, что теперь въ душѣ его, хуже смерти! Узнай! Самъ Абенъ-Серахъ съ тобою говоритъ...

V.

Въ столицѣ Кастильскихъ королей было шумно. Былъ канунъ праздника дня Св. Духа, готовились всякія процессіи и крестные ходы, послѣ которыхъ долженъ былъ произойти рыцарскій турниръ.

Но особое оживленіе въ столицѣ было по поводу неожиданнаго радостнаго происшествія. Любимый племянникъ ко-

роля, рыцарь Алонзо, пропадавшій безслѣдно, возвратился въ отечество живъ и невредимъ изъ мавританскаго плѣна. Родственники давно считали его погибшимъ, или убитымъ, или замученнымъ Маврами, давно оплакивали и молились о душѣ его. Но болѣе всѣхъ оплакивала рыцаря его невѣста, прекрасная Изабелла.

Алонзо рыцарь, явившись на родину, не объяснилъ никому ни словомъ, какимъ образомъ спасся онъ изъ рукъ враговъ. Только одному королю, дядѣ Гонзало, повѣдалъ онъ все, что съ нимъ приключилось, какъ погибли другіе плѣнные и какъ уцѣлѣлъ онъ, и наконецъ благодаря заступничеству дочери калифа былъ имъ самимъ выпущенъ на свободу.

На предложеніе короля Гонзало назначить день праздника его брака, рыцарь признался въ тяжкомъ грѣхѣ. Онъ полюбилъ всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумомъ мусульманку. Ту, которой былъ обязанъ жизнью. Сердце его осталось тамъ, въ калифатѣ... Поэтому Алонзо считалъ еще болѣе грѣховнымъ дѣломъ наложить на себя узы таинства брака.

Съ первыхъ же дней своего появленія на родинѣ рыцарь сталъ вести себя загадочно для всѣхъ. Онъ не согласился участвовать въ турнирѣ, сталъ удаляться вообще отъ родныхъ и друзей и былъ занятъ однимъ дѣломъ.

Онъ разыскивалъ въ столицѣ и въ окрестностяхъ всѣхъ мавровъ, которые, когда-либо взятые въ плѣнъ, были рабами у разныхъ рыцарей. Найдя таковыхъ, рыцарь покупалъ ихъ себѣ въ рабы, но затѣмъ они исчезали безслѣдно. И никто не зналъ, что онъ давалъ имъ возможность возвратиться на ихъ родину.

Въ Кастильской столицѣ были тоже въ заключеніи плѣнники мавры. Ихъ не обрекали на смерть, но содержали жестоко, такъ что около половины изъ нихъ умирало. Рыцарь сталъ часто навѣщать казематъ, въ которомъ они были заключены, и облегчалъ ихъ участь.

Наконецъ, однажды Алонзо явился къ королю и попросилъ разрѣшенія поступить монахомъ въ монастырь, а пока удалиться въ какую-нибудь глушь, чтобы приготовить себя совершенно къ монашескому сану. Онъ считалъ себя какъ бы заживо умершимъ.

Всѣ удивились намѣренію храбраго рыцаря удалиться отъ свѣта. Только онъ одинъ зналъ, что если душа какъ бы от-

летѣла отъ него, то она витаетъ тамъ, въ столицѣ калифата. Она только и жива тѣмъ прекраснымъ образомъ, что въ эти дни находится въ Альказарѣ.

Съ разрѣшенія дяди короля, Алонзо покинулъ столицу, и всѣ думали, что онъ отправился въ пустыню или въ монастырь. Въ дѣйствительности рыцарь отправился тою же дорогой, которою явился въ столицу. Переодѣтый простымъ поселяниномъ, онъ пѣшкомъ достигъ границы мавританскихъ предѣловъ. Здѣсь онъ остался нѣсколько времени, старательно изучая арабскій языкъ.

Между тѣмъ во всей столицѣ калифата, такъ же какъ въ самомъ Альказарѣ, было мертвенно тихо. Всѣ ходили печальные и угрюмые.

Давно уже народъ ни разу не видалъ въ лицо своего повелителя. Калифъ совершенно не показывался изъ своего дворца никому.

Причиной всеобщаго унынія была болѣзнь любимой дочери калифа.

Съ того самаго дня, что Саида повстрѣчалась съ отцомъ въ саду, а пища, которую несла она милому плѣннику-христианину, мгновеннымъ чудомъ обратилась въ цвѣты, молодая мавританка измѣнилась совершенно. Печально смущенное настроеніе ея перешло въ недомоганіе и, наконецъ, она заболѣла и лежала день и ночь.

Встревоженный калифъ созвалъ всѣхъ врачей, какіе были въ калифатѣ, но никто помочь не могъ. Болѣзнь Саиды не поддавалась ничьимъ усиліямъ и никакимъ средствамъ. Эту болѣзнь врачи даже и назвать не могли. Дочь калифа сгорала какъ отъ огня и таяла.

Прошло нѣсколько времени и уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Саида должна покинуть земной міръ. Теперь только Абень-Серрахъ понялъ, до какой степени любилъ свою дочь. Потеря ея представлялась ему горшею, нежели потеря всемогущества, власти и всѣхъ богатствъ Мавританіи. Горе калифа дошло до такого предѣла, которому трудно было бы дать имя.

Абень-Серрахъ съ отчаянія, очевидно, потерялъ разумъ. Такъ отнеслися бы къ нему его поданные, еслибъ знали что съ нимъ произошло.

Калифъ, бесѣдая со слабою умирающею дочерью, не только повѣрилъ чуду, совершившемуся на ихъ глазахъ, но, повели-

тель правовѣрныхъ мусульманъ началъ вѣрить, что чудо это было чудомъ не Аллаха, а чудомъ христіанскаго Бога.

И въ горькомъ отчаяніи калифъ сказалъ дочери:

— Я молился страстно за тебя Аллаху! А ты все-таки умираешь... Если такъ, то проси христіанскаго Бога спасти тебя и оставить на землѣ, чтобы жить мнѣ на радость.

— Я готова... Да, я буду Его просить, отвѣтила Саида. И въ первый разъ съ давнихъ поръ улыбулась она.

Одновременно калифъ объявилъ во всѣ предѣлы, что если вышется на свѣтъ врачъ какой бы ни было народности и религіи, который спасетъ Саиду, то онъ отдастъ ему тотчасъ же половину своего царства.

Народъ взволновался. Казалось, всѣ врачи перебивали въ Альказарѣ, но при этомъ воззваніи нашлось еще много врачей. Явился одинъ врачъ съ африканскаго берега, явился одинъ Еврей, затѣмъ одинъ христіанинъ изъ Кастиліи. Но изъ нихъ тоже никто не помогъ.

Саида была уже едва жива, лежала безъ движенія, безъ словъ, и только ея красивые синіе глаза казались живыми—еще въ нихъ только задержалась душа, отлетающая отъ тѣла.

VI.

Однажды среди пламеннаго іюньскаго дня, когда все живое отъ человѣка до насѣкомаго пряталось отъ жгучихъ лучей солнца и задыхалось отъ раскаленнаго воздуха, вдругъ съ горизонта показалась темная полоса, и стала надвигаться и чернѣть. Это была грозовая туча.

Черезъ часъ все небо заволкло страшною непроницаемою тучей, которая повпсла надъ всею окрестностью. Вдали гудѣли раскаты грома и сверкала молнія. А надъ самую столицу калифата и надъ Альказаромъ стояла почти полночная тьма. Никогда еще такой страшной тьмы не наступало среди дня. При этомъ полное затишье воцарилось повсюду. Каждый листокъ на деревѣ, казалось, оробѣлъ и притаился.

И среди этой тьмы и затишья вошелъ въ городъ и двинулся по одной изъ крайнихъ улицъ чудный человѣкъ въ снѣжно-бѣлой одеждѣ страннаго покроя. Простое бѣлое покрывало окутывало тѣло и было перекинуто черезъ плечо. Сзади одежда эта слегка волочилась по землѣ. Свѣтлое лицо

его, обнаженная голова съ русыми, длинными кудрями, рассыпанными по плечамъ, небольшая раздвоенная борода, и ясныя очи, отражающія какое-то сіяніе—все таинственно дивно было въ немъ.

Народъ, видѣвшій его, невольно сторонился, молча и боязливо жался къ стѣнамъ домовъ и трепетно взиралъ на него. Онъ невидимыми шагами двигался по улицѣ прямо къ Альказару, будто не шелъ, а тихо неся...

И вдругъ сплошную черную тучу прорѣзаль яркій лучъ солнца и скользнулъ внизъ, но освѣтилъ только этого одного человѣка. Онъ одинъ ослѣпительно сіяющій среди окрестной тьмы—былъ чудомъ. Ужасъ проникъ въ сердца и многіе не могли вынести его вида и падали ницъ.

Онъ поднялся, но не шагами, а тихо скользя по большой мраморной лѣстницѣ Альказара, миновалъ всѣ горницы и безшумно явился около ложа, гдѣ была недвижно распростерта умирающая дочь калифа. Онъ приблизился къ ней, коснулся рукой ея головы и вымолвилъ:

— Встань и ходи!.. Вѣра твоя спасла тебя...

Саида затрепетала, улыбнулась, освѣтила себя христіанскимъ знаменіемъ и поднялась съ ложа смерти, здоровая, цвѣтущая какъ когда-то... Прежняя Саида, красавица и счастливица.

Обезумѣвшій отъ восторженнаго счастья Абенъ - Серрахъ приблизился къ невѣдомому чудному человѣку и воскликнулъ:

— Кто ты, о дивный мужъ?!

— Я врачъ изъ Іудеи...

— Тебѣ, по обѣту моему, отдаю половину моего царства.

— Царство мое не отъ міра сего. Я посланъ Богомъ во славу Его исцѣлить твою дочь.

И тою же невидимою тихою походкой вышелъ изъ Альказара и изъ города этотъ чудный человѣкъ. И такъ же сопутствовалъ ему, идя надъ нимъ и освѣщая его сквозь черную тучу,—одинъ ярко сіяющій солнечный лучъ.

Саида осталась жить на свѣтѣ, но калифъ все-таки потерялъ свою любимую дочь. Юная Мавританка послѣ бесѣды съ отцомъ, которая осталась для всѣхъ тайною, покинула Альказаръ и калифатъ и исчезла безслѣдно.

Вскорѣ послѣ этого въ столицѣ калифата появился юный Мавръ, немного странно произносившій арабскія слова, якобы отъ прирожденнаго косноязычія. Онъ всячески старался проникнуть въ Альказаръ, хотя бы простымъ служителемъ, но

разспрашивая обитателей, онъ узналъ одну вѣсть. А когда узналъ ее, то упалъ безъ чувствъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ.

Это былъ Алонзо рыцарь, который изъ-за страстной любви къ Мавританкѣ обучился арабскому языку и надѣлъ одежду, которую прежде презиралъ.

Онъ пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы во всемъ признаться самому калифу и, будучи самъ царственнаго происхожденія, просить руку и сердце его дочери.

За это онъ хотѣлъ принести такую страшную жертву, о которой до той поры никто никогда не слышалъ. Онъ рѣшался перейти въ магометанство.

Извѣстіе, что красавица Мавританка уже не обитаетъ въ Альказарѣ, что она умерла и, какъ бы воскреснувъ вновь, исчезла съ лица земли, поразило рыцаря чуть не на смерть.

Прошло много лѣтъ. Въ Старой Кастиліи, въ дебряхъ Гвадарамскихъ горъ, появились двѣ обители: мужская и женская. Онѣ были раздѣлены между собой быстрымъ и грознымъ горнымъ потокомъ.

Игуменья женской обители была прекрасная юная магометанка, перешедшая въ вѣру Христову. Ея имя было—Марія. Игумень мужской обители былъ прежде отважнымъ рыцаремъ. Имя его теперь было—Юсифъ.

Но сердца и всѣ помыслы Алонза и Саиды, умершихъ для міра, влекло къ горному потоку и за него.

VII. Подземная дѣвушка.

По дорогѣ изъ Алмеріи въ сосѣдній городокъ Адра, жила одна женщина съ дочерью. Онѣ держали постоялый дворъ, были очень бѣдны и все богатство дочери Кармень состояло въ парѣ рѣдкихъ, обворожительныхъ глазъ.

Кармень была извѣстна въ околоткѣ, какъ замѣчательная красавица и умница, и красота ея особенно заманивала путешественниковъ...

Однажды, вечеромъ, подъ Ивановъ день, заѣхали на постоялый дворъ два иностранца, молчаливые, сумрачные, глаза у обоихъ свѣтлые, волосы бѣлокурые, бороды рыжеватые. Карменъ приняла у нихъ лошадей, задала кормъ и подвиглась не мало, потому что лошади тоже были какія-то странныя. Морды горячія, какъ огонь, хвосты и гривы съ блескомъ и волосъ твердый, какъ стекло. Глаза же совсѣмъ страшные, смотрятъ какъ человѣчьи, и широкіе зрачки слѣдятъ за всѣми движеніями дѣвушки, словно понимаютъ все, что она дѣлаетъ. Рада была Карменъ съ ними раздѣлаться скорѣе и войти въ домъ.

Иностранцы между тѣмъ ужинали въ кухнѣ, старуха-мать ухаживала за ними, пробовала даже заговаривать, но они отдѣлывались все тремя словами. Что ни скажешь—отвѣтъ:

— Да, или нѣтъ, или хорошо.

Поужинавъ, они ушли въ комнату, которую имъ отвели внизу. Старуха задумалась и руками развела надъ столомъ.

— Что, мама? Чего ты? спросила дѣвушка.

— Да какже... посмотри! Костей не осталось. Они мясо съ костями съѣли! Это что-то не ладно.

— Да вѣдь они иностранцы, мама! успокоила ее Карменъ.—Можетъ, у иностранцевъ зубы собачьи!

— Пожалуй! Но вообще они чудны что-то очень. Видѣла ты, какъ свѣтятся у нихъ глаза? Точно искрятся. И не говорятъ ни о чемъ. Я пробовала заговаривать. Спрашиваю: откуда вы? Одинъ мнѣ отвѣчаетъ: да! Спрашиваю: вась когда разбудить? Другой говоритъ: хорошо!

— Ничего, мама. Они иностранцы. Богъ дастъ, уѣдутъ завтра и расплатятся щедро. Ты дороже запрашивай только.

— Небойсь! Я за ужинъ да за ночлегъ полуимперіаль запрошу.

Старуха была сильно жадна на деньги.

Черезъ пять минутъ вышла Карменъ на улицу, захотѣлось ей взглянуть въ конюшню, узнать, что дѣлаютъ чудныя лошади. Глянула она въ слуховое окошечко и обмерла. Обѣ лошади сидятъ на землѣ на заднихъ ногахъ, какъ собаки, а передними разводятъ по воздуху, какъ руками, и тихо разговариваютъ по-испански.

— Еще семь лѣтъ служить, говорить одна.—А тамъ опять сдѣлаюсь юношей и женюсь на моей Маріи. Она меня ждетъ, бѣдная. Не вѣритъ, что навсегда пропаль ея женихъ.

— А я-то, братец мой, говоритъ другая. Мое-то какое униженіе. Вѣдь изъ солдатъ мѣтилъ уже быть въ жандармахъ сержантомъ. А тутъ вдругъ эдакое несчастье. Овесъ да ячмень ѣшь, когда я безъ чашки шеколада утормъ — совсѣмъ дрянъ человекъ. Жить не могу.

Кармень не выдержала со страху, при видѣ оборотней, и кубаремъ покатила въ домъ. Мать уже спала и храпѣла. Легла и Кармень, но не спалось ей.

„Что-то дѣлаютъ иностранцы“, думала она и словно кто толкаетъ ее: встань, да встань, посмотри. Не утерпѣла дѣвушка и тихонько вышла на улицу, обошла садикъ и прильнула къ окну комнаты иностранцевъ. Занавѣски были задернуты, но немного не сходились, и вся комната была видна ей. Иностранцы въ красныхъ, яркихъ кафтанахъ сидѣли на стульяхъ въ двухъ противоположныхъ углахъ комнаты и глядѣли другъ на друга. Наконецъ, одинъ досталъ книгу и другою досталъ книгу. Первый началъ читать, а самъ лѣвою рукою гладитъ себя по колѣну... Гладилъ онъ долго... И вдругъ видитъ Кармень, у него подъ ладонью вертится и свивается снурокъ. Скоро и совсѣмъ готовъ настоящій снуръ.

Онъ пересталъ читать и перебросилъ снурокъ этотъ товарищу чрезъ всю комнату. Гулъ прошелъ по комнатѣ, словно сто голосовъ заговорили и смолкли вдругъ. Второй началъ читать, а самъ снурокъ тоже катаетъ ладонью. Побѣлѣлъ снуръ и началъ толстѣть. Онъ все читаетъ да катаетъ, а снурокъ все толще да толще дѣлается. И наконецъ, смотритъ Кармень, свѣчка вышла, самая простая обыкновенная свѣчка. Надо бы ей уйти, да не могла дѣвушка, словно привязали ее къ окну.

Иностранцы встали, сошлись среди комнаты, поставили свѣчку на полъ и зажгли ее. Тотчасъ же фосфоромъ запахло, т.-е. нечистой силой. Вѣрно, самъ дьяволъ явился къ нимъ, вызванный чтеніемъ ихъ.

Иностранцы сѣли около свѣчки и начали опять читать... Вдругъ затрещалъ полъ комнаты, покорибилась доска, лопнула и выскочила двумя кусками. Оба куска запрыгали по полу другъ предъ дружкой, точь-въ-точь, какъ фанданго танцуютъ обыкновенно юноша съ дѣвушкой. Изъ дыры пола повалилъ дымъ. Кармень была ни жива, ни мертва, но однако не крикнула и не шелохнулась, а рѣшила про себя, что хоть весь домъ гори, но она доглядитъ все, что будутъ дѣлать иностранцы.

За первую доской затрещали и выскочили еще нѣсколько и также пустились плясать. Наконецъ образовалась дыра аршина въ два ширины, дымъ пересталъ итти, и оттуда разлилось по комнатѣ яркое сѣянье.

Тогда одинъ изъ колдуновъ - иностранцевъ полѣзъ въ яму и исчезъ въ ней, а чрезъ секунду появилась оттуда его рука со слиткомъ золота. Оставшійся принялъ золото и положилъ на столъ, рука опять исчезла и опять достала еще. Долготаскали они такъ изъ ямы золото и драгоценные каменья. Весь столъ наконецъ былъ покрытъ богатствомъ, которое сѣяло какъ солнце на небѣ въ полдень.

Между тѣмъ свѣчка уже догорала. Оставшійся въ комнатѣ крикнулъ что-то товарищу, и тотъ вылѣзъ вонъ. Свѣчка догорѣла, потухла, и въ комнатѣ стало страшно темно. Кармень точно очнулась отъ сна, побѣжала скорѣе къ матери и все рассказала ей. Перепугалась старуха, и до разсвѣта просидѣли онѣ, замирая отъ страху.

Разсвѣло наконецъ. Иностранцы вышли изъ своей комнаты съ однимъ лишнимъ мѣшкомъ, позавтракали, потомъ сами осѣдлали лошадей и спросили счетъ.

— Тысячу песеть, поперхнувшись, выговорила старуха, но ни одинъ изъ нихъ и не моргнулъ.

Тысяча мелкихъ монетъ чистаго, яркаго серебра выложено было на столъ, какъ будто старуха попросила самую настоящую цѣну.

Иностранцы съѣхали со двора и скрылись, а обѣ женщины бросились въ комнату, гдѣ они останавливались. Слѣдовъ не было никакихъ. Полъ какъ былъ грязный и старый, такъ и остался. Подивились онѣ обѣ, старуха даже заподозрила, что дочь все во снѣ видѣла.

— Покопать намъ съ тобой подъ этимъ домомъ, говорить Кармень, такъ и мы найдемъ кладъ. Я хорошо видѣла...

— Можетъ и добьемся чего-нибудь? говорить мать, глядя на полъ.

— Нѣтъ, мама! Я забыла главное. У нихъ книги были и свѣча особенная, своя. А мы ничего не сдѣлаемъ. Если и осталось еще много отъ клада, такъ онъ намъ не дастся, ибо онъ очарованный. Его копаньемъ не возьмешь.

— Посовѣтуемся съ какимъ-нибудь колдуномъ. Можно ему эти тысячу песеть за труды дать.

— Это можно.

И обѣ женщины рѣшили, что надо на другой же день послать въ Адра за однимъ знаменитымъ колдуномъ, пріѣзжимъ съ острова Ивисы.

Мать пошла въ кухню готовить обѣдъ, ибо ждала пріѣзжихъ, а дочь стала убирать комнату и вдругъ, выметая соръ, увидела нѣсколько кусочковъ стеарина и фитилекъ. Взяла она собрала все кусочки и догадалась, что это не остатки свѣчи, которую онѣ подали иностранцамъ, а нѣчто другое; слѣдовательно, это должны быть остатки ихъ адской свѣчи. Позвала Кармень мать, и обѣ рѣшили, что это стеаринъ особенный и положительно куски отъ свѣчи иностранцевъ. Запрыгала Кармень отъ радости какъ безумная.

— Что ты? Чему, глупая? говорить мать.

— Мама, мама, мы богаты будемъ. Не надо и колдуна. Съ нимъ дѣлиться придется, а мы безъ него теперъ обойдемся. Я знаю, что надо дѣлать.

— Какъ безъ колдуна можно обойтись?

— Молчи только! Подождемъ до ночи, и ты увидишь, что я сдѣлаю. Только если кто будетъ ночевать изъ проѣзжихъ, не клади ихъ въ этой комнатѣ. Мама! Мы страшные богачи будемъ. Не останемся здѣсь. Поѣдемъ жить въ Гранаду и такую гостиницу откроемъ, какія только въ столицахъ бываютъ.

Насилу дождались онѣ ночи. Въ сумерки заѣхало ночевать трое знакомыхъ проѣзжихъ; но ихъ, накормивъ, уложили спать въ другомъ концѣ дома.

Сама Кармень заперлась съ матерью въ страшной комнатѣ, смѣшала остатки стеарина, приклеила фитиль и, сдѣлавъ огарокъ, поставила на полъ... и зажгла.

Доски пола затрещали, захрустѣли, поломались и съ громомъ полетѣли подъ потолокъ. Земля разверзлась, но не болѣе какъ на полъ-аршина. Сіянье столбами выливалось изъ дыры, и бѣлые стѣны комнаты страшно алѣли, ослѣпляя глаза. Кармень, не теряя времени, бросилась къ отверстію и хотѣла лѣзть, но оно было ужасно узка.

— Что дѣлать, мама! въ ужасѣ кричала Кармень. — Надо спѣшить... Огарокъ не великъ. Догорить!

Она раздѣлась совершенно и кое-какъ, ободравъ себѣ бока обѣ узкую щель, пролѣзла... Черезъ секунду она уже начала бросать къ матери горстями и золото, и брилліанты, и всякіе цѣнные каменья. Старуха обезумѣла, загребая на полу драгоценности.

— Мама, мама! Тамъ громаднѣй кладъ, тамъ кучами навалено все это... Въ тодъ не перетаскаешь всего!

Накидавъ цѣлую кучу, Карменъ рѣшилась поневолѣ выльзаться вонъ, потому что свѣчка уже совсѣмъ догорала....

— Еще немножко, Карменъ! просила старуха. — Еще малость, дорогая моя! Еще горсточку, на мула. Мула купить.

— Будеть, мама. У насъ ужъ страшно много. На все хватить.

— Еще горсточку на пару воловъ... Воловъ купить...

Карменъ опять скрылась и опять выбросила нѣсколько горстей золота.

— Еще, Карменъ. Родная моя! Если любишь меня старуху, еще горсточку одну выброси. Новую посудину завести...

Вдругъ стало страшно темно въ комнатѣ. Огарокъ догорѣлъ, и свѣтъ потухъ... Старуха безъ памяти бросилась за спичками, зажгла свою свѣчу и закричала, какъ безумная.

Поль былъ какъ всегда цѣлехонекъ, щели никакой, и Карменъ нѣтъ въ комнатѣ, а вокругъ старухи, на полу и на столѣ, вмѣсто золота и дорогихъ каменьевъ, навалены кучи всякаго сора, навоза и дряни.

— Карменъ, Карменъ! застонала старуха, и слышитъ вдругъ изъ-подъ земли голосъ дочери:

— Мама, мама! Погубила меня твоя алчность. На вѣки вѣковъ останусь я зарытая подъ землей!—Если ты богата, то вели скрыть этотъ несчастный домъ и поставь надъ этимъ мѣстомъ крестъ. Пусть молятся обо мнѣ проѣзжіе.

Старуха перебудила постояльцевъ, рассказала имъ все какъ было... Они бросились ломать полъ и рыть землю. Вплоть до утра и весь слѣдующій день работали они и ни до чего не дорылись... Ни клада, ни дѣвушки...

Въ полночь за слѣдующимъ днемъ опять раздался стонъ Карменъ.

— Не роите! стонала бѣдная дѣвушка.—Не роите! Чѣмъ больше вы роете, тѣмъ я глубже ухожу въ землю. Мама, мама! За что ты меня погубила!

Прошло много времени съ тѣхъ поръ. Старуха совѣтовалась со всѣми умными людьми, со всѣми колдунами, но никто ничего не могъ посоветовать. Только даромъ потратила старуха всѣ свои деньги, которыя прежде скопила на приданое бѣдной своей Карменъ... Не прошло года, и старуха умерла съ горя...

Постояльнй дворъ опустѣль, никто не захотѣль вести торговлю на такомъ страшномъ мѣстѣ.

Проѣзжіе не только не останавливались здѣсь, но старались избѣгать это мѣсто и проѣзжать мимо засвѣтло, да рысью, да оглядываясь...

Черезъ годъ, въ Ивановъ день, опять слышались стоны заживо зарытой дѣвушки. И такъ съ тѣхъ поръ и всегда въ ночь Иванова дня стонетъ несчастная подземная дѣвушка.

VIII. Святой Христовальъ.

Авнымъ давно тому назадъ, жилъ въ Испаніи молодой малый, по имени Офери. Онъ былъ страшнаго роста и ужасной силы, но нрава миролюбиваго. Такъ какъ онъ былъ сирота, то никто не воспитывалъ его и не училъ съ молоду, и онъ, какъ младенецъ, ничего не зналъ. Было ему уже за двадцать лѣтъ, а онъ и не слыхалъ никогда, что есть нечистыя силы, дьяволъ и что есть и добрые духи, есть Богъ надо всѣмъ и всѣми.

Вотъ такъ-то и жилъ онъ, работая въ батракахъ, отъ зари до зари у одного поселянина, злого и скупого человѣка. Много заставляли его работать, пользуясь его громадной силой, а ѣсть давали ему мало. Никогда не наѣдался онъ до сыта, всегда былъ голоденъ... и—что всего страннѣе—хоть и много бы подали ему ѣсть, онъ все уплететь, и все-таки голоденъ.

Вотъ однажды Офери загрузилъ и сталъ разсуждать самъ съ собой вслухъ:

— Эдакъ жить нельзя. Помрешь съ голоду какъ разъ. Вонъ другіе батраки похуже и послабѣе меня, а всегда сыты, вечеромъ гуляютъ по селу съ гитарами, пѣсни поютъ, ночью ходятъ къ невѣстамъ подъ окна. Я одинъ, какъ оглашенный, живу, ни невѣсты, ни гитары, да и животъ пустой.

— Надо найти такого хозяина, который содержалъ бы хорошо! сказалъ кто-то за его спиной.

Оглянулся Офери, стоитъ предъ нимъ старушенка дряхлая, худенькая, чернорожая...

— А гдѣ я найду такого хозяина?

— Ступай, ищи. Тотъ, кто не имѣетъ себѣ равнаго по росту и силѣ, долженъ служить тому, кто не имѣетъ себѣ равнаго по могуществу.

Не долго думая, пустился Офери въ дорогу, искать такого хозяина. Шелъ онъ день—ѣсть захотѣлъ, шелъ два—смерть ѣсть хочется, шелъ три—и не стерпѣлъ, сѣлъ подъ каштановое дерево и началъ ругательски ругать чернорожую старуху и свою глупость.

— Будь проклята моя несчастная судьба! выговорилъ онъ.

— Раскрой ротъ! пискнуть кто-то съ дерева.

Глядь, а на деревѣ сидитъ та же старуха чернорожая и страхиваетъ ему каштаны съ вѣтвей. Знай Офери, что есть на свѣтѣ вѣдьмы, онъ понялъ бы, кто это можетъ сидѣть такъ на каштановомъ деревѣ, но онъ былъ по этой части не свѣдуецъ. Поѣлъ Офери каштановъ, заморилъ червячка и говорить:

— Спасибо, бабушка!

Отвѣта нѣтъ никакого. А извѣстное дѣло, что на спасибо всякій всегда долженъ отвѣчать:

— Не стоитъ благодарности.

Офери, не слыша этого отвѣта, удивился и поглядѣлъ на дерево. А тамъ нѣтъ ужъ никого.

— Экая приткая бабушка-то!

Снова пустился Офери въ путь дорогу и на второй день, голодный и усталый, пришелъ въ одинъ городъ. Первое, что бросилось ему въ глаза, былъ огромный и великолѣпный дворецъ.

— Чей это дворецъ? спрашиваетъ онъ.

— О! Тутъ живетъ господинъ, которому нѣтъ равнаго по могуществу во всей этой странѣ.

Стало быть, мнѣ надо ему служить, подумалъ Офери и пошелъ во дворецъ. Богачъ, когда увидалъ такого страшнаго гиганта, пришелъ въ восторгъ. Онъ очень любилъ охоту на медвѣдя, но держался всегда осторожно и пускалъ впередъ своихъ охотниковъ и слугъ. Они хоть и сильны были, но медвѣдь еще сильнѣе и каждый разъ искалѣчить то двухъ,

то трехъ. Отъ этого господину былъ большой убытокъ... въ слугахъ. Увидя Офери, богачъ обрадовался, потому что такого гиганта никакой медвѣдь не искалѣчить. Немедленно нанялся Офери и прямо пошелъ въ людскую ужинать. Глядь, а управительница въ домѣ богача та же старуха; что кормила его съ каштана; только—странное дѣло—рожа у нея чище немного стала.

Поужинавъ Офери, и довольный говорить:

— Ну, да будетъ благословенна моя судьба!

— Спасибо! выговорила старуха.

— А тебѣ какое дѣло?

Но отвѣта онъ не получилъ. Управительницы и слѣдъ простыль.

— Ну, бабушка, пряткая... подумалъ Офери, почесывая затылокъ.

Лихо выпался Офери въ эту ночь. Храпѣлъ такъ, что жители думали гроза на небѣ и громъ гремитъ.

По утру собрались на охоту. Пришли въ лѣсъ. Напали скоро на медвѣдя. Какъ господинъ увидаль его, сейчасъ и тягу, а Офери впередъ посылаетъ... Этотъ не далъ медвѣдю и опомниться, схпалъ его и распласталъ. Господинъ былъ въ изумленьи и въ восторгѣ, и чтобы сохранить такого слугу, сталъ баловать его и осыпалъ его подарками.

Офери бѣлъ за десятирыхъ, имѣлъ гитару, имѣлъ невѣсту и жилъ себѣ припѣваючи. Управительница за нимъ ухаживала и—странное дѣло! Еще бѣлѣе лицомъ стала.

Однажды отправились богачъ и Офери на охоту и, провозившись за медвѣдемъ, порядкомъ запоздали домой. До города далеко, а Офери отощаль страсть.

— Пойдемте, говорить онъ своему господину,—въ городъ не дорогой, а на прямки. Скорѣй дойдемъ!

— Что ты, Офери? Ни за что! Тутъ Дьяволовъ оврагъ переходить надо.

— Ну, такъ что жъ?

— Ни за что на свѣтѣ. Я дьявола пуще всего боюсь, а онъ долженъ быть въ этомъ оврагѣ, коли названье такое оврагу.

— Да почему же вы боитесь? Я вотъ не боюсь, сказалъ Офери.

— Молчи, молчи! закричалъ господинъ, поблѣднѣвъ.—Всѣ должны бояться дьявола; не боятся его одни дураки!

Вернулись они домой по дорогѣ, давши большой крюкъ. Офери и вѣсть не сталъ, а глубоко задумался.

— Если мой хозяинъ такъ боится дьявола, стало быть, дьяволъ могущественнѣе его, а мнѣ старуха сказала, что кто не имѣетъ равнаго себѣ по росту и силѣ, долженъ служить тому, кто не имѣетъ себѣ равнаго по могуществу.

Сказано уже, что Офери не зналъ, что такое дьяволъ, и поэтому онъ преспокойно сейчасъ же одѣлся и, не говоря никому ни слова, отправился въ Дьяволовъ оврагъ. Ночь была страшно темная. Офери то и дѣло спотыкался и падалъ, и ужъ сталъ, было, думать: не вернуться ли назадъ, а то вѣдь шею сломишь; однако, думая это, онъ все-таки шелъ далѣе, и далѣе...

Наконецъ, спустился онъ въ оврагъ и видитъ, вдругъ, въ одномъ мѣстѣ какой-то свѣтъ, а огня нигдѣ не горитъ; подошелъ онъ ближе и чуть не задохся. Такъ и понесло на него запахомъ сѣры и фосфора.

Глупъ былъ Офери, и не въ догадку ему было, отъ кого всегда пахнетъ фосфоромъ. Извѣстно, что отъ дьявола.

Сталъ онъ удивляться.

— Что за свѣтъ такой странный? Что за вонь такая противная? воскликнулъ онъ, затыкая носъ.

Подошелъ онъ ближе—и видитъ входъ въ пещеру.

— Должно быть, это и есть обиталище... Пришелъ. Слава тебѣ, Господи! разсѣянно проговорилъ усталый Офери.

Но едва онъ выговорилъ послѣднія слова, какъ изъ пещеры послышались крики, ругательства, проклятья, и оттуда выскочилъ, какъ опаренный, какой-то господинъ, въ черномъ плащѣ. Такъ золь и взбѣшенъ былъ онъ, что у него даже искры изъ глазъ сыпались.

— Чего тебѣ надо? закричалъ онъ.

— Извините, кавалеро, вымолвилъ Офери.—Не здѣсь ли живетъ господинъ донъ Дьяволъ?

— Съ нимъ говоришь, безстрашный. Я самъ донъ Дьяволъ.

— Очень пріятно-съ. Я пришелъ узнать, не нуженъ ли вамъ хорошій слуга... Я бы нанялся.

— Въ слугахъ у меня никогда недостатка нѣтъ. Мнѣ всѣ наперерывъ служатъ! Впрочемъ, такого, какъ ты, возьму съ удовольствіемъ, и если ты будешь вести себя хорошо, то пожалуй добьешься и до мѣста тайнаго совѣтника и секретаря.

— Спасибо, сударь!

— Не стоит благодарности. Ступай теперь, поужинай. Тамъ найдешь одну женщину, которая тебя накормитъ.

Офери вошелъ въ пещеру и очутился въ великолѣпномъ дворцѣ. У богатаго господина было много слугъ, но у дьявола была такая куча, что Офери изумился. Тысячи людей сидѣло въ людской, всѣхъ лѣтъ, всѣхъ состояній. Тутъ были и юноши, и дряхлые старики, и замѣчательныя красавицы; тутъ же были алькальды, губернаторы, адвокаты, священники, генералы и даже министры. Офери особенно убѣдило послѣднее обстоятельство.

— Вотъ мой настоящій хозяинъ, потому что видно, что ему нѣтъ равнаго по могуществу.

Спросилъ Офери женщину, которая должна была дать ему поужинать. Указали ее. Изумился Офери, узнавъ въ ней ту же знакомую старуху, но—странное, престранное дѣло! старуха начинала ужъ бѣлѣть, когда онъ увидѣлъ ее во дворцѣ богача, а теперь она была еще чернѣе, еще гаже, чѣмъ когда-либо. Вся рожа угольного цвѣта.

— Бабушка! Какъ? И ты тоже господину Дьяволу служить перешла? воскликнулъ онъ.

— Ну! ѣшь ужъ... огрызнулась старуха.

Сталъ Офери ѣсть, и случилось съ нимъ чудо. Просто не зналъ онъ, что и подумать. Чѣмъ больше ѣсть и глотаетъ онъ, тѣмъ голоднѣе себя чувствуетъ. Просто отъ каждаго лишняго куска животь тощаетъ все пуще и пуще. Бросилъ онъ ужинъ и ушелъ спать.

На другой день сталъ онъ приглядываться и увидѣлъ, что онъ въ сущности самый лѣнивый и худшій слуга въ домѣ, что далеко ему до того усердія, съ какимъ служили дьяволу всѣ его слуги.

— Ну, пойдемъ теперь по дѣлу въ одно село, сказалъ голодному Офери его новый хозяинъ.—Я долженъ снести обитателямъ его добрую вѣсть, и боюсь, что они съ радости захотятъ почтить меня черезчуръ и встрѣтятъ колокольнымъ звономъ. Поэтому, ты бѣги впередъ и предупреди, что я этихъ почестей, торжествъ и разныхъ скандаловъ не люблю; оставляю ихъ про дураковъ. Скажи, чтобъ они не смѣли въ колокола звонить. Не то разсержусь и уйду.

Пошелъ Офери впередъ и все устроилъ, какъ было приказано. Тутъ только на селѣ узналъ Офери, до чего простирается могущество его хозяина. Онъ принесъ жителямъ этого

села королевское позволеніе плясать качучу. Давно уже добивались они и не могли добиться этого права; но дьяволъ взялся хлопотать и своимъ вліяньемъ при дворѣ устроилъ дѣло скорехонько. Поэтому Офери, возвращаясь назадъ съ хозяиномъ, особенно почтительно глядѣлъ на него. Хозяинъ же былъ очень доволенъ, что на селѣ будутъ плясать качучу (должно быть, это входило въ его виды). На половинѣ дороги хозяинъ досталъ тавлинку съ табакомъ, угостилъ своего батрака и самъ вдоволь нанюхался.

Пошли дальше. Вдругъ хозяинъ чихнулъ. Офери, изъ вѣжливости, немедленно вымолвилъ:

— Богъ помочь! на здоровье.

Хозяинъ его ошалѣлъ отъ ярости. Еслибъ его назвали песомъ, или жидовскимъ пейсомъ, или пороссячьимъ хвостомъ, то онъ менѣе озлился бы, чѣмъ отъ словъ Офери.

— Ханжа проклятая! закричалъ онъ, сыпя искры изъ глазъ отъ ярости.—Если ты хоть разъ помянешь Его, я тебя на трехъ вѣдмахъ женю.

— Простите великодушно! Это такъ говорится во всемъ свѣтѣ; когда одинъ чихнетъ, то другой прибавляетъ, что, молъ...

— Молчи, окаанный! Не смѣй повторять этого слова!.. Дьяволъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совсѣмъ какъ шальной бросился на Офери и зажалъ ему ротъ. Офери замолчалъ, но, пришедши домой, сталъ думать.

— Отчего хозяинъ-дьяволъ боится одного имени Бога? Должно быть, Богъ еще могущественнѣе дьявола. Стало быть, мнѣ слѣдуетъ служить Богу.

Офери зналъ, что есть Богъ, но кто такой Богъ, онъ не зналъ. Видя, что дьяволъ боится Бога, онъ рѣшился искать Его, чтобъ немедленно наняться къ Нему въ услуженіе.

Попутру пришелъ Офери въ людскую, тамъ старуха дала ему поѣсть. Удивился онъ тому, что ея рожа стала изъ черной—сѣрая.

Попробовалъ онъ одного блюда, другого... видитъ—плохо, опять та же исторія отъ дьявольской пищи: чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ голоднѣе на желудкѣ. Не сказалъ онъ ни слова, вышелъ изъ пещеры и пошелъ искать, гдѣ Богъ живетъ.

Долго путешествовалъ Офери, усталъ, и чтобъ облегчить себя хоть немного, вырвалъ дубъ по дорогѣ, обломалъ сучья и пошелъ далѣе, опираясь на него, какъ на трость.

Повстрѣчались ему дѣти, выходившія изъ школы, и онъ спросилъ, не слышали ли они чего о Богѣ.

— Еще бы не знать. Это—Господь, всеправедный, всевѣдущій, всемогущій, всездѣсущій...

Долго и длинно описывали дѣти Господа Бога. Подивился Оферио всему, что слышалъ, и подумалъ:

— Да, видно ему нѣтъ равнаго на землѣ, и мнѣ подобаешь ему служить, а не кому другому!

— А гдѣ Богъ? спросилъ онъ.

— Вездѣ! говорятъ ему дѣти.

Пошелъ Оферио, думая, что если вездѣ, то онъ его сейчасъ и встрѣтитъ. Такъ шелъ онъ и пришелъ къ рѣкѣ. За ней на противоположномъ берегу стоитъ какое-то зданіе съ высокой башней и съ крестомъ. Такія же зданія онъ видалъ и прежде, поэтому не обратилъ на это вниманія. Перешагнувъ онъ рѣку однимъ шагомъ и идетъ далѣе. Вдругъ видитъ съ боку, поселянинъ пашеть землю.

— Добраго дня! сказалъ Оферио.

— Спасибо. Куда идетъ ваша милость? Не въ домъ ли Божій къ обѣднѣ? Я бы тоже пошелъ, да времени нѣту...

— А это Божій домъ? спросилъ Оферио.

— А то что жъ? Шутите вы... Это монастырь.

Поблагодарилъ Оферио поселянина за указаніе и скорѣе пошелъ къ этому дому, радуясь, что нашель, наконецъ, гдѣ живетъ Богъ.

Подошелъ онъ къ воротамъ и говоритъ привратнику:

— Это домъ Божій.

— Да. Входите.

— Не можете ли вы оказать мнѣ услугу большую—попросить Бога, чтобъ онъ принялъ меня къ себѣ въ услуженье?

— Просите сами. Господь Богъ всѣхъ принимаетъ. А къ намъ итти охотниковъ немного! Ради всякому.

Повелъ его привратникъ къ настоятелю монастыря, и тотъ тотчасъ же принялъ его въ Божьи слуги. Оферио хотѣлъ видѣть самого Господа, но настоятель сказалъ ему, что онъ допускаетъ до себя только самыхъ усердныхъ и вѣрныхъ слугъ и что современемъ, можетъ быть, и его допустить. Оглядѣлся Оферио. Слугъ у Бога было мало, и все народъ простой, смиренный, бѣдный.

Настоятель и братія повели Оферио въ церковь и причастили его. Онъ думалъ, что это завтракъ, и испугался тому,

какую маленькую порцію ему отпустили, но когда проглотилъ даваемое, то понялъ, что пища Господня не такова, какъ все то, что онъ перепробовалъ въ свою жизнь. Сразу пропалъ его голодь и уже болѣе не возвращался.

На утро взглянулъ онъ въ окно и увидалъ красивую бѣлолицую женщину, и—странное дѣло! очень похожа она была на бабушку, которая кормила его съ каштана, потомъ у ботача и у дьявола, только, по лицу судя, и сравненья нѣтъ.

Позвалъ его снова настоятель и сказалъ:

— Все мы здѣсь служимъ Богу; всякій по своимъ силамъ. Одинъ работаетъ въ саду, другой готовитъ въ кухнѣ, третій пишетъ книги, четвертый образа, пятый поетъ псалмы. Ты могъ бы дѣлать что-нибудь подобное, но для тебя мы нашли болѣе полезное занятіе. Къ намъ въ монастырь приходитъ много богомольцевъ, и такъ какъ моста черезъ рѣку нѣтъ, то всякій изъ нихъ долженъ переправляться вплавь. Такимъ образомъ, нѣкоторые тонутъ. Ты невѣроятно силенъ и великъ... шагаешь чрезъ рѣку какъ чрезъ ручей. Посвяти себя на то, чтобъ перетаскивать богомольцевъ съ берега на берегъ.

Офери съ удовольствіемъ согласился и, взявъ свой дубъ, который служилъ ему тростью, сѣлъ на берегу дожидать странниковъ.

Долго такъ служилъ онъ Богу и много перетаскалъ народу въ монастырь. Однажды онъ видитъ, къ той сторонѣ рѣки подходитъ маленькій мальчикъ и хочетъ плыть.

— Эй, погоди, мальчуганъ! Я тебя перенесу. Перешагнувъ Офери къ нему, взявъ крошку, посадилъ себя на плечо и хотѣлъ снова какъ всегда шагнуть назадъ, но малютка вѣсилъ страшно, словно цѣлая гора, и до такой степени сдавилъ плечо Офери, что этотъ чуть не обезпамятѣлъ и воскликнулъ невольно и бессознательно то, что слыхалъ другіе восклицали при бѣдѣ или неожиданности.

— *Cristo val!* Помоги, Христось. ¹⁾

Ребенокъ, молчавшій до тѣхъ поръ, проговорилъ:

— Да, я Христось, а то, что ты сказалъ, да будетъ именемъ твоимъ. Зовись отнынѣ Христоваломъ.

Тяжесть пропала, и вмѣстѣ съ ней исчезъ и малютка. Офери или Христовалъ сразу понялъ все и сразу сталъ истиннымъ христіаниномъ. Возвращаясь въ монастырь, онъ

¹⁾ *Cristo val* испанское восклицаніе, равняющееся нашему: Господи помилуй!!

встрѣтилъ молодую дѣвушкѣ чудной красоты и, узнавъ въ ней прежнюю старуху-бабушку, не удивился. Христоваль понялъ, что это была его судьба. Долго жилъ въ монастырѣ этомъ Христоваль, сталъ святымъ и по смерти его остались мощи. Въ севильской же ризницѣ хранится до сихъ поръ одинъ зубъ святого, величиной въ вершокъ. Нѣтъ собора и даже простой церкви въ Испаніи, гдѣ не было бы большой картины, изображающей гиганта святого Христовала невѣроятнаго роста, опирающагося на цѣлый дубъ и шагающаго черезъ рѣку съ младенцомъ Іисусомъ на плечѣ.

Х. Чудотворная пальма.

Во времена правотворнаго Абд-эль-Азиса, котораго Муза-Бен-Насейръ оставилъ править въ Севильѣ, послѣ покоренія Испаніи, существовала въ городѣ маленькая мечеть, около которой росла великолѣпная пальма. О ней ходили странные слухи между сынами Ислама. Неизвѣстно, что именно рассказывалось и что

ей приписывали, но известно, что правовѣрные построили около нея фонтанъ, для своего обряда омовенья передъ входомъ въ мечеть. Было известно, что правовѣрный, поклонившись разъ въ ту сторону, гдѣ хранить Кааба гробъ пророка, второй поклонъ дѣлалъ пальмѣ, величественно рисовавшейся на синемъ небѣ... Иногда, какъ бы въ отвѣтъ на поклонъ, пальма шевелила свои вѣтви, наклоня ихъ къ фонтану. По этой ли причинѣ, или почему-либо другому, но любовь къ этой пальмѣ распространилась повсюду.

Много лѣтъ спустя, т. е. уже во времена св. Фердинанда, вѣра въ пальму сдѣлалась еще сильнѣе. Когда христіанскія войска окружили Севилью и св. король уже входилъ побѣдителемъ въ городъ, когда онъ уже принялъ ключи его—толпы обезумѣвшихъ мавровъ окружили пальму и, какъ послѣднее средство, умоляли ее смилостивиться, явить новое чудо—разсѣять войска вражескія, невѣрнаго короля Фердинанда.

Но пальма не шелонулась; она осталась нѣма на всѣ молитвы и просьбы сыновъ Ислама... *Пальма покровительствовала христіанамъ!..*

Черезъ нѣсколько времени поганые выходили изъ Севильи, а на высокой башнѣ Santa María развѣвалось знамя святого короля.

Мечеть очистили и освятили во имя Іоанна Крестителя... Пальма расцвѣла и стала еще прекраснѣе, еще великолѣпнѣе разсыпались ея вѣтви, рисуясь на синемъ небѣ... Слухи о чудесахъ ея относительно христіанъ стали переходить изъ устъ въ уста, и отъ нея разносилось такое благоуханіе (odor de Santidad), что многіе пожелали быть похороненными подлѣ нея.

Такимъ образомъ, прежній садъ мавровъ превратился скоро въ христіанское кладбище. Наконецъ уже въ 1505 году, когда генераль-инквизиторомъ былъ мужъ ученый и знаменитый вельможа Фра Діэго Деза, случилось слѣдующее.

Было въ то время много еретиковъ въ Севильѣ. Однажды въ сумерки, въ церкви св. Іоанна Крестителя проповѣдывалъ францисканскій монахъ Фра Хуанъ де-Санта-Тереза. При большомъ стеченіи народа говорилъ онъ объ уменьшеніи страха Божія и усердія въ людяхъ. Закончилъ онъ проповѣдь, говоря, что самое тайное помышленіе, противное религіи, не можетъ укрыться отъ суда Божьяго, такъ какъ даже стѣны имѣютъ глаза и уши.

Четыре человѣка вышли изъ церкви, насмѣхаясь между собой надъ проповѣдью, и отправились въ одинъ домъ, извѣстный своимъ хорошимъ виномъ и столомъ.

Всѣ четверо были новообращенные евреи, которыхъ было тогда много, и которые, тщательно соблюдая всѣ обряды христіанской религіи, въ глубинѣ души насмѣхались надъ католицизмомъ, принадлежа къ своей первоначальной вѣрѣ. Спросивъ ужинать, выпивъ довольно много вина, они снова заговорили о проповѣди.

Одинъ изъ нихъ, очевидно, коноводъ, по имени Хуанъ Діаго насмѣхался болѣе всѣхъ.

Этотъ человѣкъ былъ извѣстенъ своимъ плохимъ поведениемъ; всегда посѣщалъ всѣ дурные дома и, при малѣйшей ссорѣ, обращался за помощью къ своему ножу, которымъ владѣлъ съ удивительнымъ искусствомъ...

Хуанъ Діаго, полупьяный, поднялся съ своего стула и заговорилъ такъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Монахъ говорилъ, что даже стѣны имѣютъ глаза и уши... Кто хочетъ побиться объ закладъ? Я отправлюсь въ любое уединенное мѣсто, произнесу кощунство... и никто не узнаетъ.

— Согласенъ! отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Если ты въ полночь осмѣлишься войти на кладбище San-Juan и передъ пальмою произнесешь свое кощунство—то моя лошадь. Перла и моя любовница Пакита—твоя!..

— Согласенъ!

Такъ какъ было еще одиннадцать часовъ, собесѣдники продолжали пить.

За пять минутъ до полночи они вышли. Трое остались у воротъ San-Juan'a. Діаго, не перекрестясь, вошелъ на кладбище и сталъ передъ пальмой.

Пробила полночь... Въ это мгновенье, надъ могилами столькихъ праведно жившихъ людей, похороненныхъ тутъ, передъ пальмой—Хуанъ Діаго громко и спокойно произнесъ богохульство, расхохотался и вышелъ.

Всѣ четверо отправились снова пить. Проигравшій обѣщалъ прислать на другой день и любовницу и лошадь.

Когда эти еретики ушли и никого не осталось на кладбищѣ, чудное сіяніе осѣнило пальму; сіяніе это, нѣжное, розовое и благоухающее, все увеличивалось. Наконецъ, изъ центра вѣтвей пальмы вылетѣлъ ангелъ чудной красоты,

одѣтый въ прозрачную тунику снѣжной бѣлизны, изукрашенную жемчугомъ, сафирами и другими драгоценными камнями. Ангелъ приблизился къ одной изъ могилъ и дотронулся до нея своими крыльями. Могила тутъ же раскрылась, и показался гробъ. Ангелъ произнесъ мелодичнымъ голосомъ:

— Разгнѣванный Господь слышалъ богохульство еретика! Ты жилъ и умеръ благочестиво, Тристанъ де-Ривера! Завтра, при восходѣ солнца, встань изъ гроба своего и ступай, донеси инквизиціи на еретика, чтобъ онъ былъ наказанъ! Такова воля Господня!

Снова тронулъ ангелъ могилу, и она закрылась. Тогда ангелъ обратилъ взоръ свой къ небу, поднялся и тихо полетѣлъ, оставляя за собой благоухающій слѣдъ... Сіянье надъ пальмой пропало, и снова все покрылось прежней тьмой...

Съ зарей, у дверей замка, находившагося въ предмѣстьи Триана, гдѣ была резиденція верховнаго инквизиторскаго суда (del Santo Officio), постучался почтенный старецъ, одѣтый въ длинное черное платье и едва державшійся на ногахъ отъ слабости и дряхлости. Онъ просилъ позволенія переговорить съ инквизиторами о дѣлѣ, *удномъ Богу и прославляющемъ религію*. Онъ былъ допущенъ и донесъ обо всемъ происшедшемъ въ ночь на кладбищѣ Іоанна Крестителя. Фра Діаго Деа и другіе инквизиторы были объаты ужасомъ.

Записали имя богохульника, взяли клятву съ старика; оставивъ свой адресъ, онъ вышелъ изъ верховнаго инквизиторскаго суда и, едва передвигая ноги, пропалъ въ переулкахъ Трианы.

Алгуасилы инквизиціи отправились на квартиру Хуана Діаго, подъ предводительствомъ Гинеса де-Сарабіа, мужа опытнаго въ дѣлахъ, касавшихся святой вѣры (Santa Fé). Извѣстно, что въ тѣ времена по приказанію инквизиціи отворялись всѣ двери, по малѣйшему требованію.

Разбудивъ Хуана Діаго, алгуасилы привели его въ замокъ Трианы. Онъ вошелъ спокойно, убѣжденный, что никто не знаетъ о происшедшемъ въ прошлую ночь.

Инквизиторы важно и строго занимали свои мѣста на высокихъ креслахъ. Толстыя стѣны низкой залы были завѣшаны черными коврами. Предъ креслами судей помѣщался широкій столъ на возвышеніи, окруженный рѣпоткой. На черной шерстяной матеріи, покрывавшей столъ, были вышиты медальоны доминиканскаго ордена. По бокамъ стола находились

маленькіе стулья для секретарей и другихъ должностныхъ лицъ; за ними лавки для *familiares* ¹⁾. Наконецъ, въ центрѣ, напротивъ всего суда помѣщался одиноко маленькій табуретъ, предназначенный для подсудимаго.

Подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, съ золотымъ шитьемъ и бахрамами, висѣлъ драгоцѣнный образъ Спасителя. Передъ нимъ, въ серебряномъ канделябрѣ, горѣло нѣсколько свѣчей изъ зеленого воска. Общій видъ этой залы былъ таковъ, что кто однажды побывалъ въ ней, тотъ всегда съ ужасомъ вспоминалъ о ней во всю свою жизнь.

Приказали подсудимому сѣсть, и начался допросъ:

— Какъ ваше имя? спросилъ фра Деза.

— Хуанъ Діаго.

— Какою должностью и ремесломъ занимаетесь?

— Никакимъ, потому что я—гидальго (благородный).

— Имѣете родныхъ?

— Нѣтъ.

— Противъ васъ есть важное обвиненіе. Если вы добровольно сознаетесь въ своемъ преступленіи, святой трибуналъ распорядится съ вами милосердно... Въ противномъ же случаѣ законъ строгъ... Поклянитесь именемъ Бога отвѣчать правду на всѣ вопросы.

— Клянусь! твердо произнесъ подсудимый.

— Въ добрый часъ!.. Что вы дѣлали вчера ночью съ одиннадцати до трехъ?

— *Alas Animas* (нѣчто въ родѣ вечерни); ужиналъ съ пріятелями, потомъ вернулся домой и легъ спать.

— Обвиняетесь въ клятвопреступленіи! воскликнулъ фра Деза. На васъ донесъ человекъ извѣстной честности и неспособный лгать. Признайтесь, сеноръ Хуанъ Діаго.

— Никто не можетъ избѣгнуть тайныхъ враговъ, ненависти и клеветы.

Фра Деза заговорилъ шопотомъ съ своими товарищами и обратился къ подсудимому:

— Если вы не признаетесь, васъ подвергнутъ пыткамъ.

Хуанъ Діаго вздрогнулъ.

— Пытка заставитъ меня сдѣлать фальшивое признаніе.. Правда то, что я уже сказалъ.

¹⁾ Членъ полицейской части инквизиціи. Сарабіа, начальникъ алгасиловъ, который арестовалъ Хуана Діаго, былъ *familiar*.

— Это ваше послѣднее рѣшеніе?

— Да.

Фра Деа подалъ знакъ фамилляресамъ. Подсудимаго связали и вывели въ широкую, четверугольную залу, полную крюковъ, зубчатыхъ колесъ, щипцовъ, молотковъ; между ними стояла машина по имени *potro*, нѣчто въ родѣ деревянной лошади, на которой пытка была ужасна. Пока подсудимаго раздѣвали, фра Деа отправилъ одного изъ фамилляресовъ за старикомъ-доносчикомъ, чтобъ онъ явился, по обычаю, подтвердить доносъ свой.

Пытка Хуана началась съ колеса; его привязали веревками и послѣ его вторичнаго отрицанія въ виновности—фра Деа произнесъ: *Primera vuelta!* (Первый кругъ).

Колесо повернули, веревки стягивались, врѣзались въ тѣло подсудимаго, побагровѣвшее отъ наплыва крови. При второмъ отрицаніи и второмъ поворотѣ кровь хлынула у него изо рта и изъ носу.

Въ эту минуту явился посланный фамилляресъ и, съ измѣнившимся, блѣднымъ лицомъ, тихо передалъ что-то на ухо инквизитору.

Деа, пораженный услышаннымъ, воскликнулъ:

— Боже великій, недозволяющій, чтобъ черныя дѣла оставались безнаказанными!.. Несчастный! Знаешь ли ты, кто донесъ на тебя? Мы послали за нимъ, и внукъ его объявилъ, что тотъ, котораго мы спрашиваемъ, и который нынче утромъ приходилъ сюда... уже болѣе двадцати лѣтъ, какъ похороненъ подъ пальмой церкви Іоанна Крестителя. Отвяжите его и отведите въ темницу.

Въ тотъ же день явился къ Хуану доминиканскій монахъ, увѣщавшій его раскаяться и признаться въ богохульномъ поступкѣ, наказываемомъ *самимъ Господомъ*.

Хуанъ признался во своемъ и назвалъ соучастниковъ, прося пощады и милосерднаго прощенія.

Въ тайномъ засѣданіи *Santo Officio* онъ былъ приговоренъ къ сожженію.

Соучастниковъ не нашли. Они бѣжали.

Черезъ два дня на *Campo de Fablada*, за стѣнами Севильи, былъ сооруженъ на возвышеніи большой костеръ для долженствовавшего произойти ауто-да-фе.

При огромномъ стеченіи народа, сопутствуемый обычной мрачной процессіей духовенства и монашескихъ орденовъ—

былъ привезенъ Хуанъ Діаго. Несмотря на моленья о пощаду, онъ былъ возведенъ на костеръ...

Умеръ онъ еретикомъ, потому что, объятый пламенемъ, забылъ о раскаяніи, и въ своемъ предсмертномъ бреду, обвинялъ *Santo Officio* въ обманъ въ дѣлахъ святой вѣры.

Со временъ этого самаго большого чуда святой пальмы—народъ прозвалъ церковь *San-Juan de la Palma*.

ХІ. Госпожа Фортуна и господинъ Капиталь.

Авнымъ-давно тому назадъ жила была на свѣтѣ знатная дама, госпожа Фортуна, изъ аристократическаго рода самаго древняго происхожденія, и жилъ-былъ важный, гордый и напыщенный, но незнатнаго происхожденья господинъ Капиталь.

Когда они встрѣтились и гдѣ именно, неизвѣстно, но какъ только встрѣтились, такъ и полюбили другъ друга и уже не разставались никогда. Гдѣ г-жа Фортуна, тамъ и г-нъ Капиталь, а гдѣ онъ, тамъ если не всегда, то все-таки часто и Фортуна.

Она еще не очень за нимъ бѣгала, но за то онъ за ней по пятамъ ходилъ, какъ собака. Хочетъ, не хочетъ, а идетъ... Дошло эдакъ дѣло до того, что въ свѣтѣ стали удивляться и находить, что имъ слѣдовало бы ужъ жениться.

Дѣлать нечего, пришлось знатной дамѣ госпожѣ Фортунѣ выходить замужъ за выскочку господина Капитала.

Капиталь былъ большой франтъ и красавецъ, помоложе много Фортуны, и характера положительнаго.

Госпожа Фортуна, наоборотъ, одѣвалась въ простой балахонъ, волосы не причесывала, и носила ихъ распущенные по плечамъ, а характеромъ была до нельзя легкомысленна, вѣтрена, да къ тому же ужасно непостоянна. Нынче у нея одна затѣя, завтра другая; что нынче хорошо, завтра дурно.

Однимъ словомъ, это было созданіе самое безтолковое. Въ добавокъ, Фортуна была близорука, чуть не слѣпа, и ей случалось часто дѣлать такіе промахи непоправимые, что весь свѣтъ приходилъ въ ужасъ и въ негодованіе. Однажды, напр. она хотѣла дать одному солдату арбузъ и ножъ, а сунула въ руки скипетръ и державу!.. Онъ попалъ въ монархи, и много бѣдъ и глупостей надѣлалъ. Наконецъ, къ фортуна за ее беспорядочность и безпечность весь свѣтъ относился такъ насмѣшливо, что такому положительному человѣку, какъ Капиталь, трудно было жениться на ней. Не говоря уже о томъ, что на старой дѣвицѣ никому не охота жениться,—а Фортуна была вѣдь уже дѣва зрѣлыхъ лѣтъ, когда Капиталь былъ еще юноша. Ну, однако, такъ ли, сякъ ли, но имъ надо было повѣнчаться.

Господинъ Капиталь сталъ скоро жалѣть свою холостую жизнь, и скоро начали мужъ и жена ссориться, все чаще да чаще... Причинъ, разумѣется, было миллионъ. Съ такой женой, какъ госпожа Фортуна, всякій день найдется изъ-за чего поругаться.

Вдобавокъ, Капиталь думалъ командовать надъ женой, быть главою. Куда тебѣ! Фортуна объявила, что она хоть и слѣпая и вѣтреница, но не только не измѣнитъ своимъ привычкамъ, но и мужа заставить повиноваться себѣ во всемъ.

У испанцевъ есть поговорка, что если и Океанъ женится, то присмирѣетъ,—а Капиталь, наоборотъ, вздумалъ храбриться, вздумалъ жену, да еще такую, какъ Фортуна, въ руки прибрать. А вздумалъ онъ это потому, что былъ ужасно гордъ, напыщенъ и очень ужъ много о себѣ возмечталъ.

Долго ли, коротко ли, а стали мужъ съ женой все чаще воевать и ссориться. Не жизнь пошла, а каторга. А разойтись совсѣмъ не могутъ... Вмѣстѣ тѣсно, врозь тошно!

Надумали они, наконецъ, рѣшить, кому кого слушаться и испытать, кто изъ нихъ могущественнѣе и кто на бѣломъ свѣтѣ важнѣе! Безъ кого изъ нихъ люди могутъ обойтись и безъ кого не могутъ. Тотъ, кто побѣдитъ, и будетъ главою въ домѣ.

— Какъ же это рѣшить? говорить Капиталь.

Онъ не былъ гораздъ на выдумки, потому что голъ на выдумки хитра, а не онъ, важный и богатый баринъ, да еще человѣкъ положительный. Фортуна же, вѣтреница и шатунья, много по свѣту набѣгалась и всякую штуку знала.

— Что жь тутъ голову ломать! говоритъ она. Это дѣло простое. Давай попробуемъ, кто скорѣе можетъ осчастливить человѣка, ты или я.

— Хорошо! говоритъ Капиталь. У меня въ землѣ, подумалъ онъ, много еще золота и серебра скрыто подъ спудомъ. Только найди его какой человѣкъ—такъ не только самъ счастливъ будетъ, а цѣлое государство будетъ въ довольствѣ и благополучіи.

— Найдёмъ, говоритъ Капиталь женѣ, самаго бѣднаго человѣка, совѣмъ нищаго и голоднаго, и давай намъ пробовать свою силу.

— Хорошо, говоритъ Фортуна. Зачѣмъ далеко ходить, вонъ сидитъ Рамонъ, по прозвищу „Оглашенный“. Ступай къ нему и дѣлай что хочешь съ нимъ, а я свое буду дѣлать.

Капиталь тихо пошелъ, степенно и важно подошелъ къ Рамону, какъ слѣдовало вельможѣ.

Рамонъ былъ поденщикъ и почти нищій. Когда къ нему пришелъ Капиталь, онъ сидѣлъ грустно среди поля подѣ деревомъ и ѣлъ черствый ломоть хлѣба, а около него лежала сломанная лопата.

— Здравствуй, Рамонъ, сказалъ Капиталь.

— Мое почтенье, ваше благородіе.

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Что? Сижу да свою судьбу клянущу. Несчастіе меня, кажется, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ человѣка.

Разказалъ Рамонъ новому знакомому барину всѣ свои бѣды и несчастія, и Капиталь увидѣлъ, что такого-то человѣка ему и надо для своей пробы.

— Ну, а теперь что жь ты дѣлаешь?

— А теперь не знаю, куда дѣваться и какъ заработать хоть грошъ. Нанялся я рыть колодезь, вотъ тутъ... Уговоръ былъ съ нанимателемъ такой, что какъ я до воды дорожусь, такъ мнѣ и деньги въ руки. Рылся я, рылся въ землѣ и ни черта не нашель, чтобъ ей пусто было.

— Ну, нѣтъ, извини, я не желаю, чтобъ ей или въ ней пусто было. Отъ земли и всего, что есть въ ней, зависитъ мое могущество.

Въ землѣ вся моя сила. Изъ нея растутъ хлѣбъ и въ ней же олово, мѣдь, золото и серебро, иногда и брилліанты.

— Не знаю, что находятъ въ вашей землѣ люди, разсердился Рамонъ, а я въ ней, треклятой, не только золота, даже

воды не нашель ни капли. Дорылся только до старой подошвы и на такой страшной глубинѣ, что надо полагать, эта подошва оторвалась от сапога какого нибудь антипода. Еще бы немного, и я, роясь да роясь—вылѣзъ бы гдѣ-нибудь въ Америкѣ и дороги бы домой не нашель.

— Ну, слушай, Рамонъ, я вижу, ты человекъ трудолюбивый, только не везетъ тебѣ Фортуна. Она, между нами сказать—дура. Вотъ тебѣ денегъ на первый разъ. Зря не трать, а постарайся разжиться на нихъ. Найми рабочихъ и рой землю въ трехъ-четырехъ мѣстахъ; гдѣ-нибудь да найдется вода и будетъ колодезь.

Рамонъ, получивъ горсть серебряной монеты, такъ обрадовался, что бѣгомъ пустился въ сосѣдній городъ. Онъ давно уже не ѣлъ ничего, кромѣ сухого хлѣба, а пить—и воды даже не пилъ.

Прибѣжавъ въ городъ, онъ вошелъ въ первую лавку и отобралъ себѣ, съ радости, провизин, которой хватило бы на цѣлую недѣлю. Когда пришлось платить, Рамонъ сунулъ руку въ карманъ своихъ панталонъ, и нашель тамъ только большую дыру, чрезъ которую онъ, вѣроятно, всю мелочь по дорогѣ и посѣялъ.

Потерявъ деньги, Рамонъ пошелъ ихъ искать и въ напрасныхъ поискахъ потерялъ весь день и, не попавъ во время на работу, былъ прогнанъ хозяиномъ. Потерявъ весь день даромъ, а затѣмъ потерявъ мѣсто, гдѣ могъ работать, Рамонъ потерялъ наконецъ и терпѣніе и сталъ бранить свою горькую судьбу.

Фортуна вмѣстѣ съ мужемъ глядѣли издали на Рамона. Фортуна подсмѣивалась надъ мужемъ. Капиталь обидѣлся и разсердился.

— Постояй же! сказалъ онъ. Я тебѣ докажу, что могу его сдѣлать сейчасъ веселымъ и довольнымъ своей судьбой.

Капиталь снова отправился къ Рамону и далъ ему новенькій золотой на разживу. Рамонъ просіялъ отъ счастья и сталъ говорить, что, видно, судьба смилостивилась наконецъ надъ нимъ. Онъ важно пошелъ въ городъ и, боясь снова потерять деньги, держалъ свой червонецъ въ рукѣхъ.

На этотъ разъ Рамонъ рѣшилъ купить себѣ новое платье и вошелъ въ магазинъ. Выбравъ отличное платье, онъ важно положилъ золотой на прилавокъ, требуя сдачи.

Хозяинъ магазина поглядѣлъ монету, повертѣлъ ее въ ру-

жахъ, позвалъ сосѣда на совѣтъ и наконецъ объявилъ Рамону, что золотой его фальшивый, и что онъ долженъ и монету и его, Рамона, какъ сбытчика, представить въ полицію.

Несчастный Рамонъ обомлѣлъ и горько заплакалъ, проклиная незнакомца, который далъ ему этотъ фальшивый золотой и привелъ его еще въ худшее положеніе, чѣмъ бѣдность и голодъ.

— Лучше бы мнѣ голодать, да не попадать въ тюрьму! подумалъ Рамонъ.

— А ты чего стоишь-то! шепнулъ ему кто-то. Удирай!

Рамонъ не заставилъ себя просить—и, даже не поблагодаривъ за совѣтъ, выскочилъ изъ магазина и припустился въ поле какъ заяцъ. Онъ такъ бѣжалъ, что когда городъ пропалъ у него изъ глазъ, и онъ легъ на землю, чтобы отдышаться, то увидѣлъ, что потерялъ одинъ сапогъ.

— Ахъ, чертъ его возьми, этого проклятаго господина, подумалъ онъ. Будь онъ проклятъ! Не давай онъ мнѣ этотъ фальшивый золотой, не бѣгать бы мнѣ какъ преступнику и не терять бы сапога. Что же теперь дѣлать? Прежнюю работу потерялъ, а на новую наняться въ городъ теперь нельзя, потому что я туда и глазъ показать не могу. Меня схватятъ и посадятъ въ тюрьму за чужую вину. Что жъ мнѣ осталось? Умирать съ голоду. Ахъ, проклятый благодѣтель! Не встрѣчать бы мнѣ тебя никогда! — Была моя судьба горька, а теперь еще горше.

Между тѣмъ Фортуна и Капиталь видѣли все случившееся съ Рамономъ. Фортуна еще пуще смѣялась, слушая, какъ Рамонъ ругаетъ ея мужа и свою горькую судьбу, которая по его милости стала еще горше.

Капиталь взбѣсился окончательно.

— Ну, стой же, я тебѣ докажу мою силу! сказалъ онъ и внѣ себя отъ досады тотчасъ пошелъ къ Рамону.

— Слушай, Рамонъ, не горюй и не проклинай меня и свою судьбу. Вотъ тебѣ десять тысячъ государственными кредитными билетами. Купи себѣ домъ и займись торговлей.

Въ такомъ блестящемъ положеніи если когда и впрямь случится тебѣ фальшивой монетой расплачиваться, то ее за настоящую примутъ. Ну, ступай и благословляй свою судьбу и меня.

Рамонъ, получивъ деньги, ошалѣлъ совершенно; у него все

предъ глазами кругомъ пошло. Онъ даже не помнилъ, какъ вошелъ въ городъ, какъ ходилъ по городу въ одномъ сапогѣ и всѣмъ рассказывалъ про свое счастье и всѣмъ прохожимъ показывалъ пачки своихъ денегъ.

Наконецъ, наступила ночь, и какой-то очень любезный и услужливый человѣкъ пригласилъ его къ себѣ ужинать, извиняясь только, что его домъ немного далеко. Рамонъ согласился, все еще не помня себя отъ счастья; онъ не думалъ ни о чемъ, кромѣ какъ объ своихъ деньгахъ и объ будущемъ благополучии.

Онъ отправился за своимъ новымъ знакомымъ, который любезно общалъ ему и ужинъ и ночлегъ. Домъ гостеприимнаго знакома былъ за городомъ. Когда они вошли въ глухой переулокъ, спутникъ Рамона свиснулъ. Въ одну секунду выросли какъ изъ-подъ земли пять человѣкъ съ дубьемъ и повалили Рамона. Должно быть, вновь прибывшіе приняли Рамона въ дубье особенно лихо, потому что онъ, упавъ на камни, потерялъ память, а когда пришелъ въ себя, то было уже свѣтло.

Онъ хотѣлъ подняться и не могъ. Босая нога у него какъ отнялась, голова болѣла, и на ней были здоровыя шишки. Что касается до десяти тысячъ... То какія тебѣ тысячи?! На Рамонѣ ничего не было. Онъ лежалъ, какъ мать родила! И только одинъ сапогъ остался у него на одной ногѣ. Грабители все сняли и все взяли, но, раздумавъ, что съ однимъ сапогомъ дѣлать нечего, оставили его на ногѣ.

Рамонъ взвылъ благимъ матомъ и началъ проклинать на чемъ свѣтъ стоитъ своего покровителя. Безъ его проклятыхъ денегъ былъ бы онъ теперь на работѣ у колодца, цѣлъ и невредимъ. А теперь иди въ больницу... Иди?! Да и идти нельзя! Какъ же голому-то показаться въ городъ. Первый полицейскій арестуетъ его за неприличіе, а тамъ доберутся кто онъ такой, вспомнить объ фальшивой монетѣ! Ну, и готово!.. Прямо въ тюрьму, подъ судъ, и въ каторжныя работы.

Рамонъ кой-какъ поднялся, спрятался отъ стыда въ кусты и, глядя на себя и на свой единственный уцѣлѣвшій сапогъ, началъ горько плакать, честить всячески своего благодѣтеля, посылать его ко всѣмъ чертямъ, въ адъ кромѣшный, и желать ему всего самаго невѣроятно сквернаго.

Между тѣмъ Фортуна и Капиталь, знавшіе все происшедшее, воевали у себя дома. Фортуна такъ и помирала со

смѣху надъ тѣмъ, какъ мужъ осчастливилъ Рамона, и какъ тотъ его благодарить теперь, сидя голый, въ одномъ сапогѣ, въ кустахъ за городомъ, и даже избитый, т. е. несчастнѣе тѣмъ когда-либо. Капиталь, совершенно пристыженный, бранился, но придумать ничего не могъ. Дай онъ Рамону хоть миллионъ, все прахомъ пойдетъ. Какая-нибудь глупость да выйдетъ!

— Ну, теперь мой чередъ сдѣлать Рамона счастливымъ, сказала Фортуна. Смотри, будетъ ли онъ ругаться или благословлять свою судьбу. И я, вдобавокъ, замѣть это, своего ничего не дамъ ему, а твоимъ же добромъ его осчастливлю.

Фортуна отправилась прямо къ Рамону и даже не махнула рукой, даже не мигнула... А все пошло наоборотъ...

Въ ту же минуту проѣзжій всадникъ увидалъ въ кустахъ голую фигуру, остановился и подошелъ къ Рамону.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ онъ.

Рамонъ рассказалъ все съ нимъ случившееся. Проѣзжій оказался докторомъ и, осмотрѣвъ ногу и голову Рамона, тотчасъ пустилъ ему кровь. Несчастному полегчало сразу. Осматривая другую ногу, докторъ велѣлъ ему снять его единственный сапогъ, чтобы видѣть, не раненъ ли онъ и въ эту ногу.

Рамонъ стащилъ сапогъ, и изъ него посыпались серебряныя монеты.

— Что за диво! воскликнулъ Рамонъ, но тутъ же вспомнилъ, что мелочь, которую ему далъ въ первый разъ благодѣтель, проскочивъ въ дыру панталонъ, должна была именно просыпаться въ сапогъ.

— То-то мнѣ все казался этотъ сапогъ узокъ и тяжелъ, подумалъ Рамонъ. Я думалъ, это отъ того, что я босъ на другую ногу.

Докторъ далъ Рамону свой плащъ на время, чтобъ дойти въ городъ и купить себѣ платье. Рамонъ, забравъ свое серебро въ горсть, пошелъ въ городъ, надѣясь, что въ плащѣ, а затѣмъ въ новомъ платьѣ, его не признаютъ такъ скоро, и что онъ успѣетъ одѣться и уйти изъ этого проклятаго города, чтобъ никогда въ него не ворочаться и не видать болѣе своего рокового благодѣтеля.

Повернувъ въ переулокъ, Рамонъ вошелъ въ первый попавшійся магазинъ платья, съ маленькой вывѣской и маленькой дверью. Войдя, онъ перетрухнулъ...

Вышло такъ, что онъ попалъ въ тотъ же магазинъ, гдѣ отдалъ свой фальшивый золотой. Оказалось, что у этого магазина было два входа, одинъ главный, изъ большой улицы, а другой маленькій, изъ переулка. Хозяинъ магазина, увидя Рамона, узналъ его сразу, бросился къ нему на встрѣчу съ извиненіями и сталъ просить его, простить ему невольную клевету и обиду.

Монета, которую далъ ему Рамонъ, оказалась, уже послѣ его бѣгства, не фальшивой, а новаго образца, самой послѣдней чеканки и самаго лучшаго золота, какихъ въ городѣ еще не видали, и только послѣ увидѣли у другихъ покупателей. Хозяинъ возвратилъ ее Рамону, а за обиду, ему сдѣланную, просилъ выбрать любое платье и взять его даромъ, а потомъ позавтракать вмѣстѣ съ нимъ.

Черезъ часъ, Рамонъ вышелъ изъ магазина сытый, отлично и даромъ одѣтый, въ одномъ карманѣ горсть серебра, а въ другомъ золотой. Онъ важно пошелъ по улицамъ города, не боясь полиціи. Проходя мимо дома градоначальника, онъ поневолѣ остановился. Густая толпа народа затѣснила его. Солдаты вели пойманныхъ грабителей и въ числѣ ихъ, того самаго знакомаго Рамона, который его свелъ въ западню и помогъ ограбить.

Рамонъ объяснилъ все тотчасъ, и тутъ же получилъ обратно свои десять тысячъ.

— Да будетъ благословенна моя судьба! воскликнулъ Рамонъ, плача отъ счастья.

Черезъ недѣлю у Рамона былъ свой домъ. Черезъ мѣсяцъ онъ купилъ землю, завелъ огородъ и нанялъ рабочихъ рыть колодезь, уже для себя. Воды не нашлось, однако, ни единой капли. Нашелся вмѣсто нея огромный пластъ золота...

Не прошло года, какъ Рамонъ былъ уже извѣстный золотопромышленникъ, даже болѣе, онъ былъ миллионеръ и грандъ Испаніи за особыя заслуги своему отечеству.

Послѣ этой исторіи съ Рамонемъ, Капиталь присмирѣлъ, и уже съ Фортуной не ссорится и командовать ею не беретъ, а послушно ходитъ за ней, куда она прикажетъ.

Госпожа Фортуна умнѣе съ годами не стала, напротивъ, стала еще вѣтреннѣе, совсѣмъ ослѣпла и чудитъ еще пуще. Куда бы Фортуна ни прошла, Капиталь поневолѣ идетъ за ней. Фортуна же не ходитъ за Капиталомъ по слѣдамъ, и часто туда, гдѣ онъ пребываетъ, она глазъ не кажетъ и этимъ скорѣе заставляетъ и его уйти.

Люди уважаютъ Капиталь съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и низкопоклонничаютъ передъ нимъ. Надъ Фортуной люди всегда подтруниваютъ. Однако, весь свѣтъ все-таки давнымъ давно призналъ, что съ однимъ Капиталомъ,—если Фортуна не поможетъ съ своей стороны — ничего хорошаго не будетъ и даже легко все прахомъ пойдетъ. Ее на свою сторону замани—а онъ и самъ прибѣжитъ вслѣдъ за ней!..

ХII. Хауха.

Въ одной изъ самыхъ плодородныхъ долинъ, между Вальдеморо и Пинто¹⁾, у подошвы двухъ горъ, ее окружающихъ, поднимаются бронзовые стѣны и серебряныя башни города Хауха.

Огромное, несчетное пространство земли занимаетъ она. Въ стѣнахъ ея протекаютъ многія рѣчки изъ различныхъ соусовъ, многіе ручьи изъ блага меда. Въ ней много прудовъ, но въ нихъ не простая вода, а все разные супы всѣхъ сортовъ, какіе только можетъ приготовить самый лучшій поваръ. Есть и много озеръ, и въ нихъ тоже вмѣсто воды въ одномъ — водка, а въ другомъ—пиво.

Среди фонтановъ хереса, малаги, аликанте, среди разныхъ водопадовъ изъ вина (т. е. стало быть, винопадовъ) поднимаются, растутъ и цвѣтутъ деревья безчисленныхъ сортовъ и свойствъ. Груши, на которыхъ растутъ груши и яблоки, яблоки, на которыхъ есть и фиги, сосны съ грецкими орѣхами, акаціи съ миндалями, дубы съ арбузами и дынями, оливковыя деревья съ апельсинами, лимонныя съ гранатами. Это все сады. Но есть рощи оливковыхъ деревьевъ, на которыхъ не растутъ оливки, а прямо съ вѣтокъ течетъ готовое про-

¹⁾ Это имена двухъ деревушекъ, недалеко отъ Мадрита, извѣстныхъ великопѣннымъ виномъ. Сказать кому-либо „ты находишься между Вальдеморо и Пинто“ равносильно словамъ: „ты пьянъ“ или: „ты съ ума спятилъ“. Потому - то Хауха въ воображеніи народномъ и помѣщается между этими деревнями.

ванское масло. Есть, наконецъ, цѣлыя лѣса особыхъ деревь-евъ, самыхъ простыхъ. На нихъ вмѣсто листьевъ висятъ маленькіе хлѣбцы, вмѣсто фруктовъ на всякомъ деревѣ не болѣе и не менѣе какъ по двѣ дюжины окороковъ, колбасъ или паштетовъ. А шпанскія вишни? Эти деревья самага великолѣпнаго свойства. Кто хочеть ихъ ѣсть, лягъ на землю, разинь ротъ,—и начнутъ, откуда не возьмись, валиться въ ротъ десятки, сотни, тысячи вишенъ. Да еще безъ косточекъ. Косточки валяются по бокамъ, а въ ротъ попадаетъ мясо одно.

Чего бы ни захотѣлъ въ Хаухѣ, все тебѣ дается, да не послѣ дождика въ четвергъ.

Время проходить незамѣтно, погода всегда великолѣпная, небо вѣчно ясно и царить вѣчная безсмѣнная весна. Никогда не холодно и не жарко, а только тепловато - прохладно.

Жатвы не бываетъ, такъ какъ всегда и всюду есть фрукты и хлѣбики съ ветчиной на деревьяхъ.

Не только бурь, но и простыхъ вѣтровъ въ Хаухѣ не бываетъ. Если подуетъ сильный вѣтеръ, то выходитъ такъ, какъ еслибъ толпа молодцовъ играла на десяткахъ гитаръ. Подуетъ легкій вѣтерокъ, подумаешь, что какой-нибудь молодецъ поеть серенаду подъ балкономъ своей невѣсты. Пойдетъ ли дождикъ,—полететь чистѣйшая сахарная вода. Выпадетъ ли градъ малый,—то это вкуснѣйшій горохъ, а большой—то яйца, да готовые, сваренныя.

А самый городъ! Такого дива нѣтъ нигдѣ!

Дома тамъ всѣ изъ пастилы, террасы и балконы изъ бѣлѣйшаго французскаго хлѣба. Лѣстницы изъ различныхъ сушеныхъ фруктовъ и конфектъ. Рѣшетки оконъ изъ великолѣпнѣйшихъ жирнѣйшихъ колбасъ. Спальни даже въ домахъ особыя. Потолокъ, стѣны, вещи—все изъ шеколада и изъ пастилы, а кровати изъ такого вещества, которое водится только въ Хаухѣ, и названье его по-испански не существуетъ. Когда кто въ Хауху попадетъ, то, начавъ съ рѣшетокъ изъ колбасъ, ѣсть все... и углы домовъ, и мебель, и въ особености кровати.

Спишь, проснешься, отломить кусочекъ шеколада отъ столика или стула и ѣшь себѣ. Или, просто, разинешь ротъ, не трогаясь съ постели и, не выходя изъ дому, скажешь: „вишней!“—и повалятся вишни. Не только люди всѣ сыты, но даже и собаки. Собакъ привязываютъ на цѣпяхъ, сдѣ-

ланныхъ изъ тонкихъ, но вкуснѣйшихъ сосисекъ; онѣ до того сыты, что и не глядятъ на эту цѣпь—поэтому это самая вѣрная привязь.

Улицы въ Хаухѣ мостятся изъ бобовъ, иногда изъ орѣховъ. Глухихъ названій улицъ нѣтъ, какъ въ обыкновенныхъ городахъ. Нѣтъ, напримѣръ, улицы *Судимыхъ*, или площади *Отчаленныхъ*, какъ въ Мадритѣ. Равно нѣтъ и подъёмовъ. Куда ни поди, все подь гору итти приходится, а назадъ вернешься, опять подь гору выходить. Эдакихъ улицъ, кромѣ какъ въ Хаухѣ, нигдѣ нѣтъ.

Въ Хаухѣ главныя площади слѣдующія: площадь Хорошаго Пищеваренія, гдѣ стоитъ дворець Большой Аппетитъ, потомъ площадь Невозмутимаго Спокойствія, гдѣ знаменитый соборъ Святого Морфія. Затѣмъ великолѣпный загородный паркъ и дворець Сіеста *).

А какія имена у людей, того не выразить по-испански. А какіе люди? А какія женщины? Такихъ женщинъ нѣтъ въ остальной Испаніи. Испанка, сравнительно съ этими феями, пародія на женщину. Нѣтъ того, чтобъ имѣть двухъ жениховъ, обманывать или кокетничать. Старухъ въ Хаухѣ всѣмъ нѣтъ; всѣ женщины вѣчно молоды, вѣчно красивы. Мущины старѣются, но лишь когда переживутъ сто лѣтъ; за то болѣзней они никакихъ не знаютъ. Сказать въ Хаухѣ слово: докторъ—никто не пойметъ. Если кто и слыхалъ про это слово, то думаетъ, что такъ въ остальной Испаніи и въ Европѣ называютъ антихриста. А какая вѣжливость въ Хаухѣ! Не только съ людьми, но и съ животными. Съ муломъ, съ собакой—вѣжливость. Порядокъ царствуетъ полный вездѣ и всегда. Всѣ живутъ мирно, даже животныя. Напримѣръ, собака, кошка и мышь ѣдятъ вмѣстѣ изъ одной тарелки. Не запомнятъ старики, чтобъ когда-либо было „пронунсіаміенто“ или бунтъ. Нѣтъ ни одного жителя, который бы глядѣлъ букой, ибо его жестоко накажутъ за это. Никто не хочетъ командовать, всѣ хотятъ повиноваться. Начальства въ Хаухѣ нѣтъ никакого, ни алькальдовъ, ни альгусиловъ, ни корредидоровъ, вообще никакой полиціи. Воровства и мошенничества не существуетъ. Никакому жителю и не объяснишь, что такое кража. Поэтому тюрьмы нѣтъ, судовъ и судей нѣтъ, адвокатовъ и не видывали въ Хаухѣ. Жители думаютъ,

1) Послѣобъденный отдыхъ испанцевъ.

что адвокат—это птица въ родѣ попугая, которая умѣетъ твердо заучивать и повторять тѣ же слова на разные голоса.

Церкви и священники въ Хаухѣ были, но перевелись. Жители молятся, собираясь вмѣстѣ, на чистомъ воздухѣ, и обращаясь къ Богу, поютъ благодарственные псалмы, но никогда ничего у Бога не просятъ, потому что еще ни одинъ гражданинъ города Хаухи не могъ ничего придумать, что попросить у Бога, чего бы не было у него подъ рукой.

LOS NOVIOS.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Самой Героинь.

Mi linda nina, uu dia,
Por Dios os pido,
Entregadme al odio,
Mas no al olvido!

A u t o r..

ВСТУПЛЕНІЕ.

C'est le secret de polichinelle.
Proverbe.

Les femmes qui ont du tempé-
rément, ont ordinairement plus
d'art, et de manège, que d'amour!...

Vauvenargues.

то городъ, то норовъ, говоритъ наша пословица, но скоро устарѣетъ она и уже не будетъ примѣнима къ жизни.

Наше столѣтіе быстро и успѣшно стираетъ съ лица земли всѣ національныя особенности и характерныя черты нравовъ и обычаевъ всякой страны. Много уже унесло оно дикаго и варварскаго, но много похоронило и хорошаго, патриархально чистаго и поэтическаго.

Одѣвая всѣ націи на одинъ общеевропейскій покррой, нашъ вѣкъ ступшевываетъ фізіономію каждой изъ нихъ. Индивидуальность всякой націи является взору какъ неудавшійся фотографическій портретъ, гдѣ виденъ одинъ абрисъ лица, а черты и особенности его, то есть выраженіе, расплылось въ туманное пятно.

Изъ всѣхъ европейцевъ испанцы и русскіе наименѣе поддались этой нивелировкѣ и наиболѣе сохранили свою національную фізіономію, которая поэтому рисуется ярче и болѣе крупными чертами. Переѣхавъ Пиринеи, положительно вы-

взжаешь изъ Европы, и многое, что еще можетъ ее здѣсь напомнить—слабо навѣяно, поверхностно и уродливо привито; все же коренное и существенное носить свой особый и характерный отпечатокъ, отличный отъ Европы.

Испанію долго уберегало ея географическое положеніе (какъ и Россію) и мѣшало ей вкушать до пресыщенія какъ хорошихъ, такъ и гнилыхъ плодовъ пресловутаго прогресса.

Такимъ образомъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ Испаніи, въ наши дни, en plein XIX siècle, еще устояли и процвѣтаютъ обычаи, происхожденіе которыхъ теряется во тьмѣ прошлаго. Никакой философъ, антикварій или простой старожилъ не объяснить, откуда взялся тотъ или другой своеобразный и стародавній норовъ Андалузій, которая особенно богата въ этомъ отношеніи.

— Всегда такъ было! отвѣчаютъ пытливому туристу.

Самый крупный, извѣстный и самый странный изъ мѣстныхъ обычаевъ Испаніи, а въ особенности Андалузій, есть безспорно обычай, называемый: *relax la rava*—въ переводѣ: ошпыливать индѣйку. Такъ опредѣляются отношенія *novios*, жениховъ и обрученныхъ или же большею частью просто двухъ влюбленныхъ или любовниковъ.

Главное основаніе отношеній новіевъ есть укрывательство и соблюденіе тайны. Все дѣлается и говорится, начинается и кончается подъ спудомъ.

Въ маленькомъ городкѣ (какъ всѣ города Андалузій), всякій новій и всякая новія какъ бы ни старались скрыть тайну своей сердечной склонности, всѣ обитатели, разумѣется, знаютъ наизусть каждый ихъ шагъ и каждое слово, но, въ силу обычая, молчатъ и глядятъ сквозь пальцы. Сами новіи тоже знаютъ, что ихъ комедія или драма любви всѣмъ извѣстна, но все-таки укрываются изъ всѣхъ силъ.

Такимъ образомъ, настоящее опредѣленіе отношеній новіевъ или *relax la rava* такое: это „общезвѣстная тайна“ или, какъ говорятъ французы: *le secret de polichinelle!*

Въ наше время, разумѣется, изъ десяти паръ *novios*, семь паръ дѣйствительно нуждаются въ соблюденіи тайны ради приличія, ибо обычай этотъ (въ особенности въ простомъ народѣ) уже принялъ такой характеръ, что сталъ не обычаемъ и не мѣстнымъ явленіемъ, а подходитъ подъ разрядъ того, что совершается безъ названія во всемъ мірѣ, какъ въ Мадридѣ, такъ и въ Москвѣ.

Прежде, говорятъ старожилы, отношенія новіевъ были поэтически чисты и невинны, всегда приводили молодую чету въ церковь, а между тѣмъ тайна отношеній этихъ все-таки строго соблюдалась и актерами и зрителями. Почему?

— Всегда такъ было!..

Вотъ предисловіе мое, чтобы пояснить слѣдующій рассказъ, слышанный мною отъ одного русскаго, который долго жилъ въ Испаніи и попалъ въ новін. Не измѣняя рассказа этого ни въ чемъ существенномъ, не прибавивъ ни капли вымысла, я только придалъ ему нѣсколько иную форму.

I.

UNA CHICA.

Въ какомъ городкѣ Андалузiи привелось мнѣ попасть въ число *novios* и на испанскiй ладъ *relax la rava*, мнѣ сказать неудобно, а вамъ совершенно безразлично. Моя бывшая новiя еще живетъ и процвѣтаетъ, наша комедiя любви не есть еще событiе „давно минувшихъ дней“, а дѣло очень недавнее. Еслибъ отношенiя наши не были образчикомъ оригинальнаго и мѣстнаго обычая, то я, конечно, умолчалъ бы обо всемъ, какъ о фактѣ изъ частной жизни.

Довольно долго проживъ безвыѣздно въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ городковъ Андалузiи, я поневолѣ перезнакомился и сталъ членомъ чрезвычайно гостепрiимнаго и крайне неразвитаго мѣстнаго общества. Остальное, незнакомое мнѣ лично населенiе тоже знало меня и привыкло (хотя съ трудомъ) къ моему бѣлому вуалю на шляпѣ, безъ котораго иностранецъ пропадетъ здѣсь, запеченный лучами раскаленнаго солнца. Часто люди мнѣ совершенно незнакомые указывали на меня, прибавляя мое имя: *Don Andrés, Ruso!*

Городокъ этотъ былъ все-таки глушь. Я былъ здѣсь отчасти рѣдкостью. На меня звали, какъ зовутъ на пирогъ или на фокусника, то-есть приглашали знакомыхъ съ единственною цѣлью показать вблизи эту заморскую диковину, называемую дономъ Андресомъ. Приглашенные часто усаживались

какъ можно ближе ко мнѣ, ничего не спрашивали, даже неохотно отвѣчали на мои вопросы и попытки завести рѣчь, а только смотрѣли мнѣ въ лицо, на руки или на вещи (какъ-то: часы, кольцо, шляпа) и, насмотрѣвшись, отходили какъ отъ неодушевленнаго предмета.

Часто слышалъ я за своею спиной такого рода разговоръ:

— Ну? Видѣли?

— Всего разглядѣлъ. Спасибо за приглашенье.

— Не правда ли *миу fino* (любезный или милый).

— О, да! Совсѣмъ какъ андалузъ!

— Куда же вы собираетесь?

— Домой. Своимъ рассказать про русскаго.

Нечего и говорить о томъ, что на вечерѣ, когда я появлялся въ дверяхъ *ratio* или внутренняго дворика, служащаго гостиной, то я былъ какъ на сценѣ. Всѣ глаза двигались за мной и за всѣми моими движеніями. Каждый аборигенъ словно ждалъ, что вотъ... вотъ... сдѣлаетъ русскій какую-нибудь преинтересную штуку, имъ еще никогда не виданную.

Впрочемъ, мѣсяца въ три моего пребыванія здѣсь, публика понемногу привыкла и стала ручнѣе.

Едва въѣхалъ я въ Испанію, какъ уже слышалъ сотни разъ про андалузское *relax la rava* или ошипыванье индѣйки. Никто мнѣ не объяснилъ этого дикаго и отчасти грубаго наименованія для отношеній болѣе или менѣе поэтическихъ между молодежью обоюго пола.

За то всякій могъ рассказать въ подробностяхъ, какъ все это ошипыванье происходитъ.

Молодой человѣкъ встрѣчаетъ *una chica* или малютку (то-есть молодую дѣвушку) на улицѣ, на гуляньѣ, въ театрѣ или на боѣ быковъ... Эта чика бросаетъ на него *una mirada*, то-есть многозначительный взоръ, и тогда онъ уже получаетъ право слѣдовать за ней до ея дома и, узнавъ мѣстожителство, быть около дома въ тотъ же вечеръ, когда смерклось.

Прежде всякій давалъ серенаду, стоя среди улицы, и объяснялся въ любви экспромтами подъ звуки гитары, теперь же... просто тихонько и словесно объясняется на общечеловѣческой ладъ, а дѣвушка отвѣчаетъ съ балкона въ случаѣ благосклоннаго приѣма, или же броситъ два, три слова холоднаго спасибо и отказа сквозь ставню закрытаго окна.

Если завязывается незатѣйливая интрига, то бесѣды новіевъ длятся цѣлыя ночи напролетъ, каждую ночь, мѣсяцъ, два,

годъ и болѣе года, и въ наше время изрѣдка приводятъ въ церковь, чаще кончается все ничѣмъ.

Въ простомъ народѣ *relar la raya* приводитъ часто къ тому, что новія спускается съ балкона или отъ окна второго этажа къ окну нижняго этажа или къ чугунной рѣшеткѣ, замѣняющей входную дверь. Въ самые глухіе часы ночи окно это или рѣшетка открывается и въ домъ входитъ уже любовникъ.

Vajar a la reja *) есть сакраментальное выраженіе.

Дѣвушка, которая хотя разъ была замѣчена ночью у рѣшетки, уже имѣетъ дурную репутацію, тогда какъ на балконѣ напротивъ... чѣмъ чаще съ разными лицами застаютъ ее въ ночной бесѣдѣ, тѣмъ большею славой красавицы и кокетки пользуется она въ обществѣ.

Старые знакомые, разумѣется, не могутъ быть новіями, такъ какъ главный интересъ заключается въ новизнѣ и въ томъ, что новію, проводящій ночь подъ балкономъ своей красавицы, не знакомъ совершенно съ ея родными или же просто новый знакомый, еще не бывавшій запросто.

Поэтому иностранцу, говорящему по-испански и усвоившему себѣ болѣе или менѣе окружающіе норовы, легко попасть въ новіи.

Если молоденькая дѣвушка хвастаетъ новіемъ, пріѣзжимъ изъ сосѣдняго городка, то тѣмъ болѣе интересенъ для нея настоящій *estrangero*, то есть новію изъ другой національности. Тутъ дѣйствительно есть чѣмъ похвастать.

Попалъ я въ новіи отчасти поневолѣ.

Почти каждый день, около трехъ часовъ, я отправлялся аккуратно на почту за письмами и ворочался все по одной и той же улицѣ. Однажды на балконѣ второго этажа одного эlegantнаго дома съ сажень отъ земли я увидѣлъ очень красивую молодую дѣвушку. Смуглая, черноволосая, какъ большинство здѣшнихъ красавицъ, она отличалась отъ видѣнныхъ уже мною своею миниатюрностью, то-есть не была тяжело и грузно красива, не была *belle femme*, а походила на прелестнаго чертенка (если таковые есть). Туалетъ ея былъ простъ: черное кисейное платье, роза въ волосахъ, роза на корсажѣ и пучекъ розъ за поясомъ. Она граціозно оперлась на рѣшетку балкона и, перевѣсившись, смотрѣла прямо мнѣ въ

1) Выговаривается: „Бахаръ а ла режа“ и значитъ: „спускаться къ рѣшеткѣ“.

глаза. Взглядъ этотъ былъ, очевидно, не только una mirada, но даже una ojeada.

Говоря по-русски: она дѣлала мнѣ глазки.

Такъ какъ здѣсь это не диво, то я прошелъ мимо, но потомъ, поворачивая въ переулокъ, оглянулся. Она смотрѣла въ мою сторону, но при моемъ движеніи быстро повернулась ко мнѣ спиной, очевидно, нарочно.

Черезъ два дня я точно также шелъ по этой улицѣ и случайно проходилъ со стороны дома незнакомки... Вдругъ, чувствую, что-то стукнуло мнѣ по шляпѣ, и затѣмъ съ нея упала на тротуаръ большая роза... Я поднялъ голову и увидѣлъ себя подъ самымъ балкономъ красавицы. Она глядѣла на меня, но, однако, довольно серьезно.

„Поднять розу или нѣтъ?“ мелькнуло у меня въ головѣ. Поднять опасно, ибо надо поблагодарить, а цвѣтокъ могъ упасть изъ ея рукъ нечаяно. Не поднять—лучше во всѣхъ отношеніяхъ.

Цвѣтокъ остался на тротуарѣ, а какая-то нищенка тотчасъ же подняла его. Поворачивая въ переулокъ, я снова оглянулся.

Незнакомка смотрѣла мнѣ въ слѣдъ... и погрозивъ мнѣ пальчикомъ полукокетливо, полусердито, исчезла съ балкона.

Можно было сказать: начало есть!..

Не черезъ нѣсколько времени (какъ бываетъ въ романахъ), а какъ разъ на другой же день и тоже въ три часа, я вочрачался также съ почты, занятый чтеніемъ полученныхъ писемъ, и вдругъ... все подъ тѣмъ же, разумѣется, балкономъ, на меня посыпался градъ цвѣтовъ. Я поднялъ голову.

Незнакомка, усмѣхаясь, перевѣсилась черезъ перила. Одна рука пустая, бросившая цвѣты, а въ другой рукомоиникъ съ водой въ угрожающемъ положеніи...

— Cuidado! Cuidado! шепчетъ она лукаво. (Осторожниѣ, то есть, берегитесь).

Меня собирались просто облить водой, если я опять дерзну не поднять цвѣтка; это была уже не шутка. Я поднялъ двѣ розы и, сказавъ какую-то пошлость, съ довольно глупою фигурой зашагалъ домой.

Въ тотъ же день я задавалъ себѣ вопросъ:

— Ну, а что жъ далѣе? Что дѣлать?

Пошелъ я посоветоваться съ однимъ лысымъ нѣмцемъ, который уже пятнадцать лѣтъ живетъ въ Испаніи. Къ туземцамъ мнѣ не хотѣлось обращаться, чтобы не разболтали.

Нѣмецъ комично объявилъ мнѣ, что такъ какъ съ нимъ еще ничего подобнаго не случилось, то онъ и не можетъ эмпирически дойти до заключенія: что дѣлать мнѣ?

— Вотъ когда вамъ какая-нибудь красавица плюнетъ на голову, то я знаю, что дѣлать.

— Что же?

— Да родителямъ жаловаться! А то заплюютъ совсѣмъ. Дѣвушки здѣсь бѣсенята, какихъ и въ аду не будетъ.

Не зная, что предпринять и не желая ставить себя въ глупое положеніе незнайки, я не ходилъ уже болѣе по этой улицѣ.

Дня черезъ два явился ко мнѣ одинъ мой пріятель туземецъ и предложилъ познакомить меня еще съ однимъ семействомъ, гдѣ тоже есть una chica muy bonita *).

Вообще когда молодого человѣка знакомятъ здѣсь, то считаютъ необходимымъ обѣщать, что онъ увидитъ красавицу, словно безъ этого онъ не согласится на знакомство. Такъ какъ мнѣ эти знакомства и представленія начинали прискучивать, то я отказался наотрѣзъ.

Пріятель мой сталъ убѣждать меня, говоря, что дѣвушка или малютка en question львица здѣшняго общества, что всякій считаетъ за честь бывать у нихъ и любезничать съ доньей Долоресъ, которой всего шестнадцать лѣтъ, но по уму сорокъ...

Я заупрямился, и онъ ушелъ недовольный.

Прошла, кажется, недѣля. Пріѣзжая группа актеровъ дала представленія въ какомъ-то балаганѣ, именуемомъ театромъ. Однажды, не зная что дѣлать, я отправился смотрѣть какіе-то водевили, поразившіе меня на афишѣ нелѣпыми названіями.

Въ театрѣ, во второмъ ярусѣ или бельэтажѣ, налѣво отъ меня, я увидѣлъ мою незнакомку въ бѣломъ платьѣ и все также съ розами въ волосахъ и на груди. Разница заключалась лишь въ томъ, что она была несравненно сумрачнѣе въ этотъ разъ, просто сердитая. Около нея сидѣла какая-то некрасивая женщина лѣтъ пятидесяти, сѣдая, толстая, съ заплывшимъ отъ жира лицомъ.

Красавица тотчасъ же увидала меня въ партерѣ, прищурилась на меня свои красивые глаза, тотчасъ же поморщилась

*) Малютка очень хорошенькая. Чика означаетъ всегда молоденькую дѣвушку.

и отвернулась. Я счелъ долгомъ обидѣться, и тотчасъ же, вернувшись въ кассу, перемѣнилъ мѣсто свое на другое, прямо около ея ложи. Нѣсколько разъ поглядывалъ я на нее, но увы! Незнакомка словно забыла о моемъ существованіи. Я еще болѣе почувствовалъ себя вызваннымъ ею на борьбу, полагая, что я имѣлъ право на большее вниманіе.

„Какъ? думалъ я, вы заставляете насильно подымать ваши розы, а тутъ морщитесь и потомъ не удостоиваете и взгляда. Погодите же!“

Я ломалъ себѣ голову, чтобы придумать что-нибудь, но піесу сыграли, и я, разумѣется, ничего не придумалъ. Въ антрактѣ я всталъ съ кресла, снова гляжу во всѣ глаза на красавицу и снова не обращаю на себя ни малѣйшаго вниманія. Случай вывелъ меня изъ этого обиднаго положенія.

Носовой платокъ мой лежалъ на черной подушкѣ кресла, и отчетливо отдѣлялось бѣлое полотно на черной шерсти. Зная, разумѣется, что незнакомка играетъ равнодушіе, но въ сущности слѣдить за моими движеніями, я взялъ платокъ, свернулъ его жгутомъ, затѣмъ уложилъ крючкомъ на подушкѣ кресла и прибавилъ къ нему бѣлую корбочку, случившуюся, по счастью, въ карманѣ. Фигура вышедшая изъ этого соединенья была понятна, однако я обратился къ моему сосѣду.

— Caballero, извините пожалуйста... скажите мнѣ, что означаетъ эта фигура? Сосѣдъ добродушно разсмѣялся.

— Знакъ вопроса, да еще очень мастерски сдѣланный; не бойтесь, наши малютки отгадали бы, еслибъ и хуже было сдѣлано.

Отвѣтъ этотъ убѣдилъ меня, что я могу довести мой проектъ до конца, не скандализируя никого.

Нечего говорить, что красавица моя давно уже смотрѣла на мою работу и, укрываясь вѣромъ, уже усмѣхалась...

Мать что-то спросила у нея, но она показала ей на какого-то толстяка и снова искоса стала смотрѣть на мое кресло.

Многіе изъ публики тоже глядѣли на мою работу, показывали ее другъ другу и затѣмъ добродушно усмѣхались.

— Что жъ? Отвѣтъ получили? обратился ко мнѣ сосѣдъ.

— Получилъ.

— А нельзя узнать, отъ которой?...

— Можно-съ. Ищите самую красивую!.. она и будетъ!

— Это испанскій отвѣтъ! восторженно воскликнулъ сосѣдъ. (Все, что нравится, здѣсь называютъ испанскимъ).

Я между тѣмъ принялся за новую работу, выдѣлывалъ изъ свитого платка буквы, давая время незнакомкѣ поочередно читать каждую. Такимъ образомъ, не безъ труда для меня, прочла она на подушкѣ кресла заповѣдное слово: *quiégo*—люблю.

Рѣдко видывалъ я личико женское болѣе сіяющее и счастливое... Глаза красавицы такъ и горѣли отъ удовольствія. Она, казалось, забыла уже, что за полчаса назадъ презрительно прищурилась на этого иностранца.

Испанка, ребенокъ, незанятая ничѣмъ головка,—порывисто сказались въ ней. Особенно забавляло ее то обстоятельство, что вмѣстѣ съ ней читали буквы человекъ двадцать, если не болѣе, и искали глазами виновницу этого публичнаго объясненія въ любви. Я изрѣдка, и только искоса, взглядывалъ на ея ложу, и по мнѣ напрасно старались отгадать, съ кѣмъ я объясняюсь. Она же смотрѣла на мое кресло и затѣмъ на ложи, будто отыскивая тоже виновницу.

Слѣдующая пѣса тянулась долго, но за то незнакомка уже безпрестанно косилась на меня и усмѣхалась, закрываясь вѣеромъ отъ матери.

Во второмъ антрактѣ въ ложѣ ихъ появился ребенокъ лѣтъ семи. Ко мнѣ подошли знакомые, и я не могъ снова заняться моимъ телеграфомъ, за то могъ видѣть комедию и мимику незнакомки... Она взяла ребенка къ себѣ на колѣни, обняла его и всякій разъ, что я взглядывалъ на нее, нагибалась и, глядя на меня чрезъ хохлатую голову ребенка, цѣловала его.

Сначала я даже не посмѣлъ увидѣть въ этомъ отвѣтъ... но когда то же самое повторилось разъ десять, то я не захотѣлъ остаться въ долгу и сталъ искать средства на подачу руки. Въ это время публика, выходявшая покурить, ворочалась на мѣста, и судьба послала прямо мнѣ въ руки старичка и маленькаго мальчика.

Я живо овладѣлъ послѣднимъ и отвѣчалъ тѣмъ же способомъ. Красавица моя уже стояла въ глубинѣ ложи и едва замѣтно съ необыкновеннымъ искусствомъ грѣзилась мнѣ вѣеромъ. Ребенокъ скоро заревѣлъ, однако, отъ моихъ поцѣлуевъ, и я освободилъ его. Началась третья пѣса...

При выходѣ изъ театра, на подъѣздѣ стояла цѣлая кучка молодыхъ людей. Очевидно, тутъ было болѣе десятка такихъ же заинтересованныхъ, какъ и я...

Скоро появилась толстая мамаша и за ней моя красавица.

Я всталъ какъ можно ближе къ проходу... Когда она поравнялась со мной—то вѣеръ выпалъ у нея изъ рукъ на полъ. И, Боже мой, какъ естественно, искусно... выпалъ?!

Я поднялъ, подалъ и услышалъ громкое:

— Gracias! Спасибо. И затѣмъ шепотъ:—Testarudo! Упрямецъ!..

Затѣмъ онѣ, какъ и вся публика, пѣшкомъ направились домой.

— Упрямецъ? повторилъ я.—Что жъ бы это значило?

За мной раздался голосъ:

— Что жъ? Развѣ не стоитъ съ ней познакомиться? Una chica preciosa! говорилъ мой пріятель. — Вдобавокъ, она опять просила меня объ этомъ. Удивлялась, отчего я не приведу васъ къ нимъ до сихъ поръ.

— Представьте меня. Я очень буду вамъ благодаренъ.

— Да вѣдь вы же отказались прошлый разъ.

Я чуть не треснулъ себя по лбу. Красавица была донья Долоресъ. Слово testarudo, то есть крѣпкоголовый или упрямый, было окончательно объяснено.

„Если вы желаете познакомиться, то нечего времени терять, говорилъ я самъ себѣ. Но ужъ не за-просто, а на испанскій ладъ“.

Не медля ни минуты, я направился къ дому незнакомки, догнавъ обѣихъ женщинъ на пол-дорогѣ, и когда онѣ вошли въ домъ, сталъ подъ балкономъ... На сосѣдней башнѣ било полночь. Прохожихъ почти не было... Въ окнахъ дома забѣгали огоньки и остановились въ крайнемъ окнѣ. Вѣроятно, мать и дочь спать ложились...

Однако я не двигался, ибо уже два раза кто-то чуть-чуть шевелилъ ставней одного изъ темныхъ оконъ.

Пробило четверть перваго... Я не унывалъ!.. Пробило половину перваго и погасъ огонекъ въ крайнемъ окнѣ!.. Я уже начиналъ конфузиться предъ самимъ собой, и счелъ долгомъ раскашляться... Кто-то захихикалъ за одною изъ ставней.

„Небось. Не спать...“ подумалъ я.

Вдругъ изъ-за рѣшетки окна нижняго этажа кто-то шепчетъ:

— Caballero, подойдите!

Я приблизился, разглядѣлъ женское личико, но другое.

— Señorita *) вельѣла вамъ сказать, чтобы вы ушли.

*) Senora —барыня (выговаривается—сеньйора); уменьшительное Señorita—барышня.

— Скажите сеньйоритѣ, что я не уйду, пока она не выйдетъ на балконъ.

— Какъ можно?! Что вы!..

— Можно! Можно! Подите скажите...

— Нельзя!.. Нельзя! Ужъ мнѣ лучше знать!.. Вотъ и видно, что иностранецъ. Не понимаете приличій...

— Чего? Какихъ приличій?.. Скажите...

— А вашъ предшественникъ. No esta todavia despachado. Я невольно разсмѣялся, ибо выраженіе было чисто лакейское и по-русски будетъ: „его еще не спровадили“.

— Такъ у сеньйориты есть новій?

— Maria Santisima! воскликнула вдругъ громко горничная.—Да что жъ вы думаете, у васъ одного глаза есть, чтобы видѣть и отличить красавицу отъ некрасивой. Valga me Dios! Господь мнѣ помощи! Я чай, всякій видитъ, что сеньйорита una chica bellissima! Да подъ нашимъ балкономъ камни протоптали наши enamorados!—Обожатели!

— Вотъ какъ? Ну а когда же спровадятъ моего предшественника?

— Жалется, нынче же. Ужъ не знаю, чѣмъ вы такъ угодили...

— Нынче?.. Да теперь часъ ночи!..

— Поздно развѣ?

— Разумѣется!

— Вамъ же не поздно! усмѣхнулась она.

— Стало быть, онъ еще придетъ?

— Вы же пришли!

— И сеньйорита его ждетъ?..

— Чтобы спровадить!

— Правда? Ну а когда же меня будутъ ждать?

— А вотъ мы увидимъ! Стоите ли вы еще нашего вниманія? разсмѣялась она.—Мало чего кому хочется? Мнѣ вотъ хотѣлось бы видѣть будущій бой быковъ, а билета нѣтъ, ибо дороги...

Это былъ намекъ,—и не тонкій.

— Завтра въ эту пору вы его получите... если мнѣ будетъ сюда по дорогѣ.

— Gracias! Такъ ужъ пусть будетъ вамъ по дорогѣ... Въ два часа ночи я буду васъ ждать у этого окна!..

— Вы?! воскликнулъ я.

— Охъ, иностранцы! Не сеньйоритѣ же васъ караулить

на балконѣ. Ну, да ужъ не безпокойтесь, я моего новіо съ вами не смѣшаю, оплатила она мнѣ за понятое ею восклицаніе.

— Спасибо! Доброй ночи.

— Que la pase bien проводила меня болтушка принятымъ выраженіемъ: Проведите ее (то есть ночь) хорошо!

Я вернулся домой довольный и не могъ не смѣяться при мысли, что донья Долоресъ занята въ эту минуту спроваживаніемъ моего предшественника... Черезъ мѣсяць же будетъ вѣроятно despatch и меня—для третьяго.

Утромъ я досталъ обѣщанный билетъ на бой быковъ и дожидался ночи съ большимъ нетерпѣніемъ если не влюбленнаго, то путешественника, для котораго интересна всякая черта нравовъ Испаніи. Мысль же—узнать на себѣ что такое эти пресловутыя отношенія новіевъ и *relar la rava*, меня дѣйствительно занимала.

Часовъ въ семь вечера, я вышелъ на гулянье, которое во всякомъ городѣ Андалузіи есть для всѣхъ—мѣсто сбора и отдыха послѣ утомительно жаркаго дня. Одно изъ первыхъ лицъ, мнѣ попавшихся, былъ мой пріятель.

— Она въ церкви, слушаетъ Rosario! *) шепнулъ онъ мнѣ наскоро и очевидно отыскивая кого-то въ толгѣ.

— Кто: она! отвѣчалъ во мнѣ иностранецъ.

— Какъ кто?! Развѣ у васъ еще другая есть?... совершенно естественно удивился онъ.—Я говорю о Долоресъ.

— Да что жъ мнѣ за дѣло до того, гдѣ она! шутиливо отвѣтилъ я. Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Извините меня. Я забылъ, что вы иностранецъ. У насъ принято помогать другъ другу. Вы ее ищете, ну я и говорю вамъ, гдѣ она, чтобы доставить вамъ удовольствіе и ей тоже...

— Спасибо! Но почему же—и ей тоже?

Онъ разсмѣялся добродушно надъ недогадливостью и странностями иностранца и отвѣчалъ вопросомъ:

— А почему вчера въ половинѣ перваго вы были вонъ въ той улицѣ, а въ два часа явился ко мнѣ изъ той же улицы мой двоюродный братъ Рамонъ и клялся истребить иностранца... Впрочемъ, не безпокойтесь, завтра же онъ будетъ (хотя только для виду) занятъ другою. Если и будутъ на васъ нападенія съ его стороны, то словесныя. А вы доста-

*) Нѣчто въ родѣ вечерни.

точно знаете нашъ языкъ, чтобы защищаться тѣмъ же оружіемъ. Ну, до свиданья. Я иду мою...

Убѣдясь, что я съ моею таинственностью играю глупую роль, я прямо и поспѣшно отправился въ сосѣднюю церковь. На паперти я нашелъ моего знакомаго, а нынѣ уже и соперника, донъ Рамона, съ другимъ молодымъ человѣкомъ.

Мнѣ, не испанцу, стало какъ-то совѣстно и неловко. Мы молча раскланялись. Входя по ступенямъ, я услышалъ двѣ фразы, сказанныя со злобой:

— Пожалуй, женится!..

— Даже навѣрное...

Въ испанскихъ церквахъ съ цвѣтными окнами всегда страшная темь, особенно же въ сумерки. Я около двухъ минутъ простоялъ, никого и ничего не видя, и только понемногу приучивъ глаза къ этой темнотѣ, разглядѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя три женскія фигуры, на колѣняхъ предъ однимъ изъ предѣловъ.

Въ срединѣ была толстая мать, направо какая-то худенькая блондинка, налѣво Долоресъ. Около получаса пришлось продежурить, пока онѣ повторяли свои Ave Maria и Pater noster. Наконецъ, всѣ три поднялись...

Я сталъ въ дверяхъ. Долоресъ тотчасъ замѣтила меня и ловкимъ маневромъ очутилась послѣдняя. Когда мать и блондинка были уже на паперти, она поровнялась со мной.

— Въ два часа я буду подъ балкономъ красавицы Долоресъ, выговорилъ я какъ можно тише и скорѣй.

Въ ту же секунду шляпа моя, которую я держалъ въ рукахъ, выскочила и покатила къ куда-то. Долоресъ вышибла ее ударомъ вѣра.

Это была фамиллярность, то есть милостивый отвѣтъ.

Я насилу отыскалъ шляпу у ногъ какого-то на колѣняхъ молившагося пикадора съ косичкой на затылкѣ, въ отличіе отъ простыхъ смертныхъ. Когда я вышелъ, Долоресъ тихо и чинно шла за матерью и не оглянулась на церковь.

Я отправился въ кафе, гдѣ всегда собирается молодежь предъ тѣмъ, какъ итти куда-нибудь на вечеръ, и поглощаетъ страшное количество мороженаго. Въ девять часовъ мой пріятель и двое другихъ собрались итти на вечеръ къ доньѣ Долоресъ.

— Ну, а ты идешь? обратился онъ шутя къ моему сопернику, сидѣвшему въ углу за игрой въ домино. Человѣка три разсмѣялись и покосились на меня.

„И эти знаютъ все?“ подумалъ я и приготовился на словесный поединокъ.

Донъ Рамонъ немного вспыхнулъ и обратился ко мнѣ:

— Don Andres, сколько времени вы думаете пробить въ нашемъ городѣ?

— Право, не знаю. Собирался выѣхать... но теперь думаю, что запоздаю и ранѣе мѣсяца не уѣду.

— Вотъ какъ?! насмѣшливо выговорилъ донъ Рамонъ,— черезъ мѣсяць?!

— Что жъ дѣлать! Мнѣ нужна переменна мѣсть и лицъ. Я врагъ постоянства по испанской пословицѣ: *Constante y tunante—dos primos* (постоянный и глупый—двоюродные братья).

Молодежь разсмѣялась и закричала:

— Такъ! Такъ!

— Въ такомъ случаѣ я пойду на вечеръ къ донѣ Долоресъ чрезъ мѣсяць! объяснилъ донъ Рамонъ громко, чуть не всей публикѣ.

Снова послѣдовалъ смѣхъ, ибо это былъ намекъ, что послѣ меня онъ опять будетъ новіемъ Долоресъ.

— А вы развѣ знакомы съ доньей Долоресъ? улыбаясь, спросилъ я.

— Да, и если угодно, я самъ сейчасъ же поведу васъ къ ней и представлю.

— Крайне вамъ благодаренъ, но я не могу... я долженъ немедленно идти спать, чтобы быть на ногахъ въ два часа ночи.

Снова смѣхъ. Онъ всталъ и пошелъ къ дверямъ.

— *Que la pase bien!* (Проведите ее хорошо!) произнесъ онъ насмѣшливо, съ удареніемъ, и эта принятая фраза получила другой смыслъ.

— *Gracias! Lleva usted feliz viaje!* (Спасибо! Добраго пути вашей милости!) ¹⁾, отвѣчалъ я тоже принятымъ выраженіемъ, которое, однако, въ иныхъ случаяхъ употребляется въ смыслъ: убирайтесь къ черту.

Продолжительный смѣхъ закончилъ этотъ первый словесный поединокъ.

Воротаясь въ гостиницу, я напился чаю (и даже москов-

¹⁾ Испанцы говорятъ въ третьемъ лицѣ. Ваша милость (*usted*) употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ по-польски: панъ.

скаго чаю), легъ спать и велѣлъ себя разбудить въ половинѣ второго, наказывая лакею не проспать.

— Да я совсѣмъ не лягу, если вашей милости надо итти *relax la rava!* вкрадчиво замѣтилъ онъ, понявъ, разумѣется, зачѣмъ иностранецъ хочетъ вставать вдругъ среди ночи.

Я заснулъ самымъ не влюбленнымъ образомъ. Разбойникъ-лакей залегъ также и проспалъ...

Среди ночи я увидѣлъ его предъ собой съ огаркомъ въ рукахъ, заспаннаго, лохматаго и вопіющаго ко мнѣ:

— *Caballero! Caballero!* Два часа! Уже пробило два на башнѣ... У меня часовъ нѣтъ! Виновать!

„Ну вотъ и здравствуйте!“ подумалъ я. „Хорошо начало. Нѣтъ, видно, надо для этого испанцемъ родиться!“

Черезъ полчаса я бѣжалъ по пустыннымъ улицамъ уснуващаго города.

Когда я остановился подъ балкономъ Долоресъ, пробило три четверти третьяго...

II.

PELAR LA PAVA...

Ночь была великолѣпная, тихая, ароматная... андалузская ночь. Гдѣ-то вдали слышалась пѣсня, разумѣется, съ касаньетами и гитарой!..

Когда я подошелъ къ дому Долоресъ, горничная, на-сторожѣ у нижняго окна, встрѣтила меня угрюмо:

— Это мода, что ли, у иностранцевъ—заставлять на первое же свиданье дожидаться себя.

— Нѣтъ. Но лучше поздне, чѣмъ слишкомъ рано; здѣсь мѣсто бойкое... Вотъ обѣщанное!..

Я передалъ ей билетъ на бой быковъ.

— *Gracias!* О, да вы знатокъ. Это лучшее мѣсто. *Asiento de aficionado.* Мѣсто аматѣра.

Дѣйствительно, мѣсто было отличное, то есть у самаго барьера, гдѣ можно при счастья и на рога быку попасть. Сюда же постоянно перелетаютъ пикадоры, вышибаемые бы-

комъ изъ сѣдла, и давятъ собой публику. Иной, пожалуй, найдетъ это мѣсто сквернымъ. У всякаго свой вкусъ. Дѣвушка была въ восторгѣ, какъ я и ожидалъ.

— Ну, погодите, я доложу сеньйорнтѣ.

— Она спитъ?

— Спитъ? Какъ спитъ?! Вы по себѣ судите. Я объ закладъ бьюсь, что вы уже спали. А вотъ Пепа уже 24 часа не спала!

— Кто это Пепа?..

— Пепа? Я. Или Пепита. Какъ хотите. Ахъ, да... Вы вѣдь иностранецъ. Если кто мимо пройдетъ, вы отъ балкона отойдите, да лицо-то плащемъ закройте.

— Котораго на мнѣ нѣтъ.

— И то правда! Да какъ же это вы идете подъ балконъ безъ плаща. Вѣдь это непростительно! Охъ! Иностранцы!

— Да если у меня совсѣмъ нѣтъ плаща!

— Jesus! Чѣмъ же вы закрываетесь, когда надо? Платками носовыми. Ахъ, нѣтъ, я забыла... Вы платками пишете на креслахъ!.. И Пепита начала смѣяться надъ своими намеками.

— Ну, ну, зовите сеньйорнту...

— Вы заведите однако плащъ. Безъ него ступить нельзя. Не даромъ говорится: *Quien tiene sara—escara!* (Кто въ плащѣ—улизнетъ!). Болтушка насилу ушла. Я сталъ на другомъ тротуарѣ и началъ дожидаться появленія своей новіи.

Минуть черезъ десять дверь балкона тихонько отворилась, и появилась Долоресъ въ черномъ платьѣ, съ черною мантильей на головѣ¹⁾.

Она оперлась на рѣшетку балкона, и невольно пришли мнѣ на умъ слова поэта:

Скинь мантилью, ангелъ милый,
И явись какъ яркій день.
Сквозь чугуныя перила
Ножку дивную продѣвь!

Дѣйствительно, мантилья и перила были на лицо, ножка дивная—тоже на лицо. Ангела только нѣтъ, а скорѣе черный бѣсенокъ, но хорошенькій, слѣдовательно оно почти то же, если не лучше.

¹⁾ Мантилья надѣвается на голову, спускается на плечи и скрещивается на груди, при чемъ длинное кружево отброшено, или спущено на лицо, какъ вуаль.

Обстановка ли была виновна, или уже сказывались первые припадки влюбленности въ моей головѣ, но дѣло въ томъ, что Долоресъ показала мнѣ восхитительно хороша, мила и граціозна.

Слова, которыми я встрѣтилъ ея появленіе на балконѣ, были приготовлены и ей понравились, но привести ихъ, право, не хватить храбрости. Черезъ чуръ они глупы. Дѣвушка съвера отвѣчала бы на нихъ мысленно:—Вотъ дуракъ-то!

Но донья Долоресъ поблагодарила и отвѣчала на нихъ, вставивъ эпитеты: *Hijo de mi alma!* Сынъ души моей! *Luz de mis ojos!* Свѣтъ очей моихъ!

Послѣ этого ужъ не удивительно глупъ покажется мой отвѣтъ: *Reyna de mi corazón.* Царица моего сердца!

Достаточно этихъ обращеній. Глупѣе ничего не было сказано... Развѣ мои и ея увѣренія. Я клялся въ безумной любви! Она тоже! Она клялась въ вѣрности до гробовой доски! Я—и за гробомъ! Она увѣряла, что я идеаль любовника, новіо, мужа. Я увѣрялъ, что за одну улыбку такой новіи, какъ Долоресъ—можно умереть съ наслажденіемъ.

Наконецъ, словарь любви и напускной страсти былъ истощенъ... на башнѣ било половина пятого и... о, ужасъ!.. я скоропостижно зѣвнулъ... Она тоже!.. Долоресъ поглядѣла на небо и замѣтила, что оно великолѣпно. Я замѣтилъ мысленно, что у меня безумно шея болитъ, но однако ничего не сказалъ.

Да и какъ не болѣть? Стоять, опрокинувъ голову на спину, чтобы видѣть ее на балконѣ. Поневолю приливъ крови сдѣлается.

Тишина вокругъ насъ была удивительная, весь городъ спалъ (исключая новіевъ), изрѣдка только появлялись сонные, запоздалые пѣшеходы. Тогда Долоресъ пряталась за ставню, я отходилъ на секунду вправо или влево, представляя прохожаго.

Сначала болтовня наша шла кой-какъ, но мало по-малу начала прерываться уже совершенно откровенною зѣвотой. Изрѣдка я потиралъ себѣ шею ладонью и кивалъ головой, какъ кукла, чтобы привести въ порядокъ кровообращеніе...

Наконецъ, стало разсвѣтать, и мы простились.

— Завтра въ одиннадцать часовъ я буду у обѣдни! объявила Долоресъ.—*Adios, hijo mio.* Прощайте, сынъ мой!

— То-есть не завтра, а сегодня!

Она послала мнѣ съ балкона поцѣлуй и скрылась... не скажу: какъ видѣнье, а скорѣе какъ бѣсъ долженъ при первомъ крикѣ пѣтуха провалиться сквозь землю.

Я пошелъ домой, потирая шею, и думалъ:

„Въ одиннадцать часовъ! Встать надо, стало быть, въ десять, а теперь шестой... Плохо!.. Да она-то сама? Развѣ не устала? Или такой образъ жизни уже въ привычку вошелъ. Добро бы она была у окна, или я на балконѣ... Или въ гостиной, на покойномъ диванѣ. Такъ я согласенъ ночи напролетъ сидѣть... А на улицѣ, задрать голову, трудновато!.. Вотъ и пресловутое *relax la rava*. Что жъ нравится?! Вотъ и новія—красавица. Что жъ? Много выигралъ?“

Не преувеличивая, скажу, что весь день у меня болѣла шея.

Въ церковь къ обѣднѣ я, разумѣется, опоздалъ, и когда былъ на паперти, то всѣ уже вышли и впереди всѣхъ Долоресъ въ бѣломъ платьѣ съ накинутою черной мантильей, съ цвѣтами въ волосахъ, бѣленькая, свѣженькая, хорошенькая: глаза не красные, лицо не распухшее, взглядъ не лѣнивый, не сонный.

Словно всю ночь почивала она въ покойной, мягкой постели, дѣтски-невиннымъ, невозмутимымъ сномъ... Невольно подивился я на нее!..

Она рядомъ съ матерью важно прошла мимо меня... Я, разумѣется, не поклонился ни той, ни другой, ибо былъ равно для обѣихъ простымъ прохожимъ.

Долоресъ потомъ сѣумѣла однако отстать на шагъ отъ матери погрозиться вѣеромъ и телеграфировать, то есть показать два пальца и затѣмъ свой крохотный кулачекъ. Это значило два часа ночи. Два пальца (или хоть десять) и затѣмъ открытая ладонь было бы два часа дня.

Едва обѣ женщины скрылись, ко мнѣ подошелъ знакомый старичокъ и вымолвилъ, улыбаясь:

— Честъ имѣю поздравить Don Andres'a съ новіей!

Я подумалъ, что онъ замѣтилъ телеграмму Долоресъ, хотя я самъ едва могъ отличить ее отъ простого жеста, и притворился, что не понимаю его словъ.

— Поздно вы разстались вчера съ Долореситой¹⁾?

Я нѣсколько смутился.

— Не правда ли, малютка *con mucha sal*, съ большою

¹⁾ Doloresita—уменьшительное имени Dolores.

солью (то есть съ шикомъ). Не всякому иностранцу удастся такую новію завести.

— Да почему же вы думаете, что я новію Долоресъ?

— Васъ видѣли подъ ея балкономъ, то есть недалеко отъ балкона встрѣтили васъ... Ну, и догадались.

— Ну, а скажите пожалуйста, вы вѣрно тоже были не разъ въ молодости чымъ-нибудь новію...

— Разумѣется... Именно у матери Долореситы, годъ цѣ-
лый стоялъ подъ балкономъ.

Я не позавидовалъ старику и спросилъ:

— Не болѣла у васъ шея послѣ *relax la rava*?

— Шея? Какъ шея? Какая шея?

— А вотъ эта самая, что соединяетъ голову съ туловищемъ..

— Нѣтъ. А что? Развѣ у васъ болитъ...

— Нѣтъ, не болитъ...

За обѣдомъ въ гостиницѣ на тотъ же мой вопросъ двое другихъ молодыхъ испанцевъ почти также отвѣчали мнѣ вопросомъ:

— Шея? какая шея?..

Съ той минуты и до сихъ поръ я убѣжденъ, что у испанца особенное устройство затылка и шейныхъ позвонковъ, нарочито приспособленное природой къ обычаю *relax la rava*.

Въ семь часовъ я захотѣлъ сдѣлать Долоресъ сюрпризъ и пошелъ въ церковь, прослушалъ *Rosario* и затѣмъ снова получилъ въ темнотѣ при проходѣ ея ударъ вѣеромъ, но уже не по шляпѣ... а по щекѣ. Она воспользовалась тѣмъ, что толпа оттерла насъ отъ ея матери.

— За пощечину женщина оплачивается насильственнымъ поцѣлуемъ, шепнулъ я, смѣясь.

— Это вамъ не удастся!!

— Посмотримъ...

— Потому что я сама его дамъ!..

— Долоресъ! раздался строгій голосъ при выходѣ.

Мать дождалась ее, и когда обѣ исчезли за коврами ¹⁾, я услышалъ разговоръ матери и дочери.

— Ты съ ума сошла!... Это русскій....

— Какой русскій, мама?...

— Отчего ты отстала?

¹⁾ Въ церквахъ вмѣсто дверей висятъ тяжелые ковры; ихъ поднимаютъ входящими нищенки и за это получаютъ гроши.

— Нищенкѣ подала грошъ.

— Но вы разговаривали?

— Да. Онъ извинялся, что наступилъ на платье, равнодушно отрѣзала Долоресъ.

„Молодецъ! подумалъ я. — Шестнадцати-лѣтній ребенокъ?! Что жъ въ тридцать лѣтъ будетъ“?

Въ кафе я опять встрѣтился съ соперникомъ, но онъ только сухо поклонился мнѣ и занялъ въ углу три стула... Затѣмъ, когда появилось какое-то семейство съ дочкой, очень не красивой—онъ уступилъ имъ эти мѣста. Это была игра.

— Видите, шепнулъ мнѣ пріятель мой. — Онъ уже новіо другой. Мѣста заготовляетъ.

— Только болѣе для насъ, чѣмъ для нея! сказалъ я.

— Конечно.

— Но скажите. Дѣвушка эта и не подозрѣваетъ, что это комедія?

— Богъ знаетъ. Да если и подозрѣваетъ... Какъ часто это случается, что эти глупыя отношенія, начатыя ради приличія, кончаются любовью и свадьбой. Впрочемъ Рамонъ убѣжденъ, что послѣ васъ опять займетъ свое мѣсто.

— Отчего же?

— Да другихъ никого нѣтъ. Всѣ заняты, она же не захочетъ сидѣть безъ новіо. Развѣ какой иностранецъ пріѣдетъ и рѣшится, какъ вы, воспользоваться испанскимъ обычаемъ. Въ одномъ только случаѣ Рамонъ останется съ носомъ... Если вы женитесь!..

— О! на счетъ этого можете успокоить вашего двоюроднаго брата!

— Не ручайтесь! Долоресъ малютка хитрая. Вдобавокъ, я знаю, что вы ей нравитесь. Потомъ, если вы и не влюблены въ нее, то вообще свободны сердцемъ. Этихъ двухъ причинъ достаточно, чтобы привести васъ обоихъ въ церковь.

— Я вамъ повторяю, что мнѣ Долоресъ слегка нравится, но что я убѣжденъ, даже знаю навѣрное, что она меня не любитъ, а шалить... И что я чрезъ мѣсяцъ уйду...

— Посмотримъ... Сегодня идете?..

— Иду.

— Въ два часа?

— Въ три. Сегодня праздникъ. Запоздалыхъ прохожихъ больше.

— У васъ сосѣдъ будетъ!

— Не вы ли?

— Нѣтъ. Одинъ севилянecъ. Сегодня онъ сдѣлался новіо одной прелестной малютки, которая живетъ дома за три отъ Долоресъ. Донья Пакиста.

— Кого же онъ замѣнилъ? Кто былъ для него—despachado?

— Пикто... Онъ ся первый новіо. Ей всего четырнадцать лѣтъ¹⁾.

— Я познакомлюсь съ этимъ севилянцемъ. Онъ здѣсь?..

— Не знаю. Можетъ быть. Я его въ лицо не знаю.

— А знаете, что онъ новіо, чей и гдѣ!..

Пріяель мой разсмѣялся надъ иностранцемъ.

— Знаете вы вотъ этихъ господъ? показаль онъ мнѣ на кучу молодежи.

— Нѣтъ, ни одного.

— И они васъ не знаютъ. Знаютъ только, что вы русскій. Но знаютъ отлично, что вы новіо Долоресъ и можетъ быть знаютъ даже, о чемъ вы говорили съ ней вчера.

— Скажите же мнѣ: стало быть, мать Долоресъ и подавно знаетъ, что я новіо ея дочери?

— Можетъ быть! Вѣроятно же, что не знаетъ и не желаетъ знать. Роднымъ не слѣдуетъ въ это мѣшаться. Это до нихъ не касается, до тѣхъ поръ пока дочь не объявитъ сама, что вы сватаетесь. Или пока не замѣтятъ дочь а la geja т. е. у рѣшетки. Иныя матери не любятъ даже знать, кто новіо ихъ дочерей, ибо приличіе заставляеть ихъ тогда притворяться, играть невѣдѣнье, а это скучно. Лучше просто не знать. Поэтому весь городъ скоро узнаеть, что вы новіо Долоресъ, а мать ея вѣроятно останется въ невѣдѣнни... Вплоть до вашей свадьбы!

— Долго же придется ей не знать ничего!.. Но зачѣмъ же скрыватьcя отъ всѣхъ? Зачѣмъ эта глупая таинственность, если никто въ обманъ не дается?

— Такъ заведено, замѣтилъ мой пріяель серьезно.— Не нами свѣтъ начался и не намъ передѣлывать вѣковые обычаи или предразсудки.

Мы разстались. Онъ отправился на вечеръ въ домъ Долоресъ.

— Вы думаете, я съ ней буду говорить о васъ? сказалъ онъ. И не намекну. Это было бы съ моей стороны безтактно.

¹⁾ Въ Испаніи, какъ и вообще на югѣ, дѣвушка развивается ранѣе.

Воротаясь къ себѣ, я легъ спать и опять поднялся среди ночи. Въ три часа я былъ подъ балкономъ Долоресъ, и замѣтя на немъ женскую фигуру, не похожую на нее — прошель, не останавливаясь, мимо.

— Шт... Caballero! Don Andres! Не узнали! шептала Пепа, перевѣшиваясь черезъ перила. — Я остановился. — Senorita не можетъ выйти теперъ. Просить васъ подождать полчаса. La senoga больна, не спитъ и senorita съ нею.

Я согласился и сталъ искать удобное мѣсто чтобы сѣсть. Тумбъ здѣсь нѣтъ... Я прошель нѣсколько далѣе, и найдя скамеечку у чьихъ-то дверей — хотѣль сѣсть, когда вдругъ отворилась ставня во второмъ этажѣ, высунулась маленькая фигурка и шепнула:

— Luis? Это вы?

— No senoga! отвѣтилъ я, усаживаясь и скручивая сигаретку.

Фигурка исчезла какъ молнія, но чрезъ минуту снова зашевелилась ставня и вдругъ... на меня наводится свѣтъ какого-то китайскаго фонаря, освѣщаетъ меня на секунду и снова все исчезаетъ, только слышится шепотъ:

— Не знаешь?

— Не знаю.

— Зачѣмъ же онъ сѣлъ?

— Пьянъ, можетъ быть. Нынче праздникъ.

— А если не пьянъ... Что жъ Луисъ подумаетъ. Пожалуй заподозрить. Сдѣлай милость, узнай, кто это. Что ему надо?.. Снова высунулась женская фигура, но уже другая, и сиповатый голосъ проговорилъ надо мной, въ полголоса:

— Эй! Nombre (человѣче). Ты бы шель домой.

Я молчалъ, закурилъ сигаретку и внутренно смѣялся.

— Ступай домой... что тутъ сидѣть... Дождешься новіо, который тебя палкой проводить!

Я все молчалъ, догадываясь, что сижу подъ окномъ доньи Пакиты и дожидался прихода севилянца. Надъ головой моей завязался шепотомъ разговоръ:

— Совсѣмъ пьянъ! рѣшилъ сиповатый голосъ конфидентки, няни или горничной. Нечего дѣлать, я дождусь тутъ донъ Луиса. Или ужъ до другой ночи отложить? Не заводите же скандала.

— Да вѣдь мама спроситъ завтра, гдѣ мой вѣрь. Луисъ его взялъ починить и долженъ принести.

— Ну, вѣрѣ возьмете, а relag la rava до завтра...

Четырнадцатилѣтняя донья Пакита не соглашалась, вздыхала, пищала какъ малое дитя и чуть не плакала...

Въ то же время въ концѣ улицы появилась фигура въ плащѣ и тихо приближалась ко мнѣ; поровнявшись, мужчина остановился, поглядѣлъ на меня, прошелъ мимо и, снова вернувшись, сталъ предо мной съ вопросомъ:

— Вы здѣсь живете?

— Нѣтъ.

— Что жѣ вы тутъ дѣлаете?

— Сижу и курю.

— Вы новіо?

— Да.

— Не правда! слышался изъ-за ставни тоненькій голосъ Пакиты.

— Правда! отвѣчалъ я, подымая голову къ окну.—Только не вашъ, senorita.

— Чей вы новіо? рѣзко спросилъ севилянецъ.

— Это до васъ не касается.

— Говорите сейчасъ. Въ этомъ домѣ ваша новіа?

— Нѣтъ. Въ сосѣднемъ, я только ее жду на этой скамейкѣ и сейчасъ уйду, не желая мѣшать Донъ Луису изъ Севильи.

— Jesus! Въ этомъ городѣ всѣхъ знаютъ! Онъ внимательно сталъ глядѣть мнѣ въ лицо и наконецъ воскликнулъ, смѣясь:—Да вы иностранецъ Don Andres, мнѣ васъ на гуляньи показывали. Какъ здоровье красавицы доньи Долоресъ? въ полголоса прибавилъ онъ, усмѣхаясь и садясь около меня.

— Слава Богу. Que Dios la guarde! А покажите-ка, хорошо ли починили вѣрѣ. Севилянецъ сдѣлалъ движеніе.

— Saug-gam-ba! ¹⁾. И это извѣстно. Отрекомендуйте меня вашему помощнику!

— То-есть дьяволу. Хорошо...

Послышался ударъ въ ладоши налѣво отъ насъ. Мы обернулись, Пепа стояла на балконѣ... Я всталъ...

— Пойдите, вымолвилъ севилянецъ.—Сегодня праздникъ, будетъ много прохожихъ. Заключимте договоръ или союзъ, противъ нихъ. Для tios и tias (дядей и тетокъ, т. е. для простого народа) одинъ свистокъ. Для кого-нибудь изъ обще-

¹⁾ Воскликаніе, непереводимое, въ родѣ Французскаго sacrebleu.

ства — два свистка. Для знакомаго — una palmada (ударъ въ ладоши).

— Но какъ же? Знакомый мой можетъ быть незнакомецъ для васъ и наоборотъ. Мы такъ подведемъ другъ друга.

— Правда. Ну такъ una palmada для всѣхъ личностей, которыя покажутся намъ подозрительными, впрочемъ надо надѣяться, что знакомые наши спятъ теперъ.

— Хорошо... Скажите отъ меня донѣ Пакигъ, что я прошу прощенья за то, что усѣлся подъ ея окномъ.

— Я не сержусь! раздался тихій голосокъ изъ-за ставни. Мы размѣялись, и я пошелъ на свое мѣсто. Ставня открылась, маленькая женская фигурка появилась у окна, донъ-Луисъ началъ relar la rava.

— Вотъ вашъ вѣрь, mi geупа, моя королева! разслышалъ я отходя.

Долоресъ уже замѣнила Пепу на балконѣ и ждала меня словами:

— Съ двумя малютками за разъ relar la rava не годится.

Она хотѣла притвориться ревнующею. Я попросилъ прощенья и поклялся въ томъ, что заболтался съ донъ-Луисомъ.

— Вы видѣли Пакигу? спросила она сердито.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Такъ ступайте завтра въ церковь San Domingo, куда она ходитъ съ своею бабушкой, и хорошенько разсмотрите ее.

— Зачѣмъ же это?

— Затѣмъ, чтобы знать, что она гораздо хуже меня!

— Ну такъ что же? Я и такъ знаю, что вы лучше всѣхъ здѣсь.

— Да... но малютка, ночью, за ставней, съ нѣжнымъ голоскомъ, новія другого... Все это могло заинтересовать васъ хоть немного, и я хочу, чтобы вы знали, какая разница между Долоресъ и Пакигой. Я не боюсь сравненья ни съ кѣмъ при свѣтѣ, à la luz. Я боюсь ночного сравненья (comparacion de noche).

Я подивился ея фразѣ. Мы принялись болтать всякій вздоръ. Вскорѣ послышались два тоненькіе свистка.

— Кто-нибудь изъ общества! сказалъ я.

Долоресъ исчезла съ балкона. Я тихо пошелъ на встрѣчу какой-то фигурѣ, шедшей со стороны донъ-Луиса. Это было не просто членъ общества, а знакомый мнѣ старичекъ; бѣжать или спрятаться было поздно. Да не будучи испанцемъ,

я и не считалъ этой встрѣчи за скандалъ. Довольно того, что я отхожу отъ балкона, думалъ я, и прерываю нашу невинную болтовню.

— Доброй ночи!.. Гуляете?.. спросилъ тотъ же человѣкъ, который утромъ поздравлялъ меня новіемъ Долоресъ.

— Очень доброй!.. Гуляю!..

— До свиданія. Проведите ее хорошо.

— До свиданья. Иди ваша милость съ Богомъ!

Всѣ эти четыре принятыя казенныя фразы были сказаны ради приличія. Старичекъ скрылся. Донъ-Луисъ появился изъ за какого-то угла и мы оба стали на свои мѣста.

— Напрасно вы не спрятались, сынъ мой! Это нехорошо! сказала появившаяся Долоресъ. — И вамъ было неловко и ему тоже.

Я мысленно махнулъ рукой и подумалъ:

„Ну ужъ люди же вы?! Чудные, какъ есть!“

Разговоръ мой съ Долоресъ былъ въ этотъ разъ иного рода. Она спрашивала, гдѣ я путешествовалъ, какъ намѣреваюсь вообще провести жизнь, думаю ли основаться въ Испаніи. Не оставилъ ли я новію на родинѣ, которой теперъ измѣнилъ. Хороша ли она? Лучше ли ея?..

Я отвѣчалъ, что у меня новіи нѣтъ на родинѣ. Что я не знаю, поселюсь ли въ ея отечествѣ, что зависить это не отъ меня, а отъ пары волшебныхъ глазъ и т. д. всякую чепуху на эту тему.

— А что вы объ этомъ думаете! выговорила вдругъ Долоресъ, какъ бы собравшись съ духомъ... И перевѣсившись чрезъ перила, она показала мнѣ руки свои. Указательные пальцы были скрещены въ видѣ знака умноженья... Я не понималъ.

— Какъ? Вы не знаете, что это значить?

— Нѣтъ. Скажите.

Она словно колебалась и наконецъ, повторивъ жестъ, вымолвила:

— Это значить: свадьба, вѣнчанье!..

— И рога... тоже! усмѣхнулся я.

— Какъ!? Это не рога, сынъ мой.—И она наивно повторила жестъ въ объясненіе.

— Знаю! Знаю!.. Скажите, Долоресъ, вамъ очень хочется замужъ?

— За васъ. Да, сынъ мой.

— Gracias!.. Но вѣдь въ этомъ случаѣ спѣшить не годится!

— Правда, но когда много, много любишь, съ афектаціей выговорила она, — какъ я васъ, напрімѣръ!.. то поневолѣ спѣшишь. Вы не собираетесь?.. Вы бы женились, напрімѣръ, на мнѣ?

Я помолчалъ и выговорилъ:

— Неужели ужъ я надоѣлъ и наскучилъ вамъ?

— Какъ? Что!?..

— Вы мнѣ даете отставку.

— Что вы, сынъ мой! Santa Maria! Нисколько!

— Когда дѣвушка - новія заговорить своему новіо о женитьбѣ, то это принятый способъ, чтобы сказать: вы мнѣ наскучили и я уже взяла другого новіо.

— Или же это означаетъ съ ея стороны *miu gran amor!*!

— Въ такомъ случаѣ вы влюбляетесь какъ ребенокъ. Ваша любовь какъ ракета—блеснетъ, и чрезъ секунду нѣтъ ничего, одна только обожженная стружка летитъ на землю или на голову прохожему. Вы меня въ два дня успѣли полюбить такъ сильно?

— Да. Время ничего не значить... Это сравненье дерзко... и глупо.

— Во сколько дней полюбили вы моего предшественника?— Она молчала. — Ну, толстаго донъ-Фернандо, годъ назадъ, вы тоже въ два дня полюбили?

— Вы злы! Какъ вы злы! Вы змѣя! Впередъ я буду осторожнѣе!

— Не будете говорить о женитьбахъ, свадьбахъ, вѣнчаньяхъ и т. д.?

— Не буду, змѣя!

— Не будете увѣрять въ *miu gran amor*?

— Нѣтъ! И до тѣхъ поръ пока вы сами не заговорите обо всемъ этомъ! какъ бы съ угрозой вымолвила она. — И тогда я... буду злая! да!

— Хорошо. Такъ ждите же, пока я не заговорю.

— Наступило минутное молчанье.

— Когда вы ѣдете? вымолвила она.

— Черезъ недѣли три!

— Непремѣнно? Безотлагательно? Что бы ни случилось?..

— Даже если конецъ свѣту будетъ, но пойдетъ дилижансъ, то я поѣду.

— Когда же вы вернетесь?

— Мѣсяцевъ черезъ восемь или черезъ годъ.

— Годъ? Годъ—страшно много! Вы меня забудете!

— Не думаю.

Мы опять помолчали. Я былъ все еще золъ за ея рѣзкій и безтактный маневръ касательно нашей свадьбы.

— Теперь вы къ себѣ на родину ѣдете?

— Нѣтъ, въ Валенсію.

— Это въ Испаніи... Большой городъ! А потомъ?..

— Потомъ въ Швейцарію!

— Она больше Валенсіи или меньше?

— Какъ?! возразилъ я и поднялъ голову, чтобъ увѣриться, не Пепа ли замѣнила Долоресъ на балконѣ.

— Который изъ двухъ городовъ больше?

— Да Швейцарія не городъ.

— Не городъ? Маленькая обласіон? Деревня?

— Да это страна. Государство! почти конфузясь, вымолвилъ я.

— А—а?! И большая? съ интересомъ допрашивала Долоресъ.

— Не очень большая... Даже скорѣе—маленькая.

— Маленькая! Такъ зачѣмъ же вы въ нее ѣдете?

„Глупо!“ подумалъ я и прибавилъ ради объясненія:—Тамъ меня мать ждетъ теперь.

— Развѣ ваша мать швейцарка?

Я не выдержалъ, помолчалъ, поглядѣлъ направо, налево, и вздохнулъ—подъ бременемъ обдавшей меня пошлости.

— Что же вы молчите, сынъ мой?

— Развѣ я испанецъ, Долоресъ?

— Нѣтъ, русскій! А что?

— Однако я теперь въ Испаніи?

— Да. Въ Андалузіи. Ну такъ что жъ? Я васъ не понимаю.

Не знаю, хорошо ли было донъ-Луису съ доньей Пакитой, но импровизованному въ лицѣ моемъ новію донъ-Андресу съ доньей Долоресъ стало вдругъ какъ-то... неловко.

— Andres! у меня просьба къ вамъ! продолжала Долоресъ.—Попросите, чтобы васъ представили намъ. Мы такъ больше будемъ видѣться. Вечеръ вы будете проводить у насъ a la tertulia ¹⁾, а ночь со мной здѣсь. Согласны?

¹⁾ Маленькій званый вечеръ.

Я согласился... Въ концѣ улицы раздался колокольчикъ и появился вдругъ свѣтъ.

— *Нау упо, que se muere!* тихо и вздохнувъ произнесла Долоресъ.—Кто-то умираетъ!

Дѣйствительно это оказалась процессія. Несли къ умирающему Святые Дары.

Впереди шель мальчикъ съ колокольчикомъ и изрѣдка звонилъ какъ-то погребально-тихо; за нимъ двое причетниковъ, въ бѣлыхъ кружевныхъ мантияхъ, несли два большихъ церковныхъ фонаря на высокихъ шестахъ, затѣмъ шель священникъ со Св. Дарами въ полномъ облаченьи и еще двое причетниковъ съ фонарями. Процессія поровнялась съ донъ-Луисомъ и освѣтила его и Пакиту, у окна. Оба они по обычаю стали на колѣни. Долоресъ тоже опустилась на колѣни на своемъ балконѣ. Я конечно послѣдовалъ ея примѣру.

Процессія медленно и какъ-то страдно подвигалась мимо насъ.

Я невольно оглядѣлся, и замѣтилъ оригинальную картинку съ типичнымъ мѣстнымъ колоритомъ. Узенькая пустынная улица, ночная тишина, лишь прерываемая одинокими ударами колокольчика, нѣсколько темныхъ профилей оригинальныхъ зданій, рисующихся на звѣздномъ небѣ, нѣсколько фигуръ новіосъ на колѣняхъ и наконецъ эта тихо двигающаяся фигура священника со Св. Дарами среди четырехъ ярко горящихъ фонарей! Будь тутъ мастеръ—онъ сейчасъ бы схватилъ поэтической сюжетъ для картины...

Когда процессія завернула на ближайшую площадь, Долоресъ шепнула съ балкона:

— Сынъ мой, это хорошая примѣта! Изъ двухъ паръ новіевъ, одна кончитъ непременно свадьбой!

— Такъ я поздравлю пойду—Луиса съ Пакитой!

— Неужели же... Скажите, неужели вы... Нѣтъ! Я обѣщала молчать! произнесла Долоресъ и афектированно вздохнула.

Раздался свистокъ Луиса. Я пошелъ къ нему, но кромѣ него никого не было на улицѣ.

— Извините. Я свистнулъ не для тѣо, а для того, чтобы пригласить васъ на ужинъ къ себѣ. Я кончилъ и иду домой. Хотите раздѣлить со мной мой *gaspacho* ¹⁾.

¹⁾ *Gasracho*—холодный супъ: вода, деревянное масло и хлѣбъ. Ужаснѣйшее въ мирѣ блюдо, но обожаемое въ Испаніи.

— Съ удовольствіемъ... Но Долоресъ еще не собирается спать...

— Скажите ей, что это было условлено еще прежде. Я васъ дождусь за угломъ.

Долоресъ догадалась, что я ее промѣнялъ на гаспачо, номило простилась и отпустила, снова наказывая быть у обѣдни въ San Domingo, чтобы видѣть ее и Пакигу для сравненья!.. Я, смѣясь этой настойчивости, согласился.

Севильянецъ жилъ въ домѣ родственника на другомъ концѣ города. Свистка четыре было и на нашемъ пути, и не мало спугнули мѣ новіевъ. Одного изъ нихъ, знакомаго донъ-Луису, завербовали съ собой. Пришедши къ нему, мы вошли черезъ окно, ибо всѣ въ домѣ спали мертвымъ сномъ.

Гаспачо былъ раздѣленъ, разумѣется, на двоихъ. Я притронулся только къ печеному картофелю и съ удовольствіемъ съѣлъ блюдечко какого-то турецкаго шербета.

— А! позвольте же поздравить васъ! воскликнулъ Луисъ. — Вы женитесь... Знаете примѣту...

— Знаю! поэтому берегитесь... Я не могу жениться ни подъ какимъ видомъ на Долоресъ... Слѣдовательно, это навѣрное васъ и донью Пакигу ожидаетъ!

— Ну, что жъ... Я не прочь!..

Мы проболтали до семи часовъ утра, благодаря пріятелю Луиса, который рассказалъ намъ тысячу и одинъ случай изъ исторіи povios всѣхъ вѣковъ и всѣхъ городовъ Андалузін.

Когда я вышелъ изъ дома донъ-Луиса, то отворялись лавки и всюду двигался просыпающійся людъ.

Трудно передать, какъ хороша Андалузія при восходѣ солнца. Прозрачное, голубое небо полно лиловатыхъ, причудливо-роящихся, облачковъ. Въ окрестности въ садахъ и улицахъ все пропитано ароматомъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Корридорчики-улицы, маленькія площадки въ зелени и въ цвѣту, миниатюрные домики, ряды пустынныхъ балконовъ надъ пустынною мостовой—все это—граціозно и мило! Кой-гдѣ только бѣжитъ въ плащѣ запоздавшій и заболтавшійся до солнца новіо. Или же высокій, плотный и загорѣлый tio, поднявшійся на работу, бодро шагаетъ, звеня подковками своихъ сапоговъ. И по всему этому скользятъ малиновыми пятнами теплые, яркіе лучи восходящаго солнца.

— Buenas días! Добраго дня! говорятъ другъ другу незна-

комые встрѣчные, приподнимая на головахъ края широкихъ sombreros ¹⁾.

— Muy buenas tenga usted. Очень добраго имѣй ваша милость.

— Vaya usted con Dios! Иди ваша милость съ Богомъ.

И слова эти словно гармонируютъ съ этою окрестностью, съ этимъ міромъ, столь чуждымъ намъ, дѣтямъ Сѣвера.

III.

TERTULIA.

Повидавшись съ Долоресъ въ церкви Святого Доминга, и сравнивъ ее съ Пакитой, какъ было мнѣ приказано, и съ другими дѣвушками, по собственной волѣ, я убѣдился, что красивѣе моей новіи нѣтъ.

Вечеромъ я собрался однако на тертулію, и зашелъ въ кафе за своимъ пріятелемъ съ просьбой представить меня въ домъ Долоресъ. Соперникъ мой былъ тутъ и, иронически улыбаясь, началъ снова словесный поединокъ.

— Вамъ будетъ у нихъ очень пріятно. Увидите много chicas bonitas и много мужчинъ... Кстати увидите одного господина (при входѣ, направо, гдѣ зеркало), который очень, говорятъ, нравится Долоресъ. Пожалуйста не судите по немъ о дурномъ вкусѣ нашихъ малютокъ.

— Кто не нравится мужчинамъ, всегда нравится женщинамъ и наоборотъ. И нѣтъ ничего безотраднѣе для молодого чело-вѣка какъ слыть красавцемъ въ мужскомъ мнѣніи.

— Пожалуй, однако...

— Да всякій и не можетъ быть красавцемъ. Я бы, напри-мѣръ, радехонекъ былъ помѣняться съ вами, ибо вы (на мои глаза и по мнѣнію этихъ господъ) писанный красавецъ.

Раздался дружный смѣхъ, и вся кучка молодежи начала кричать:

¹⁾ Sombrero — шляпа, отъ слова sombra—тѣнь.

— Ты Аполлонъ! Apollo! Мы въ этомъ убѣждены! Тѣмъ хуже для тебя, querido Apollo! Милый Аполлонъ!

Половина публики кафе стала съ громкимъ смѣхомъ на мою сторону; человѣкъ двѣнадцать держали сторону моего противника.

Разговоръ нашъ долгій, пошлый, не остроумный нисколько, не то пикировка, ни то просто потѣха для окружающей молодежи, мнѣ надоѣлъ страшно. Я чувствовалъ, что скоро отъ скуки перейду къ болѣе крѣпкимъ и болѣе яснымъ намекамъ и нападеніямъ, чтобы такъ или иначе избавиться отъ соперника и отъ этихъ глупыхъ словесныхъ поединковъ...

Молодежь судила по-своему, находила, что наша распря очень интересна и особенно удивлялась тому, что иностранецъ можетъ на испанскій ладъ *relar* у *relear*, т. е. ухаживать и сражаться. Здѣсь же я получилъ прозвище, данное мнѣ за эти диспуты.

— *El Andaluz de Rusia*—русскій андалусъ!

Въ ихъ устахъ это была величайшая похвала, какою только можно удостоить человѣка.

Въ девять часовъ мы были близъ знакомаго мнѣ дома.

Странно мнѣ было входить въ него, я словно уже привыкъ останавливаться подъ балкономъ и не переступать порога. Мы постучали желѣзнымъ кольцомъ. Лакей, котораго я никогда не видалъ еще (вѣроятно потому, что онъ всегда сладко спалъ уже, когда я появлялся здѣсь), отперъ дверь. За нимъ мелькнула болтушка Пепя, кивнула мнѣ украдкой головой и усмѣхнулась фамиллярно.

— *Gracias!* чуть слышно шепнула она.—Божественное было зрѣлище. *Funcion divina!* Богъ знаетъ, когда увижу!

Я насилу догадался, что она была въ этотъ день утромъ на боѣ быковъ, и общалъ ей снова билетъ на слѣдующій бой.

Ratio, т. е. внутренній дворикъ, куда мы вошли, былъ ярко освѣщенъ и очень красивъ. Ярко-бѣлыя мраморныя колонны, корниши и арки; кой-гдѣ зелень и цвѣты, по угламъ громадныя канделябры. На самой срединѣ на одну ступень ниже остального каменнаго пола *ratio* былъ красивый мраморный фонтанъ и изъ него била довольно высокая серебристая струя. Маленькіе ручейки, журча и тоже блестя въ лучахъ свѣта, лились изъ чаши фонтана въ небольшой бассейнъ, наполненный мхомъ, камнями и золотыми рыбками...

Подъ колоннами сидѣла группа гостей. Надъ всѣмъ же ratio было растянута, замѣняя потолокъ, бѣлое полотно. За ratio виднѣлась зала, а за нею, въ настежь раскрытыя двери, темный садъ, аллея съ подстриженными кипарисами, въ концѣ которой опять фонтанъ, но уже среди кустовъ бѣлыхъ акцій и лимоновъ, увѣшанныхъ разноцвѣтными фонариками. •

Все это походило на театр и декораціи. Домъ этотъ былъ одинъ изъ красивѣйшихъ въ городѣ, а равно и одинъ изъ самыхъ гостепріимныхъ, судя по количеству вечеровъ и баловъ, даваемыхъ въ зимній сезонъ.

Хозяйка-мать оказалась въ саду. Долоресъ во второмъ этажѣ, въ аппаратахъ, гдѣ принимаютъ зимой. Предупрежденная Пепой, она сошла въ ratio чинно и важно, въ черномъ шелковомъ платьѣ, но съ открытымъ воротомъ и длиннымъ шлейфомъ и почти вся покрытая пунцовыми розами. На головѣ гирлянда изъ маленькихъ розъ, на груди букетъ изъ розъ, тоже и подъ корсажемъ у талии. Наконецъ, въ рукахъ неизмѣнный вѣеръ и великолѣпная столістная роза.

Она, очевидно, похлопотала надъ собой въ этотъ вечеръ и была еще болѣе... картина, самое лучшее и самое холодное украшеніе этого мраморнаго ratio. Эффектъ, на который она рассчитывала, удался вполнѣ. Ея черная стройная фигура отчетливо отдѣлялась и даже фантастически обрисовывалась на мраморныхъ стѣнахъ. А плечи, которыхъ я еще не видалъ, обрамленные теперь чернымъ воротомъ, были дѣйствительно изваяніемъ. И строгимъ, античнымъ, идеальнымъ изваяніемъ!

Меня представили и назвали.

Она чинно и даже гордо раскланялась и объявила холодно, что очень рада познакомиться со мной, что видала меня на гуляньяхъ.

Я готовъ былъ улыбнуться, но, поглядѣвъ на ея серьезную фигуру, на столь же серьезную мину моего пріятеля и наконецъ на совершенно серьезное лицо бывшаго тутъ знакомаго старичка, поймавшаго меня наканунѣ подъ балкономъ... я, вмѣсто улыбки, изобразилъ тоже своимъ лицомъ все, что только могъ серьезнѣе.

Черезчуръ глупо однако показалось мнѣ все это. Предъ кѣмъ же мы играемъ? Предъ кучкой гостей? Но вѣдь и они знаютъ, почти навѣрное, что мы—новіи... Да и скрывать намъ нечего, подумалъ я. Къ несчастію! добавила во мнѣ.

мысль, прикованная теперь къ блестящей бѣлизнѣ плечь моей ночной пріятельницы.

Долоресъ пригласила меня нѣсколько театральнымъ жестомъ слѣдовать за ней къ матери въ садъ. Мы вышли. Веселый смѣхъ и говоръ слышались направо въ аллеѣ. Долоресъ быстро взяла налѣво и замелькала въ темной зелени.

Едва только мы были въ темнотѣ... гордая и церемонная донья Долоресъ обернулась и зашептала какъ чертенокъ:

— Отчего вы такъ поздно явились, сынъ мой? Я думала, что вы ужъ отложили вашу визитъ... А я старалась, заботилась объ васъ. Во-первыхъ, цѣлый часъ занималась для васъ моимъ туалетомъ (что скажете на это дѣвушка Сѣвера?!), во-вторыхъ, позвала одного преумнаго старичка, съ которымъ вы можете обо всѣхъ наукахъ толковать!..

— Но куда же вы меня ведете? невольно выговорилъ я, чувствуя, что гулять въ саду въ великолѣпную ночь съ такимъ собесѣдникомъ не поведетъ къ добру. Здѣсь она переставала быть для меня картиной и автоматомъ.

— А мы дадимъ кругъ по саду, и я васъ представлю мама.

— Я бы желалъ итти прямо къ вашей мама... Сейчасъ.

— Отчего? Со мной вамъ пріятнѣе. Вѣдь я тутъ не на балконѣ, прямо отвѣчала она.

— Въ томъ именно и бѣда, Долоресъ, что вы тутъ не на балконѣ.

— Ага!.. сразу догадалась испанка.—Нѣтъ, *mi pino* (мой ребенокъ). *Cuidado!* Берегитесь!... Я вамъ приказываю итти за мной. Въ самую чашу! *Tengo que volverle loco à usted!* Я должна свести съ ума вашу милость!

И она, смѣясь, пустилась по аллеѣ; я едва поспѣлъ за ней...

Когда мы, чрезъ нѣсколько времени, подошли къ кучкѣ гостей, то я уже, дѣйствительно, былъ отчасти сведень съ ума и влюбленъ не на шутку. Долоресъ чинно представила меня матери и объявила, что по всему саду искала ее.

Затѣмъ всѣ вернулись домой и усѣлись въ *ratío*.

Началось представленіе, то есть тѣ изъ гостей, которые первый разъ видѣли меня вблизи, начали разглядывать мою личность съ ногъ до головы.

Долоресъ приняла на себя роль вопрошателя. Посыпались вопросы:

— Нравится ли вамъ Испанія? Лучше ли она Россіи? Хо-

одно ли тамъ? Какая у васъ вѣра? Христіанинъ ли вы? Женаты ли вы? Есть ли у васъ отецъ, мать, сестры, братья? Гдѣ живутъ? Что дѣлаютъ?

На нѣкоторые вопросы Долоресъ могла уже отвѣчать сама, но дѣлала ихъ съ серьезною миной, а другіе слушали; только при вопросѣ: женаты ли вы? она усмѣхнулась слегка. Затѣмъ посыпались вопросы съ прибавленіемъ: — No es verdad? Не правда ли?

— Не правда ли, что ваши малютки не носятъ мантилій, а мушоны плащей? Не правда ли, что вы не признаете папу главой церкви, и что глава церкви русскій императоръ? Не правда ли, что вамъ запрещаетъ законъ ѣсть свинину и пить вино? Не правда ли, что зимой бываетъ нашествіе волковъ и медвѣдей на города, и что они выѣдаютъ иногда цѣлыя народонаселенія?

И на все это надо отвѣчать, увѣрять и клясться...

Послѣ этого ко мнѣ подсѣлъ тотъ старичекъ, котораго Долоресъ пригласила, чтобы толковать со мной обо всѣхъ наукахъ. Между нами произошелъ длинный діалогъ, окончившійся такъ:

— Какъ вамъ нравится Испанія?

— Очень нравится! отвѣчалъ я казеннымъ тономъ, приговаривая къ дюжинѣ такихъ же вопросовъ.

— Скажите, caballero, какая разница между Испаніей и Россіей?

— Большая.

Старичекъ вполнѣ удовольствовался и продолжалъ:

— Сколько городовъ въ Россіи?

— Много.

— А жителей?

— Еще больше!

— И всѣ бѣлокурые?

— Моя голова служить вамъ доказательствомъ, что не всѣ бѣлокурые.

Старичекъ смолкъ и все прицѣливался еще спросить что-нибудь похитрѣе. Я такъ и ждалъ:—Опредѣлите мнѣ сумму небесныхъ тѣлъ! Какая пропорція на свѣтѣ дураковъ и умныхъ?

Старичекъ снова спросилъ:

— Говорите ли вы по-испански?

— Ни слова! отвѣчалъ я, смѣясь.

Раздался залп хохота. Старичекъ треснулъ себя по лбу и скрылся. Мать Долоресъ подошла ко мнѣ и объявила:

— Вы не подумайте дурного, Andres ¹⁾. Этотъ старичекъ очень умный, но конфузливый... Онъ отъ излишняго вниманія къ вашимъ рѣчамъ спутался и по разсѣянности сдѣлалъ этотъ вопросъ. Обыкновенно онъ мастеръ спрашивать, потому что все знаетъ и обо всемъ спросить можетъ.

Этой фразы не надо оставлять безъ должной оцѣнки.

Въ такихъ глухихъ уголкахъ Испаніи, какъ этотъ городокъ, на иностранца спускаютъ всегда такую крѣпкую голову, которая слыхала въ жизни кое-что и можетъ задавать серьезные и ученые вопросы. Въ этомъ разговорѣ или, лучше сказать, въ спрашиваньи попадаютъ слова: Наполеонъ, электричество, паръ, Суэзскій каналъ, кислородъ, Гомеръ, Большая Медвѣдѣца и, наконецъ, два горемычныя затасканныя слова: цивилизація и прогрессъ.

Итакъ, здѣсь вмѣняется уже въ ученость и образованье—способность спросить, не совравъ... ибо большинство поведетъ рѣчь какъ Долоресъ:

— Что больше, Валенсія или Швейцарія?

Или же спросить, какъ одна молодая дѣвушка и сдѣлала на этомъ вечерѣ. При словѣ германцы, во время нашего второго ученаго разговора съ вернувшимся старичкомъ, она встrepенулась и сказала:

— Германцы? Ахъ! это тѣ, что все сражаются!.. Скажите пожалуйста, далеко они отъ Испаніи живутъ?

— Далеко. За Франціей! рѣшилъ старикъ важно.

— Въ какой странѣ?

— Въ Германіи.

— А что, если они придутъ къ намъ воевать?

— Ну, что жъ, мы ихъ и побьемъ, рѣшилъ кто-то, не сморгнувъ.

Послѣ ученаго разговора гости разсыпались по разнымъ угламъ, куда кто хотѣлъ. Старики сѣли играть въ tres-sillas (три стула), по нашему въ преферансъ. Молодежь разбрелась, кто въ залу, кто въ уголь ратио, кто въ садъ.

Мать Долоресъ объявила мнѣ, по обычаю, чтобъ я былъ какъ дома, что все въ домѣ въ моемъ распоряженіи, и за-

¹⁾ Здѣсь обычай называть человека съ перваго же знакомства просто по имени, безъ прибавленія don, допа, если только общественное положеніе лица одинаковое.

тѣмъ сѣла за карты. Она была со мной удивительно любезна, называла меня не только просто Andres, а даже hijo mio (сынъ мой), но я напрасно старался прочесть на ея физиономіи—играетъ ли она или дѣйствительно не знаетъ, что я но віо ея дочери.

Долоресъ была со мной чинно любезна, когда мы сидѣли въ группѣ гостей, но усѣвшись со мной въ углу ratio, она стала болтать проще и безъ афектированной сдержанности.

Когда я позвалъ ее снова гулять въ садъ, она размѣялась и отвѣчала пословицей въ родѣ нашего выраженія: хорошенькаго понемножку! Затѣмъ она прибавила слѣдующую тираду, возможную только въ устахъ испанки:

— Я и такъ вами довольна теперь. Вы сегодня послушнѣе и не такой злой, какъ вчера. Вотъ когда вы снова начнете мнѣ дерзости говорить и опять застынете, я васъ опять уведу въ садъ, чтобы разогрѣть вашу русскую кровь... А теперь вы и такъ смотрите на меня влюбленными глазами. Вы теперь, еслибы вамъ общать поцѣлуй, съ башни спрыгнете!..

— Ошибаетесь! И я начну съ того, что иду любезничать съ этою дѣвушкой. Я указалъ на блондинку, уже видѣнную мной въ церкви, и которая сидѣла теперь одна въ углу.

— Если вы это сдѣлаете... то я... Вы не смѣете!

Я всталъ.

— Сынъ мой! Это уже не шутка... Это... оскорбленье... произнесла Долоресъ съ такимъ оттѣнкомъ обиженности, что я опять сѣлъ.

— Что вы сдѣлаете, если я пойду и весь вечеръ посижу съ ней? спросилъ я, съ любопытствомъ изучая этотъ субъектъ.

— Если она холодно приметъ васъ, то я вамъ отомщу, если же она осмѣлится хорошо принять васъ, то я ей отомщу. Она невѣста одного моряка... Я ему напишу и наклевету на нее.

— Это очень дурно. Ну, а мнѣ какъ же вы отомстите?..

— О! это не трудно! Я васъ теперь знаю, какъ свой вѣбрь!

— Однако... какъ же?

— Я васъ уведу въ садъ и проведу чрезъ тысячу мученій.

— Да я только этого и прошу. Слѣдовательно...—И я опять всталъ.

— Сынъ мой!.. Даю вамъ мое честное слово дѣвушки хорошаго рода, что нельзя итти теперь. Если бъ было можно... развѣ я стала бы упрячиться... Не обижайте меня. Если вы

сдѣлаете хоть одинъ шагъ—я расплачусь... Я страшно ревнива, сынъ мой!..

Лицо Долоресъ выражало такую неподдѣльную печаль, что я путался въ догадкахъ: игра ли это, или правда?

Когда же я опустился снова около нея, она снова звонко размѣялась, погрозилась вѣромъ и процѣдила сквозь зубы:

— *Que testarudo, este novio de pays nevado!* Какой вѣдь упрямецъ этотъ новіо изъ снѣжной страны!

— Какая же кокетка эта новія! И какъ она отлично умѣетъ играть комедію любви! сказалъ я.

— Комедію?! Что вы, сынъ мой? Да если бы вы отъ меня ушли, я бы глупость... скандалъ бы сдѣлала. Вы какъ-то ужасно странно судите меня.

Я мысленно согласился съ этимъ и сказалъ:

— Знаете, Долоресъ, я думаю, что бѣсенята въ аду не что иное какъ маленькія Долореситы. Теперь я не боюсь въ адъ итти.

— Ахъ, что вы это! *Maria Santissima!* Развѣ можно такія вещи говорить? *Dios nos guarde!* воскликнула католичка и чуть не перекрестилась.

Въ эту минуту человѣкъ подавалъ на подносѣ какія-то конфеты.

— Хотите *dulce* (сладкаго)? спросила она.—Я взялъ что-то и похвалилъ.

— Ну, это что за *dulce!* — Долоресъ быстро нагнулась и шеннула мнѣ на ухо:—Вотъ если бы мы повѣнчались, такъ бы мы узнали, что такое настоящее *dulce*.

Я чуть не выронилъ мою тарелочку съ конфетами и совершенно пораженный поглядѣлъ на Долоресъ.

— Что? Вы не поняли... Не разслышали! Она снова потянулась ко мнѣ и, закрывая вѣромъ и свєю и мою голову отъ публики, снова повторила фразу и прибавила:

— Когда малютка такъ хороша, какъ я, и такъ любить, какъ я васъ люблю... то это рай.

— Однако, рѣшился я выговорить, — почему вы знаете... какъ можете вы это знать?

Звонко расхохоталась испанка надъ этимъ вопросомъ жителя сѣвера, глупаго и наивнаго иностранца. Даже всѣ оглянулись на насъ.

— Что съ тобой? обернулась ея мать.

— *Andres* мнѣ смѣшныя вещи говорить! лаконически отвѣ-

чала она, и когда всё занялись снова своими дѣлами, она снова зашептала мнѣ на ухо вещи почти непередаваемые.

Мнѣ стало неловко, то есть, сказать просто, мнѣ стало противно, и я сухо вымолвилъ:

— Не нагибайтесь такъ! Сядьте прямо! Вы со мной обращаетесь не какъ съ новіо, а какъ съ женихомъ... Если будутъ затѣмъ сплетни послѣ моего отъѣзда, то вина ваша.

Я только это и съумѣлъ сказать для самооблегченья.

— Какой вы странный! какой вы странный! серьезно говорила она, качая головой, и стала глядѣть на меня во всё глаза.

Я тоже сталъ внимательно смотрѣть на нее съ тою же мыслью и невольно путался и въ соображеніяхъ и даже въ ощущеніяхъ. Сейчас мнѣ было противно... Теперь же я видѣлъ около себя дѣвущку-ребенка, съ неподдѣльно-удивленнымъ взоромъ, съ наивно раскрытыми устами, и во всемъ лицѣ, во всей фигурѣ ея было что-то поэтическое, напоминавшее Мадонну Мурильо. Это было дитя, которое распалилось, и, остановленное рѣзко, полуудивилось, полуразсердилось за это. Теперь я даже не вѣрилъ себѣ, что этотъ же граціозный младенецъ могъ быть хотя секунду противень мнѣ.

Однимъ словомъ, я путался и сбивался съ толку даже въ ощущеніяхъ.

— Скажите мнѣ, Долоресь, los novios всегда ведутъ такіе разговоры?

— Да, иногда... то есть не слово въ слово, но говорить о томъ же.

— И вы, стало быть, со всѣми вашими новіями, моими предшественниками, вели такіе же разговоры?

— Какіе же разговоры? Я наконецъ васъ не понимаю. Объ этомъ?

И она показала конфекту. Я кивнулъ головой.

— О, нѣтъ! Какой же вы странный! Вы не дѣлаете разницы между собой и другими.

— Да въ чемъ же она—эта разница? Въ томъ, что я иностранецъ, что ли?

— Ахъ, сынъ мой. Та разница, что я васъ люблю... Понимаете? Люблю и смотрю какъ на будущаго мужа.

— Долоресь, я вамъ десять разъ, кажется, говорилъ, чтобы вы не считали меня своимъ будущимъ мужемъ!..

— Calle, hijo! Замолчите, сынъ мой! нѣжно вымолвила она.—Что вы повторяете все эту проклятую фразу...

Мы помолчали.

— Скажите, неужели вы меня ревнуете къ моимъ прошлымъ новіямъ, къ тому tunante (болвану), что я прогнала для васъ? Неужели вы думаете, что я съ ними была какъ съ вами, такъ же сидѣла и говорила? Да спросите хоть вашего пріятеля, онъ знаетъ... Я не скрываюсь, у меня было много новіевъ, потому что я хороша собой. Вонъ тотъ того de muerte ¹⁾, что играетъ въ карты, тоже былъ недѣлю подъ моимъ балкономъ. Вы, иностранцы—чудаки! Что жъ мнѣ было дѣлать, если всѣ они мнѣ не нравились и я все мѣняла и мѣняла! Не могла же я спать по ночамъ, какъ старуха! Потомъ я все надѣялась, что наконецъ найду новіо по себѣ... и не ошиблась. Вы пріѣхали въ нашъ городъ, и я почувствовала, что вы мой суженый. Оттого я первая, не дожидаясь, чтобъ вы замѣтили меня, кинула вамъ тогда розу... Помните! А потомъ, когда вы молча ушли, я рѣшила облить васъ водой. Облитый водой непременно заговорить!.. Такъ вѣдь? Правда?.. Ну, потомъ вы пропали, отказались съ нами познакомиться, и я еще больше стала думать о васъ. Надѣясь встрѣтить васъ въ театрѣ, я три раза упросила мама взять ложу. Наконецъ, вы разъ явились... Пепя посовѣтывала мнѣ не обращать на васъ никакого вниманія.

— Ну, полноте... Сами вы додумались такъ поступить?

— Ну хоть даже и сама. Тутъ ничего дурного нѣтъ—притворяться съ хорошею цѣлью... Когда же вы написали мнѣ на креслѣ платкомъ слово: люблю, то я рѣшила, что никогда никого не буду любить кромѣ васъ... Спросите у Пены, какъ я прежде ждала моихъ новіевъ и какъ васъ жду теперь...

— Какой же вы ребенокъ, Долоресь...

Она звонко размѣялась.

— Или скорѣе не ребенокъ, а страшно ловкая, опытная кокетка.

— Кокетка! кокетка! Разумѣется, кокетка! Но развѣ нельзя быть кокеткой и любить?

— Можно. Но вы-то не любите, хотите во что бы то ни стало, чтобъ я влюбился въ васъ, посватался... Для того чтобы отказать, можетъ быть...

¹⁾ Быкъ смерти, т. е. ожарѣвшій быкъ, назначенный не на бой быковъ, а на убой.

— А! Вотъ что?.. Попробуйте, посватайтесь... Не успѣете сказать три раза Ave Maria, какъ будете моимъ мужемъ. Не вѣрите?

— И вѣрю и не вѣрю. Увѣренъ же вполнѣ только въ томъ, что если не попаду въ ваши когти, то ужъ не попаду никогда ни въ чьи.

— Да! А мнѣ вотъ одна гитана предсказала, что я умру отъ язычника... Это было ровно за годъ до вашего прїѣзда.

— Да я не язычникъ, размѣялся я.

— Иностранецъ! Все равно! Она велѣла мнѣ избѣгать этого язычника... А я что дѣлаю? Еслибъ мама и Пепя знали это предсказанье, то васъ бы не было ни здѣсь, ни подъ балкономъ!

Личико Долоресъ стало вдругъ невыразимо печально, и задумчивые глаза грустно остановились на мнѣ. Я опять внимательно смотрѣлъ ей въ лицо и опять не зналъ: играетъ она или нѣтъ.

— Можно ли до такой степени владѣть и играть своимъ лицомъ? вымолвилъ я.

Въ ту же секунду она шевельнулась и вѣеръ ея хрустнулъ у меня на щекѣ. Пощечина была громкая...

Долоресъ быстро оглянулась на гостей. Всѣ были заняты собой, одни за столами съ картами, другіе въ углахъ со своими новіями. Только одна блондинка поглядѣла на Долоресъ и укоризненно покачала головой. Долоресъ приложила палець къ губамъ: та усмѣхнулась и кивнула головой въ знакъ согласія.

— Вы съ вашими дерзостями заставляете меня глупости дѣлать, строго и внушительно выговорила Долоресъ, обращаясь ко мнѣ.

— За вами еще поцѣлуй.

— Не стойте вы... Не только поцѣлуя, вы не стойте даже вотъ этого цвѣтка, но я добрая...

Она передала мнѣ свой вѣеръ, потомъ взяла одну розу съ корсажа и воткнула мнѣ въ бутоньерку.

— Извольте съ ней ходить, въ наказанье, до завтрашняго вечера, ну, а теперъ довольно.

Она быстро встала, вышла на середину patio, потомъ въ садъ и созвала всю молодежь. Поставили стулья около фонтана, и начались невинныя игры въ фанты.

Въ дверяхъ появился донъ Рамонъ, очевидно ждавшій на

улицѣ этой минуты. Войдя раньше, онъ долженъ бы былъ сидѣть одинъ, ибо не принято подходить и прерывать разговоръ двухъ новіевъ, а то получишь замѣчанье:

— Usted toca el violin! Ваша милость играетъ на скрипкѣ, т. е. вы лишній и намъ мѣшаете.

— Отчего вы такъ поздно? обратился кто-то къ вошедшему. Наступило минутное молчаніе. Кто-то захихикалъ, и почти всѣ обернулись на меня. Мать Долоресъ тоже смотрѣла на меня и, кажется, теперь только догадывалась, что есть что-то. Нѣкоторые лица просіяли: игра будетъ интереснѣе, ибо два соперника будутъ оживлять ее обоюдными шпильками.

— Я опоздалъ нарочно, объявилъ онъ, кланаясь Долоресъ,—ибо по Св. Писанію первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми.

— Да вѣдь это только въ рай, сухо вымолвила Долоресъ, глядя на него наискось, черезъ свое красивое обнаженное плечо.

— Я и шелъ въ рай, любезно отвѣтилъ онъ, снова склоняясь предъ ней.

— А! И пронесли съ собой контрабандой свои грѣхи нравственные и физическіе... дерзко и презрительно выговорила красавица. Эта фраза по-испански была страшно зла и, вдобавокъ, неприлично двусмысленна. Придраться было нельзя, а понять дерзость не трудно.

Послышался смѣхъ. Донъ Рамонъ быстро обернулся ко мнѣ и выговорилъ сухо:

— Вы, можетъ быть, не согласны, донъ Андресъ?

— Съ чѣмъ? вымолвилъ я, развертывая вѣеръ Долоресъ, который остался у меня въ рукахъ послѣ припиливанья розы, и началъ обмахиваться имъ тѣмъ сносомомъ, который здѣсь въ рукахъ женщины означаетъ отказъ.

— Что первые будутъ послѣдними въ рай! уже сердито произнесъ онъ, слѣдя за игрой вѣера.

— Напротивъ! Моя личность служить этому доказательствомъ: вы прежде меня бывали у Долоресъ, а сегодня вы послѣдній здѣсь... появились.

Пока я не прибавилъ слова „появились“, всѣ переглянулись. Я говорилъ слишкомъ ясно. Прибавленное слово, измѣнившее смыслъ фразы, привело эти ничѣмъ не занятые головы въ полный восторгъ. Всѣ смѣялись, но однако никто не показывалъ и виду, что дѣло идетъ о чемъ-то постороннемъ Св. Писанію, вечеру и раю.

Между тѣмъ всѣ уже усѣлись въ кружокъ, оставалось только два мѣста: одно около Долоресъ, другое около толстяка, бросившаго карты для игры въ фанты. Я поскорѣ сѣлъ около Долоресъ, и такимъ образомъ случай свелъ вмѣстѣ двухъ ея прежнихъ новіевъ. Это замѣтили, и снова смѣхъ, хотя никто ни слова о причинѣ.

При выкупѣ фантовъ (какъ и у насъ въ Россіи) всякаго заставляли что-нибудь сдѣлать, рассказать, спѣть, представить. Соперникъ мой представилъ, какъ каталонцы (слѣдовательно иностранцы) говорятъ по-испански. Онъ сдѣлалъ предисловіе, что каталонецъ преисполненъ дерзости и самоувѣренности и т. д., все это были камешки въ мой огородъ. Представляя каталонца, онъ путался въ словахъ, перевиралъ ихъ и заикался..

Затѣмъ толстякъ рассказалъ, какъ однажды одинъ новіо изъ иностранцевъ смѣшалъ домъ своей новіи съ другимъ домомъ и дожидался тамъ появленія своей красавицы, пока его не облили водой. И это было—въ мой огородъ.

Наконецъ наступила моя очередь.

Я началъ цѣлую исторію о двухъ прокаженныхъ, которыхъ общество отвергло и изгнало изъ своей среды. Двое прокаженныхъ, гонимые судьбой и людьми, подружились, ибо не боялись другъ друга. Одинъ былъ некрасивый, зеленолицый, другой толстый, жирный и т. д.

Повѣствованье мое было длинное и грустное. Всѣ слушали со вниманьемъ, принимая его за настоящую исторію и только подъ самый конецъ я заставилъ ихъ догадаться, что двое прокаженныхъ друзей—мои два соперника, отвергнутые Долоресъ.

Тогда хохотъ начался внезапный и безумный.

— Браво, браво! Andaluz de Rusia! воскликнулъ мой пріятель, не ожидавшій, что я съумѣю отомстить обоимъ.

— Да вы совсѣмъ испанецъ! вопилъ одинъ.

— Васъ не узнаютъ на родинѣ, когда вы вернетесь: такъ вы съ нами наострились! увѣрялъ другой.

Когда стрѣлка часовъ остановилась на двѣнадцати, всѣ поднялись и пошли къ шляпамъ.

Мать Долоресъ при прощаньи снова объявила мнѣ, что очень рада знакомству, что ея домъ—мой и все въ немъ находящееся въ моемъ распоряженіи и т. д., разныя принятыя фразы учтивости. Долоресъ чинно поклонилась мнѣ, пока ручка ея дѣлала знакъ: два часа ночи.

Я едва держался на ногахъ отъ усталости и хотѣлъ отказаться, но бѣсенокъ этотъ такъ умилительно повторялъ свой жестъ, поправляя, будто бы, то цвѣты, то платье, что я поневолѣ согласился движеньемъ головы.

Такимъ образомъ побывавъ у себя въ гостиницѣ, я въ половинѣ второго снова ворочался въ ту же улицу... но уже тихо, лѣнливо и думая о чемъ-то совершенно постороннемъ... Я даже не замѣтилъ, что вошелъ въ улицу и что Долоресъ уже на балконѣ; меня разбудила и остановила неизмѣнная фраза-вопросъ:

— Es usted, hijo mio? Это вы, сынъ мой!..

IV.

BAJAR A LA REJA?!

Представленный матери Долоресъ и какъ ея тайный новіо, я имѣлъ право бывать у нихъ не только вечеромъ, но и днемъ, въ полдень, послѣ обѣдни и въ сумерки. На гулянья, когда онѣ останавливались около музыки въ экипажѣ, я имѣлъ право подходить къ коляскѣ и болтать съ ними, стоя на подножкѣ. Если онѣ выходили и гуляли пѣшкомъ, то я могъ итти впереди съ Долоресъ и даже на довольно далекомъ разстояніи отъ матери и ея кавалера—старичка.

Кромѣ того Долоресъ, какъ бойкая и опытная кокетка, находила возможность давать мнѣ особенныя свиданья въ магазинахъ, куда она отправлялась съ Пепой всякій день за покупками, или у фотографа, гдѣ она нарочно дѣлала цѣлую недѣлю кряду свои карточки и все оставалась недовольна...

Наконецъ, мы видались всякій день въ церкви и даже въ кафе, куда она упросила свою мать заходить, ибо здѣсь это принято. Тутъ моя обязанность заключалась въ томъ, чтобы бѣжать впередъ и занять три мѣста къ ихъ появленью.

Дѣлалъ я все это неохотно, по неотступнымъ просьбамъ Долоресъ. Весь городокъ, разумѣется, привыкъ видѣть насъ всегда и повсюду вмѣстѣ и несмотря на мои постоянныя

протесты, послѣдній—я думаю—нищій ожидалъ нашего вѣнчанья и отъѣзда Долоресъ въ далекую страну—Россію.

Видаясь съ Долоресъ и днемъ и ночью и говоря съ нею по восемнадцати часовъ въ сутки, мы ускорили, разумѣется, развязку и конецъ отношеніямъ новіевъ.

Какъ ни мила и граціозна была моя новія, какъ ни изощрялась она, чтобы разнообразить наши отношенія пустой болтовни, должность новію до такой степени надоѣла мнѣ, утомила меня, что я невольно становился рѣзокъ и, пожалуй, неучтивъ. Внутренно я призывалъ къ себѣ на помощь моего соперника (все еще влюбленнаго въ Долоресъ) и мысленно умолялъ спасти меня отъ моей красавицы.

Не могу найти выраженія, чтобы достаточно опредѣлить ту нравственную ничтожность, которою облеклась для меня личность Долоресъ. Иногда, глядя на ея веселое, довольное и цвѣтущее личико, меня брала какая-то досада.

Наконецъ, я сталъ откровенно опаздывать или просто не ходить на свиданія—скоро мы видались только вечеромъ на тертуліяхъ.

Долоресъ начала жаловаться, плакаться и уже окончательно сдѣлалась невыносима.

Такъ прошла еще недѣля. Однажды отправившись, по ея настоящему требованію, къ ней подъ балконъ, я явился ужасно не въ духѣ.

— Вотъ какъ у васъ любятъ? Вы, жители сѣвера, холодны какъ снѣга Сьерры-Невады.

Я заступился за себя и за своихъ соотечественниковъ, оправдываясь тѣмъ, что мы не привыкли имѣть съ женщиной отношеній, подобныхъ этимъ отношеніямъ повіос. Они только дразнятъ влюбленнаго, не удовлетворяя стремленіямъ сердца! увѣрялъ я ее. Это комедія, игра въ любовь, а не настоящее сильное чувство, какъ понимаютъ его на моей родинѣ. По-моему нѣтъ разницы между мной и какимъ-нибудь простымъ знакомымъ Долоресъ. Развѣ оба не имѣемъ мы одинаковаго права говорить съ ней. Разница пустая—что я и ночью могу болтать, а тотъ только днемъ. Она говоритъ, что любить меня, но какое доказательство имѣю я, что это правда?.. Пускай же дасть она мнѣ доказательство своей любви!

Однимъ словомъ, я просилъ ее намекомъ: бахаръ а ла реха—спуститься къ рѣшеткѣ... иначе говоря, принимать

меня по ночамъ не на балконѣ, а внизу у открытой рѣшетки дверей... слѣдовательно и за дверями, въ домѣ.

Такъ какъ я зналъ, что никакая дѣвушка изъ общества не можетъ согласиться на это, если она не безумно любить, и что Долоресъ откажется, то это и была съ моей стороны: отставка по правиламъ Андалузскаго кодекса любви.

Это былъ неожиданный ударъ.

Долоресъ была явно поражена,—молчала, не шевелилась и смотрѣла на меня съ балкона словно не вѣря ушамъ. Мнѣ даже досадно стало, что она положительно не предвидѣла подобнаго результата. Не думаю, чтобъ она была опечалена, а скорѣе оскорблена, разсержена, унижена невѣроятнo въ своей андалузской женской гордости.

Ей, львицѣ и королевѣ этого общества и городка, въ умъ не приходила возможность получить отставку. Быть можетъ, она даже жалѣла въ эту минуту, что не предупредила меня и не взяла наканунѣ другого новію.

Прошло около пяти минутъ, появился какой-то прохожій, я отошелъ отъ балкона, воротился снова—Долоресъ все молчала. Становилось скучно... Замѣтя мое нетерпѣніе, она заговорила гробовымъ голосомъ, который вовсе не шель къ ея красивой фигурѣ.

— Вы меня обманывали? Вы со мной играли какъ съ куклой? Не я играла, а вы... Вы меня, стало быть, ни капли никогда не любили.

Мнѣ оставалось только молчать и желать скорѣйшаго окончанія этого послѣдняго объясненія.

— Вы давно въ Андалузіи. Васъ зовутъ даже Andaluz de Rusia, слѣдовательно, я не могу сомнѣваться, что вы просите меня принимать васъ внизу, какъ иностранецъ, не знающій нашихъ обычаевъ. Вы знаете, что это не принято и вы знаете тоже, что это требованіе оканчивается двойкою... Если я не спущусь, вы болѣе не придете сюда, говоря, что я васъ не люблю. Если я послушаюсь моего сердца и буду принимать васъ такъ... то навсегда буду опозорена въ глазахъ всего города. Вдобавокъ, какъ и всякій андалузъ, вы бросите меня, говоря: что же это за дѣвушка, которая рѣшилась спуститься!.. Вы первый расскажете это всему городу... Похващаетесь! И будетъ чѣмъ похвастаться! Долоресъ у рѣшетки!.. Этого еще не видали стѣны этого дома, гдѣ уже давно живетъ нашъ родъ. Итакъ, если я откажу, вы меня бросите. Если я согла-

шусь, вы меня тоже бросите и покажете на гуляньѣ со словами: ha bajado! Спускалась!.. Вы молчите? Вы знаете все это? Стало быть, это... отставка?

Я сталъ увѣрять Долоресъ, что похвастать передъ кѣмъ-либо, не только ея любовью, но даже простымъ вниманьемъ ко мнѣ, а въ особенности тѣмъ, что она принимала меня за рѣшеткой—такая большая низость, которую я не могу сдѣлать по правиламъ чести моей родины.

Однако я, разумѣется, не настаивалъ и согласился, что ей нельзя исполнить это требованіе, и что единственный исходъ — проститься друзьями.

— Иди, вапа милость, съ Богомъ, и пусть Святая Марія проститъ вамъ ваше поведеніе со мной! трагически проговорила Долоресъ.— Я васъ люблю, но я не дочь zapatero (сапожника), а дочь caballero, и поэтому — bajar à la reja — не могу!!.

Послѣ этой тирады Долоресъ тихо и важно ушла съ балкона. Я постоялъ секунду и медленно пошелъ домой.

— Конецъ! проговорилъ я самъ себѣ и... подивился тому, какъ глупо, невообразимо глупо созданъ человекъ!

Мнѣ вдругъ будто жаль стало, что эти отношенія повисли кончились, да еще такъ рѣзко. Вспомнились мнѣ вдругъ чудные глаза Долоресъ, черные волосы съ синеватымъ отливомъ, красиво примыкающіе къ чистому матовому лбу, надъ которымъ всегда покачивается малиновая роза, кокетливо припиленная къ виску; вспомнилась и ея крошечная бѣлая ручка, вѣчно играющая вѣромъ; вспомнился и граціозный станъ, и художественно правильныя очертанія плечъ и бюста. Припомнилъ я и ея шалости, то рѣзко оригинальныя, то ребячески наивныя...

И къ стыду моему я пожалѣлъ искренно, что она не дочь zapatero.

Но благоразуміе, когда я былъ уже дома, взяло верхъ. Я заставилъ себя вспомнить безсмысленные вопросы, пошлые отвѣты, безграмотныя выходки, приторную, сентиментальную болтовню, нѣкоторыя мѣщанскія нѣжности, а затѣмъ скучныя, убійственно-монотонныя ночи, проведенныя мной подъ ея балкономъ съ чертовской болью въ шеѣ и во всей спинѣ!

И я почти порадовался, что она дочь caballero.

На другой день я почилъ отъ трудовъ новіо. Я наслаждался своею свободой и съ удовольствіемъ дѣлалъ, шелъ или соби-

рался куда и какъ хотѣлъ, а главное, спокойно, на пролетъ спалъ ночи. Теперь только сообразилъ я, что находился около мѣсяца въ крѣпостной зависимости и оцѣнилъ за то возвращенную мнѣ свободу.

Прежде всего я принялся за расчеты въ гостиницѣ и за укладку чемодана, чтобъ ѣхать. Оставалось еще *une mer à boire*—удивленные вопросы, глупыя догадки и дикія соображенія нѣкоторыхъ знакомыхъ. Особенно бѣсили меня наивныя догадки моего пріятеля. Онъ былъ убѣжденъ, что я ѣду въ Мадридъ за свадебными подарками.

— У васъ девятнадцать паръ новіевъ на двадцать, говорилъ я ему почти обидчиво,—кончаютъ ничѣмъ и одна пара вѣнчается. Почему же вы не допускаете мысли, словно не даете права иностранцу кончить такъ, какъ эти девятнадцать андалузовъ, а хотите, требуете мысленно, чтобъ онъ кончилъ какъ этотъ одинъ на двадцать?

Онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ.

Уже на слѣдующій день, выходя изъ конторы дилижансовъ, гдѣ я взялъ билетъ, я прямо столкнулся съ Долоресъ и ея матерью.

— Ахъ, Andres?! Отчего вы вчера у насъ не были на тертуліи? Васъ всѣ ожидали! сказала старуха.

Она казалась такъ искренна, что я не зналъ что отвѣчать. Долоресъ, закусивъ губу, вымолвила сквозь зубы: *Buenas dias!* и отвела глаза въ сторону.

— Что вы дѣлали въ конторѣ? продолжала мать.

— Мѣсто взялъ.

— Мѣсто? Развѣ вамъ надо съѣздить въ *Velez!* Зачѣмъ?

— Я уѣзжаю совсѣмъ... какъ собирался...

— *Magia!* воскликнула старуха, призывая Богородицу... и выпучила глаза.

Наступило неловкое молчаніе. Я мысленно развелъ руками. Стало быть, и мать и дочь были убѣждены въ иномъ исходѣ нашего знакомства. Кто же виноватъ? Конечно не я, а ихъ увѣренность, что иностранецъ и чижикъ въ клѣткѣ оба обладаютъ одинаковою дозой свободы мысли и дѣйствій.

Долоресъ между тѣмъ повернулась спиной къ намъ, смотрѣла на улицу и нещадно терла себѣ платкомъ лицо и глаза. Вѣроятно для того, чтобъ я подумалъ, что она плачетъ.

— Заходите проститься! странно выговорила мать.—Я вамъ дамъ рекомендательныя письма въ Валенсію и Барселону. У

меня тамъ родственники, чрезъ которыхъ вы можете познакомиться со всѣмъ обществомъ. У насъ большая и дѣйствительно знатная родня en las Espanas.

Тутъ я долженъ былъ выслушать тираду объ ихъ общественномъ и имущественномъ положеніи. Если это было сдѣлано съ цѣлью... то напрасно приступила она къ этому предмету на улицѣ и съ человѣкомъ, у котораго билетъ на мѣсто въ дилижансѣ.

Долоресъ не оборачивалась и не шевелилась.

Между тѣмъ былъ полдень; насъ нещадно жгло и припекало солнце. Прохожіе, входившіе въ контору и выходившіе, безцеремонно толкали насъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, старуха протянула мнѣ руку и прибавила, показывая на дочь:

— А у нея, знаете, все головка болитъ. До слезъ боль доводить. Не знаете ли, чѣмъ помочь?

Долоресъ обернулась. Лицо и глаза ея были дѣйствительно красны. Платкомъ ли натерла, или плакала?.. Если даже и плакала, то какія это слезы?

Есть слезы горя, страданія душевнаго. Есть слезы боли физической; есть и слезы досады, каприза, мелкаго самолюбья. Мало ли слезъ у женщинъ!.. И не перечтешь! А льются вѣдь всѣ онѣ одинаково, такъ же теплы и съ тѣмъ же серебристымъ блескомъ!..

— Adios, caballero! гордо и напыщенно вымолвила Долоресъ и пошла за матерью, словно коронованная особа на большомъ выходѣ.

Если ты собиралась сказать adios вмѣсто прежняго „до свиданія“ и caballero вмѣсто прежняго: „сынъ мой“, думалъ я досадливо, то не слѣдовало тереть и портить кожу своего хорошенькаго личика. Это не логично и не достойно опытной кокетки и львицы.

Я былъ немного не въ духѣ отъ глупаго исхода нашихъ отношеній, однако положилъ итти вечеромъ проститься и постараться узнать навѣрное, что волнуется въ моей ex-novis? Сердце ли доброе? Самолюбивая ли головка?..

За обѣдомъ въ четыре часа мнѣ подали записку слѣдующаго содержанія и написанную крайне плохо:

„Una chica, надѣясь на то, что вы caballero *), довѣрится вамъ сегодня въ ночь, въ три часа, на старой Alameda, около Распятія, ради очень важнаго дѣла“.

*) Въ этомъ употребленіи оно означаетъ: честный человѣкъ.

Мнѣ сказали, что записку эту принесъ мальчишка, играющій около гостиницы.

Послѣ обѣда я сошелъ и приблизился къ гурьбѣ ребятишекъ, игравшихъ просто въ чехарду, съ той разницей, что каждый предъ прыжкомъ обязанъ былъ сдѣлать на разбѣгѣ три съ половиной прыжка, не болѣе и не менѣе, иначе онъ становился лошадейю, и другіе прыгали черезъ него. Кромѣ того, предъ прыжкомъ каждый громогласно объявлялъ:

— Con ellas! Съ ними! Sin ellas! Безъ нихъ! и затѣмъ прыгаль опираясь руками на нагнутую спину лошади, или держа руки надъ головой.

Десять прыжковъ sin ellas равнялись только двадцати con ellas при расчетѣ. Безпрестанно случалось, что объявлявшій sin ellas невольно помогаль себѣ руками и проигрываль.

Я вынулъ монету и разстроилъ игру; всѣ окружили меня съ лошадейю включительно.

— Кто сейчасъ подаль записку въ гостиницу?

— Перісо подаль! закричали всѣ, выталкивая впередъ смуглаго и чернорожаго мальчугана.

— Откуда вы ее принесли? Отвѣчайте подробно всю правду и берите монету.

— Ни откуда! воскликнули всѣ. Мы видѣли, какъ проходившая abuela (бабушка, старушка) ему дала записку.

— И велѣла снести въ гостиницу, прибавиль Пепико, получая монету.

— Кто она такая?..

— Abuela Incarnacion!*) Она живетъ въ улицѣ Почты.

Больше мальчуганы ничего не знали.

Свѣдѣнія эти очень мало разъяснили мнѣ; выпрашивать же было неловко. Послать за старухой, она непременно не скажется дома. Кто-нибудь, быть можетъ, нанялъ ее, и тогда она подавно отопрется. Несомнѣнно одно — что эта записка не отъ Долоресъ, ибо она не послала бы ее чрезъ какую-то старуху и написала бы вѣроятно почище. Да наконецъ донья Долоресъ и не можетъ назначить свиданья въ три часа ночи на Аламедѣ, то есть въ заглохшемъ и запущенномъ саду, за городомъ. Это, слѣдовательно, какая-нибудь chica нисколько меня не интересующая; или западня и мошенники еще менѣе интересные... Или же наконецъ шутка какого-нибудь врага caballero. Слѣдовательно, итти не зачѣмъ.

*) Женское имя.

Я вернулся въ гостинницу и до сумерекъ окончательно приготовилъ багажъ къ отправкѣ на другое утро въ контору. Затѣмъ зайдя въ церковь и убѣдясь, что въ ней нѣтъ ни Долоресъ, ни ея матери, прямо пошелъ къ нимъ, чтобы проститься безъ свидѣтелей.

Меня впустили безъ доклада, какъ хорошаго знакомаго. Мать сидѣла одна въ ratio и что-то вышивала. Лакей чистилъ чашу фонтана.

— Моя Долоресита больна, объявила мнѣ старуха.— Она въ постели и очень сожалѣеть, что не можетъ съ вами проститься. Она проситъ сказать вамъ, что сохранить о васъ самое лестное и пріятное воспоминаніе. Если же вы вскорѣ вернетесь въ нашу глушь, то она проситъ васъ навѣстить ее, у меня ли въ домѣ или въ домѣ ея мужа, если она будетъ уже замужемъ...

— Развѣ Долоресъ... невѣста? спросило во мнѣ мелкое чувство. Извѣстно, что мужчины въ подобныхъ случаяхъ не логичнѣе женщинъ.

Старуха пожала плечами и вымолвила:

— Нѣтъ... Но я надѣюсь, скажу вамъ откровенно, что черезъ мѣсяць она будетъ замужемъ. Это давнишняя привызанность.

— Съ ея стороны?

— Какой любопытный...

Старуха играла, и я взбѣсился на себя, что поддался обману, а главное, что осмѣливаюсь безъ стыда предъ самимъ собой интересоваться судьбой Долоресъ. Я просидѣлъ съ четверть часа, разсѣянно слушая болтовню старухи о томъ, что браки по любви хуже браковъ по разсудку.

— Стало быть, я долженъ уѣхать, не видавъ Долоресъ, преваль я ее наконецъ. Это мнѣ очень жаль.

— Остались бы вы лучше... на ея свадьбу... Шаферомъ бы были... Право!

„Что же? И это комедія!“ думаль я и сказалъ: — За кого же она выходить?..

— Теперь я вамъ сказать еще не могу. Черезъ три дня вы узнаете... какъ и всѣ наши друзья... Впрочемъ, мы вамъ напишемъ, если васъ это интересуетъ.

Я поскорѣ всталъ и простился. Мнѣ начинало надоѣдать и то, что я слушалъ (не зная, правда ли это или ложь), и то, что чувствовалъ. Напутствуемый пожеланіями благополучно

доѣхать до родины, я вышелъ изъ *ratio*. Лакей, вычистившій фонтанъ, стоялъ въ дверяхъ.

— Гдѣ горничная Пепа? спросилъ я.

— Вѣроятно въ комнатахъ сеньйориты, на верху, отвѣчала лакей.

— Не въ аптеку ли она пошла? сказалъ я, пристально глядя на него.

— Зачѣмъ? Для кого?

— Да развѣ у васъ никто не боленъ?

— Никто-съ.

— А донья Долоресъ?

— Она не больна-съ! *Que Dios la guarde!* Она въ саду гуляетъ. Сеньйорита никогда не бываетъ больна.

— Можете вы мнѣ позвать Пецу?

Черезъ минуту спустилась моя болтушка угрюмая и не въ духѣ. Я вызвалъ ее на улицу.

— Скажите отъ меня сеньйоритѣ, чтобъ она меня простила, если я ее чѣмъ-нибудь... разсердилъ...

— Или оскорбилъ, унизилъ, неслыханно насмѣялся, под-сказала Пепа съ досадою.

— Ну, пожалуй... если оскорбилъ...

— Вы непременно ѣдете? Вы не останетесь? Ни за что?

— Ни за что! Въ 12 часовъ я буду сидѣть въ каретѣ, по пути въ *Velez*.

— Сегодня!?!.. воскликнула Пепа, какъ уколотая булавкой.

Недоумѣвая и еще не понимая причины этого внезапнаго возгласа, я счелъ лучшимъ соврать.

— Да. Сегодня. Въ двѣнадцать часовъ ночи съ вечернею каретой.

— Быть не можетъ. Мы думали... то есть я думала, что вы ѣдете завтра въ полдень! Какъ же это? Такъ это я все напутала! Пойдите! Что жъ тутъ дѣлать? Я все напутала! въ отчаяннн проговорила Пепа.

Я между тѣмъ тоже былъ пораженъ. Долоресъ... ни кто другая какъ львица Долоресъ назначила ночное свиданье въ загородномъ саду, почти въ лѣсу! Ну, Андалузiя!

— *Saballero!* Я васъ умоляю! Подите, перемѣните. Ахъ, да что жъ тутъ дѣлать!.. Да вы развѣ не получали ничего?

— Получилъ записку, но не зналъ, что она отъ Долоресъ.

— И вы не хотите пожертвовать для сеньйориты пол-сотней реаловъ и взять другое мѣсто... если ужъ непременно заупрямитесь ѣхать, даже и послѣ... Вамъ жаль денегъ?

— Успокойтесь. Я ѣду завтра, а не сегодня. Долоресъ съ вами будетъ на Alameda?

— Да! вы шутите или...

— Говорю вамъ, что мое мѣсто на завтра! Я солгаль, чтобъ узнать навѣрное, отъ Долоресъ ли записка.

Пепа зарумянилась отъ злости. Будь я испанецъ—ей понравилась бы моя продѣлка, но мысль, что ее проведъ иностранецъ, была ей нестерпима.

— Ваша милость такъ фальшива, зла и дерзка! заговорила Пепа въ ярости,—что я на мѣстѣ синьориты отдѣлала бы васъ по своему, насмѣялась бы надъ вами, проучила бы васъ хорошенько на всю жизнь. Вы счастливо попали на такого angelito, какъ синьорита. Другая бы вамъ показала, что такое una chica andaluza. Ну, да Богъ дастъ, попадетесь вы когда-нибудь въ такія лалки, которыя изъ васъ azucarrillo *) сдѣлаютъ.

Пепа круто повернулась ко мнѣ спиной и пошла домой, бормоча сквозь зубы:

— Nino Jesus! Младенецъ Исусъ! Que satanas! Какой сатана! И зачѣмъ Ты, Матерь Божья! Madre de Dios! допускаешь путешествовать по нашей Андалузїи такихъ satanas!..

Я, признаться, боялся этого гнѣва.

Трудно передать и объяснить, какія отношенія здѣсь между горничной и ея синьоритой. Будучи конфиденткой своей барышни съ самыхъ ея раннихъ лѣтъ, она научаетъ ее понимать, разбирать и судить факты и людей во вседневной жизни. Когда же синьоритѣ минеть четырнадцать, пятнадцать лѣтъ, она же беретъ на себя роль необходимаго въ Андалузїи, женскаго Лепорелло.

Такимъ образомъ въ главномъ проявленїи этой пустой и однообразной жизни—въ дѣлѣ любви, горничная стоитъ ближе къ дѣвушкѣ, чѣмъ ея собственная мать. Если отношенія, гдѣ заступницей, совѣтницей и главнымъ актеромъ была эта горничная, приведутъ новїевъ въ церковь, то виновница ихъ счастья, эта же горничная, остается любимицей въ семьѣ и няней будущихъ дѣтей.

Не мудро, слѣдовательно, что и Пепа имѣла большое вліяніе, пользовалась довѣріемъ своей синьориты и могла, при случаѣ, руководить ею въ важныхъ обстоятельствахъ.

*) Бисквитъ изъ чистаго сахара.

Я серьезно опасался, чтобы Пепа изъ одной досады, изъ одного мщенія не разстроила этого свиданія.. котораго я (къ стыду моему) желалъ и ожидалъ теперь съ нетерпѣніемъ.

„Но какъ же рѣшилась Долоресъ на такой поступокъ? Что же хуже-то по здѣшнему кодексу морали: спуститься къ рѣшеткѣ или итти за городъ въ три часа ночи?

Вообще я задавалъ себѣ кучу вопросовъ, сидя у себя въ номерѣ, и не замѣтилъ, какъ до двухъ часовъ включительно продумалъ о Долоресъ!

— Такимъ-то непримѣтнымъ образомъ и влюбляются, замѣтилъ я самъ себѣ въ видѣ нравоученія.

Однако, прежде чѣмъ итти на это свиданіе, я далъ себѣ честное слово ни подъ какимъ видомъ не оставаться въ этомъ городѣ ни днемъ болѣе, а выѣхать на другой день, не смотря ни на что...

Въ третьемъ часу я побрелъ на старую Alameda. Городъ спалъ, улицы были совершенно пустыны и мертвы, кое-гдѣ только чернѣлись фигурки новіевъ. Къ счастью, я не встрѣтилъ ни одного знакомаго между ними и поэтому избѣгнулъ необходимости объяснять, зачѣмъ и куда иду я въ такую пору.

Но какъ же пройдетъ Долоресъ? Женщинъ никогда нѣтъ на улицахъ въ такое время. Если ее узнаютъ, подстерегутъ со мной и будетъ нечаянный, а то и заранѣе устроенный скандалъ? И вдругъ придется поправить репутацію этой красавицы, предложивъ ей руку безъ сердца.

Я остановился и не зналъ, что дѣлать. Мнѣ казалось, что моя обязанность не ходить на это свиданіе.

Но теперь уже поздно! Надо было отказать раньше. Нельзя же заставить ее напрасно прождать меня ночь. Это невозможно!.. Если же это западня для насильственнаго приобрѣтенія мужа, то при такомъ образѣ дѣйствій должно не жертвовать собой, а проучить примѣрно и безжалостно тѣхъ, кто все подстроилъ.

V.

ALAMEDA.

При выходѣ изъ городка, я увидѣлъ невдалекѣ отъ кладбища назначенное мнѣ мѣсто. Пустыннѣе и болѣе одичалой мѣстности выбрать было нельзя. Во все время моего пребыванія здѣсь, я врядъ ли былъ на этой Alameda два раза...

Ночь была великолѣпная! Полная луна плыла по чистому, безоблачному небу и яркимъ свѣтомъ обливала всю окрестность, каждый камешекъ дорожный, каждый кустъ, каждый цвѣтокъ...

Права красавица-дѣвушка, если беретъ одного новія за другимъ, чтобы только не спать въ такія сказочно чудныя ночи. Однѣ только хилыя, старческія кости, одно только уже прожившее и утомившееся сердце могутъ спокойно, безтрепетно, безстрастно просыпать эти ночи. Молодое должно пользоваться тайными, глухими часами... чтобы жить, чтобы красть у жизни и у своенравнаго случая все, что они могутъ дать!

Alameda была въ большой модѣ въ началѣ этого столѣтія; теперь же заброшенный и запущенный садъ превратился въ лѣсъ и только въ насмѣшку сохранилъ имя гулянья, да двѣ полусгнившія скамьи.

Не смотря на полнолуніе и яркую ночь, въ чащѣ Аламеды была страшная темнота. Я прямо направился къ саженному кресту съ мраморнымъ Распятіемъ, поставленному надъ какимъ-то юношей, убитымъ здѣсь во цвѣтѣ лѣтъ, но надо прибавить, что цвѣтъ этотъ былъ уже, разумѣется, лѣтъ сто тому назадъ. Теперь уже забыто и кто онъ былъ, и за что убить.

Я оглянулся и прислушался; все было кругомъ мертвенно тихо. Усѣвшись на ступеняхъ пьедестала Распятія, я сталъ ждать...

Вотъ развязка комедіи! думалъ я... Какъ это все дико и глупо. Дѣвушка просто шалила на ладъ своей родины. Я хо-

тѣль знакомства съ интереснымъ обычаемъ и сколько не старался увлечься—не могъ. Если же она увлеклась немного, то какое это увлечение? Развѣ можетъ дѣвушка, у которой перебивало подѣ балкономъ болѣе двухъ дюжинъ новіевъ-ухаживателей, вдругъ увлечься такъ же чисто, искренно, молодымъ порывомъ, какъ способна на это дѣвушка съвера, проводящая день въ занятіяхъ, а ночь не на балконѣ, а въ постели. Эта послѣдняя увлечется безсознательно, и вдругъ... сама въ себѣ подстережетъ негаданное чувство, давно уже водворившееся въ ея сердцѣ... Первая же начинаетъ игрою и въ этой игрѣ въ любовь поневолѣ молчитъ ея сердце, ибо главная роль принадлежитъ головѣ. Если же случайно встретится это сердце, то все-таки его порывы искусственны, ибо сдерживаемы, да и вообще управляемы любовною тактикой. Тогда, словно въ наказаніе, случайный и лучшій порывъ этого сердца принимается за расчетъ и за махинацію...

Просидѣвъ около получаса, я всталъ и началъ ходить около Распятія. Вдругъ шевельнулось что-то за кустами и раздался визгливый крикъ:

— Mariquitta! Это ты, Mariquitta?..

Къ Распятію вышла какая-то женщина и остановилась, какъ вкопанная. Вспомнивъ, что здѣсь есть повѣрье о томъ, что убитый юноша прогуливается по ночамъ на мѣстѣ своей гибели, я послѣдилъ вымолвить:

— Не бойтесь, я не сатана и не юноша!

— Охъ, какъ я испугалась!.. Не видали ли вы моей дѣвочки?

Я отвѣчалъ отрицательно.

— Пропала, просто пропала. А мѣсто здѣсь нехорошее. Охота вамъ здѣсь гулять въ такое время!

Женщина пошла далѣе и еще раза два взвизгнула: Mariquitta!..

Черезъ минуту я услышалъ разговоръ шаговъ за сто отъ себя:

— Синьоры, не встрѣчали ли вы дѣвочку?..

— Нѣтъ! слышался какой-то странный голосъ.

Я тотчасъ же въ немъ узналъ, однако, Пепу, которая съ умысломъ измѣнила выговоръ и интонацію.

— Ваша милость лучше бы сдѣлала, если бы не брала на себя такія обязанности... Хотя мы обѣ съ сестрой севильянки и намъ дѣла нѣтъ до тѣхъ, кто за нами шпионитъ, но все-таки... этого не любимъ...

„Что такое? думаль я. Неужели старуха подслана“?..

— Да, вот Марикуitta пропала...

— Хорошо, хорошо, продолжала Пепа тѣмъ же поддѣльнымъ голосомъ. Только не совѣтую вамъ искать около Распятія. Мы хоть и иностранки, а найдемъ, кому жаловаться...

Между тѣмъ, слушая этотъ діалогъ, я не замѣтилъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня уже стоитъ неподвижная черная фигура. Я невольно сдѣлалъ движеніе и отступилъ на шагъ, принявъ ее если не за юношу, то за новаго лишняго свидѣтеля.

— Испугались, сынъ мой! выговорила Долоресъ тихо и не шевелясь, словно приговоренная къ смерти.

Если она и въ эту минуту играла, то, надо честь отдать, очень эффектно.

Я взялъ ее за руки и посадилъ на ступеньки у Распятія.

Долоресъ развязала и спустила съ головы мантилью, совершенно скрывавшую ея лицо и талію, и изъ монашенки превратилась въ простую смертную. Я пытался подмѣтить выраженіе лица ея, но напрасно, ибо окружавшая насъ темнота была непроницаема, и я могъ разглядѣть только позу Долоресъ. Она сидѣла полулежа, облокотясь на верхнюю ступень, понурившись и опустивъ голову на грудь, словно горюя или стыдясь своего прихода на свиданіе.

Взявъ за правило не вѣрить ни словамъ, ни интонаціи ихъ, ни позамъ этого бѣсенка, я только наблюдательно относился въ нимъ, не вдаваясь въ разныя заключенія.

Послышался шелестъ кустовъ шагахъ въ тридцати. Я обернулся.

— Это Пепа. Она не придетъ сюда! вымолвила Долоресъ.— Она будетъ стеречь тропинку изъ города, чтобы предупредить насъ въ случаѣ, если опять кто-нибудь будетъ искать пропавшихъ Марикуitta!..

— Вы думаете, что эта женщина была подслана?

— Разумѣется! Но она, кажется, глупа и насъ не узнала.

— Врядъ ли... Во всякомъ случаѣ она видѣла меня и двухъ женщинъ и донесетъ это. А тотъ, кто послалъ ее, уже будетъ въ состояніи назвать по имени этихъ ночныхъ незнакомцевъ!

— Что жъ дѣлать? Поздно раскаиваться!.. И если завтра... Но нѣтъ, я не думаю этого... Тотъ, кто ее послалъ, въ моихъ рукахъ и я всегда съумѣю заставить его молчать. Да

потомъ и не повѣрять... Скажите, сынъ мой, что вы думаете въ гордости вашей побѣды... о моемъ поступкѣ?

— Ничего! невольно усмѣхнулся я.—Что жъ тутъ необычайнаго... И я въ гордости моей побѣды думаю, что не первый разъ видить васъ это Распятые...

— Меня? Первый разъ!

Я промолчала.

— Вотъ чѣмъ дурны дурные поступки! вспыхливо воскликнула Долоресъ, выпрямляясь.—Я рѣшилась, съ опасностью быть узанною, пробѣжать въ три часа ночи весь городъ и прийти сюда, чтобы дать вамъ доказательство любви моей... А вы заподозриваете меня, что я уже не въ первый разъ и не для васъ перваго рѣшаюсь на такой отчаянный, бессмысленный поступокъ... Скажите, вы должны быть страшно фальшивы, хитры, безсердечны и судите всѣхъ по себѣ...

— Ну простите, я вѣрю, что вы въ первый разъ здѣсь. Сужу я васъ не по себѣ, а думаю, что вы *chica con mucha sal*—малютка съ большою солью, какъ говорится по-вашему, по-моему же: вы преопасная кокетка.

— Не шутите! Я не за тѣмъ здѣсь, чтобы шутить. Во-первыхъ, я объясню вамъ, почему, не согласившись спуститься къ рѣшеткѣ, я рѣшилась на это странное свиданіе, которое кажется вамъ гораздо худшимъ, нежели первое... Такъ, вѣдь?

— Это правда.

— Слушайте. Я не вполнѣ увѣрена въ васъ. Вы все-таки иностранецъ. Вы хитры и даже злы. Вы вѣтренникъ и дерзкій. Можетъ быть, вы даже не честный человѣкъ.

— Спасибо. Далѣе...

— Вы шутили! Вы играли комедію, а не я! Или потому, что оставили на родинѣ новію, или потому, что неспособны любить. Такіе нравственныя уроды есть и, къ несчастію, нравятся испанкамъ болѣе тѣхъ, которые какъ овцы повинуются намъ. Это васъ удивляетъ, но это правда. У насъ, *en las Espanas*, такъ, въ другихъ земляхъ, вѣроятно, иначе...

— Нѣтъ, Долоресъ, къ стыду женщинъ вездѣ то же...

— А-а?.. Стало быть, не мы однѣ—бѣдныя... глупыя, любимъ этихъ...

— Уродовъ!

— Да, уродовъ!.. Итакъ, не зная, честный ли вы человѣкъ, я не могла спуститься къ рѣшеткѣ. Вы могли сдѣлать

со мной то же, что дѣлается всякій день въ Андалузіи. Новіо соблазняетъ дѣвушку и бросаетъ, говоря всѣмъ: какъ я могу жениться на малюткѣ, которая спускалась... Если бы вы сдѣлали это, вамъ повѣрили бы всѣ, ибо всѣ знаютъ, что я люблю васъ, и что дѣвушка изъ сильной любви готова рѣшиться на все... Теперь же, если вы завтра объявите всему городу (или тотъ, кто подослалъ старуху, расскажетъ), что донья Долоресъ приходила къ вамъ на свиданье ночью на Аламеду... то ни вамъ, ни другому кому—никто не повѣритъ. И вы только прослывете за пустого и глупаго хвастуна. Поняли вы теперь мой...

— Вашъ расчетъ? Понялъ. За то многого другого, то есть вообще всего остального—не понимаю.

— Чего? Скажите. Я вамъ все объясню.

— Извольте... По порядку, такъ какъ дѣло запутанное... Правда ли, что вы выходите замужъ, какъ объявила мнѣ ваша мать?

— Да. Если вы на мнѣ не женитесь!

— Стало быть, вы ищете мужа, а не человѣка?..

— Я выйду замужъ, чтобы не говорили, что меня иностранецъ провель... Я выйду на смѣхъ вамъ, и себѣ, и всѣмъ... Словомъ, съ отчаянья... И затѣмъ сейчасъ же умру.

— И все это вздоръ, выговорилъ я.

— Спасибо, невозмутимо отвѣчала Долоресъ, поправила мантилью и отвернулась.

— Разумѣется... но далѣе: вы боялись спуститься, чтобы я васъ не соблазнилъ и не бросилъ.

— Тогда на мнѣ никто бы не женился. Теперь же хотя будутъ знать, что вы со мной играли, но за то не скажутъ, что я спускалась къ рѣшеткѣ.

— Прекрасно. Далѣе... Вы говорите, что я вѣтренникъ, фальшивый, злой и даже не честный человѣкъ, и въ то же время увѣряете, что вы меня любите. Какъ же можно любить такого человѣка?

— Не должно, а можно, отвѣчала Долоресъ, и этотъ отвѣтъ мнѣ показался очень ловокъ и уменъ. Вообще, она въ этотъ разъ была какъ-то умнѣе, ибо была болѣе возбуждена.

— Ну, выслушайте меня внимательно. Иностранцы не глупѣе, если не умнѣе, вашихъ соотечественниковъ. Я не ребенокъ и вы не первая женщина, конечно, которую я встѣчаю... слѣдовательно, я легко могу распознать истинное

чувство отъ игры въ любовь... Вы играли и играете... Ну, положимъ даже, что мы играли и играемъ. Положимъ, что я satanas, какъ говоритъ Пепа, или даже язычникъ и болѣе игралъ, чѣмъ вы. Прекрасно. Я признаюсь. Признайтесь же и вы... И разстанемтесь друзьями.

— Такъ вы меня не любили ни капли и не полюбите, сказала Долоресъ вмѣсто отвѣта и начала стучать вѣромъ о камень.

— Вы не отвѣчаете! Не ломайте вѣрь! Онъ не виноватъ.

— Люблю ли я васъ или играю... Вы узнаете сейчасъ же! какъ-то грозно воскликнула она.—А теперь скажите... отчего вы меня не любите? Пожалуйста!.. Сынъ мой, отчего вы не хотите меня въ жены? вдругъ понизивъ голосъ до нѣжности, прибавила Долоресъ и нагнулась ко мнѣ.

— По той простой причинѣ, что люди моей родины не способны влюбиться въ три недѣли настолько, чтобы рѣшиться на женитбу. Мы созданы иначе. Мы ищемъ въ женщинѣ не одни чудные глаза и граціозный станъ. Не ищемъ также и то, что зовете вы *salado*, соленымъ. Мы способны любить женщину такъ же страстно, какъ и ваши андалузы, если не болѣе страстно... Но не за это все, а за другое.

— За то, чего во мнѣ, стало быть, нѣтъ?

— Могло бы быть, еслибы вы родились и воспитались не въ Андалузіи. Еслибы вы были не испанкой.

— О, помѣняться я не согласилась бы ни съ какою другою! воскликнула Долоресъ съ сухимъ смѣхомъ и снова выпрямилась.—Лучше испанокъ нѣтъ женщинѣ. Это всѣ говорятъ.

— И не мѣняйтесь. Вы правы по своему.

— Если вы ищете богатства, то вѣдь я одна дочь и все будетъ мое. У васъ за это любить? иронически вымолвила она.

— Нѣтъ, Долоресъ, напротивъ! Большинство считаетъ большою подлостью...

— Знатность? Мой предокъ сопровождалъ Изабеллу Католическую при взятіи Гренады, пріосанившись и съ разстановкой выговорила аристократка.

— Знаю, Долоресъ. Но и богатство и знатность вовсе тутъ не идутъ къ дѣлу.

— Такъ что же вамъ надо? Вы смѣтаетесь! Вы ждете! Скажите сейчасъ, что вы ищете? За что вы будете любить?.. Все

это ложь! Вы любите кого-нибудь на родинѣ. Вы несвободны сердцемъ и честнымъ словомъ. Вотъ что правда! Иначе вы бы меня... Да!.. Меня нельзя не любить!!

— Нѣтъ, Долоресъ, совершенно свободенъ сердцемъ и все-таки признаюсь...

— Знаю, знаю!.. Вы ищете ученость... Но неужели нельзя любить дѣвушку, которая не знаетъ по-французски или не знаетъ всѣхъ исторій, когда кто гдѣ воевалъ или былъ королемъ?..

— Прекратимте этотъ разговоръ, Долоресъ, и простимся.

— Проститесь! Нѣтъ, сынъ мой! Вы меня можете не любить теперь, полюбите послѣ, но я-то васъ люблю! Потому я и пришла сюда... Я васъ заставлю себя любить!.. Какъ? Вы свободны сердцемъ, я имѣю все, что можетъ желать человѣкъ, я замѣчательная красавица... И вы не хотите меня любить, потому что я не ученая... Вздоръ! сынъ мой! Вздоръ! Вы полюбите меня...

Долоресъ была неподражаема. Она давала мнѣ рѣдкое на этой планетѣ представленіе.

Дѣвушка говорящая: Да какъ вы смѣете не любить меня! Я васъ заставлю любить меня! Такихъ только и встрѣтишь въ глуши Андалузіи. Долоресъ взяла меня за руки, нагнулась ко мнѣ слишкомъ близко и шепнула въ лицо:

— Я красавица и знаю всю власть, какую можетъ имѣть красавица, когда захочетъ. Сынъ мой забудетъ, что Долоресита не ученая...

Изъ моего положенья было два исхода: или забыть не только что Долоресъ не ученая, но забыть все, и видѣть только красивое и граціозное существо, отдающееся въ порывѣ неподдѣльной страсти, и затѣмъ погубить и ее и себя. Или же: не потерявъ голову и видя во всемъ этомъ игру—согласиться мысленно, что граница позволительнаго въ этой игрѣ пройдена, и что пора прекратить комедію, въ которой играешь поневолѣ пошлую роль.

Къ счастью, я представилъ себѣ, что Долоресъ, быть можетъ, уже не первый разъ кидается такъ въ объятія мужчины. Этого было достаточно, и я тремя словами ее успокоилъ.

Она была внѣ себя, руки ея дрожали, но она спокойно усѣлась на мѣсто. Положеніе сдѣлалось не ловко, мы оба замолчали, какъ убитые. Долоресъ выговорила наконецъ:

— Что жъ мнѣ теперь дѣлать?

И чрезъ минуту она начала плакать.

— Это слезы самолюбія, злобы! шепнулъ я.

— Да. Я готова зарѣзать васъ. Это было бы наслажденіемъ теперь! вскрикнула она.

Я понемногу успокоилъ ее и сталъ объяснять (дабы поскорѣй прекратить это свиданье), что я сначала не вѣрилъ искренности ея чувства, но теперь вѣрю, что я не люблю ее, но могу полюбить со временемъ, что я ѣду завтра, но вернусь назадъ, что мы будемъ снова повіос, а затѣмъ увидимъ... что судьба велитъ.

Я говорилъ какъ можно серьезнѣе, но она, не вѣря, потребовала страшной клятвы и заставила меня поклясться, что если я не вернусь, то пусть небо проклянетъ меня и всѣхъ моихъ родныхъ. (Роднымъ-то за что въ чужомъ пиру похмѣлье?) Затѣмъ Долоресъ оживилась.

— Вотъ это хорошо, свѣтъ очей моихъ! воскликнула она, взявъ меня за руки.

И затѣмъ весело болтая, дѣлая разные безсмысленные планы на будущее, она незамѣтно открыла мнѣ, что была увѣрена заранѣе въ такомъ результатѣ нашего свиданья, ибо нельзя не любить такой дѣвушки, какъ она, и нельзя устоять противъ того, чего захочетъ Долоресъ. Что ей и въ умъ не приходила возможность моего отъѣзда и возможность представить обществу иного мужа, а не меня, что она хотѣла сковать меня безразсуднымъ поступкомъ и, отдавшись мнѣ, принеся эту жертву, овладѣть мной, благодаря этой жертвѣ... Тѣмъ лучше, если все обошлось проще...

Я на все это не отвѣчалъ ни слова и только удивлялся. Наконецъ, за нами раздался голосъ Пепы:

— Сеньйорита! Пять часовъ пробило. Разсвѣтаетъ.

— Хорошо! Сторожи прохожихъ!

Затѣмъ Долоресъ рѣшила переписываться какъ можно больше и чаще, адресуя письма на имя Пепы, и общалась, по моему настоятельному требованію, не говоритъ никому о моемъ намѣреніи вернуться. Я не хотѣлъ поставить ее въ дѣйствительно смѣшное положеніе.

— Я оставляю здѣсь друзей, знакомыхъ вамъ, и они мнѣ все напишутъ. Если вы хоть кому-либо скажете, что я общался вернуться, то я никогда не вернусь и перестану писать. Скажите всѣмъ, что я уѣхалъ навсегда, ибо вы дали мнѣ отставку.

— Хорошо. Никто не будетъ знать ничего, и мамѣ я даже скажу, что мы простились совсѣмъ.

— Кстати, знаетъ она, что вы здѣсь?

— О, нѣтъ! Сохрани Богъ.

— Но если она ночью, теперь, встанетъ, позоветъ васъ или Пепу?

— Я уѣхала на нашу дачу съ Пепой вчера въ десять часовъ, а должна вернуться въ полдень.

— Какъ? Я не понимаю? Лошади гдѣ же?.. И какъ же вы вернетесь?..

— Лошади и коляска у брата Пепы въ предмѣстьи. Я пробуду тамъ до полудня и выѣду днемъ, будто возвращаясь съ дачи.

Кто такъ великолѣпно обманываетъ мать, еще великолѣпнѣе и съ большею охотой обманетъ мужа, хотѣлъ я сказать Долоресъ, но благоразумно промолчалъ.

Привычка—вторая натура. Говорять, что любовникъ замужней женщины никогда не долженъ жениться на ней, если она овдовѣтъ, ибо замѣщая вакансію — открываетъ другую.

Я сталъ уговаривать Долоресъ итти, ибо уже становилось свѣтло, и сказавъ ей: до свиданья! протянулъ руку.

— Какъ, сынъ мой? Такъ проститься? Такъ?!..

Я поцѣловалъ у нея обѣ руки.

— И только? Вѣдь это вамъ... одному! шаловливо шепнула кокетка. А мнѣ-то что же? Вы поцѣловали мои руки, а я вѣдь только смотрѣла.

Я невольно смутился. Она очевидно вѣрила вполнѣ, что я прощаюсь не навсегда.

— Да вы овца! звонко разсмѣялась Долоресъ. — Вы часъ тому назадъ оттолкнули меня потому, что были сердиты! Ну, а теперь вы не смѣете?.. Я позволяю, овечка!!

И чтокая губками, она поманила меня кончиками пальцевъ, какъ здѣсь манять овецъ.

И я очутился подъ минутнымъ вліяніемъ красоты и повиновался опять Долоресъ...

— *Jesus Maria!*!.. Да вы головы потеряли! какъ громъ разразилось наконецъ надъ нами. Долоресъ даже вздрогнула и вскрикнула.

Пепа стояла предъ нами яростная, но, очевидно, вздремнувшая.

— Можно ли такъ пугать, Пепа! пожаловалась Долоресъ.

— *Maria Santissima!* Да вы безумные и я съ вами обезумѣла. Вѣдь городъ весь проснулся. Отсюда подземныхъ ходовъ домоу нѣтъ. Ваша мать скоро проснется. Люди на ногахъ будутъ. А ни меня, ни васъ нѣтъ!..

— Да вѣдь вы на дачу поѣхали? сказалъ я.

— Что?! Вы-то кажется, совсѣмъ... того! *Un roquito!* Немножко! выговорила Пепа, злобно показывая пальцемъ на лобъ.

Долоресъ дѣлала ея какіе-то знаки. Пепа остолбенѣла.

— Да вы дѣйствительно оба помѣшались отъ любви. Одинъ про дачу говоритъ какъ съ просонокъ, другая глаза тарачитъ и гримасы дѣлаетъ.

— Ты дура! вымолвила Долоресъ, смѣясь.

— То-есть вы раскрыли ложь! сказалъ я и подумалъ: — не нужную даже ложь!

Долоресъ встала и сунула мнѣ свой полуизломанный вѣеръ..

— Возьмите на память о ночи на Аламедѣ. До свиданья, сынъ мой! До свиданья, мужъ мой!

Она накинула мантилью на голову, скрестила половинки на подбородкѣ, спустила густое кружево на лицо и вымолвила, шаловливо сгорбившись и нагибаясь ко мнѣ:

— Можно узнать старуху Инкарнасіонъ!

— Разумѣется можно! бормотала Пепа, точно также окутывая въ мантилью свою голову и талию.

— Невозможно! Ни той, ни другой!.. сказалъ я, глядя на обѣихъ монашенокъ.

— А вы? повернулась ко мнѣ бойкая Пепа.—Сдѣлайте: *el favor*, милость... Увѣжайте сегодня какъ обѣщали.

— Да онъ и ѣдетъ! Въ полдень! сказала Долоресъ.

Пепа остолбенѣла опять.

— Навсегда? вымолвила она.

— Да! Мы болѣе не увидимся никогда! сказалъ я ей.

— И слава Богу. *Te agradezco, Madre mia!* Благодарю Тебя. Мать моя! произнесла трагически Пепа, поднявъ руку къ небу...

И затѣмъ она прибавила съ жестомъ:

— Сеньйорита! Я ухожу...

Мы простились. Обѣ женщины пустились бѣгомъ по тропинкѣ и скоро исчезли за крайними домами.

Я снова сѣлъ на ступени и, глядя на вѣеръ, началъ философствовать:

— Вот все, что останется у меня от все^й комедии: Novios. И кроме того убежденіе, что этой нелѣпой не садись. Не въ свои сани

Становилось совсѣмъ свѣтло.

Скоро изъ города стали поднимашагося люда. Гре^х долетать до меня звуки и шумъ бубенчики и постуки^е колесъ на мостовыхъ; звенѣли щики, сѣѣша на са^ни подковы муловъ, а за ними погонвали и нап^р утренній базаръ, хлопали бычами, покрики^{ли} прош^{ли} ка^кіе-то пѣсни... Наг^роненъ, мимо самаго Распятыя ла^в мнѣ: buenas dias!, огляд^ь граблями и лопатами и, поже^л действительно дикое пред^взвѣстие.

Действительно дикое пред^взвѣстие далъ я имъ: сидить чело^вкъ при восходѣ солнца около Распятыя среди чащи, и при утренней прохладѣ обмахивается вѣромъ по разсѣянности.

Боясь встрѣтить зна^юмыхъ въ запоздавшихъ новіяхъ, я рѣшился дать кругъ го^ло полю и войти въ городокъ другими лицами.

Солнце словно дож^ддалось меня. Едва я вышла изъ Ала^меды, все загорѣлось въ малиновымъ свѣтомъ, и сразу сопливое утро преобразилось въ яркій, чудный, прохладный день. Народъ повалилъ т^лупами и въ церковь, и на работы, и на базаръ.

Долоресъ, вѣр^ооятно, въ эту минуту была уже дома. Въ полдень, когда я садился въ дилижансъ, меня остано^ввилъ мальчиш^{ка} и сунулъ мнѣ двѣ маленькія розы, перевитыя вмѣстѣ стебе^{ль}ками и ленточкой.

— Вы изъ иностранецъ, Русскій?..

— Вы отъ кого это?

— Вы же знаете, такъ что жъ спрашивать? весело вымол^ввилъ онъ.

— Н^е знаю... Можетъ быть, это не мнѣ!

— Отъ той, что дала мнѣ грошикъ, и тому, что дастъ мнѣ бойк^е десять. Ошибиться тутъ нельзя! усмѣхался мальчуганъ, о жестикулируя руками и головой.

— Дамъ двадцать, только скажите, отъ кого?

— Отъ малютки, которую всѣ зовутъ Пепой, а вы—новіей.

Какъ бы озлилась Пепя, еслибы слышала, въ чемъ ее по^дозрѣвали въ эту минуту.

Я досталъ бумажникъ, написалъ на листкѣ: Gracias. Adios! и велѣлъ мальчугану передать записку той же Пепѣ.

Слово: Прощайте, вмѣсто: До свиданія, должно было отчасти приготовить Долоресъ къ полученію будущаго объяснительнаго посланія; которое я собирался написать изъ перваго города на пути моемъ.

Черезъ полчаса я выѣхалъ уже изъ города очень довольный, но... проѣзжая мимо Аламеды, невольно оглянулся на нее, увидѣлъ Распятіе надъ убитымъ юношей... и вздохнулъ...

О чемъ? Право, самъ не знаю!.. Но только не объ юношѣ!..

Ужъ не о томъ ли, что зналъ навѣрно, что никогда болѣе не увижу Долоресъ, никогда не буду снова *relâg la rava* и никогда болѣе не встрѣчу другой красавицы-дѣвушки, которая скажетъ мнѣ, грозно замахиваясь вѣеромъ:

— Да какъ вы смѣете не любить меня!..

VI.

ЭПИЛОГЪ.

Черезъ недѣлю послѣ пріѣзда моего въ маленькій и чудно красивый приморскій городокъ той же волшебной Андалузій, я получилъ пачку писемъ. Въ числѣ прочихъ было письмо съ испанскою маркой.

— Отъ Долоресъ, воскликнулъ не я, вслухъ, а воскликнуло или встрепенулось что-то во мнѣ...

Однако, если всѣ воспоминанія мои о моей новинѣ, то на балконѣ въ мантильи, то среди мраморнаго ратію, въ черномъ платьѣ съ пунцовыми розами и чудно красивыми плечами, то у Распятія Аламеды... если все это сравнить съ бочкой меду, то теперь одно письмо Долоресъ стало ложкой дегтя...

Развернувъ это письмо за обѣдомъ и увидя почеркъ и ореографію, я отложилъ его въ сторону и затѣмъ вечеромъ занялся работой. Только послѣ усиленной мозговой дѣятельности письмо это было разобрано и понято мною вполне.

Между тѣмъ одинъ весельчакъ-французъ, съ которымъ я познакомился, поднявъ съ полу брошенный пакетъ, повертѣлъ въ рукахъ и вымолвилъ, смѣясь:

— Tiens! Monsieur est en correspondance avec des femmes de chambre?! J'espère du moins que c'est quelque gentile sou-brette.

Онъ по почерку на пакетѣ пришелъ къ этому предположе-нію. Я же, по письму, пришелъ къ этому убѣжденію.

Вотъ обрачки посланія моей бывшей повіи:

„Подъ балкономъ моимъ никого нѣтъ и не будетъ никого, покуда сынъ мой не вернется.

„Если вы влюбитесь въ кого-нибудь въ нашихъ испанскихъ городахъ, то поскорѣ напишите. Невѣрному я вѣрна не буду.“

Далѣе черезъ страницу:

„Если вы меня разлюбите, я умру. Предсказаніе гитаны объ язычникѣ исполнится“...

Затѣмъ послѣ десятка нѣжныхъ изліяній, изъ которыхъ одни невыразимо пошлы, а другія непередаваемы, ибо вполнѣ... не цензурны, слѣдоваль post-scriptum:

„Охотникъ занять ваше мѣсто есть. Знайте! Въ меня безъ ума влюбленъ пріѣзжій caballero изъ Саламанки. Онъ уди-вительно красивъ собой и свель съ ума всѣхъ нашихъ chicas (малютокъ)“.

Знаковъ препинанія во всемъ письмѣ было два. Одна запя-тая, заблудившаяся какъ въ лѣсу, и одна точка предъ под-писью: Ваша повія Долоресита.

Буквы h, которая не произносится, но которой изобилуетъ испанскій языкъ, не было ни одной. Буква b всюду замѣня-етъ букву v и наоборотъ. Это случилось потому, что испанцы не произносятъ отчетливо ни того, ни другого звука, а нѣчто среднее между ними.

Долоресъ хотѣла, напримѣръ, сказать: He hecho un gran retrato, que voy à mandar le a Usted! (Сдѣлала большой пор-третъ, который пошлю вашей милости)“. Но вышло: „Echo un granrit trato que voy amanarle a Uste“.

Понятно, какая работа выпала на мою долю, чтобы разо-брать такое письмо.

Я немедленно отправилъ мое объяснительное посланіе, прося не пренебрегать кавалеромъ изъ Саламанки, сознава-ясь, что я уже сильно занятъ одною путешественницей ан-гличанкой и наконецъ, что я ѣду немедленно по дѣламъ прямо въ Россію, не надѣясь когда-либо вернуться въ Анда-лузію.

Черезъ недѣлю я имѣлъ уже отвѣтъ, затѣмъ еще письмо... Долоресъ клялась, что кавалера изъ Саламанки придумала, и вмѣстѣ съ тѣмъ горячо упрекала меня во лжи касательно англичанки.

„Ложь—не хорошая вещь (писала она) и вы не малютка, чтобы лгать. Да, и можно развѣ влюбиться въ англичанку? Que tontería, mi corazón! Что за глупость, сердце мое!“

Второе письмо было еще ужаснѣе перваго. Надъ тѣмъ Долоресъ, очевидно, постаралась.

Въ третьемъ же письмѣ я положительно не могъ разобрать и половины. Въ одномъ мѣстѣ Долоресъ объявляла мнѣ сообщеніемъ, что кто-то, любимый ею, выкололъ себѣ глазъ.

Господинъ ли это былъ—(caballero), или же какая-то лошадь—(caballo), неизвѣстно, но предполагаю, что вѣроятно двѣ пропущенныя ею буквы превратили человѣка въ коня.

Въ концѣ письма стояло слово abuela—бабушка, а по смыслу требовалось a vuelta—по возвращеніи. Вѣроятно Долоресъ и хотѣла написать второе, но спутала по привычкѣ буквы b и v, да пропустила t. И вышло для меня довольно странное съ ея стороны обѣщаніе:

„Я васъ буду любить еще болѣе бабушкою!“

Но довольно... довольно... Богъ съ нимъ, съ этимъ кокетливымъ и милымъ младенцемъ!

Что сталося теперь съ Долоресъ—я не знаю.

Вѣроятно, благодаря темпераменту и красотѣ своей, она уже замужемъ и стала отличная семьянинка, страстно-привязанная жена, нѣжная мать.

Если обратиться на минуту въ испанца, умѣющаго вести ученые разговоры, то можно даже позавидовать мужу Долоресъ, но оставаясь русскимъ,—мудрено...

Если же Долоресъ еще не замужемъ, то, вѣроятно, продолжаетъ *relax la rava* съ туземцами и съ „язычниками“. И проводя жаркіе и душные дни—во снѣ, или у фонтана *ratio* не съ книгой, не съ работой, а съ вѣчнымъ вѣромъ въ рукахъ, или серебрястая и ароматныя ночи съ новіемъ, на своемъ балконѣ, она, конечно, не горюетъ и не завидуешь судьбѣ дѣвушки сѣвера.

Да и права ты, красавица, подъ небомъ Андалузій!..

КАМЕРЪ-ЮНГФЕРА.

ПОВѢСТЬ.

I.

адь Петербургомъ чуть брезжилъ свѣтъ. На небосклонѣ занималась утренняя заря яснаго, слегка морознаго дня.

Было 18-е октября 1740 года. Въ городѣ еще съ двухъ или трехъ часовъ ночи на всѣхъ улицахъ, главнымъ образомъ на Невской перспективѣ, совершалось что-то незаурядное и диковинное.

Обыватели, запоздавшіе въ городѣ по дѣламъ или въ гостяхъ, со страхомъ и трепетомъ пробирались до своихъ жилищъ. Наоборотъ, къ разсвѣту, тѣ изъ жителей, которые привыкли рано выходить со двора, выглянувъ на улицу, тотчасъ же возвращались вспать, въ силу пословицы: не суйся въ воду, не спросясь броду.

Послѣднія десять лѣтъ, пережитыя Петербургомъ, подъ гнетомъ управления всемогущаго Курляндскаго герцога, „слово и дѣло“, соглядатаи и „языки“, Тайная канцелярія, вообще весь государственный порядокъ, на вѣки оставшійся въ исторіи съ наименованіемъ „Бироновщины“— все приучило обывателей столицы ежечасно быть насторожѣ, чтобы не нажить лихой бѣды и не оказаться безъ вины виноватымъ.

Это нѣчто необычное, совершавшееся въ эту ночь въ Петербургѣ, были караулы, пикеты и рогатки, разсѣянные по Невской перспективѣ на всѣхъ углахъ прилежащихъ къ ней улицъ и переулковъ. Многіе въ эту ночь не попали, куда направлялись, и ночевали на морозѣ, заарестованные солда-

тами. Два полка, Измайловскій и Преображенскій, были разставлены, или вѣрнѣе, разсыпаны по главнымъ пунктамъ города. Затѣмъ—никто не зналъ. Яснаго, опредѣленнаго приказанія никто не получалъ. Не только офицеры, но и старшіе командиры не знали, что они дѣлаютъ. Быть можетъ, только два или три человекъ, въ томъ числѣ командиръ измайловцевъ, братъ герцога, Густавъ Биронъ, да командиръ преображенцевъ, самъ фельдмаршалъ Минихъ, знали хорошо, почему городъ за ночь попалъ на военное положеніе.

Было указано: „строжайше и наикрѣпчайше блюсти порядокъ“. Между тѣмъ именно эти, какъ бы выросшіе вдругъ среди ночи изъ-подъ земли, караулы и рогатки сами всеобщую сумятицу и надѣлали.

Въ концѣ Невской перспективы, на льду уже замезнувшей Фонтанки, была тоже рогатка, но караулъ былъ здѣсь многолюднѣе и состоялъ изъ двухъ десятковъ преображенцевъ, подъ командой двухъ офицеровъ. Одному изъ двухъ начальниковъ временной заставы, офицеру Грюнштейну, въ качествѣ нѣмца, было объяснено самимъ графомъ Минихомъ, что назначенная ему ночная стоянка есть особо важный пунктъ, такъ какъ недалеко оттуда помѣщался и Лѣтній дворецъ, занятый императрицей.

Но въ чемъ заключалась важность порученія Грюнштейна, въ чемъ заключались его обязанности въ эту ночь, онъ ничего не зналъ. Ему приказали стоять съ своей командой, пока не будетъ приказано итти въ казармы! Молодой, умный и хитрый офицеръ Грюнштейнъ даже смущался тѣмъ, что не имѣлъ никакихъ инструкцій.

Толкамъ и догадкамъ солдатъ не было конца. Послѣдніе дѣянія Бирона съ его клеветами давали широкое поле предположеніямъ.

— Указано будетъ ночью забирать жителей цѣлыми сотнями и уводить въ крѣпость, толковали шепотомъ солдаты.

— Указано будетъ всѣхъ русскихъ сановниковъ и главныхъ полковниковъ колотить въ мертвую, говорили другіе.

— А что, если, ребята, шведъ подъ самую столицу подошелъ обманнымъ образомъ, догадывались третьи,—на зарѣ сражаться будемъ.

Тѣ же самые толки и догадки были во всѣхъ пунктахъ, гдѣ стояли караулы. Въ иныхъ мѣстахъ весь караулъ состоялъ изъ двухъ-трехъ рядовыхъ, даже безъ капрала. Эти ря-

довые стояли часовыми подъ ружьемъ, совершенно не зная зачѣмъ. На опросы проходящихъ они отвѣчали:

— Проходи, братецъ, скорѣе, благо пропускають.

— Придержи языкъ за зубами. Долго ль вырѣзать!

— Доберешься цѣль и невредимъ до дому, свѣчку къ иконамъ поставь! внушительно совѣтывали нѣкоторые изъ солдатъ.

Иногда карауль отвѣчалъ на опросы жителей шутками:

— Стережемъ, родимые, чтобы рогатку прохожіе на дрова не растащили.

— Стоимъ, глядимъ, какъ бы мѣсяць съ неба не свалился.

— Начальству лежать надобно, вотъ насъ и поставили.

Въ иныхъ пунктахъ преображенскіе рядовые, отличавшіеся своей избалованностью, озорствомъ и дерзостью съ обывателями, вообще всякимъ „бѣдокурствомъ“, воспользовались теперь случаемъ, чтобы нажиться насчетъ перепуганныхъ обывателей.

II.

Озорнѣе всѣхъ дѣйствовалъ въ эту ночь пикеть, поставленный на углу перспективы и Мѣщанской улицы, гдѣ былъ цѣлый кварталъ, за церковью, обитаемый исключительно сѣрыми людомъ, приписными къ городу мѣщанами и крестьянами. Здѣсь мирные жители, запоздавшіе домой, застрывали у неожиданно выросшей за ночь рогатки.

Карауль состоялъ изъ полдюжины рядовыхъ Преображенскаго полка, подъ командою капрала Новоклюева. Командиръ рогатки, высокаго роста, могучій и плечистый силачъ, спокойно сидѣлъ на заборѣ, а команда составила ружья въ козлы и весело болтала. Но вмѣстѣ съ ними стояло тутъ же около дюжины человекъ заарестованныхъ прохожихъ.

Обыватели охали, вздыхали, причитали и молились вслухъ. Изрѣдка начинали они просить „сударя-капрала“ отпустить ихъ до дому, клятвенно увѣряя, что они ни въ чемъ повинны. Но капраль Новоклюевъ отвѣчалъ коротко и внушительно:

— Дай полгривны и ступай себѣ съ Богомъ.

Разумѣется, тѣ, у которыхъ деньги были въ карманѣ, тотчасъ откупались и опрометью пускались домой. Тѣ, у которыхъ, какъ на грѣхъ, не оказалось ничего въ карманѣ, оставались на часъ, на два заарестованными. Впрочемъ, иногда капраль соглашался за вознагражденіе натурою.

— Кудаевъ, обращался онъ къ одному рядовому, молодцоватѣ другихъ:—ощупай этого, можетъ, что и найдется. Хоть платокъ шейный взять. А то бери шапку! Мы люди сердечные и сговорчивые. Ничѣмъ не брезгуемъ.

Съ одного молодого парня, который отъ перепугу при задержаніи началъ ревѣть навзрыдъ, какъ баба, Новоклюевъ, ради потѣхи, велѣлъ снять штаны, надѣть ихъ ему на голову и завязать на шеѣ. Парень, милостиво отпущенный домой, пустился рысью, но ощупью, спотыкаясь и падая, при громкомъ хотѣ караула.

Рядовой Кудаевъ, красивый малый, лѣтъ двадцати пяти, неохотно исполнялъ приказанія капрала. Онъ былъ одинъ, изъ всей команды, рядовымъ изъ дворянъ. Изрѣдка онъ пробовалъ просить капрала отпустить кого-нибудь изъ прохожихъ безъ выкупа, но въ отвѣтъ на это Новоклюевъ отзывался насмѣшливо:

— То-то, братецъ ты мой, видать, что ты не мы... Батька съ маткой денегъ на продовольствіе присылають. Такъ тебѣ съ дворянскаго жиру-то да съ барскаго корма—живи, не ту-жи! А намъ, коли не пользоваться всякими обстоятельствами, такъ и жрать нечего будетъ.

Замѣчаніе Новоклюева было совершенно справедливо.

Рядовые гвардіи изъ простонародья имѣли, конечно, всѣ средства къ существованію, но не имѣли денегъ, а потому пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ зашибить копейку.

Разумѣется, когда стало разсвѣтать, Новоклюевъ отпустилъ всю еще оставшуюся гурьбу заарестованныхъ имъ обывателей и скомандовалъ грозно:

— Ну, вы! Пошелъ по домамъ! Живо! Не то разстрѣль!

На зарѣ улицы Петербурга оживились еще болѣе, послышался барабанный бой, всѣ рогатки повалили на-земь, а пикеты снялись съ мѣсть. Прошелъ по городу слухъ, что вся гвардія собирается на площадь передъ Лѣтнимъ дворцомъ. Оба полка, занимавшіе ночью углы и перекрестки города, сошлись, построились и двинулись тоже ко дворцу. Одновременно съ ними всѣ другіе полки, стоявшіе въ столицѣ, уже двигались туда же, каждый изъ своихъ казармъ.

Городъ, разбуженный барабаннымъ боемъ, тоже поднялся ранѣе обыкновеннаго, и каждый обыватель, видя, что всѣ на ногахъ, и зная, что на міру и смерть красна, храбро рѣшался тоже выскочить на улицу. Наконецъ, часамъ къ де-

вяти, передъ дворцомъ стала, выстроившись, вся гвардія, а все пространство, прилегавшее къ плацу, было покрыто сплошь массою народа. Но въ чемъ было дѣло, что за притча приключилась, что такое стряслось, какое такое событіе свершилось—ни единая душа не знала!

Наконецъ, когда солнце уже поднялось на небосклонѣ и позлатило дворецъ, засверкало и засіяло въ амуниціи построившейся рядами гвардіи, въ эту массу народа невидимкою проскользнула полудогадка, полувѣсточка изъ дворца: „Императрицѣ худо!“ Гвардія и весь Петербургъ знали давно, что императрица Анна Иоанновна опасно больна, но, однако, кончины ея никто не ждалъ.

Въ девять часовъ на подъѣздѣ дворца показался всѣмъ хорошо извѣстный и многими любимый фельдмаршалъ Минихъ. Сѣвъ на коня, онъ объѣхалъ ряды гвардейцевъ, вызвалъ начальниковъ, торжественно объявилъ о кончинѣ императрицы и о томъ, чтобы приступали немедленно къ присягѣ на вѣрность новому Третьему императору Ивану Антоновичу и новому правителю Россійскаго государства герцогу Ягану Бирону.

Гвардія, простоявъ болѣе часу подъ ружьемъ, двинулась по домамъ, а затѣмъ во всѣхъ церквахъ началась присяга всѣхъ жителей. Во всѣхъ домахъ, отъ палатъ боярскихъ до маленькихъ домишекъ и хибарокъ мѣщанъ, всюду шептались обыватели, всюду смущалъ всѣхъ одинъ и тотъ же вопросъ, одна и та же загадка. Какъ такъ? Присягать императору, коему всего только два мѣсяца отъ рожденья, еще, пожалуй, дѣло понятное. Но видано ли, слыхано ли присягать на вѣрность хоть и знатному вельможѣ и могучему временщику, но все-таки не царственнаго происхожденія, вдобавокъ и не русскому?

Среди толковъ объ этой диковинѣ, присяга новому императору и новому правителю Россійской имперіи, людоѣду Бирону, шла, разумѣется, своимъ чередомъ. Присяга шла спѣшно и быстро, тѣмъ паче, что былъ строжайшій приказъ, дабы къ вечеру того же дня не оказалось ни единой живой души, которая бы избѣгла цѣлованія креста и Евангелія.

Въ ту минуту, когда Преображенскій полкъ двинулся вмѣстѣ съ другими съ площади, половина гренадерской роты была отдѣлена, и команда рядовыхъ, камраловъ и офицеровъ вступила на подъѣздъ. Новоклюевъ и Кудаетъ были въ чи-

слѣ прочихъ и вмѣстѣ съ своимъ офицеромъ вошли во дворецъ. Кудяевъ съ другимъ товарищемъ-солдатомъ очутился въ дверяхъ большой залы, гдѣ онъ никогда не бывалъ. Новоклюевъ съ своими рядовыми попалъ на часы въ другую залу, гдѣ на парадной великолѣпной кровати лежало бездыханное тѣло скончавшейся императрицы.

— Ахъ ты, Господи, вотъ угодилъ, думалъ про себя Новоклюевъ. Надо же эдакъ потрафиться.

И капраль, дерзкій, но глуповатый, съ трепетомъ косился на большую кровать. Богатырь до страсти боялся мертвецовъ.

„Ну, какъ сутки не смѣнять, да на ночь оставить! Помилуй Богъ!“ думалъ онъ.

III.

Рядовой Кудяевъ, простоявъ часа три у дверей главной залы, былъ смѣненъ другимъ часовымъ. Выйдя изъ дворца съ другими товарищами, подъ командою того же Новоклюева, рядовой шелъ озабоченный и задумчивый.

Капраль, наоборотъ, былъ доволенъ и въ духѣ.

— Чего не весель—носъ повѣсилъ? обернулся на ходу Новоклюевъ.

— Ничего, отозвался Кудяевъ. Мудренныя мои дѣла. Не знаю ужъ теперь, какъ и быть. Померла царица...

И Кудяевъ беспомощно развелъ руками, даже чуть не выронилъ ружье, которое несъ на плечѣ.

— Это что еще? Что у тебя за дѣла могутъ быть, да еще мудренныя? Да и причемъ тутъ царица?

Кудяевъ молчалъ.

— Да ты говори, я, можетъ быть, тебѣ помочь съумѣю.

— Ладно, отозвался, помолчавъ, Кудяевъ. Придемъ домой, я, пожалуй, тебѣ и расскажу.

Вернувшись на ротный дворъ, Кудяевъ откровенно рассказаль капралу немудреное приключеніе, которое его смутило. Смерть императрицы должна была, по его мнѣнію, осложнить обстоятельства его жизни.

Молодой малый, рязанскій помѣщикъ или недоросль изъ дворянъ, съ годъ назадъ, явился въ Петербургъ и поступилъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ. Мать его оставалась въ маленькой вотчинѣ, владѣя полсотней душъ крестьянъ, отецъ

давно умеръ, родни не было почти никакой. Слѣдовательно, молодой рядовой очутился въ Петербургѣ съ очень скудными средствами и безъ всякой протекціи. Большинство рядовыхъ изъ дворянъ гвардейскихъ полковъ было въ томъ же положеніи. Мудренѣ этого положенія трудно было и придумать. Юноша-барченокъ являлся на службу, всячески избалованный въ семьѣ, нелѣпо воспитанный, безграмотный, умѣя только, по сакраментальному историческому выраженію, „голубей гонять“. Прямо изъ-подъ покровительственныхъ юбочекъ матушки, всякой ласки и всякаго баловства мамушекъ, и рабскаго потакательства дворни и холоповъ, онъ попадалъ въ ряды солдатъ, на край свѣта, за тысячу верстъ отъ родного гнѣзда въ новую столицу съ совершенно чуждой, полунѣмецкой обстановкою. Дисциплины было мало, служба была немудрая, но барченку, выросшему на медахъ и вареньяхъ, приходилось жестко спать на ларѣ въ казармахъ, рядомъ съ простыми „сдаточными“ изъ крестьянъ. Хотя большинство рядовыхъ гвардіи были исключительно дворянскія дѣти, но между ними было и не мало простыхъ солдатъ, переведенныхъ случайно или за отличіе изъ разныхъ полевыхъ и гарнизонныхъ командъ.

Молодой рядовой, имѣя какую-нибудь родню въ Петербургѣ, тетушку или дядюшку, въ нѣсколько лѣтъ могъ надѣяться попасть въ капралы, сержанты и скоро выслужиться въ офицеры. Недоросль изъ дворянъ безъ всякой родни и протекціи могъ легко просидѣть пятнадцать лѣтъ до полученія капральскаго званія, которое было немного лучше простого солдатскаго. Большія средства даже при отсутствіи покровителей, конечно, много помогали въ карьерѣ.

У рядового Кудяева не было ни вліятельной родни, ни денегъ.

Случайно выискалъ онъ въ Петербургѣ родственника, который приходился ему двоюроднымъ дядей. Но у этого дяди, капитана Калачева, не было болѣе близкихъ родственниковъ и выискавшійся племянникъ Кудяевъ очень его обрадовалъ. Все-таки не чужой! Но Калачевъ, будучи уже въ отставкѣ, проживалъ въ Петербургѣ какъ простой обыватель и не могъ ничѣмъ помочь племяннику по службѣ.

Молодому рязанскому недорослю, конечно, оставалось какъ нибудь просуществовать подобно другимъ недорослямъ солдатамъ и надѣяться на счастье. Но вскорѣ послѣ его прибытія

въ Петербургъ, молодого человѣка, по его выраженію, лукавый попуталь.

Поставили его однажды на часы въ караульную Зимняго дворца. Въ числѣ обитателей, которые сновали въ сравнительно маленькомъ домѣ, онъ увидаль молодую дѣвушку. Разъ десять промелькнула она мимо него, разъ пять взглянула на него, и случилось то, что бываетъ и будетъ всегда на свѣтѣ. Молодые люди сразу приглянулись другъ другу. Вскорѣ послѣ этого Кудаевъ, по собственной охотѣ, сталъ все чаще появляться на часахъ во дворцѣ. Онъ вызывался добровольцемъ, замѣняя то одного, то другого изъ своихъ товарищей, когда имъ приходилось итти въ дворцовый караулъ. На третій или четвертый разъ молодой преображенецъ уже успѣлъ перемолвиться съ молодой дѣвушкой, а однажды съ нимъ заговорила и пожилая женщина, очевидно, родственница его зазнобы.

Наконецъ, вскорѣ эта „придворная барынька“, какъ опредѣляли ее люди во дворцѣ, позвала молодого человѣка зайти къ нимъ побесѣдовать. На другой же день Кудаевъ уже безъ ружья и не въ качествѣ часового, а въ качествѣ гостя явился въ Зимній дворецъ и, пройдя разными полутемными закоулками нижняго этажа, очутился въ двухъ маленькихъ горницахъ у новыхъ знакомыхъ.

Пожилая женщина оказалась служащей въ штатѣ племянницы царствующей императрицы. Это была камеръ-юнгфера Анны Леопольдовны, принцессы Брауншвейгской, матери объявленнаго наслѣдника престола. Для Кудаева такое знакомство было, конечно, находкою. Это была важная протекція по службѣ.

Съ перваго же своего визита Кудаевъ увидаль, что ему почастиливилось. Камеръ-юнгфера Стефанида Адальбертовна Минкъ была курляндка и, повидимому, не изъ дворянокъ. Съ ней вмѣстѣ жила ея племянница, которую она называла кратко Мальхенъ, а прислуга звала Амаліей Карловой.

Молодая дѣвушка, лѣтъ семнадцати, однако, мало походила на нѣмку. Стефанида Адальбертовна была полная, бѣлокурая съ сѣдиной женщина, удивительно мудрено говорившая по-русски. Что касается до Мальхенъ, то дѣвушка смахивала совсѣмъ на русскую барышню. Черноволосая, быстроглазая, бойкая говорунья, она напоминала Кудаеву одну барышню, сосѣдку по вотчинѣ въ Рязани. Мальхенъ отлично

изяснялась по-русски, даже безъ малѣйшаго акцента. Вскорѣ Кудавъ узналъ, что если госпожа Минкъ пріѣхала въ Россію еще недавно, вмѣстѣ съ принцессою Анною Леопольдовою, то ея сирота-племянница, наоборотъ, была уже давно, съ восьми-лѣтняго возраста, въ Петербургѣ и забыла думать о своей прежней родинѣ.

Въ первое же знакомство Стефанида Адальбертовна, при объясненіяхъ съ Кудавымъ, пользовалась помощью племянницы, такъ какъ молодой человѣкъ окончательно не понималъ ни слова изъ того, что говорила госпожа камеръ-юнгфера. Слова были простыя на подборъ, произнесенныя, конечно, неправильно, но тѣмъ не менѣе настоящія русскія и, несмотря на это, Кудавъ сплошь и рядомъ совершенно не понималъ, что изъ этихъ словъ выходитъ и что желаетъ сказать госпожа Минкъ. Въ первый же день знакомства, барыня, жалуясь рядовому, говорила:

— Я очень трусь. Когда вѣтеръ подуетъ, мой щокъ далеко уходитъ.

Мальхенъ должна была объяснить Кудаву, что тетушка ея боится сквозного вѣтра, такъ какъ у нея часто отъ этого бываютъ флюсы.

Бесѣды Кудавы съ новыми знакомыми бывали всегда въ этомъ родѣ. Молодому человѣку была нестерпимая тоска толковать съ госпожей камеръ-юнгферою, но глазки и улыбки Мальхенъ вознаграждали его за все. Молодой малый понялъ, что онъ благосклонно принятъ обѣими новыми знакомыми, а что онъ для него все-таки, сравнительно, люди сильныя. Госпожа Минкъ служила въ горницахъ принцессы, была любимицей ея главной фрейлины и наперсницы Іуліаны Менгенъ, а сестра этой фрейлины была замужемъ за сыномъ фельдмаршала графа Миниха.

Много бессонныхъ ночей провелъ Кудавъ послѣ своего знакомства, думая о томъ, что изъ этого всего можетъ произойти. Его, очевидно, принимаютъ у госпожи Минкъ не безъ цѣли. Мальхенъ влюблена въ него, а тетушка не прочь выдать замужемъ племянницу за русскаго дворянина. Онъ простой рядовой, но вѣдь ей стоитъ сказать слово фрейлинѣ. Въ одинъ день просьба о рядовомъ дойдетъ до фельдмаршала и императрицы и Кудавъ, вмѣсто пятнадцатилѣтней службы до перваго капральскаго чина, можетъ въ полтора—два года сдѣлаться даже офицеромъ гвардіи.

Кудаевъ бывалъ въ гостяхъ у камеръ-юнгферы раза два въ недѣлю, но болѣе частыя посѣщенія госпожа Минкъ отклонила. За то Мальхенъ, пользовавшаяся сравнительной свободой, изрѣдка одна прогуливалась въ саду близъ дворца и выходила изъ него на берегъ Невы. Кудаевъ, часто бродившій здѣсь, встрѣчался съ ней и тутъ влюбленные могли свободно бесѣдовать подолгу.

IV.

За нѣсколько дней до загадочной всѣмъ ночи, когда Кудаевъ попалъ въ числѣ прочихъ въ пикеты, разставленные по всей столицѣ, онъ послалъ къ госпожѣ камеръ-юнгферѣ единственную свою знакомую въ Петербургѣ, въ качествѣ свахи. По странному стеченію обстоятельствъ, петербургская чиновница, пожилая вдова, отправившаяся свахой къ Стефанидѣ Адальбертовнѣ, называлась Степанидой Андреевной. Придворная барынька приняла сваху вѣжливо, гостеприимно и отвѣчала, что она не прочь выдать племянницу замужъ за рязанскаго дворянина, но просила нѣсколько дней срока, чтобы серьезно подумать о предложеніи.

Вернувшись отъ придворной барыньки, Степанида Андреевна Чепурина объяснила, что дѣло обстоитъ благополучно, но что надо ковать желѣзо, пока горячо.

— Только моли Бога, прибавила она, чтобы императрица была жива. А сказываютъ, что она хвораетъ сильно.

— Почему же? удивился Кудаевъ. Что же мнѣ до императрицы?

Петербургская старожилка Чепурина знала многое такое, чего не зналъ недоросль изъ дворянъ, недавно прибывшій изъ глуши, и потому сразу поняла исключительное положеніе, въ которомъ былъ Кудаевъ. Она предложила разъяснить дѣло молодцу обстоятельно и толково; побесѣдовавъ съ преобращенцемъ наединѣ, глазъ на глазъ, шопотомъ она потребовала съ его стороны „ужасательно“ клятвенно обѣщаться никому не проронить слова.

— Пойми ты, соколикъ мой, что это мы ведемъ разговоръ государскій. За это и тебя, и меня плетями постегать могутъ. Попадѣмъ къ Бирону въ лапы, не только плетей, и литеръ отвѣдаемъ.

— Какихъ литеръ? изумился наивно Кудавъ.

— Какихъ? То-то ты съ гнѣздышка слетокъ, во истину слетокъ. Рыкнетъ на насъ кто-нибудь „слово и дѣло“, стащутъ насъ въ приказъ, въ сыскъ, начнутъ пытатъ, на дыбу поднимать, а тамъ тебѣ и мнѣ, послѣ кнутовъ и плетей, выжгутъ на лбу „вѣди“ и „добро“. Не понялъ?

— Не понялъ, отозвался Кудавъ.

— Вѣди и добро прямо въ лобъ отхлопнуть каленымъ желѣзомъ. А значить оное: воръ и душегубъ.

— Да за что же? Мы не воровали и никого не губили, не рѣзали...

— Вотъ за этотъ нашъ государскій разговоръ. Такъ ты поклянись мертво молчать, чтобы мнѣ изъ за тебя языкъ не вырѣзали, да и тебѣ чтобы не итти на цѣпь садиться.

Разумѣется, Кудавъ поклялся хранить все въ тайнѣ. Тогда Чепурина объяснила молодцу рядовому, что ему крайне выгодно сдѣлаться мужемъ племянницы камеръ-юнгферы вдоворцѣ самой императрицы. Но при этомъ хитрая петербургская чиновница прибавила свое слѣдующее дальновидное соображеніе.

По ея мнѣнію, Кудаву надо было Бога молить, чтобы императрица жила подольше, а чтобы свадьба его сыгралась какъ можно скорѣе, въ виду опаснаго состоянія хворающей съ осени государыни.

— Помретъ царица—все перемѣнится можетъ.

Причина была простая. Въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ родился у племянницы монархини сынъ, махонькій принцъ Иванъ Антоновичъ, почитаемый уже наслѣдникомъ престола. По смерти императрицы онъ будетъ провозглашенъ императоромъ всея Россіи, хотя ему только два мѣсяца. Теперь его мать, просто принцесса Брауншвейгская, простая племянница государыни, а въ случаѣ вступленія на престолъ новорожденнаго младенца, та же принцесса станетъ матерью императора, всѣ ея приближенные станутъ персонами болѣе важными. Всякая камеръ-юнгфера, въ родѣ г-жи Минкъ, станетъ тоже персоной, которую и рукой не достанешь.

Теперь Стефанида Адальбертовна, по своему природному малоумію, не понимаетъ этого, объяснила Чепурина, а случись такая перемѣна, сдѣлайся принцесса правительницею и регентшею, а то, чего добраго, и императрицею, то она, госпожа Минкъ, не похочетъ отдать свою дочь за какого-то преображенскаго рядового.

— Вот видишь ли, соколикъ, все дѣло въ спѣхѣ, закончила объясненіе чиновница. — Скорѣе надо тебѣ вѣнчаться. Тогда, въ случаѣ переменъ правительства, тебѣ кладъ, талантъ и удача. А не успѣешь ты повѣнчаться, то гляди, твоя придворная барынька на тебя тогда и плюнуть не соизволить.

Кудаевъ не только понялъ все, что разъяснила умная барыня, но даже созналъ внутренно, что она совершенно права. Всѣ въ столицѣ знали, что государыня хвораетъ, что у ней сплѣнѣйшіе припадки подагры; частые обмороки; вообще въ городѣ ждали переменъ правительства. Кромѣ того, большинство петербуржцевъ, людей неприворныхъ, воображали, что по смерти Анны Иоанновны на престолъ войдетъ ея племянница, Анна Леопольдовна, и будетъ объявлена императрицею.

Разумѣется, такъ думали люди, непосвященные въ тайны придворной интриги, и люди, не стоящіе у кормила правленія. Всѣ сильные міра, наоборотъ, знали отлично, что императоромъ будетъ младенецъ Іоаннъ Антоновичъ, а дѣйствительнымъ правителемъ обширнаго государства сдѣлается первый вельможа имперіи, одинаково всѣмъ ненавистный „людоѣдъ“ Биронъ.

— За тѣмъ онъ недавно и Волынскому голову снялъ!

Были люди, втихомолку говорившіе и крѣпко надѣявшіеся на то, что послѣ кончины императрицы вступить на престолъ единственная законная наслѣдница російскаго престола, родная дочь Великаго Петра, царевна Елизавета Петровна. У молодой, красивой и доброй царевны была своя партія, какъ въ новой столицѣ, такъ и въ Москвѣ, равно и во всей Россіи, но партія эта боязливо молчала и бездѣйствовала.

Послѣ объясненія со своей свахой и пріятельницею, Кудаевъ зашелъ снова къ госпожѣ Минкѣ, но не былъ принятъ и вышелъ изъ дворца смущенный. Побродилъ онъ нѣсколько дней въ саду около дворца и по берегу Невы, въ надеждѣ увидать Мальхенъ, но увидалъ ее только издали. Она махнула ему рукой, послала поцѣлуй и убѣжала во дворецъ. Очевидно, что-то такое случилось, какая-то переменна въ образѣ мыслей госпожи камеръ-юнгферы.

Однако, дня черезъ два послѣ этого, какой-то мальчуганъ розыскалъ на ротномъ дворѣ рядового Кудаева и передалъ „почтеннѣйшее“ приглашеніе Стефаниды Адальбертовны пожаловать въ гости въ сумерки.

Кудаевъ явился. Его возлюбленная была грустна, уныло поглядывала, а ея тетюшка объяснила молодому человѣку, что свадьба дѣло серьезное, надо много подумать, и хотя господинъ Кудаевъ „очень корошъ“ и для нея, и для Мальхенъ, но для рѣшенія вопроса есть препятствія.

Кудаевъ вернулся домой озабоченный и, узнавъ отъ одного офицера полка, что государыня еще сильнѣе хвораетъ, онъ отчасти сталъ догадываться въ чемъ дѣло. Онъ тотчасъ же отправился на совѣщаніе къ своему другу и Степанида Андреевна объяснила дѣло точно такъ же.

Камеръ-юнгфера оказалась бабой непромахъ. Она чуяла перемѣну, которая можетъ произойти въ ея общественномъ положеніи въ случаѣ смерти императрицы, и оттягивала дѣло. Станетъ принцесса императрицею, то, конечно, она свою Мальхенъ за простого рядового не отдастъ, а будетъ мѣттить на какого-нибудь гвардейскаго капитана, а то и выше... за сенатора...

— Моли Бога, чтобы монархія выздоровѣла и долго была жива, заключила бесѣду Чепурина.

Кудаевъ развелъ руками.

— Молиться-то я буду хоть денно и ношно, да что же толку-то изъ этого? Изъ-за моихъ молитвъ она не проживетъ дольше, коли ей земной предѣлъ положенъ.

— Это, конечно, согласилась и чиновница.—Да такъ сказывается.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, Кудаевъ очутился въ пикетѣ на углу Мѣщанской, затѣмъ узналъ о кончинѣ императрицы и, конечно, понялъ, что онъ сразу потерялъ все. Теперь камеръ-юнгфера не захочетъ съ нимъ и знаться.

Вернувшись въ ротный дворъ, послѣ караула во дворцѣ, Кудаевъ подробно и откровенно разсказалъ всю эту исторію капралу Новоклюеву. Къ его немалому удивленію, Новоклюевъ въ бесѣдѣ съ нимъ по поводу его обстоятельствъ оказался человѣкомъ чрезвычайно неразумнымъ. Исповѣдавшись ему горячо и искренно, Кудаевъ уже сожалѣлъ.

Капралъ, юркій по части всякаго грабительства въ городѣ, ловкій, когда дѣло касалось военнаго артикула, молодчина въ простой работѣ по наряду въ городѣ, въ дѣлѣ Кудаева разсуждалъ, что тебѣ малый ребенокъ.

Прежде всего, Новоклюевъ посовѣтовалъ Кудаеву силой

обвѣнчаться, выкрасть дѣвушку изъ дворца, найти попа, да и сочетаться бракомъ. Если кто будетъ помѣхой, кулаками дѣло устроить.

Однимъ словомъ, все, что совѣтоваль Новоклюевъ, было безконечно глупо.

„Да онъ совсѣмъ оголѣлый дуракъ. Пень какой-то, прости Господи!“ думаль въ отчаяніи Кудавевъ, уйдя отъ капрала къ себѣ и обдумывая свое тяжелое положеніе.

Весь день и весь вечеръ продумаль молодець, чуть не заплакаль отъ грустныхъ мыслей, но ничего не могъ надумать.

„Одно мнѣ нужно, рѣшилъ онъ наконецъ. Пускай скажетъ эта юнгфера проклятая—надѣяться мнѣ или прямо выбросить все изъ головы. А эдакъ мнѣ не жить. Это мучительство. Что-нибудь одно“...

Плохо проспавъ ночь, Кудавевъ рѣшилъ на утро отправиться къ придворной барынькѣ, чтобы узнать навѣрное свою судьбу. Когда онъ приблизился ко дворцу, то увидаль особенное движеніе на дворѣ и на всѣхъ подѣздахъ. Стояли подводы, сани и розвальни, а изъ дворца выносили вороха и кучи всякой поклажи. Въ числѣ снующихъ людей онъ увидаль вдругъ и Стефаниду Адальбертовну, которая вышла повязанная платкомъ на улицу и что-то приказывала двумъ служителямъ. Онъ приблизился къ ней со страхомъ сомнѣнія.

Камеръ-юнгфера узнала его, кивнула головой и своимъ невѣроятнымъ російскимъ нарѣчіемъ объяснила молодому человѣку, что они всѣ переѣзжаютъ. Кудавевъ узналь, что принцесса Анна Леопольдовна съ мужемъ уже не обитають въ Лѣтнемъ дворцѣ. Императоръ былъ еще наканунѣ въ полдень, тотчасъ же послѣ кончины императрицы, перевезенъ въ Зимній дворець, а за нимъ переѣхали его мать и отецъ. Теперь же начали собираться и всѣ находящіяся въ штатѣ императора, такъ какъ Лѣтній дворець, гдѣ стояло тѣло усопшей императрицы, предназначался быть резиденціей новаго правителя Російской Имперіи. Пока всѣ эти камеръ-юнгферы, камеръ-медхенъ и всякіе обитатели дворца укладывались и съѣзжали, кучка разнаго рода личностей явилась въ этотъ же дворець, обходила горницы и выбирала себѣ помѣщеніе. Все это были наподборъ нѣмцы, почти не говорившіе по-русски, но съ виду чрезвычайно важные, гордые и даже нахальные. Все это были приближенные самого герцога, истинные хозяева въ столицѣ, да и во всей Россіи.

Камеръ-юнгфера предложила Кудяеву войти на минуту и намекнула, что онъ даже можетъ быть полезенъ, можетъ имъ помочь при укладкѣ и перевозкѣ вещей въ Зимній дворецъ. Кудяевъ охотно взялся помогать. Поклажи у придворной барыньки было собственно немного и въ три часа времени вся рухлядь, посуда, всякій скарбъ, кровати и перины и все до послѣдней ложки и плошки было уже сложено на подводы.

Мальхенъ была чрезвычайно весела, ее забавлялъ переѣздъ. Но больно кольнула сердце рядового какая-то беззаботность въ его возлюбленной. Она какъ будто бы забыла думать о немъ, забыла, что онъ еще недавно присылалъ сваху. Она была занята исключительно своимъ переѣздомъ въ другой дворецъ. Однако при прощаньи Мальхенъ шепнула что-то своей теткѣ, а Стефанида Адалбертовна обратилась къ рядовому съ приглашеньемъ побывать черезъ нѣсколько деньковъ у нихъ на новосельи въ Зимнемъ дворцѣ. Приглашеніе это камеръ-юнгфера сдѣлала однако настолько важнымъ голосомъ, съ такимъ величественнымъ жестомъ, что Кудяевъ невольно почувствовалъ, какъ его дѣла принимаютъ дурной оборотъ. Права была чиновница! Анна Леопольдовна стала не императрицею, даже не правительницею и не регентшею, правилъ судьбой имперіи герцогъ, а принцесса осталась съ простымъ званіемъ матери императора, а между тѣмъ лица, находящіяся въ ея штатѣ, въ томъ числѣ эта камеръ-юнгфера, были уже много важнѣе и горделивѣе. Что же будетъ дальше?

Кудяевъ не вернулся на ротный дворъ, а окончательно грустный, не зная что дѣлать, собрался къ своему дядѣ. Онъ готовъ былъ теперь, въ силу своего природнаго добродушія и кротости, совѣтоваться со всѣми.

V.

Капитанъ въ отставкѣ, Петръ Михайловичъ Калачовъ, жилъ на Петербургской сторонѣ, въ собственномъ маленькомъ домѣ. Человѣкъ лѣтъ подь шестьдесятъ, капитанъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ.

Это былъ благообразный старикъ; добродушный, ласковый, добрякъ и шутникъ, немного простоватый и очень словоохотливый. Когда-то еще юношей, въ 1700 году, онъ былъ зачисленъ рядовымъ въ одинъ изъ вновь сформированныхъ

императоромъ Петромъ полковъ. Нѣсколько позже онъ перешель въ азовскій полкъ, участвовавшій во всѣхъ кампаніяхъ великаго императора.

За тридцать лѣтъ службы капитанъ участвовалъ, по его выраженію, во многихъ „бравурныхъ баталіяхъ и викторіяхъ“. При этомъ онъ былъ нѣсколько разъ раненъ и, еслибъ не болѣзнь въ ногахъ, то, вѣроятно, продолжалъ бы службу до конца дней своихъ.

Теперь добродушный и словоохотливый капитанъ съ особеннымъ удовольствіемъ рассказывалъ о своихъ подвигахъ, съ особеннымъ благоговѣніемъ вспоминалъ „Перваго“ императора, котораго видалъ много и часто.

Болѣе же всего капитанъ любилъ прихвастнуть двумя вещами: своимъ знакомствомъ съ чужестранными государствами, съ разными заморскими городами, въ которыхъ ему пришлось побывать. Въ особенности часто любилъ онъ описывать Голландію, гдѣ прожилъ около года, посланный въ числѣ другихъ молодыхъ офицеровъ для изученія „корабельной ариметики“. Главнымъ же образомъ простоватый добрякъ былъ смѣшонъ тѣмъ, что доходилъ до хвастовства въ своихъ разсужденіяхъ о „государскихъ и штатскихъ предметахъ“.

Капитанъ Калачовъ былъ искренно и глубоко убѣжденъ, что онъ тонкій политикъ, что если бы не его сѣренское дворянское происхожденіе, то при возможности имѣть протекцію, конечно, теперь онъ былъ бы у кормила правленія государственнаго, былъ бы генераломъ и членомъ „Кабинета“. Любимой темой бесѣдъ и разговоровъ капитана были поэтому не столько военные, сколько „штатскіе“ предметы.

Бесѣдовать объ этихъ штатскихъ или государственныхъ предметахъ было, разумѣется, болѣе чѣмъ опасно въ послѣдніе годы царствованія императрицы Анны и властвованія могущественнаго и жестокаго Бирона. Вслѣдствіе этого капитану Калачову рѣдко удавалось потолковать по душѣ о престолонаслѣдіи російскомъ, о нѣмецкой партіи, захватившей бразды правленія, о союзахъ съ Австріей или съ Польшей, о коварствѣ злѣйшаго изъ враговъ російскихъ—шведа. За подобнаго рода разсужденія у себя на дому, можно было легко попасть въ тайную канцелярію, въ сыскъ, подъ пытку и плеть.

Однако капитанъ Калачовъ жилъ уже въ Петербургѣ около десяти лѣтъ мирно и тихо, копаясь лѣтомъ въ саду и въ

огородѣ, довольно большихъ размѣровъ. Зимой онъ находилъ какія-нибудь другія занятія, чтобы убить время. Знакомыхъ у него было мало; всѣ, кого онъ видѣлъ, для него были люди недостаточно грамотные и просвѣщенные. Большинство изъ нихъ смутно слышали о томъ, что есть такая страна Голландія, и смѣшивали ее съ другимъ краемъ, именуемымъ Холландіей.

Случалось даже, что когда капитанъ заговаривалъ о томъ, что на російскій престолъ двѣ линіи имѣютъ законное право, линія царя Ивана Алексѣевича и линія великаго императора Петра Алексѣевича, собесѣдникъ капитана слушалъ его, разиня ротъ, внимая какъ бы великимъ таинственнымъ рѣчамъ. Большею же частью собесѣдникъ старался какъ можно скорѣе убраться изъ домика гостепріимнаго капитана, чужая, что такія бесѣды къ добру не поведутъ. За послѣднее время собесѣдники, кто бы они ни были, старались въ своихъ разговорахъ даже не упоминать имени царствующей монархини, а тѣмъ паче имени всеобщаго страшилища, герцога Бирона. Многіе перестали бывать у добраго, словоохотливаго и умнаго капитана именно благодаря его страшнымъ рѣчамъ и „погубительнымъ“ разсужденіямъ.

Года съ три тому назадъ повадился ходить къ капитану одинъ дворянинъ, тоже отставной поручикъ петровыхъ войскъ. Онъ находилъ особенное удовольствіе вспоминать вмѣстѣ съ капитаномъ о славныхъ викторіяхъ и доблестныхъ баталіяхъ прежняго времени. Но однажды этотъ новый знакомый сразу прекратилъ свои посѣщенія вслѣдствіе того, что услышалъ вдругъ отъ капитана страшныя слова, которыя могли погубить и хозяина, и гостя. Калачовъ выразился, что никогда порогъ его домишки не осквернится ногою нѣмца.

— Вотъ уже скоро десять лѣтъ живу я въ Петербургѣ, а еще черезъ мою прихожую не перешелъ ни одинъ нѣмецъ.

Подобныя слова или подобныя мнѣнія назывались „жестокими“. А жестокія слова вели человѣка прамехонько подкнугъ палача.

Добрякъ капитанъ былъ очень обрадованъ, что въ Питерѣ вдругъ оказался родственникъ его, рядовой Преображенскаго полка. Посчитавшись роднею, Калачовъ и Кудаевъ кое-какъ добились, что одинъ другому приходится двоюроднымъ племянникомъ. Кудаевъ былъ доволенъ найти родственника, тѣмъ паче, что это былъ добрый старикъ. Калачовъ былъ обра-

дованъ тѣмъ обстоятельствомъ, что у него нашелся законный наслѣдникъ.

На второй или третій разъ при посѣщеніи молодого и красиваго солдата изъ дворянъ, Калачовъ добродушно и прямо объяснилъ ему, что намѣренъ написать духовное завѣщаніе, чтобы оставить ему свой домишко съ садомъ и огородомъ. И то, и другое представляло собой рублей сто въ годъ дохода, а сумма эта по времени была большая.

Съ перваго же посѣщенія Кудаева капитанъ сталъ звать его просто Васей и плутомъ, такъ какъ слово „плутяга“ было у него всегда ласкательнымъ прозвищемъ.

VI.

Кудаевъ нашелъ старика на этотъ разъ ничего не дѣлающимъ, какъ бы взволнованнымъ и озабоченнымъ. Капитанъ обрадовался племяннику.

— Что давно не бывалъ, плутяга, встрѣтилъ онъ его.

— Да все не время было, дядюшка, отозвался Кудаевъ.— Недосугъ былъ, сами видите, какія дѣла мы дѣлали.

Капитанъ не отвѣчалъ ничего, усадилъ племянника, велѣлъ подать ему пирога и бутылку квасу, а самъ продолжалъ молча шагать изъ угла въ уголь въ своей небольшой диванной, гдѣ онъ принималъ гостей.

Кудаевъ замѣтилъ перемины въ старикѣ.

— Нездоровится что ли вамъ? спросилъ онъ.

— Нездоровится, пробурчалъ капитанъ, во истину нездоровится, да не мнѣ, а нашей матушкѣ Россіи. И видомъ не видать было, и слыхомъ не слыхать, чтобы въ какомъ-либо царствѣ-государствѣ такія безстыдныя беззаконія приключались.. Что вы только творите! Ахъ, что вы творите!

— Кто это, дядюшка?

— Кто? Вы же... Вы!

— Въ толкъ не возьму я, про что вы...

— Въ толкъ не возьмешь? Ахъ ты...

И капитанъ выругался, ласково, но крѣпко.

— Какъ по твоему, по кончинѣ Анны Иоанновны, чья лиція въ своихъ престольныхъ правахъ и привиллегіяхъ должна быть?

Кудаевъ не понялъ вопроса.

— Вижу я, ты статскихъ рѣчей не разумѣешь, важно вымолвилъ Калачовъ:—буду съ тобой бесѣдовать просторѣчимъ. Стану, какъ называется, бабьими словами объясняться. Кому законный слѣдъ былъ вступать на престоль по кончинѣ Анны Ивановны.

— Какъ то-ись, дядюшка? Какъ сказано въ манифестѣ. Императору Ивану Пятому Антоновичу.

— Это кто же тебѣ сказалъ?

— Да въ манифестѣ...

— Да чорта ли мнѣ въ твоёмъ манифестѣ. Его Биронъ сочинялъ.

Кудаевъ ротъ разинулъ и чуть не выронилъ кусокъ пирога, который несъ въ ротъ. Вытаращивъ глаза, онъ молча смотрѣлъ на добряка-капитана.

— Въ манифестѣ, продолжалъ тотъ.—Да вѣдь написать все можно, да и отпечатать все можно тоже. Али ты не слыхалъ, кто за собой всё права престольныя имѣеть, кому надлежитъ Россійскую имперію самодержавнѣйше пріять? Ну-ка, раскнижь мыслями-то.

— Это я, дядюшка, точію знаю. Да вишь не потрафилось. Мнѣ какъ-то и госпожа камеръ-юнгфера сказывала, Стефанида Адалбертовна. У нихъ всё очень этого ожидали.

— Чего?

— А кому то-ись вступать на престоль.

— Да кому?

— Вѣстимо, императрицей полагалось быть принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ.

— Похоже, размѣялся капитанъ.— Попалъ пальцемъ въ небо.

Кудаевъ вновь удивился. Калачовъ продолжалъ хохотать отчасти сердитымъ голосомъ.

— Похоже, повторилъ онъ снова.— Принцессѣ Брауншвейгской. Зачѣмъ ей? Ужъ пусть тогда будетъ Песъ Псовичъ Бириновъ со всѣми своими щенятами. Ахъ ты, Василій Андреевичъ, сынъ Кудаевъ, рядовой ты Преображенскаго полка! Вотъ то-то! Кабы вы не были малограмотны, да малоумны, такъ вы не потакали бы кознямъ враговъ Россійскихъ. Срамъ, иного слова нѣтъ, срамъ! Ты вотъ и слыхомъ не слыхалъ, чья линія за собою всё льготы самодержавнѣйшія и привилегіи всероссійскія имѣеть.

Кудаевъ догадался, вспомнилъ и ахнулъ.

— Вы, дядюшка, стало быть, на сторону цесаревны тянете?

— Да, голубчикъ, на ея сторону, на законную, на все-россійскую. Чья она дочь? Какое ей наименованіе во всѣхъ странахъ россійскихъ? Да. Дщерь Петрова! Такъ какъ же по твоему. Истинная дщерь Петрова будетъ тебѣ сидѣть на Смольномъ дворѣ въ махонькихъ горенкахъ, якобы какая барыня-помѣщица, а разные нѣмцы, курляндцы, да чухонцы будутъ на престолѣ всероссійскомъ. Ахъ, вы разбойники-преображенцы! Прямые вы не гвардейцы, а, какъ вамъ нонѣ въ Питерѣ прозвище, гвалтдѣйцы.

— Слышалъ я это, только не разумѣю это. Чѣмъ же вы гвалтдѣйцы? Почитаемъ мы всѣ это для себя обиднымъ. Гвалту или шума отъ насъ мало, а что и есть, то по указанію начальства.

— Да, почитайте обиднымъ, да все это правда сущая. Вы гвалтдѣйцы прямые. По улицѣ идете, такъ наровите толкнуть барыню въ грязь, мальчика по затылку съѣздить. Въ лавку придешь, купишь на алтынъ, а сграбишь на гривенникъ. Какое незаконное дѣяніе ни соверши, изъ всего, какъ гусь изъ воды, выйдешь. А нужда придетъ Биронамъ, да Минихамъ, да разнымъ ихъ лаполизамъ какое дѣйство совершить, сейчасъ за васъ. А вы тутъ и готовы.

Кудаевъ слушалъ длинную рѣчь капитана-дяди, пересталъ ѣсть и сидѣлъ разиня ротъ и вытаращивъ глаза. Первый разъ слышалъ онъ таковое.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ въ Петербургѣ, ему еще не приходилось слышать такія рѣчи. Для него все это было какое-то откровеніе свыше. Онъ смутно зналъ, что подобныя рѣчи называются „жестокими“, и зналъ, что за подобныя мнѣнія человѣкъ могъ легко пропасть.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кудаевъ чувствовалъ, что дядя совершенно правъ. Ему случалось не разъ слышать о томъ, что живетъ въ Петербургѣ цесаревна Елизавета Петровна, дочь великаго императора, прямая наслѣдница престола, по говору всѣхъ православныхъ, населяющихъ Россійскую Имперію.

— Эдакое позорище, продолжалъ капитанъ.—Зарвались и распотѣшили. Поди теперь, врагъ Божій и человѣческій у себя въ преисподней пѣсни поеть и выкрутасы ногами отхватываетъ. Да, отъ такого дѣла самъ сатана порадуется.

— Да какое дѣло? наивнымъ голосомъ произнесъ Кудаевъ.

— Еще спрашивает! воскликнул капитанъ Калачовъ. Кому вы присягали въ храмъ? Отвѣтствуй?

— Императору Ивану Антоновичу.

— А еще кому?

— Правителю имперіи его высочеству герцогу Бирону.

— Во, воскликнулъ Калачовъ, во! Это что значить? Развѣ это не сатанинъ цвѣтъ? Развѣ то не дьявольское ухищреніе? Нешто было когда на Руси святой, чтобы присягали въ храмахъ не царской какой персонѣ, а выскочкѣ, проходимцу? Присягай вы одному императору, коему два мѣсяца отъ рожденія, ништо! Я буду молчать! Онъ все же таки по своей матери правнукъ царствовавшего хоть немного и недолго царя Ивана. Но клятвенно цѣловать крестъ и евангеліе по православному вѣроученію изъ-за богоборца и еретика—грѣхъ великій, срамъ сущій. Дьяволу — именинный калачъ. Не будь вы всѣ недоросли дворянскіе безграмотны, никогда сего не было бы, вся бы гвардія знала, чья линия перевѣсъ имѣетъ, кто истинный монархъ всероссійскій. А истинный монархъ та самая цесаревна, что препровождена на житье въ свой Смольный дворъ, яко бы не дочь Петрова, а какая барынька-помѣщица.

— Что же, дядюшка, вѣдь ее не трогаютъ. Съ ней, слышно, ласково обращались завсегда и покойная парица, и самъ герцогъ. Теперь слухъ ходитъ, что цесаревнѣ большія деньги каждагодно платить будутъ, такъ что ей со Смольнаго двора возможно будетъ съѣхать, другой себѣ большой домъ выстроить и пышнѣе зажить.

— Ей на престолѣ слѣдъ быть! закричалъ капитанъ на весь домъ, но тотчасъ же немного смутился, почувствовавъ, что хватилъ черезъ край.

Помилуй Богъ! Съ улицы, сквозь маленькія, хотя и двойныя зимнія рамы услышать бесѣду какой-либо прохожій. И конецъ! Быть ему, капитану, на дыбѣ, въ допросѣ, а тамъ и въ Соловкахъ или въ Пельымѣ.

Помолчавъ немного, капитанъ заговорилъ другимъ голосомъ, обращаясь къ племяннику.

— Ты, Васька, смотри, меня не забуди, я по родственному съ тобою говорилъ. Ты знаешь, какъ жесточайше поступаютъ со всякимъ, кто насчетъ цесаревны рѣчи ведетъ. Не проболтайся какъ тамъ у себя, на ротномъ дворѣ. Слышишь? Не забуди дяди болтовней.

— Что вы, дядюшка, Господь съ вами, не дуракъ же я какой. Это я все понимаю.

— Ты вѣдь, Васька, по своей невѣстѣ, выходитъ, тянешь въ нѣмецкую партію. Гляди, женишься, то при помощи своей придворной барыньки живо въ сержанты, а то и въ офицеры попадешь. Ну, а я уже въ мои годы буду судить по старому. Я знаю только великаго императора и его нисходящую линію. Коли потребно будетъ, я сейчасъ за цесаревну голову положу. Вотъ какъ, Васька. Ну, теперь сказано, выпалено, отрицаться не буду, а ты не оброни гдѣ на улицѣ, или въ трактирѣ. Погубишь ты своего дядю и грѣхъ сотворишь, коли онъ на старости лѣтъ изъ-за твоего неряшества въ пытки очутится.

— Что вы, дядюшка, Господь съ вами! Я не махонькій. Держать языкъ за зубами умѣю. Да и кто же его въ нонѣшнее время не держитъ. Собака, сказываютъ, и та лаять научилась, боится, какъ бы въ ея лапѣ регентова прозвище не проскочило. Вы слышали, сказываютъ, былъ такой махонькій щеночекъ, изъ подворотни затыкалъ. Показалось кому-то, въ тывканѣ поминаетъ онъ: Яганъ! Яганъ! Взяли этого щеночка, хвостъ отрубили и въ крѣпости Шлюсъ на цѣпи въ казематѣ посадили.

Бесѣда дяди и племянника приняла веселый и шуточный оборотъ. Но затѣмъ Кудавевъ перевелъ разговоръ на то дѣло, о которомъ пришелъ посоветоваться съ родственникомъ.

На вопросъ, какъ ему быть со Стефанидою Адальбертовною, которая стала вдругъ съ перемѣны правленія гораздо важнѣе, капитанъ Петръ Михайловичъ развелъ руками и вымолвилъ:

— Чужое дѣло, сказываютъ, руками разведу, а къ своему ума не приложу! Ты мнѣ племянникъ, мудроно мнѣ твое дѣло порѣшить. Ты чужого человѣка попроси. А я не могу. По мнѣ, ты красавецъ, молодець, дворянинъ, умница, не пьяница, не мотыга. Чѣмъ ты не женихъ какой бы то ни было персонѣ. Ну, а какъ судить твоя Степанида Лоботрясовна, этого я знать не могу.

— Ужъ истинно Степанида Лоботрясовна, отозвался Кудавевъ. — Дура, вѣдь, она, дядюшка, истуканъ! Россійскую рѣчь такъ произноситъ, что изъ сотни словъ ея еле-еле десятокъ поймешь. А чуть коснется дѣло до моего сватовства, сейчасъ башкой трясеть, важнѣющее изображеніе на себя принимаетъ. Въ послѣдній разъ такъ разсуждала, что совѣтъ: что тебѣ генералисимусъ какой. Грудь выпятила, голову задрапа, руки растопырила и сказываетъ: „подумать надо!“

— Ну, а невѣста, что же?

— Что же невѣста? Она, что младенецъ малый.

— Тебя-то любить?

— Да, любить, какъ-то нерѣшительно проговорилъ Кудавъ. — Сказываетъ, что любить. А вѣдь сердце дѣвицы, называютъ, бездонная пропасть, гдѣ, очертя голову, цѣлое войско погибнуть можетъ.

— Это не глупо сказано...

— Да. Это не я... Слышала такъ.

— На чемъ же у васъ съ юнгферой дѣло стало? спросилъ капитанъ.

— Да дѣло стало отъ кончины государыни. Переѣхали онѣ въ Зимній дворецъ. Герцогъ, видите ли, въ Лѣтнемъ будетъ помѣщаться съ своей фамиліей. А императоръ съ матерью, и отцомъ и со всѣми штатомъ въ Зимнемъ дворцѣ присутствовать будетъ. Ну вотъ и моя придворная барынька съ моей голубкой тоже перебрались туда.

— Ну, такъ что же?

— Ну, какъ, стало быть, вещи покладали на подводы, такъ у нихъ и важности много прибавилось. Должно, теперь дѣло разстроится.

— Ну и плевать, выговорилъ капитанъ.

— Какъ, дядюшка, плевать? Я безъ нея жить не могу.

— Это безъ Мальхень-то?

— Да, безъ нея!

— Это враки.

— Какъ, тоись... враки? Что вы, дядюшка.

— Да такъ, племянникъ, враки. Это мы слышали съ тѣхъ поръ, что міръ стоитъ. Всякій молодецъ такъ каждый разъ говорить: жить не могу, удавлюся, утоплюся, помру, анъ глядишь, живетъ себѣ въ свое удовольствіе. Собирается молодецъ жениться сто разовъ, а женится одинъ разъ. Такъ и ты. Плюнь ты на все это, вотъ тебѣ и дѣло рѣшено.

Кудавъ замоталъ головой.

— А я тебѣ вотъ что скажу, Вася, послѣ небольшой паузы заговорилъ капитанъ. — Дай, я тебѣ подыщу невѣсту, раскрасавицу, приданницу, изъ русскихъ, у которой имя-то христіанское, а не собачья кличка. Вѣдь это что же такое? Мальхень? Эдакъ на корабляхъ, кажись, называется какаля-то снасть. И будешь ты по своей невѣстѣ тянуть въ законную, государскую линію, будешь на счету въ согласникахъ цеса-

ревны. А отъ сего тебѣ всякое добро приключится въ будущемъ времени.

Кудаевъ ничего не отвѣчалъ, но мысленно думалъ:

— Нѣтъ, ужъ спасибо. Цесаревна-то въ Смольномъ домѣ всю жизнь проживетъ. Быть въ ея согласникахъ только въ Сибирь угодишь, а не только не разживешься, изъ рядовыхъ-то въ каторжники попадешь, а не въ сержанты.

VII.

Прошло недѣли двѣ. Былъ уже ноябрь мѣсяць. Кудаева не приглашали въ гости къ камеръ-юнгферѣ Минкѣ. Вокругъ Зимняго дворца не было сада, гдѣ бы могла прогуливаться Мальхенъ. Кудаевъ не мало бродилъ около жилища возлюбленной, но ни разу не увидалъ ее, ни на улицѣ, ни даже у окна. Три раза заходилъ онъ, опрашивалъ прислугу, просилъ доложить о себѣ госпожѣ юнгферѣ, но получалъ отвѣтъ, что она проситъ прощенья, ей недосугъ.

Когда въ третій разъ придворная барынька отказала Кудаеву въ его желаніи повидаться, онъ окончательно былъ сраженъ и загрустилъ. Было очевидно, что отъ него хотѣли отдѣлаться, а Мальхенъ его разлюбила.

Сваха чиновница оказывалась права. Смерть императрицы возвысила общественное положеніе камеръ-юнгферы Анны Леопольдовны. Она, очевидно, считала теперь Кудаева слишкомъ невиднымъ женихомъ для своей Мальхенъ.

Капралъ роты, въ которой былъ Кудаевъ, видя грустное лицо рядового, все чаще спрашивалъ его объ его дѣлахъ.

Послѣ своего послѣдняго объясненія съ Новоклюевымъ, Кудаевъ неохотно заговаривалъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ. Новоклюевъ ужъ очень несообразно рассуждалъ и глупые совѣты давалъ.

Однажды онъ посоветовалъ Кудаеву влѣзть силкомъ къ придворной барынькѣ, да выругать ее поздоровѣе, пострашать ее даже. И разное подобное, одно глупѣе другого предлагалъ капралъ изъ сдаточныхъ.

Однажды, видя Кудаева особенно грустнымъ, Новоклюевъ снова присталъ къ пріятелю-рядовому.

— Что, аль все по своей зазнобушкѣ тоскуешь?

Кудаевъ молча повелъ плечами и вздохнулъ, какъ бы говоря:

— Вѣстимо, а то что же.

— А вотъ что, пріятель. Испробуй ты, что я тебѣ скажу. Тебя придворная барынька пущать перестала, такъ ли?

— Да, сказываетъ, все недосугъ.

— Ну, такъ ты эту упорную барыньку корыстью возьми. Купи ты ситцу хорошаго на платьѣ, да сластей разныхъ. Пойди ты во дворецъ, да прикажи о себѣ докладъ сдѣлать: пришелъ де молъ съ гостинцами. Она тебя тотчасъ и выпустить. А ты ей гостинецъ-то поднеси, а острастку-то ей все-таки задай. Коли вы, молъ, за меня не отдадите дѣвницы, то я, молъ, вамъ что-нибудь пакостное учиню.

— Да что, что? разсердился Кудавевъ. Чѣмъ я ей острастку-то могу дать? Полаяться на нее, ну и выгнать вонъ. Что же толку-то? Чѣмъ я ее напугаю! Битьемъ, что ль?

— Какъ чѣмъ? Всѣмъ. Скажи изъ-за угла обухомъ, а не-то ножомъ двину. А не то у васъ во дворцѣ въ петлю затынусь. Мертвое тѣло у васъ окажется.

— Это я-то затынусь?

— Вѣстимо, ты, а не я.

— Спасибо. Худой выигрышъ. Изъ-за дуры бабы повѣситься.

— Да это будетъ вторымъ дѣломъ, отозвался Новоклюевъ.— А первое дѣло гостинцевъ купи, да снеси.

Кудавевъ молчалъ.

— Что же, и это по твоему негодно? спросилъ капраль.

— Нѣтъ. Вѣстимо дѣло гостинцу ей снести было бы хорошо. Да вѣдь его купить надо.

— Знамо купить.

— Въ лавкѣ?

— Вѣстимо, въ лавкѣ, а то гдѣ же? На колокольнѣ...

— Лавки въ столицѣ не про меня писаны...

— А про меня всѣ писаны. Иду въ любую...

— Чтобы купить гостинцу, объяснилъ Кудавевъ вздыхая,— деньги нужны, а гдѣ мнѣ ихъ взять? У дядюшки попросить. Болѣе не у кого. Никого въ Питерѣ не имѣю...

— Попроси у дядюшки.

— Не дасть, отозвался Кудавевъ.— Не таковскій!

— Почему? Скупердай?

— Не та линія, видишь ли.

— Какая линія?

— Линія, говоритъ онъ, не та. Невѣста придворная Анны

Леопольдовны, а онъ эфту линію не одобряеть, сказываеть, истинная линія у цесаревны Елизаветы Петровны.

— И, и, и! Братцы вы мои! пропицаль тоненькимъ, дѣланнымъ голосомъ богатырь Новоклюевъ. Ахти мои матушки! За эдакія, голубчикъ ты мой, рѣчи улетаютъ люди не токмо туда, куда Макаръ телятъ не гоняль, а куда если и чорта загнать, такъ онъ оттуда не выкарабкается. А ты, дурень, повтораешь! Аль плечи захотѣль вмѣсто невѣсты? Аль въ тайной канцеляріи побывать желаешь?

— Да нѣтъ, я это только такъ, къ слову, смутился Кудавевъ, вспомнивъ приказаніе дяди не проговариваться.—Это я брешу. Да опять-таки не я то говорю, а дядюшка сказываеть. Я тутъ невиновень.

И Кудавевъ внутренно застыдился, что съ первой же минуты, испугавшись, свалиль всю вину на добряка дядю, чтобы выгородить себя.

— Нѣтъ, дядя не дасть денегъ, заговорилъ снова Кудавевъ, желая скорѣе перемѣнить разговоръ.—Онъ скуповать. А у меня ни алтына, какой тутъ гостинець.

— Ахъ ты дурень, дурень! выговорилъ Новоклюевъ.—Хоть изъ дворянъ ты, а я простого состоянія, а все же ты, извини, дурень. Деньги, видишь, ему нужны.

И Новоклюевъ началъ хохотать.

— Слышишь, что я тебѣ скажу, Василій Андреевичъ. Хошь, я тебя направлю, все твое дѣло налажу? Хошь ты сейчасъ итти гостинець придворной барынькѣ покупать?

— Вѣстимо, да денегъ, сказываю, на то не будетъ.

— Не твое то дѣло, деньги. Идемъ, что ли.

— Ты развѣ дашь?

— Далъ я, какъ же, разсмѣялся грубымъ голосомъ Новоклюевъ.—Дурака нашель. Ну, да не твое дѣло, иди.

Черезъ полчаса послѣ этого разговора капралъ Новоклюевъ и рядовой Кудавевъ были уже въ лавкѣ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ когда-то стояли ночью въ караулѣ. При появленіи купецъ бросилъ другихъ покупателей, обратился къ нимъ и спросилъ, что имъ угодно, хотя при этомъ, какъ показалось Кудавеву, лицо его насупилось. Онъ глядѣль и боязливо, и вмѣстѣ съ тѣмъ недоброжелательно.

Новоклюевъ потребоваль кусокъ хорошаго ситцу, сталъ выбирать, перевероршилъ много товара, но, наконецъ, выбралъ штуку краснаго съ разводами ситцу и приказалъ отложить.

Затѣмъ онъ выбралъ еще два шелковыхъ платочка и, взявъ все это подъ мышку, выговорилъ, обращаясь къ кушпу:

— Присылай тотчасъ же за деньгами въ ротный дворъ, спроси капрала Новоклюева, и мы съ товарищами твоему посланцу отсчитаемъ что слѣдуетъ. Останется мною доволенъ.

При этомъ Новоклюевъ не выдержалъ и немножко ухмыльнулся.

— Негодно такъ-то, пробормоталъ купецъ.

— Негодно! возразилъ Новоклюевъ.—А годно единой тукманкой изъ головы разумъ вышибать? Нѣтъ, ужъ ты, купецъ, меня въ четвертый разъ въ грѣхъ не вводи, вымолвилъ вдругъ Новоклюевъ, принимая важную позу.

— Какъ такъ? Въ какой четвертый разъ? нѣсколько озлобленно отозвался купецъ.

Кудаевъ смотрѣлъ на обонхъ, ничего не понимая и наивно оглядывая своего капрала.

— Да такъ, три раза мнѣ сошло, а въ четвертый, пожалуй, и въ отвѣтъ попадешь. Такъ вотъ я и сказываю, ты меня въ грѣхъ не вводи. Что же мнѣ, самъ ты посуди, добрый человѣкъ, изъ-за куска ситцу пропадать, загубляться.

— Въ толкъ я ничего не возьму, воскликнулъ купецъ.

— Да вишь ты, нужда намъ великая. Денегъ у насъ мало. Самъ ты оное знаешь! Ну, вотъ, когда по-зарѣзъ что нужно, идешь такъ-то въ лавку, отбираешь, уплатить нечѣмъ, берешь въ долгъ. Будутъ деньги, вѣстимое дѣло отдашь. Ну, а бываетъ такъ, что вапшъ братъ, купецъ, на это очень несогласенъ. Вотъ эдакъ-то со мною три раза было, а нонѣ въ четвертый. Три раза пришлось въ мертвую положить кушца. И товаръ того не стоялъ. Все такъ потрафлялось, что меня за побори и вредъ прощали, потому я въ уваженіи состою у командира. Но самъ ты понимаешь, родной. Три раза меня командиръ простилъ за увѣчье, которое я нанесъ, а въ четвертый, пожалуй, не проститъ. Вотъ я и говорю. Что же мнѣ пропадать изъ-за твоего товара? Я теперь, къ примѣру, тебя двину смертельно—ты помрешь. Ну, тебѣ все равно! А мнѣ каково будетъ, посуди ты, въ Сибирь итти. Сдѣлай же милость таковую—не шуми, а отпусти насъ по добру, по здорову. Хочешь ты, я тебѣ въ ножки поклонюсь. Не губи человѣка! Самъ ты понимаешь, смертоубійствовать и въ Сибирь итти кому удовольствіе? Да еще изъ-за такой дряни. Тутъ всего на рубль, да семь-восемь гривенъ. Сдѣлай

милость, родной, не вводи въ грѣхъ! Молитва сказывается: не введи насъ во искушеніе!

Купецъ, слушая Новоклюева, видя его совершенно серьезное лицо, убѣжденный голосъ, стоялъ, вытравивъ глаза, растопыривъ руки и какъ бы не вѣря тому, что онъ слышитъ. Случались эдакіе казусы часто, да не эдакъ...

— Вотъ тебѣ Христосъ Богъ, перекрестился Новоклюевъ, три раза эдакъ-то было. Одинъ-то изъ вашей братьи купецъ у меня мертвый легъ. Подрались мы. Я вотъ эдакъ-то товаръ взялъ, а онъ говоритъ, подавай деньги. Меня Богъ уберегъ. А вотъ въ четвертый разъ ужъ въ твоей все власти, какъ ты разсудишь дѣло.

— Да ты отдай товаръ, да и уходи съ Богомъ, выговорилъ, наконецъ, купецъ, какъ бы додумавшись до рѣшенія мудренаго вопроса.

Новоклюевъ громко расхохотался, обернулся къ Кудаеву и вымолвилъ:

— Пойдемъ, братъ. Я вижу, совсѣмъ онъ дуракъ. Я ему толкомъ говорю, что я могу ему башку проломить однимъ разомъ, а онъ, дуракъ, дурацкія увѣщанія преподаетъ. Что съ нимъ толковать, пойдемъ.

И Новоклюевъ важно вышелъ изъ лавки, сопровождаемый Кудаевымъ. Рядовой былъ озадаченъ и смущенъ.

— Господа честные. Я буду жаловаться! сказалъ купецъ.

— Сдѣлай милость. Иди вотъ за нами на нашъ ротный дворъ да и пожалуйся хоть самому нашему полковнику, фельд-маршалу Миниху.

Купецъ не двинулся съ мѣста, и только когда оба преображенца были на улицѣ въ лавкѣ начался шепотъ, а потомъ и говоръ. Всѣ ахали и ворчали.

— Чортъ съ ними, рѣшилъ хозяинъ. Вѣдь не въ первой, да и не въ послѣдней. Отчаянный народъ эти гвардейцы. Что тебѣ шведъ или татаринъ. Грабежъ чистый. Спасибо, рѣдко приключается, а то раззоръ былъ бы. Хоть и не торгуй.

Между тѣмъ Кудаевъ, идя за капраломъ, раздумывалъ о всемъ приключившемся и, наконецъ, спросилъ:

— Какъ же такъ-то? Вѣдь это, стало быть, голый разбой.

— А ты полно, чертъ, глупыя-то слова выскивать, огрызнулся капралъ. — Когда войско беретъ, стало быть, городъ большущій, а затѣмъ всѣхъ жителей избиваетъ, всѣ дома ограбляетъ и въ лагерь тащить золото, дѣвченокъ, коней и

несмѣтныя богатства. Это по твоему что такое? По твоему, по глупому, денной грабежъ. Анъ нѣтъ, враки. Это прозывается викторіей блистательной. Мы эдакъ въ туретчинѣ съ Минихомъ Очаковъ распотрошили... Это, братецъ ты мой, надо понимать. Все на свѣтѣ имѣетъ свое прозвище, да только не одно, а два. Хватилъ ты кого-нибудь изъ ружья въ сраженіи—молодецъ, тебя похвалятъ и отличать, ахвати ты кого на дорогѣ, въ пути или на улицѣ, сейчасъ тебѣ другое прозвище—убивица.

Кудаевъ молчалъ, отчасти озадаченный такимъ объясненіемъ.

— Ну вотъ теперь тебѣ гостинецъ. Иди къ своей придворной барынькѣ. Гляди, какъ она тебя приметъ и вареньемъ накормитъ. Бабы къ гостинцу, какъ мухи къ меду. Ступай.

VIII.

Новый солдатъ преображенецъ, еще недавно бывшій молодымъ барченкомъ-недорослемъ и воспитанный дома на извѣстный ладь, часто приходилъ въ смущеніе при разныхъ явленіяхъ окружающей его среды и въ полку, и въ городѣ.

Кудаевъ получилъ дома воспитаніе сравнительно лучшее, чѣмъ многіе другіе недоросли. Мать его, женщина болѣзненная, лѣнивая отъ природы, мало озабочивалась единственнымъ сыномъ и обращала больше вниманіе на двухъ дочерей. Будущность сына представлялась ей дѣломъ какъ нельзя проще.

Отдадутъ его въ полкъ въ столицу. Протянувъ ляжку лѣтъ десять-пятнадцать, попадетъ онъ въ офицеры, а при счасти и ранѣ, станетъ самостоятельнымъ. Будущность дочерей, напротивъ, дѣло мудреное, ихъ надо пристроить, надо мужей разыскивать.

Оставленный матерью на произволь судьбы, Кудаевъ по счастью попалъ въ руки къ умному сосѣду по имѣнію, бывшему другу его отца. Пожилой человекъ, когда-то самъ военный, занялся сыномъ сосѣдки пріятельницы.

Вслѣдствіе этого, Кудаевъ былъ теперь грамотенъ, умѣлъ писать и читать російскую грамоту, зналъ около сотни словъ нѣмецкихъ и легко могъ заучивать новыя нѣмецкія слова.

При этомъ воспитатель развивалъ въ мальчикѣ, а потомъ и въ юношѣ понятіе о дворянскихъ правилахъ. Кудаевъ съ

десяти лѣтъ слышалъ отъ своего пѣстуна, что дворянинъ дѣло особенное. Все, что возможно крестьянину, холопу, подьячему, хотя бы и духовному лицу, невозможно для дворянина. Дворянинъ долженъ имѣть дворянскія доблести, не лгать, на чужое ни на что не посягать, кромѣ жены, чаще въ церковь ходить, соблюдать свое званіе и призваніе.

— Избави Богъ дожить до того, что скажутъ люди: Кудаевъ мошенникъ, Кудаевъ ябедникъ или богопротивникъ. Надобно такъ себя вести, чтобы прозвище человѣка само за себя говорило, чтобы всякій, услышавъ это прозвище, отвѣчалъ: вотъ доблестный человѣкъ, истинный російскій дворянинъ.

Воспитанникъ однажды, уже будучи шестнадцати лѣтъ, заявилъ своему воспитателю въ минуту искренности, что по его разумѣнію куда плохо быть дворяниномъ. Воспитатель былъ изумленъ и на вопросъ, что за притча, недоросль объяснилъ:

— Всѣмъ, стало быть, все возможно. Всякій простого званія человѣкъ дѣлай, что хочешь, и все сойдетъ ему съ рукъ. А дворянину, выходить, и того нельзя, и сего нельзя. Что же за житье такое! Выходить, лучше быть изъ подьяческаго или изъ какого ни на есть иного простого званія.

Воспитатель былъ пораженъ этимъ разъясненіемъ, этимъ взглядомъ на гражданскія доблести и на положеніе дворянина.

Добродушный и честный помѣщикъ, огорченный странными мыслями своего воспитанника, свалилъ все на себя. Стало быть, онъ не сумѣлъ объяснить и втолковать своему питомцу то, что самъ понималъ и носилъ въ душѣ своей за всю жизнь.

Недоросль, смущаемый еще дома противорѣчіемъ въ положеніи дворянина російскаго, прибылъ таковымъ и въ столицу. Здѣсь онъ попалъ сразу подъ вліяніе двухъ лицъ: командира роты Грюнштейна и капрала, своего ближайшаго начальника, Новоклюева.

Грюнштейнъ былъ сомнительнаго происхожденія нѣмецъ, а какъ говорили многіе, крещеный еврей, побывавшій всюду въ Европѣ, побывавшій даже въ Персіи. Занимавшійся всякими торговыми дѣлами, онъ былъ когда-то очень богатъ, нажившись именно въ Персіи, но затѣмъ былъ ограбленъ въ Россіи. Нищій явился онъ въ Петербургъ, судился съ своими врагами, но, проигравъ правое дѣло, съ отчаяніемъ

поступилъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ. Теперь онъ былъ офицеръ.

Все, что слышалъ Кудаевъ отъ Грюнштейна, сводилось къ одному. Всякому человѣку, кто онъ ни будь, надо выйти въ люди не мытьемъ, такъ катаньемъ. Нельзя праведными, пролѣзай всякими неправедными путями. Вся сила въ томъ — пролѣзть. А когда пролѣзешь, то и забудешь, да и всѣ другіе забудутъ, какими путями пролѣзъ.

Новоклюевъ, съ своей стороны, рядовой изъ дворовыхъ, то есть сдаточный за какую-нибудь провинность солдатъ, а можетъ быть и за преступленіе, былъ тотъ же Грюнштейнъ. Все ему было: тринь-трава.

— Уже и такъ-то на свѣтѣ, говорилъ онъ Кудаеву, — творится всякое неподобное. У кого тяжелъ кулакъ, тотъ завсегда и правъ бываетъ. И въ людяхъ такъ-то, да и въ звѣряхъ не иначе. А мы-то, гвардейцы, совсѣмъ особливые люди, намъ все можно. Каждый изъ насъ долженъ пользоваться. Вся сила въ насъ. Не будь гвардейцевъ, пропало бы все, пропала бы вся Россія. Врагъ ли какой угрожаетъ имперіи, мы же сражаемся и бьемъ шведа ли, нѣмца ли! Въ народѣ ли, между жителей безурядица какая и нужно въ порядокъ все приводить, опять за насъ же берутся. Вся сила въ насъ! Ну вотъ, мы и должны пользоваться. Кому чего нельзя, а намъ все можно. Да и начальство все это очень хорошо понимаетъ!

Подъ вліяніемъ такихъ двухъ ближайшихъ начальниковъ Кудаевъ, разумѣется, съ каждымъ днемъ становился все болѣе не тѣмъ рядовымъ изъ дворянъ, какимъ желалъ его когда-то видѣть другъ покойнаго отца. Если уже тамъ въ глуши онъ заявилъ своему пѣсту, что положеніе дворянина самое грустное, то понятное дѣло теперь Новоклюевъ и Грюнштейнъ, сами того не зная, находили готовую почву своимъ ученіямъ въ сердцѣ рядового преображенца.

Теперь Кудаевъ былъ очень доволенъ, примирясь съ со-вѣстью, что, не истративъ ни гроша, онъ при помощи Новоклюева, могъ нести гостинцы къ несговорчивой и важной барынькѣ.

— Вѣдь Очаковская покупка, говорилъ онъ Новоклюеву, но говорилъ уже шутя.

На другой день, около полудня, Кудаевъ отправился въ Зимній дворецъ. Онъ велѣлъ доложить о себѣ госпожѣ камеръ-

юнгферъ съ прибавленіемъ, что принесъ съ собой гостинцы.

Но докладывать было и не нужно. Мальхенъ увидала уже въ окно своего возлюбленнаго, къ которому въ послѣднее время начинала относиться хладнокровнѣе. Замѣтя въ рукахъ Кудаяева большой узелокъ, молодая дѣвушка тотчасъ же догадалась въ чемъ дѣло.

Госпожа Минкъ, позванная ею, тоже догадалась, что Кудаяевъ идетъ не съ пустыми руками. Молодой человѣкъ былъ тотчасъ же принятъ. Ситецъ чрезвычайно понравился придворной барынкѣ, такъ какъ оказался настоящимъ заморскимъ. Два шелковыхъ платка, розовый и голубой, съ ума свели Мальхенъ. Она сіяла...

Кудаяевъ улыбался, радовался, совершенно счастливый, и только мысленно благодарилъ умницу Новоклюева.

— Ахъ, много ви деньга истративаетъ, ахала камеръ-юнгфера. Ужъ право минэ стыдоваить гостинца взять.

„Ладно, думалъ Кудаяевъ, — „стыдоваеть“ или „не стыдоваеть“, а все-таки же ты гостинець-то возьмешь“.

И онъ сталъ увѣрять госпожу Минкъ, что деньги у него, благодаря Бога, есть и что онъ можетъ позволить себѣ и не такое приношеніе ей и ея племянницѣ.

— Да откуда же у васъ могутъ быть деньги, господинъ Кудаяевъ? спросила Минкъ, изумительно ломая російскія слова.

Молодой человѣкъ запнулся, но тотчасъ развязно вымолвилъ:

— У меня дядя въ Петербургѣ, человѣкъ очень богатый, у него свой домъ. Капитанъ Калачевъ. Онъ мнѣ деньги даетъ.

— Зачѣмъ же вы намъ этого прежде не говорили.

— Да такъ, къ слову не приходилось.

— Напрасно, мнѣ слѣдовало знать, что у васъ есть богатый дядя и къ тому же еще и офицеръ, сказала Стефанида Адальбертовна многозначительно.

При этомъ она начала длинную рѣчь и хотя снова перековеркивала всѣ слова и выражалась умопомрачающимъ русскимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе Кудаяевъ хорошо понялъ, что заявленіе о богатомъ дядѣ имѣетъ огромное значеніе.

— Вѣдь вы его наслѣдникъ? вдругъ проговорила госпожа камеръ-юнгфера.

— Да, навѣрно, произнесъ Кудавъ.—У него кромѣ меня никого нѣтъ родни. Только по совѣсти врядъ ли онъ оставитъ мнѣ свое имущество, искренно вдругъ сознался Кудавъ и тотчасъ же пожалѣлъ.

— Почему же? сразу грустнымъ голосомъ проговорила Стефанида Адальбертовна.

— Все изъ-за васъ.

— Какъ изъ-за насъ? воскликнула г-жа Минкъ.

— Ему не нравится, что я бы желалъ сочетаться бракомъ съ вашей племянницей.

— Это почему? уже нѣсколько обидчиво и измѣняя голосъ произнесла камеръ-юнгфера.

— Онъ, видите ли, не жалуется, что вы придворная персона нѣмецкой линіи, а не истинно російской.

— Что, что? возопила камеръ-юнгфера.

— Дѣло, говорить, не то. Вотъ, говорить, если бы ты къ примѣру женился на какой придворной персонѣ съ Смольнаго двора...

— У цесаревны! воскликнула г-жа Минкъ.

— То-то да. Онъ въ ея линію вѣруетъ, уповаешь.

— Какую линію? уже внѣ себя воскликнула г-жа Минкъ.

Кудавъ молчалъ не потому, чтобы не могъ объяснить, хоть бы и съ трудомъ, что значать его слова, но потому, что вдругъ слегка смутился. Онъ сообразилъ, но поздно, что именно сдѣлалъ то, чего прѣсилъ дядя не дѣлать.

„Что же это такое вышло, думалъ онъ.—Вѣдь это я его подвелъ. Нешто можно про такія дѣла въ этомъ дворцѣ разсужденіе имѣть. Нѣмцамъ нѣмцевъ ругать негоже“.

— Сказывай, господинъ Кудавъ! Такъ наша линія, ея императорскаго высочества принцессы Анны Леопольдовны незаконна. А Елизавета Петровна законная линія?

— Не карошъ это дѣль, закачала головой камеръ-юнгфера,—очень не карошъ. Это дѣль вотъ какой. Взялъ въ приказъ, взялъ кнутъ и много посѣкалъ, а тамъ и палачъ отдавать и въ Сибирь прогоняить.

Кудавъ сидѣлъ совершенно смущенный и чуть не вслухъ восклицалъ:

„Что же я натворилъ, Господи помилуй! Прямо во вражескія руки дядю предалъ. Какъ бы чего худого изъ этого не вышло. Господи, сохрани и помилуй“.

Госпожа камеръ-юнгфера хотѣла съ важнымъ и сердитымъ

лицомъ снова начать допрашивать гостя. Но въ эту минуту Мальхенъ, все время сидѣвшая молча, встала, подошла къ окну и вдругъ вскрикнула такъ, какъ если бы случилось что-нибудь чрезвычайно важное. Госпожа камеръ-юнгфера даже вздрогнула отъ этого крика, да и Кудавъ привскочилъ.

— Что такое?

— Герцогъ! Самъ герцогъ-регентъ! воскликнула Мальхенъ.

Госпожа Минкъ бросилась къ окошку, а за ней и Кудавъ.

IX.

Дѣйствительно, у подъѣзда дворца стоялъ большой раззолоченный экипажъ цугомъ въ шесть бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей. Четыре блестящихъ гайдука, стоявшіе въ рядъ на запяткахъ, слѣзали долой. Въ каретѣ виднѣлась всѣмъ хорошо извѣстная, страшная, повсюду всякому ужасъ внушающая фигура людоеда и кровопійцы.

Какъ ни хороша, ни великолѣпна была раззолоченная диковинная карета, какъ ни ярки и красивы кафтаны гайдуковъ, а Кудавъ невольно на мгновение забылъ и золото, и блескъ, и сіяніе, забылъ даже, что въ этомъ сіяніи находится самъ сатана російскій, и залюбовался на коней.

Дѣйствительно, полдюжины коней, сіяющихъ ярко великолѣпной сбруей въ золотыхъ насаѣчкахъ съ бирюзой, со страусовыми помпонами на головахъ, были самые красивые кони не только всего Петербурга, но, быть можетъ, и всей Росіи. Герцогъ былъ страстный любитель лошадей.

Несмотря на государственныя заботы за все десятилѣтнее царствованіе императрицы Анны, несмотря на постоянныя занятія, постоянную борьбу съ безчисленными врагами, съ цѣлой русской партіей, герцогъ успѣвалъ все-таки по три, четыре часа въ сутки ежедневно проводить въ манежѣ съ своими друзьями-конями. Понятно, что лошади, на которыхъ ѣздилъ верхомъ герцогъ и на которыхъ выѣзжалъ въ парадной каретѣ, были изумительно хороши.

— Ахъ кони, вотъ такъ кони! воскликнулъ Кудавъ, еще ни разу не видавшій этого цуга, любимаго герцогомъ, который запрягался только въ особо торжественные случаи.

Пока Кудавъ любовался конями, онъ не замѣтилъ, что остался въ горницѣ одинъ. Ни камеръ-юнгферы, ни Мальхенъ не было, онъ исчезли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во всемъ небольшомъ дворцѣ давно все ходуномъ пошло. Дворецъ зашумѣлъ, загудѣлъ, какъ могъ бы мгновенно зашумѣть развѣ только отъ пожара или какой-нибудь бѣды. Все населеніе дворца было на ногахъ, бѣгало и швырялось.

Герцогъ, который всего только три недѣли какъ сталъ регентомъ Россійской имперіи и сталъ именоваться уже не свѣтлостью, а высочествомъ, былъ теперь первымъ лицомъ въ Россійской имперіи послѣ императора. Но вѣдь императору этому на-дняхъ должно было исполниться только три мѣсяца.

Кудаевъ вышелъ въ корридоръ и увидалъ, что всѣ обитатели дворца были въ корридорѣ, въ дверяхъ и на главной лѣстницѣ.

Внизу на подъѣздѣ стоялъ въ шляпѣ, но безъ плаща, самъ принцъ Антонъ Брауншвейгскій, отецъ императора. На верху лѣстницы во второмъ этажѣ Кудаевъ увидѣлъ молодую, полную, пригожую лицомъ, съ отгѣнкомъ добродушія и лѣни въ чертахъ лица, мать императора, принцессу Анну.

Всѣ приближенные толпились на ступеняхъ лѣстницы, другіе за принцемъ, третьи вокругъ принцессы. И между двухъ рядовъ высыпавшихъ на встрѣчу обитателей дворца герцогъ-регентъ тихо, чинно, горделиво до надменности, неспѣша поднимался по ступенямъ.

На немъ былъ раззолоченный сплошь кафтанъ со множествомъ орденовъ. Онъ что-то холодно говорилъ по-нѣмецки принцу, и тотъ, слѣдуя за герцогомъ нѣсколько отступя, вѣжливо, но сухо и повидимому неприязненно отвѣчалъ односложными выраженіями.

Герцогъ случайно поднялъ голову, увидалъ на верху принцессу, но не прибавилъ шагу и точно такъ же медленно и горделиво продолжалъ подниматься по лѣстницѣ.

Кудаевъ также вскинулъ глаза на верхъ, и присмотрѣвшись во второй разъ къ принцессѣ, несмотря на разстояніе, ясно замѣтилъ, что она перемѣнилась въ лицѣ, какъ будто стала блѣднѣе и даже какъ будто дрожить.

Герцогъ поздоровался съ принцессою, подаль ей руку и всѣ скрылись въ апартаментахъ. Во дворцѣ, гдѣ за мгновеніе передъ тѣмъ шель страшный гулъ, теперь наступила гробовая тишина.

„Удивительно, невольно замѣтилъ и подумалъ про себя

Кудаевъ: гадѣли какъ на пожарѣ и сразу притихли, какъ мертвые. Да, страшный человекъ! Помилуй Богъ, какіе бываютъ на свѣтѣ люди. Что тебѣ иной царь? Вотъ тебѣ настоящій царь! А нѣмецъ, сказываютъ, изъ простыхъ конюховъ. Вотъ тутъ и разберись. И вотъ, какъ въ этомъ дворцѣ оробѣло все отъ его присутствія, такъ-то и во всемъ городѣ, такъ-то и во всей Россійской имперіи“.

И Кудаевъ, размышляя про себя, вспомнилъ какъ одна пріятельница его матери, будучи больна горячкою, бредила домовымъ, а затѣмъ Бирономъ, а затѣмъ опять домовымъ. Выздоровѣвъ, она объяснила всѣмъ, что во время бреда видѣла чудище, ростомъ съ колокольню, все лохматое, со многими лапами, съ саженымъ хвостомъ, огненное. И это чудище было герцогъ Биронъ!

Помѣщицѣ разъяснили, что герцогъ человекъ, какъ и всѣ люди, только жестокъ очень, но барыня упорно не вѣрила. Она была убѣждена, что Биронъ, о которомъ столько лѣтъ говоритъ народъ, тихонько, крестясь, какъ отъ нечистой силы, не можетъ быть инымъ, какъ тѣмъ, кто представился ей во снѣ.

— Чего ты? Чего такъ въ себя ушель? шепнулъ вдругъ голосокъ на ухо Кудаеву.

И прежде, чѣмъ онъ успѣлъ очнуться, какъ кто-то охватилъ его и цѣловалъ. Онъ ахнулъ, это была Мальхенъ.

Оказалось, что, размышляя, Кудаевъ двигался безсознательно по дворцу и попалъ въ какой-то темный корридоръ. Здѣсь нашла его случайно возлюбленная. Давно не видались они—наединѣ! Кудаевъ встрепенулся.

— Слушай! Время не терпитъ! Надо итти въ горницы. Приноси всякій день гостинцы тетушкѣ, если можешь, всякій день. Она очень жадна на подарки и отъ этого на все согласится. Я тебѣ хотѣла сказать, да совѣстно было. Всего много приноси. Черезъ недѣли двѣ свадьбу сыграемъ. Не говори, что дядя не оставитъ наслѣдства. Говори, что скоро получишь, что онъ при жизни тебѣ все отдастъ. Понялъ?

— Ладно... А ты меня не разлюбила...

— Что ты! Дурной! Я плакала все... Да что жъ дѣлать, тетушка запретила и думать о тебѣ. А ты носи гостинцы! Понялъ? Эдакъ все сладится.

И Мальхенъ снова крѣпко обняла и цѣловала преобразенца.

— Понялъ, понялъ, бормоталъ Кудавевъ, смущенный горячей лаской своей возлюбленной.

— Но скорѣе, скорѣе! Хвататся насъ! произнесла Мальхень и потащила молодого малаго за собой по корридолу. Около двери она втокнула его въ горницу, а сама осталась и не вошла.

Кудавевъ нашель камеръ-юнгферу разглядывающей новый гостинець. Она ласково пригласила молодого человѣка садиться и тотчасъ же начала ломать русскій языкъ.

— Очень карошъ. Но я голубой любишь. Вотъ будешь покупаить, то голубой мине дариваить.

Кудавевъ, конечно, тотчасъ же заявилъ, что непременно въ слѣдующій же разъ принесетъ голубой матеріи на платье.

— Видѣлъ? заговорила Стефанида Адальбертовна шепотомъ.— Большой человѣкъ. Всѣ его боятся и мы боимся. Наша принцесса такъ его боится, продолжала госпожа Минкъ, снова коверкая слова и говоря: боиваится. Когда онъ стоитъ около нея, она, бѣдная, вся дрожить, и руки, и ноги трясутся. (Трясаются, сказала она).

— Что вы! Стало быть, я правъ. Я самъ это замѣтилъ, обрадовался Кудавевъ своей проницательности.

— Принцъ не боится, принцъ храбрый. Принцъ говорить, если что, онъ уѣдетъ изъ Россіи. А принцесса не можетъ уѣхать, дитя свое любить, покинуть не можетъ. И принцесса боится герцога. Ты послушай, мой милый, начала госпожа Минкъ совершенно шепотомъ: — послушай, что я говорить буду.

Кудавевъ сталъ прислушиваться къ длинной рѣчи камеръ-юнгферы, и какъ она ни коверкала русскую рѣчь, онъ понималъ все и изумился. Онъ и не воображалъ, что можетъ быть все то, что ему рассказала придворная барынька.

А она повѣдала молодому человѣку, къ которому сразу начала относиться болѣе ласково и сердечно, что новаго регента ненавидятъ почти всѣ находящіеся въ штатѣ принцессы, ненавидятъ точно такъ же, какъ она сама и принцъ, мужъ ея.

Камеръ-юнгфера объяснила преображенцу, что герцогъ сталъ регентомъ на основаніи подложнаго документа. Покойная императрица хотѣла сдѣлать регентшей и правительницей принцессу, какъ мать младенца императора. Герцогъ воспользовался тяжкой болѣзью и страданіями умирающей, что-

бы мошенническимъ образомъ сдѣлать себя владыкою всей имперіи.

— Такъ что же бы ей ему руки укоротить? заявилъ Кудавевъ.

— А какъ? отозвалась камеръ-юнгфера.

— Какъ? Не знаю.

— Да... И мы не знаемъ. Страшно, г. Кудавевъ.

— Вотъ гвардія вся герцога ненавидитъ, фельдмаршала Миниха очень любитъ и уважаетъ. А фельдмаршалъ, сказываютъ, не въ ладахъ съ герцогомъ. Ну, вотъ, принцесса слово скажи, и будетъ все...

— Что все?

— Будетъ принцесса регентшей, а Биронъ будетъ просто генераль и сенаторъ, рѣшилъ Кудавевъ уже важно.

Камеръ-юнгфера покачала головой.

— Какъ можно, прошептала она.—Страшное дѣло. Принцесса боязлива, да и принцъ боязливъ. А ты вотъ, мой дорогой, поговори у себя въ полку. Спроси, да разузнай, какъ преображенскій полкъ думаетъ. Вотъ что, дорогой мой, я прямо тебѣ скажу, хочешь ты Мальхенъ имѣть, отвѣчай!

— Вѣстимое дѣло. Я ее, сами знаете, какъ въ сердцѣ своемъ...

— Хорошо, хорошо. Хочешь вѣнчаться съ Мальхенъ?

— Вѣстимое дѣло.

— Ну, вотъ ты долженъ поэтому... не знаю, какъ это по-русски сказать... Есть такое хорошее нѣмецкое слово. А по-русски такого слова я не знаю. Да и нѣтъ вѣрно...

И снова коверкая слова, камеръ-юнгфера объяснила Кудавеву, что онъ долженъ заявить себя чѣмъ-нибудь, отличиться, конечно, въ службѣ ея императорскаго высочества принцессы, а стало быть, и царственнаго императора.

Тогда, по объясненію г-жи Минкъ, онъ можетъ все получить, не только жениться на Мальхенъ, можетъ сразу получить чинъ капрала, а то и выше, денежную награду, да и вообще горы золотыя.

— Да какъ же? развелъ руками Кудавевъ.

— Это уже твой заботъ! Подумоваить и дѣловаить! заключила рѣчь камеръ-юнгфера.

Молодой человекъ ушелъ отъ придворной барыньки смущенный болѣе чѣмъ когда-либо, но уже на другой ладъ. Онъ не отчаявался теперь жениться на Мальхенъ, не сомнѣвался

въ ея любви и въ согласіи госпожи Минкъ, но сомнѣвался въ другомъ. Ему поставили задачу отличиться въ службѣ императора и принцессы.

„Да какъ это отличусь-то я?“ думаль преображенецъ и невольно разводилъ руками.

Выйдя на подъѣздъ, онъ снова не утерпѣлъ и сталъ любоваться цугомъ стоящей кареты. Но не прошло мгновенія, какъ одинъ изъ гайдуковъ крикнулъ на него по-нѣмецки и тотчасъ же, не дожидаясь, хватилъ его кулакомъ въ шею. Ударъ былъ такъ силенъ, что онъ торчмя головой полетѣлъ въ снѣгъ. Ошеломленный неожиданнымъ оскорбленьемъ, онъ поднялся на ноги и дико озирался, собираясь броситься на врага.

— За что? произнесъ онъ невольно.

Но едва онъ произнесъ это слово, какъ другой гайдукъ кинулся на него, схватилъ его за воротъ и, повернувъ, ткнулъ отъ подъѣзда. Кудавевъ едва не упалъ снова и, почти противъ воли пробѣжавъ отъ толчка нѣсколько шаговъ, ужъ не размышляя, пустился рысью вдоль улицы.

— За что же они дерутся? бормоталъ онъ.

Подобное приключалось ежедневно повсюду, но съ радывымъ случалось въ первый разъ. Когда изумленный происшествіемъ, онъ рассказалъ объ этомъ въ полку, то товарищи принялись хохотать.

Особенно заливался Новоклюевъ.

— Когда же ты, братецъ мой, привыкнешь къ нашимъ порядкамъ? Подумаешь, ты дня съ три какъ въ Питеръ изъ деревни пожаловалъ. Нешто ты не знаешь, что останавливаться около экипажа его высочества регента имперіи не дозволяется никому. Спасибо скажи, что они тебя замертво не положили, а что отдѣлался одной тукманкой. Вотъ младенецъ-то!

Кудавевъ весь день просидѣлъ дома въ странномъ состояніи духа. Что-то бушевало у него въ груди.

„Я дворянинъ, думаль онъ про себя, а они холопы нѣмецкіе. Какъ же можетъ холопъ, гайдукъ, хотя бы и самого герцога-регента, безъ всякой вины бить преображенца, хотя и солдата, да изъ дворянъ. Я ничего не сдѣлалъ, что же это за расправа такая?“

И вдругъ въ Кудавевѣ сказалась въ головѣ такая мысль, которой онъ самъ испугался и, хотя онъ даже не бормоталъ,

а разсуждалъ про себя, а тѣмъ не менѣе оглянулся кругомъ, боясь, нѣтъ ли свидѣтеля его тайной мысли.

Ему подумалось:

„Эхъ, подвернись-ка ты мнѣ, сударь-регентъ, подь руку, какъ бы я тебѣ эти гайдуковы тукманки по шеѣ обратно отзвонилъ“.

X.

На другой день молодой малый все еще чувствовалъ на себѣ кулакъ регентскаго гайдука, все еще слегка бѣсился. Въ первый разъ въ жизни его побили, да еще, вдобавокъ, холопы, вдобавокъ, безъ всякой вины съ его стороны.

„Пойду къ дядюшкѣ“, вдругъ пришло на умъ Кудаеву.

И чтобы отвести душу въ разсказѣ о приключеніи, рядовой отпросился у капрала со двора и отправился на Петербургскую сторону.

Петръ Михайловичъ Калачевъ встрѣтилъ племянника такъ же ласково, какъ и всегда.

— Что ты долго глазъ не кажешь, Васька? сказалъ онъ. — Забылъ меня.

И снова, какъ всегда, Калачевъ тотчасъ же велѣлъ подать племяннику закусить и выпить. На этотъ разъ появился великолѣпный жирный растегай и бутылка совершенно иного вида. Это былъ не квасъ, а какая-то заморская романея.

— Небось, пей, говорилъ Петръ Михайловичъ. — Это мнѣ подарокъ, пріятель вчера принесъ, купецъ московскій. Славный человекъ, да горе-горькое мыкаетъ, сидитъ вотъ два года подь арестомъ безъ всякой вины. Вотъ у тебя есть придворная барынька при этой нѣмецкой принцессѣ. Коли можешь, пособи.

— Да въ чемъ, дядюшка? Я готовъ.

— А вотъ какъ-нибудь позову я его къ себѣ, да за тобой пришло. Онъ тебѣ все свое дѣло толкомъ разскажетъ. Ты самъ будешь знать, чѣмъ пособить.

— Ладно, отозвался Кудаевъ. — Что же? Я, пожалуй, скажу Стефанидѣ Адальбертовнѣ, совѣта попрошу. Она со мною теперь ласковѣе. Будь у меня деньги, такъ я бы теперь ужъ и прямо женихомъ былъ.

— Деньги? проговорилъ Калачевъ. — Что деньги, деньги — прахъ. Вотъ, у меня по правдѣ сказать, деньги есть. Десять

лѣтъ копилъ я, откладывалъ. Теперь столько лежить въ сундукѣ, что я бы могъ еще два такихъ дома купить. Да что проку въ нихъ? Что же мнѣ въ двухъ домахъ жить развѣ? А тебѣ, Васька, денегъ я ни гроша не дамъ. И не проси. И удочку эту не закидывай.

— Да я не прошу, я такъ къ слову, слегка смутился Кудаевъ.—Развѣ я просилъ?

— Нѣтъ, не дамъ и не проси. Потому не дамъ, что люблю тебя. Дай тебѣ денегъ, начнешь ты глупить. Всѣ вы, молодцы, такъ-то. Теперь вотъ сидишь въ ротномъ дворѣ, а тогда пойдешь по трактирамъ, да по гербергамъ болтаться, да съ разными шведками пьянствовать, даже и жениться не захочешь. Будутъ у тебя на умѣ однѣ эти дьяволки - шведки. А вотъ помру я, Васька, все твое и будетъ! Вотъ не нонѣ, завтра будетъ у меня стрекулистъ, приказная строка, и мы съ нимъ на бумагу все это положимъ и распишемъ все въ твою пользу. Такъ ты и знай, Васька. И домъ съ садомъ, и огородъ, и деньги мои, и всякая-то рухлядь до послѣдней то-исъ ложки и плошки. Все это, Васька, будетъ твое. Какъ я помру, такъ ты сюда хозяиномъ и переѣзжай. Живи, владѣй и меня въ храмѣ за упокой поминай.

И вдругъ по лицу Калачева полились слезы. Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, переступилъ на большихъ ногахъ три шага и опустился въ кресло.

Кудаевъ изумился, смутился, не зналъ, что сказать и что сдѣлать.

— Покорно благодарю, нашелся онъ, наконецъ, произнести.

Но слова эти онъ сказалъ холодно, глупо.

Калачевъ вздохнулъ.

— Покорно благодарю, прошепталъ онъ какъ бы самъ себѣ.—Отчего же не поблагодарить? Есть за что. Только, вишь, нѣтъ въ тебѣ того, что у меня есть. Нѣтъ, Васька, отвѣтствуй прямо, нѣтъ?

— Я не понимаю, дядюшка.

— А вотъ вишь ли, произнесъ, утирая слезы, Калачевъ, былъ я вѣки-вѣчные одинъ-одинешекъ. Ни друга, ни пріятеля, ни родственника. А ужъ о семьѣ собственной и думать забылъ. Не потрафилось мнѣ обвинчаться съ моей любушкой, когда мнѣ было всего еще годовъ съ двадцать, съ тѣхъ поръ я и мысли о женитьбѣ бросилъ. Своихъ, стало быть—у меня никого. И вотъ сижу я такъ-то въ Питерѣ послѣ отставки.

десять годовъ, одинъ какъ персть. Собака, которая пришла бы хвостомъ вильнуть да лизнуть мнѣ руку, и той нѣтъ. Выискался вотъ ты, полюбилъ я тебя шибко, только не сказывалъ этого, а ты не примѣчалъ. Вотъ теперь я говорю, все свое изживеніе отдамъ я тебѣ по смерти. Сталъ я сказывать, глупая слеза меня прошибла. Что дѣлать? Старость пришла. Прежде въ походахъ и баталіяхъ не случалось плакать, а теперь бываетъ инъ разъ въ годъ захнычешь, какъ баба. А на мои тѣ слова ты, Васька, отвѣтствуешь хладными словами: чокорно благодарю. Вотъ такъ солдатъ на ученьи ротномъ капрала своего благодаритъ. Вотъ я и говорю, нѣтъ въ тебѣ, Васька, въ сердцѣ твоемъ, того, что во мнѣ есть, нѣтъ ко мнѣ чувствія никакого, а у меня-то къ тебѣ есть.

— Что вы, дядюшка, помилуйте? Я, право...

— Ну, ладно, ладно, Богъ съ тобой. Теперь нѣтъ, послѣ будетъ. Коли женишься, я тебѣ рублей сто подарю. А остальное послѣ смерти. Да и ждать недолго. Гляди, я годика два, больше не протяну. Вотъ уже второй мѣсяцъ и сна у меня нѣтъ. Какъ въ постель, такъ ноги загудятъ, хоть кричи. Не долго, братъ, ждать.

— Что вы, дядюшка? повторялъ на разные лады Кудаевъ. И въ молодомъ человѣкѣ совершалась какая-то борьба. Ему хотѣлось встать, подойти къ старику, обнять его и поцѣловать, а вмѣстѣ съ тѣмъ было совѣстно.

„Что же это такое?“ думалось ему. Въ головѣ все какъ-то перепуталось. Онъ мнѣ по духовной все имущество оставить хочетъ, а я его Стефанидѣ Адальбертовнѣ чуть-чуть съ головой не выдалъ. Да и Новоклюеву проболтался. Что жъ, я эдакъ подлець выхожу“.

Капитанъ успокоился совѣмъ, перевелъ разговоръ на своего пріятеля, купца Егунова, и затѣмъ дядя съ племянникомъ порѣшили, что на-дняхъ капитанъ пригласитъ пріятеля и Кудаева для обсужденія вопроса, какъ помочь горю московскаго купца, сидящаго подъ арестомъ.

Кудаевъ вышелъ отъ дяди задумчивый. Все та же мысль неотвязно преслѣдовала его.

„Добрый онъ человѣкъ, думалось Кудаеву,—совѣмъ хороший, сердечный человѣкъ. И вотъ все изживеніе свое мнѣ хочеть отдать, а за что? Чѣмъ я ему свою любовь доказалъ? Ничѣмъ. Я его два раза болтовней чуть въ бѣду не ввелъ. Спасибо, даромъ съ рукъ сошло. Все-таки, однако, надо бу-

дѣть съ Новоклюевымъ, да съ госпожею Минкъ опять бесѣду эту завести, да сознаться, что все то я про дядюшку вралъ.. Такъ-таки прямо и скажу, все, моль, навралъ. Самъ де я измыслилъ такое...“

Едва только вернулся Кудаетъ на ротный дворъ, какъ за нимъ прибѣжалъ мальчикъ изъ Зимняго дворца и объяснилъ, что г-жа Минкъ просить господина рядового пожаловать вечеромъ въ гости.

„Вотъ какъ нынче, подумалъ Кудаетъ,—а все спасибо капралу“.

XI.

Разумѣется, часовъ около шести Кудаетъ былъ на подъѣздѣ Зимняго дворца и, пройдя уже знакомымъ корридоромъ, очутился въ той же горницѣ г-жи Минкъ.

Помимо хозяйки и хорошенькой Мальхень, которая принарядилась и весело встрѣтила своего возлюбленнаго, были еще въ горницѣ двѣ личности, которыхъ Кудаетъ никогда прежде не видалъ. Около Мальхень сидѣла маленькая худенькая барынька, подслѣповатая, съ большимъ краснымъ носомъ. Рядомъ съ хозяйкой сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ кафтанѣ, который не разъ видалъ Кудаетъ, но не зналъ положительно, что это была за форма; это было, очевидно, не военное обмундированіе.

Однако, Кудаетъ зналъ хорошо, что люди въ этихъ кафтанахъ говорятъ исключительно по-нѣмецки, не понимая ни слова по-русски.

Про одного такого господина въ такомъ же кафтанѣ Новоклюевъ сказала однажды Кудаету тихо и вразумительно:

— Это, братецъ мой, люди важные. Черезъ эдакихъ людей все можно сдѣлать, въ воеводы можно попасть. Только ты, братецъ мой, подальше отъ нихъ держись. Съ ними одинъ въ люди выйдетъ въ одно мгновеніе ока, а десять человѣкъ въ Пелымъ и Березовъ улетятъ въ ссылку. Такъ что же пробовать? Держись отъ нихъ подальше.

Больше ничего Кудаетъ не узналъ отъ капрала.

Разумѣется, теперь, при видѣ такого кафтана въ гостиной госпожи камеръ-юнгферы, Кудаетъ недовѣрчиво оглядѣлся и слегка струхнулъ.

— Вотъ господинъ преображенецъ Василій Кудаетъ! сказала гостямъ хозяйка по-нѣмецки.

Затѣмъ Минкѣ объяснила молодому человѣку, что господинъ ея большой пріятель, а его супруга большая пріятельница, но что по-русски они почти не говорятъ, а поэтому и разговаривать съ нимъ не могутъ.

Кудаевъ сѣлъ. Хозяйка стала угощать его разными сластями, которыя стояли на столѣ, затѣмъ предложила чашку кофе. Но Кудаевъ, пробовавшій какъ-то разъ этотъ кофе, уже не отваживался съ тѣхъ поръ проглатывать эту удивительную черную бурду.

Напитокъ этотъ появлялся все больше въ столицѣ во всѣхъ домахъ, большею частью у нѣмцевъ. Но русскіе люди еще не могли привыкнуть къ заморскому питью. Многихъ, а Кудаева въ томъ числѣ, тошнило отъ этого питья. Многіе сказывали, что это ничто иное, какъ крѣпкій настой голландской махорки.

Разговоръ, который засталъ Кудаевъ и который продолжался при немъ, шель по-нѣмецки. Поэтому онъ немного могъ понять. Изрѣдка только ловилъ онъ знакомыя слова и по нимъ вдругъ замѣчалъ и соображалъ, что рѣчь идетъ о немъ.

Этой догадкѣ помогло и то обстоятельство, что господинъ въ подозрительномъ кафтанѣ, изрѣдка обращаясь къ госпожѣ Минкѣ и къ Мальхенъ, взглядывалъ и на него, но взглядывалъ какъ совершенно на не одушевленный предметъ, какъ если бы Кудаевъ былъ не живой человѣкъ и преображенецъ, а столъ, комодъ, или какой иной предметъ.

Наконецъ сомнительный гость замолчалъ, выразительно взглянулъ на госпожу камеръ-юнгферу и сталъ какъ бы ждать, передавая ей право рѣчи.

Стефанида Адальбертовна обернулась въ Кудаеву и начала говорить. Но, видно, матерія разговора была мудреная и словъ русскіхъ у нѣмки на сей разъ положительно не оказывалось въ запасѣ.

Сказавъ нѣсколько фразъ, госпожа Минкѣ обернулась къ Мальхенъ и произнесла что-то по-нѣмецки.

— Что же, пожалуй я знаю. Я все могу сказать, отозвалась весело Мальхенъ.—Хорошо. Слушайте. Тетушка велитъ мнѣ все вамъ рассказать. Ей мудрено вѣдь по-русски говорить. Это я совсѣмъ стала русская! Да я и говорить по-русски больше люблю, чѣмъ по-нѣмецки, размѣялась Мальхенъ.

Господинъ въ кафтанѣ погрозилъ молодой дѣвушкѣ пальцемъ, на которомъ засіялъ большой золотой перстень. Онъ

хотѣлъ ласково при этомъ улыбнуться, но вышла какая-то скверная гримаса.

— А-а, господинъ Шмецъ, вы, стало быть, притворяетесь. Вы, стало быть, понимаете изрядно по-русски! воскликнула Мальхенъ.

Господинъ Шмецъ хитро ухмыльнулся и снова погрозился.

— Какъ же вы сказываєте, что ни единого слова не понимаете? смѣялась Мальхенъ.

— Ну, ну, проговорилъ Шмецъ. Dummes Kind!..

И тѣмъ же пальцемъ съ перстнемъ показаль на Кудеава, какъ бы приглашая приступить къ дѣлу.

Мальхенъ обернулась къ возлюбленному и затараторила быстро, перемѣшивая рѣчь улыбками. Однако ея взглядъ ясно говорилъ Кудеаву, что дѣло поворачивается въ серьезную сторону!

— Видите ли, тетушка просить меня вамъ разъяснить... Если вы хотите...

Мальхенъ размѣялась звонко и зарумянилась...

— Не знаю, какъ сказать! Если вы хотите, чтобы меня отдали за васъ замужъ,—съ запинкой проговорила дѣвушка,—то вы должны свои обстоятельства перемѣнить. Вы теперь рядовой, солдатъ, за васъ мнѣ замужъ выходить нельзя. Такъ говорить тетушка! Такъ говорить господинъ Шмецъ. Не я говорю. Вамъ надобно быть капраломъ и надобно имѣть деньги! Вотъ что они говорятъ.

— Это отъ меня не зависитъ!

— Знаю... Надо это устроить.

— Да какъ же это сдѣлать? выговорилъ Кудеавъ, обращаясь къ присутствующимъ.

— Слушайте, слушайте, Мальхенъ,—произнесла Стефанида Адальбертовна,—не говаривайте ничего, слушайте.

— Да, слушайте. Я вамъ все разъясню, продолжала Мальхенъ.—Вы вотъ говорите, что у васъ есть дядюшка богатый, живущій въ столицѣ. Правда это?

— Да, смутился Кудеавъ.

— Вы сказывали въ прошлый разъ тетушкѣ, что вашъ дядюшка... Какъ его прозваніе?

Кудеавъ хотѣлъ произнести фамилію, но запнулся, и въ немъ началась мгновенная, но страшная борьба, произносить ли имя старика дяди.

— Какъ его званіе и прозваніе? повторила Мальхенъ. Что же вы? Забыли развѣ?

Кудаевъ молчалъ и, оглянувшись, увидалъ, что всѣ четверо присутствующихъ впились въ него глазами.

— Что же вы? проговорила Стефанида Ададьбертовна. — Фамиль я помнивайтъ самъ. Онъ капитанъ Калачовъ.

— Капитанъ Петръ Михайловичъ Калачовъ? съ акцентомъ, но чисто и правильно произнесъ вдругъ господинъ Шмецъ.

— Да,—со вздохомъ прошепталь Кудаевъ, изумляясь, что этотъ баринъ знаетъ даже имя и отчество его старика дяди.

— Ну, вотъ, капитанъ Калачовъ,—продолжала Мальхенъ,—хочетъ вамъ передать свое состояніе, а оно у него хорошее. Ну, вотъ, если вы хотите со мною вѣнчаться, то сдѣлайте одно простое дѣло и все будетъ хорошо и счастливо. А дѣло самое простое.

— Какое же дѣло? вымолвилъ Кудаевъ.

— Да вотъ вы сказывали тетушкѣ, что господинъ Калачовъ недоволенъ тѣмъ, что на престолѣ императоръ Иванъ Антоновичъ. Правда ли это?

Кудаевъ молчалъ.

— А, да ви не хочетъ разговариваитъ, воскликнула камеръ-юнгфера.—Если не хочетъ, не надо. Ступайте, зачѣмъ сидѣть? Не надо. Ступайте. Зачѣмъ у насъ сидѣть?

Кудаевъ смутился.

— Да, прибавила Мальхенъ, и голосъ ея сразу упаль.—Если вы не хотите бесѣдовать объ этомъ дѣлѣ, то, конечно, что же? Нечего вамъ у насъ и дѣлать.

И на глазахъ Мальхенъ выступили слезы.

— Да что вы, помилуйте, воскликнулъ Кудаевъ.—Я совсѣмъ не то. Я не понимаю, вы скажите, въ чемъ дѣло.

— Говорилъ ли вамъ дядюшка, что не императоръ Иванъ Антоновичъ, а цесаревна Елизавета Петровна должна на престолѣ быть?

— Говорилъ, произнесъ Кудаевъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, чувствуя, что бесѣда переходитъ на какую-то страшную дорогу, съ которой уже нѣтъ возврата, нѣтъ спасенія ни ему, ни добряку капитану.

Въ эту самую минуту господинъ Шмецъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ двери горницы, ведущей въ корридоръ, отворилъ ее, оглянулся направо и налево, потомъ снова приперъ и вернулся на свое мѣсто. При этомъ онъ сказалъ что-то по-нѣмецки шепотомъ, а затѣмъ странно впился глазами въ молодого человѣка.

„Сущій волкъ!“ подумаль Кудаевъ и почувствовалъ дрожь въ спинѣ.

— Ну, слушайте внимательно, что я вамъ скажу по приказанію тетушки и господина Шмеца, продолжала Мальхень.— Если вы хотите, чтобы я была вашей женой, то сдѣлайте такъ, чтобы состояніе вашего дядюшки все перешло къ вамъ сейчасъ же.

— Какимъ образомъ? воскликнулъ молодой малый во все горло.

— А дѣло самое простое. Вы отправляйтесь завтра къ господину Шмецу, у него будетъ ждать васъ дьякъ. Такъ вы изложите на бумагѣ все, что слышали отъ вашего дядюшки насчетъ его недовольства, насчетъ его разныхъ противныхъ императору рѣчей и эту бумагу вы возьмете и подадите господину Ушакову. А тамъ уже все само собою пойдетъ.

Съ этой минуты Кудаевъ, какъ бы притиснутый, какъ бы чувствуя себя въ какой-то западнѣ, въ которую онъ попалъ совершенно неожиданно и изъ которой нѣтъ спасенія, сидѣлъ и молчалъ какъ убитый.

Господинъ Шмець сталъ объясняться тихо и мѣрно, понѣмецки, обращаясь къ госпожѣ Минкѣ и къ Мальхень.

Дѣвушка, въ свою очередь, передавала все своему возлюбленному, и въ концѣ концовъ Кудаевъ понялъ, что онъ еще въ прошлый разъ выдалъ головою Калачова этимъ пиявкамъ и что теперь они требуютъ отъ него лишь подтвержденія письменнаго. Требуютъ, чтобы онъ подалъ доносъ на своего дядю въ канцелярію.

Но этого мало было... Главное—не было выбора!

Если Кудаевъ откажется отъ намѣренія предать дядю въ руки палачей и воспользоваться всѣмъ его имуществомъ тотчасъ же, то эти люди, въ особенности господинъ Шмець, берутся сдѣлать то же самое.

Въ такомъ случаѣ преображенецъ Кудаевъ являлся уже не лицомъ, которое можетъ отъ всего дѣла выиграть, а виновнымъ и причастнымъ къ „противному разговору“ и измѣническому поведенію своего дяди, Калачова.

Кудаевъ сидѣлъ совершенно оглушенный и ошеломленный всѣмъ, что произошло. Онъ отвѣчалъ своимъ собесѣдникамъ:

— Да! Непремѣнно! Завтра же!

Но самъ онъ какъ бы не понималъ, что слышалъ и что говорилъ.

Когда молодого человекѣ отпускали, и онъ вышелъ на воздухъ и очутился за нѣсколько десятковъ шаговъ отъ Зимняго двorca, то остановился и взялъ себя за голову.

— Господи, помилуй! Да что же это такое? громко проговорилъ онъ.—Что же такое? Какъ тутъ быть! Что тутъ дѣлать? Или въ доносчики, Гуды-предатели, или самому въ плети, къ палачамъ. Ахъ ты, собака! Ахъ ты, тварь подлая! возопилъ Кудавевъ со слезами на глазахъ, отъ ярости на самого себя.

дет.

ХП.

Однажды, въ сумерки, между преображенцами того ротнаго двора, гдѣ жилъ Кудавевъ, было всеобщее недовольство и ропоть. Вообще гвардейцы столицы, избалованные всячески и начальствомъ, и обывателями, при малѣйшемъ поводѣ, громко выражали свое недовольство.

Иностранцы, бывавшіе въ Петербургѣ, имѣвшіе понятіе о дисциплинѣ въ войскахъ прусскихъ или австрійскихъ, изумлялись распушенности, которая была отличительной чертой столичнаго солдата. Даже слово „дисциплина“ было еще совершенно неизвѣстно среди русскаго войска.

Въ казармахъ и ротныхъ дворахъ гвардіи жили не солдаты, а дерзкая, разнузданная орава.

Вдобавокъ, между разными полками было постоянное соперничество и маленькая междоусобица. Постоянно на улицахъ возникали драки между солдатами разныхъ полковъ, товарищи, конечно, присоединялись, и возникали кулачныя побоища безъ всякаго важнаго повода, которыя кончались часто смертубийствомъ.

Въ эти дни было такое соперничество между преображенцами и измайловцами, что оба полка ненавидѣли огульно другъ дружку. Соперничество это началось съ той минуты, какъ братъ герцога Бирона, Густавъ, сталъ подполковникомъ и командиромъ Измайловскаго полка.

Императрица за послѣдніе годы своего царствованія стала болѣе покровительствовать полку, въ которомъ былъ младшій Биронъ. Преображенцы, бывшіе всегда какъ бы на первомъ мѣстѣ, негодовали. Ими командовалъ, съ чиномъ подполковника гвардіи, самъ фельдмаршалъ графъ Минихъ, герой и побѣдитель турокъ.

Въ этотъ день, 8-го ноября, на ротномъ дворѣ было особенное волненіе вслѣдствіе того, что пришелъ указъ выходить въ карауль на ночь двумя командамъ въ оба дворца заразъ, и въ Зимній, и въ Лѣтній.

Смѣнять карауль съ полуночи въ Зимнемъ дворцѣ преображенцы собирались и знали свой чередъ заранѣе. Но высылать людей въ Лѣтній дворецъ, гдѣ жилъ регентъ и гдѣ стояло еще выставленнымъ парадно тѣло покойной императрицы, надлежало измайловцамъ. Теперь же предписывалось не въ очередь итти туда преобразенцамъ. Это была новая льгота или поблажка измайловцамъ.

— Это потому, ребята, ворчали солдаты, что ихъ подполковникъ—братецъ правителя имперіи. Теперь совсѣмъ залѣнутся и будутъ только на печи лежать.

— Скоро совсѣмъ должны измайловцы освободиться отъ всякихъ карауловъ и отъ всякой работы. А мы будемъ и за себя, и за нихъ отбиваться. Будутъ насъ и день и ночь гонять.

Вечеромъ, къ досадному для всѣхъ приказанію прибавилось и еще нѣчто, уже совсѣмъ необыкновенное.

Адъютантъ фельдмаршала, подполковникъ Манштейнъ, явился на ротный дворъ и по личному приказанію ихъ командира перетасовалъ офицеровъ и капраловъ.

Кудаевъ, бывший всегда въ одномъ взводѣ съ Новоклюевымъ, былъ переведенъ подъ команду другого капрала. Офицеры обмѣнялись мѣстами. Вообще, весь ротный дворъ перепутался.

— Это уже зачѣмъ, никому неизвѣстно, говорили солдаты.

— Диковинно, да и глупо.

Когда Манштейнъ уѣхалъ, то офицеръ Грюнштейнъ объявилъ солдатамъ, что приказаніе это, по словамъ адъютанта фельдмаршала, было дано ради отличія. Но, конечно, никто изъ рядовыхъ или офицеровъ этому объясненію не повѣрилъ.

— Какое же отличіе? говорили даже офицеры.

— У насъ всякая команда одинакова. Нѣтъ ни хуже, ни лучше—всѣ равны. Каждому въ отдѣльности сказываютъ, что его переменяютъ якобы ради награды, а со стороны выходитъ якобы ради наказанія.

— Да, замѣтилъ Грюнштейнъ, отличенныхъ, а стало быть, благодарныхъ и довольныхъ что-то непримѣтно.

— Полно вамъ! Галдите зря! замѣтилъ одинъ старый кап-

раль, котораго всѣ уважали за его дальновидность и пронзительность.—Завтра шумите и болтайте. А нонѣ помолчите. Можетъ, это глупое—умнымъ за утро обернется!

Въ вечеру съ ротнаго двора двинулись два отряда въ двѣ разныя стороны и солдаты, переставъ уже роптать, только подшучивали другъ надъ дружкой.

— Прощай, братъ, кричалъ Новоклюевъ Кудаеву. — Гдѣ придется свидѣться, невѣдомо. Можетъ, мы на шведовъ въ сраженіе пойдемъ, а вы въ Туретчину.

Точно также изъ разныхъ взводовъ раздавались шутки. Солдаты и капралы прощались, просили обоюднo отпущенія грѣховъ, какъ передъ Великимъ постомъ, желали другъ дружку добраго пути, отличія и удачи, вообще смѣялись и балагурили на разные лады.

Надъ Новоклюевымъ подшучивали рядовые, что его опять поставятъ въ залу, гдѣ стоитъ тѣло императрицы. Всѣмъ было извѣстно, что капраль до страсти боится мертвецовъ.

Отрядъ, направленный въ Зимній дворецъ, смѣнилъ своихъ же изъ другой роты. Въ Лѣтнемъ дворцѣ пришлось замѣнить карауль измайловцевъ.

Смѣна произошла не мирно. Два преображенца налетѣли на одного измайловца и поколотили его. Началось побоище, и если бы не хитрость офицера Грюнштейна, то въ эту ночь въ резиденціи герцога Бирона непременно произошелъ бы кулачный бой и сумятица.

По счастью, въ минуту смѣны караула, подали къ подъѣзду карету графини Минихъ, невѣстки фельдмаршала, которая, пообѣдавъ въ этотъ день вмѣстѣ съ своимъ свекромъ у регента, осталась въ гостяхъ у герцогини Биронъ до вечера. Только теперь, передъ полночью, собиралась она уѣзжать домой.

Грюнштейнъ, видя, что можетъ начаться жестокая драка, крикнулъ солдатамъ, что къ подъѣзду подали карету самого регента.

— Выйдетъ садиться, услышите шумъ, бѣда вамъ всѣмъ будетъ. Помилуй Богъ, улетятъ виновные, куда Макаръ телять не гонялъ, схитрилъ Грюнштейнъ.

И этимъ маневромъ онъ предупредилъ побоище. Между тѣмъ Кудаевъ, вмѣстѣ съ своею командой, но подъ начальствомъ другого офицера, очутился во внутреннихъ покояхъ Зимняго дворца, на часахъ у дверей опочивальни младенца императора.

Въ той же комнатѣ, въ углу, на деревянномъ ларѣ, была постель, на которой спалъ главный камергеръ императора, Минихъ, сынъ фельдмаршала.

Разставивъ часовыхъ у воротъ двора, на крыльцѣ и у нѣкоторыхъ дверей внутреннихъ апартаментовъ, двѣ трети команды расположились въ караульной. Большинство улеглось спать въ ожиданіи своей очереди смѣнять часовыхъ.

Около двухъ часовъ ночи, среди тишины и безмолвія спавшаго дворца, началось движеніе. Всѣ встрепенулись. На дворѣ, а затѣмъ въ караульной показался самъ фельдмаршалъ Минихъ въ сопровожденіи Манштейна. Онъ прошелъ въ верхній этажъ прямо къ камеръ-фрейлинѣ принцессы, Іуліанѣ Менгденъ, и велѣлъ ее разбудить. Приказаніе получила и исполнила дежурная камеръ-юнгфера Минкъ, причѣмъ она лукаво улыбнулась и приняла на себя важный видъ.

Баронесса Менгденъ, родная сестра невѣстки фельдмаршала, смущенная неожиданностью, накинувъ на себя кое-какъ платье, вышла... Фельдмаршалъ вѣжливо, но холодно и строго попросилъ разбудить немедленно принцессу, доложивъ ей, что графъ Минихъ желаетъ ее видѣть по весьма важному обстоятельству.

Испуганная фрейлина тотчасъ же пошла исполнять приказаніе, но принцесса, къ ея крайнему удивленію, спала одѣтая, нисколько не встревожилась, а улыбнулась, какъ и камеръ-юнгфера, быстро оправила платье и вышла къ Миниху.

— Богъ за насъ и съ нами! прошептала ей вслѣдъ Стефанида Адальбертовна, управлявшая туалетъ принцессы.

— Между ними зашелъ разговоръ шепотомъ. Минихъ угваривалъ принцессу, но она мотала головой и отвѣчала одно и то же:

— Согласна на все, но сама ни за что не пойду.

Минихъ съ минутою простоялъ передъ ней, молчаливо размышляя и обдумывая что-то. Затѣмъ онъ выговорилъ:

— Хорошо, но по крайней мѣрѣ согласитесь, чтобы я сейчасъ же привелъ сюда къ вамъ наверхъ всѣхъ офицеровъ караула и вы лично прикажите имъ.

— И этого я боюсь, быстро выговорила принцесса.

По крайней мѣрѣ, принцесса, вы скажите имъ, попросите ихъ точно и безпрекословно повиноваться мнѣ. Вы не скажете имъ въ чемъ дѣло, только прикажете повиноваться мнѣ, вразумительно проговорилъ графъ.

— Хорошо, нерѣшительно произнесла Анна Леопольдовна.

Минихъ быстро спустился внизъ, вызвалъ офицеровъ въ отдѣльную горницу и обратился къ нимъ съ рѣчью, спрашивая, готовы ли они служить вѣрой и правдой императору и отечеству. Готовы ли они исполнить порученіе матери императора, сослужить службу великую и ей, и отечеству, и ему, Миниху, ихъ любимому полководцу, и наконецъ самимъ себѣ?

Офицеры, смущаясь, ничего не понимая, отвѣчали согласіемъ, но это было согласіе оторопѣвшихъ подчиненныхъ, боящихся и согласиться безповоротно, и отказаться рѣшительно.

— Въ такомъ случаѣ, господа, идите за мною.

Минихъ вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ Манштейномъ и въ сопровожденіи полдюжины офицеровъ поднялся снова въ верхній этажъ.

Всѣ обитатели дворца, конечно, были разбужены необычнымъ движеніемъ въ горницахъ, но всѣ получили строгій приказъ сидѣть каждый у себя, а паче всего не вздумать выйти со двора.

Когда Минихъ съ офицерами былъ въ приѣмной гостиной, къ нимъ вышла принцесса и, смущаясь, робѣя, краснѣя, объяснила имъ едва внятно, что возлагаетъ на нихъ важное порученіе, надѣется на ихъ вѣрность присягѣ младенцу императору.

— Вѣрность и усердіе ваше будутъ достойно, сторицею вознаграждены, вымолвила принцесса. — Всякій изъ васъ и рядовые ваши будутъ награждены, какъ кто пожелаетъ.

Видя недоумѣніе, написанное на лицахъ офицеровъ, графъ Минихъ вымолвилъ быстро:

— Господа, порученіе, даваемое мнѣ принцессою, — великій подвигъ. Мы тотчасъ же должны отправиться арестовать и привезти сюда живымъ или мертвымъ того человѣка, который десять лѣтъ угнетаетъ наше дорогое отечество, который, вопреки завѣщанію покойной государыни, оскорбляетъ ежедневно какъ императора, которому мы присягали, такъ и его родителей. Мы должны арестовать, взять подъ стражу ненавистнаго всѣмъ намъ герцога Бирона. Кто изъ васъ не желаетъ сослужить этой службы императору и его родительницѣ, пусть прямо здѣсь же и тотчасъ же откажется.

Наступила пауза. Офицеры, стоя въ рядъ, молчали какъ убитые.

— Стало быть, вы всё согласны? вымолвилъ Минихъ взволнованно.

Раздались восклицанія готовности, увѣренія и даже клятвы, не жалѣя живота своего, послужить императору и принцессѣ— вѣрой и правдой.

Анна Леопольдовна расплакалась, обняла фельдмаршала, и затѣмъ всё офицеры по-очереди подошли къ ней и цѣловали ея руку.

— Я надѣюсь на васъ и на счастливое окончаніе предпріятія, сказала она имъ въ напутствіе.

Офицеры съ фельдмаршаломъ во главѣ спустились снова въ караульню. Солдаты были уже въ сборѣ, всё часовые были сняты съ своихъ мѣстъ и приведены сюда.

Кудаевъ, пришедшій сюда отъ дверей опочивальни императора, узналъ, что творится что-то диковинное. Всѣ офицеры взяты наверхъ. Оказывается, не даромъ у нихъ была утромъ перетасовка. Вотъ теперь среди ночи произойдетъ что-то диковинное.

XIII.

При шумѣ шаговъ на лѣстницѣ, солдаты сошлись и столпились съ любопытствомъ, а отчасти и съ трепетомъ на душѣ, ожидая, что сейчасъ будетъ.

Появившійся графъ Минихъ повелительно объяснилъ рядовымъ, что ихъ начальники и даже онъ самъ сейчасъ принесли присягу ея высочеству сослужить ей великую службу, а какую, то имъ вѣдать пока не надлежитъ.

— Коли мы идемъ, то и вы за нами пойдете на все, раздались возгласы офицеровъ.—Такъ ли, ребята?

— Вѣстимо, что укажете! воскликнулъ Новоклюевъ, сіяя и чуя или наживу, или награду.

— На шведа, такъ на шведа! сказалъ кто-то изъ рядовыхъ.

— Ребята! За ружья! Стройся! послышалась команда.

Фельдмаршалъ выстроилъ весь отрядъ на дворѣ и приказалъ заряжать ружья.

— Вона какъ! Палить будемъ! Ахтительно! А убьютъ? Небось. Мы битъ, а насъ некому! перешептывались рядовые.

Фельдмаршалъ, оставивъ нѣсколько человекъ рядовыхъ съ офицерами на караулѣ у подъѣзда и у воротъ и взявъ съ собой только трехъ офицеровъ и восемьдесятъ рядовыхъ, двинулся со двора.

„Оставшіеся во дворѣ будутъ считаться тоже совершившими подвигъ!“ было заявлено адъютантомъ Манштейномъ.

Кудаевъ, попавшій въ число двинувшихся преображенцевъ, точно такъ же, какъ и другіе, не зналъ, въ чемъ дѣло и, не будучи особенно храбрымъ отъ природы, сильно смущался и робѣлъ.

— Что же это такое, тихо шепталъ онъ своему сосѣду, тоже рядовому изъ дворянъ.

— Кто ихъ знаетъ, отозвался тотъ. Ружья зарядили!?

— Хорошо, если не смертоубійственное дѣло. А, можетъ, и на смерть ведутъ.

— Да что же, наше дѣло повиноваться. Офицеры знаютъ, что дѣлаютъ. Не даромъ ихъ къ принцессѣ наверхъ водили.

Послѣ тихой, осторожной, но быстрой ходьбы команда повернула съ Невской перспективы по направленію къ Лѣтнему дворцу.

— Вона куда! Ахти, мои матушки!

— Къ самому Биронову!

— Въ Лѣтній, ребята, въ Лѣтній! раздались голоса въ разныхъ рядахъ, и во всѣхъ голосахъ звучали робость, смущеніе или крайнее изумленіе.

„Что же это, думалъ Кудаевъ. Смѣнять, что ли, своихъ будемъ? Мы пойдемъ въ караулъ у герцога, а наши же пойдутъ въ караулъ во дворецъ императора?“

— Что же это мы, обратился онъ къ товарищу, среди ночи въ игру какую вздумали играть, въ пряталки, что ли, или въ гулючки?

— Нѣтъ, не на смѣну простую, отозвался тотъ. — Дѣло пахнетъ скверно... Какъ бы головы не оставить у Биронова во дворѣ!

Не доходя саженой семьдесятъ до Лѣтняго дворца, фельд-маршалъ остановилъ отрядъ и выслалъ Манштейна впередъ съ приказаніемъ караульному капитану немедленно явиться къ нему съ двумя офицерами.

Явившіеся тотчасъ за Манштейномъ офицеры были тоже не мало удивлены, увидавъ товарищей, отправившихся на караулъ въ Зимній дворецъ. Они сразу поняли, что совершается нѣчто особенное.

Приблизившись къ своему главному начальнику, равно любимому всѣми, офицеры, вызванные изъ караула, получили отъ графа Миниха шепотомъ приказаніе. Они изъявили, сму-

паясь и запинаясь, готовность дѣйствовать именемъ императора.

Вызванные офицеры направились обратно. Черезъ четверть часа вся команда, состоявшая изъ трехсотъ преображенцевъ и занимавшая караулы по Лѣтнему дворцу, получила уже строжайшее приказаніе, легко исполнимое— „стоять каждому на своемъ мѣстѣ, и что бы ни произошло—не двигаться и не шумѣть“.

Обождаявъ минутъ десять, фельдмаршалъ двинулся къ подъѣзду дворца со своимъ отрядомъ и остановился. Здѣсь онъ приказалъ Манштейну съ однимъ офицеромъ и двумя десятками рядовыхъ направиться внутрь самого дворца.

Манштейнъ, не знавшій близко ни одного рядового преображенца, сталъ отбирать себѣ двадцать человѣкъ наугадъ.

Кудаевъ, бывшій съ краю, съ трепетомъ озирался, окончательно понявъ, что происходитъ нѣчто „погибельное“.

Солдаты, которыхъ набиралъ адъютантъ графа, выходили изъ рядовъ. Наконецъ Манштейнъ двигаясь вдоль команды, подошелъ къ самому краю, протянулъ руку и наугадъ опустилъ ее на рукавъ кафтана Кудаева, прибавивъ тихо:

— И ты...

Кудаевъ выступилъ тоже и тяжело вздохнулъ.

Вновь отобранная кучка рядовыхъ съ однимъ офицеромъ неслышно двинулась въ прихожую Лѣтняго дворца. Все спало въ немъ глубокимъ сномъ.

Маленькій отрядъ Манштейна, тихо, еле-еле, осторожно и беззвучно поднялся въ слѣдующій этажъ. Повсюду на лѣстницѣ и въ дверяхъ стояли на часахъ тѣ же преображенцы, съ того же ротнаго двора. Рядовые, вновь прибывшіе и часовые, переглядывались многозначительно, и лишь немногіе усмѣхались, забавляясь тѣмъ, что за притча приключилась.

Войдя въ большую залу, Манштейнъ оставилъ своихъ солдатъ и, взявъ наудачу только двухъ изъ нихъ, двинулся далѣе, по анфиладѣ темныхъ, богато убранныхъ горницъ. Разложенные во всѣхъ горницахъ ковры способствовали соблюденію тишины.

Наконецъ адъютантъ фельдмаршала, пройдя четыре-пять большихъ горницъ, остановился въ смущеніи и недоумѣніи. Онъ не зналъ, гдѣ спальня герцога-регента. Съ этимъ же вопросомъ, шепотомъ обратился онъ къ двумъ солдатамъ, которые стояли около него.

Разумѣется, онъ почти не могъ надѣяться на ихъ помощь въ этомъ случаѣ.

— Гдѣ опочивальня? переспросилъ товарищъ Кудаева.

— Кажись эта. Вотъ за этой дверью. Я года съ два тому здѣсь былъ на часахъ и видѣлъ тутъ убранство такое, постель большую.

Манштейнъ приказалъ обоимъ солдатамъ остановиться и двинуться, если онъ только позоветъ ихъ. Онъ взялся за ручку двери, дверь подалась, и онъ очутился въ небольшой горницѣ, гдѣ гардины на окнахъ были опущены, а въ углу горѣла лампада. Налѣво передъ нимъ была большая двуспальная кровать, на половину укрытая занавѣсомъ. Онъ ясно различилъ въ полусумракѣ двѣ фигуры на бѣлыхъ подушкахъ и прислушался.

„Спать. Но они ли это? Навѣрное, они!“ подумалъ онъ.

Ближайшая къ нему фигура въ женскомъ чепцѣ была герцогиня. Въ другой фигурѣ, несмотря на бѣлый ночной колпакъ, Манштейнъ сразу узналъ герцога-регента.

Они спали головами къ стѣнѣ. Герцогъ былъ на противоположной отъ офицера сторонѣ, а въ глубинѣ горницѣ виднѣлась маленькая дверь. Манштейнъ все это замѣтилъ и сообразилъ и затѣмъ осторожно шагнулъ къ постели. Фигура въ бѣломъ колпакѣ приподнялась и сѣла.

— Wer ist da? грозно проговорилъ повелительный и знакомый Манштейну голосъ всероссійскаго страшилища.

Офицеръ молча приблизился еще къ кровати. Герцогиня проснулась и вскрикнула. Въ тотъ же моментъ герцогъ съ своей стороны выскочилъ вонъ изъ кровати и пригнулся, какъ бы собираясь лѣзть подъ кровать. Но Манштейнъ опрометью обѣжалъ кровать и схватилъ полунагого герцога за рубашку. Офицеръ немного потерялся и хорошо самъ не зналъ, что онъ дѣлаетъ.

— Кто смѣетъ? Что это? Безумный! воскликнулъ герцогъ упавшимъ голосомъ и вырываясь изъ рукъ Манштейна.

— Сюда! громко крикнулъ Манштейнъ.—Ребята! Сюда!

Въ одно мгновение Кудаевъ и другой рядовой были уже около опустѣвшей кровати. Герцогиня, полунагая, уже убѣжала въ уголокъ горницы, рыдая и крича. Рядовые бросились къ Манштейну на помощь.

Герцогъ отбивался сильными ударами кулаковъ. Всѣ трое не могли справиться съ нимъ и не могли схватить его. Су-

нувшійся Кудаевъ получилъ сильный ударъ въ голову и полетѣлъ на полъ. Другой солдатъ наступалъ нерѣшительно. Манштейнъ былъ слабосилень.

Но яростный припадокъ гнѣва поднялъ на ноги Кудаева и онъ вторично бросился какъ звѣрь на герцога.

„Колотушки твоихъ гайдуковъ верну!“ злобно подумалъ онъ.

— Гей! Ребята! Сюда! кричалъ между тѣмъ Манштейнъ на весь домъ.

Быть можетъ, Кудаевъ полетѣлъ бы снова на полъ, но въ то же мгновеніе съ десятокъ рядовыхъ уже ворвались въ горницу. Кудаевъ, уцѣпившись за изорванную въ клочья сорочку герцога, уже успѣлъ дать ему изъ всей силы два удара кулакомъ, когда увидалъ за собой десятки рукъ, протянувшихся тоже къ отбивавшемуся герцогу.

Нѣсколько ударовъ, но уже не руками, а прикладами, свалили яростно вопящаго герцога на полъ. Пятеро рядовыхъ насѣло на него, и въ нѣсколько мгновеній онъ былъ скрученъ по рукамъ и ногамъ. А кто-то всунулъ ему въ ротъ носовой платокъ и прекратилъ его дикіе вопли.

— Бери, тащи его! скомандовалъ Манштейнъ.

Солдаты схватили связаннаго герцога, какъ трупъ, и понесли по тѣмъ же горницамъ къ выходу.

Герцогиня бросилась за ними вслѣдъ, рыдая, зовя на помощь и ломая руки. Но ничто во дворцѣ не двинулось. Всѣмъ солдатамъ былъ уже отданъ приказъ разсыпаться по дворцу по всѣмъ дверямъ и никого не выпускать изъ горницъ, кто бы не сунулся, подъ угрозой разстрѣла.

Такимъ образомъ три сотни преображенцевъ, наполнявшіе дворецъ, держали подъ арестомъ все многолюдное населеніе Лѣтнаго дворца, всю свиту и весь штатъ герцога-регента.

Когда совершенно нагого Бирона снесли на подвѣздѣ, и онъ увидалъ фигуру Миниха, холодно и спокойно взиравшаго на все, герцогъ не выдержалъ. Онъ началъ по-нѣмецки посылать по адресу фельдмаршала всякія угрозы и самыя сильныя ругательства, какія только приходили ему на умъ.

Фельдмаршалъ, не обращая вниманія на брань герцога, приказалъ подать скорѣе чей-нибудь плащъ. Герцога укутали и снесли въ карету, стоявшую уже у воротъ, посадили въ нее кой-какъ и окружили карауломъ.

Въ это время Манштейнъ увидалъ герцогиню, которая въ

одной сорочкѣ выбѣжала тоже на морозъ. Онъ обернулся къ ближайшимъ солдатамъ и въ томъ числѣ къ Кудаяву и вымолвилъ:

— Отведите ее назадъ во дворецъ.

Карета шагомъ двинулась, окруженная карауломъ, а Кудаявъ съ двумя товарищами схватили совершенно потерявшуюся женщину и силою повели ее назадъ черезъ дворъ.

— Ишь, выскочила, вѣдь замерзнетъ, говорилъ одинъ изъ нихъ.

Герцогиня не шла назадъ, а порывалась снова за каретой къ воротамъ дворца. Солдаты не знали, что съ ней дѣлать. Взялись, было, они за женщину, чтобы нести ее, но она вырывалась, отбивалась, хрипиво визжала, и не было никакой возможности съ ней справиться.

— Да ну ее къ черту, вымолвилъ, наконецъ, Кудаявъ:— брось ее. Запремъ ворота, такъ и не выбѣжить.

Товарищъ Кудаява изо всей силы толкнулъ герцогиню въ шею и женщина полетѣла торчмя головой въ ближайшій высокий сугробъ, почти лишась сознанія.

— Небось, озябнешь, охотой домой побѣжишь, выговорилъ онъ, громко хохоча.

Ворота дворца сдвинули и заперли, а послѣдніе оставшіеся еще преображенцы собрались въ кучу и, гадя, балагурия, радостно и бодро двинулись вдоль Фонтанки. Живо догнали они карету, конвоируемую ихъ товарищами.

— Вотъ такъ дѣло! Вотъ такъ диво! Гляди, завтра на насъ колікія щедроты посыплются.

— А то нѣтъ, глупый человѣкъ, Завтра, гляди, самый ледящій изо всѣхъ рублей десять получить.

— Ай да фельдмаршалъ! Вотъ такъ любо!

— Что же, ребята, четвертовать Биронова что ли будутъ?

— Четвертовать! Его пятерить, аль десятерить и то мало! гудѣли голоса преображенцевъ, довольныхъ и радостныхъ.

— Вѣстимо, его казнить будутъ, за всѣ его злодѣйства. Нѣмецъ поганый! Чего захотѣлъ! Правителемъ російскимъ быть. Превыше всѣхъ.

— То все, ребята, не наше дѣло. Казни его начальство или на волю въ Нѣмецію отпусти—намъ все едино. А вотъ завтра пиръ-горой у насъ безпремѣнно будетъ.

— И отличье всякое. Иной въ капралы попадетъ.

— А иной въ офицеры пятью годами раньше.

Всю дорогу, пока конвоируемая карета двигалась по Невской перспективѣ, не умолкалъ веселый говоръ многолюднаго конвоя.

А временщикъ, грозный и могущественный въ теченіе десяти лѣтъ, страшилище для цѣлой имперіи и многомилліоннаго народа, теперь брошенный въ карету, полунагой и скрученный, прислушивался и приглядывался ко всему почти бессмысленно. Испугъ отнялъ у него разумъ. Онъ ждалъ смерти, казни, разстрѣліянія—каждый мигъ!

XIV.

Дня черезъ два послѣ событія, поразившаго всю столицу, на ротный дворъ явился капитанъ Калачовъ, чтобы повидаться съ племянникомъ и узнать отъ него, насколько вѣренъ слухъ, отъ котораго весь Петербургъ съ ногъ смотался отъ радости и ликованья.

Капитанъ Калачовъ, такъ же какъ и многіе другіе, ни вѣрилъ ни ушамъ своимъ, ни глазамъ. То, о чемъ мечтали петербуржцы, да и всѣ россияне въ теченіе многихъ лѣтъ, то, что казалось немислимымъ, пустою мечтою, сномъ на яву, теперь стало дѣйствительностью.

„Герцогъ Биронъ былъ арестованъ и заключенъ подъ стражу!“

Вызвавъ племянника съ ротнаго двора на улицу, капитанъ повелъ его къ себѣ. Дорогой онъ узналъ отъ Кудяева, что дѣйствительно не только совершилось великое событіе на Руси, но даже онъ, его племянникъ Васька, самъ участвовалъ въ этомъ предпріятіи, собственными руками отплатилъ на спинѣ людоѣда и свои, и чужія долготѣнія горести и несправедности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ капитанъ Калачовъ, повѣрившій теперь всему со словъ племянника, замѣтилъ, что Кудяевъ какъ-то смущался, смотрѣлъ изподлѣбья и вообще въ своихъ отношеніяхъ къ дядѣ перемѣнился.

Не ускользнуло отъ зоркаго взора капитана и то удивительное обстоятельство, что два раза, когда онъ вскользь сказалъ племяннику, какъ любить его, Кудяевъ слегка будто застыдился. Но все, что примѣчалъ капитанъ, все объяснилъ по своему, въ хорошую сторону.

А между тѣмъ, рядовой преображенецъ покраснѣлъ при ви-

дѣ добраго родственника и смущался его ласковыми словами исключительно потому, что совѣсть его была неспокойна.

„Вотъ онъ какъ, думалось ему. Онъ-то съ ласковыми словами, а у меня-то тамъ на душѣ чернѣе сажи. И что тутъ дѣлать и какъ тутъ быть, ума не приложу. И совѣсть беретъ, и Стефаниды Адальбертовны боюсь. Выходить—либо другого губи, либо самъ погибай“.

Вслѣдствіе этихъ тайныхъ помысловъ Кудаевъ все время, что шелъ къ капитану на Петербургскую сторону, часто разсѣянно глядѣлъ на него, не слушалъ, что Петръ Михайловичъ ему говорилъ, и отвѣчалъ невпопадъ. Или же онъ принимался сопѣть и вздыхать.

Кончилось тѣмъ, что когда они были уже дома, капитанъ сталъ передъ племянникомъ, взявъ его за плечи и, поглядѣвъ ему пристально въ глаза, произнестъ:

— А вѣдь у тебя, Васька, новая забота какая. Скажи, что у тебя?

— Ничего, смутился Кудаевъ и, опустивъ глаза въ землю, онъ снова слегка зарумянился.

— Сказывай, можетъ быть, я тебѣ помогу. Вѣдь дѣло не въ деньгахъ. Бѣда какая? По службѣ? Не наградили за Бирона?

— Награду обѣщали всѣмъ, сказала Кудаевъ. — И мнѣ тоже не менѣе прочихъ. Я дѣйствовалъ.

— Такъ чего же ты насушился? А?

Кудаевъ смущенно молчалъ, не зная, что сказать.

— Говори, вѣдь не въ деньгахъ дѣло, въ другомъ въ чемъ? Да коли ужъ на то пошло, вотъ что, Васька. Если и деньги нужны, я и этимъ помогу. Только ты мнѣ побожись, что деньги тѣ не пойдутъ въ трактиръ или на какое другое непотребство.

Кудаевъ, благодаря тому, что вопросъ о его заботѣ отклонился въ сторону, перейдя на трактиры, оживился и началъ бойко божиться дядѣ, что денегъ ему не нужно, что никакой заботы денежной у него нѣтъ.

— И, стало быть, совсѣмъ никакой нѣтъ заботы? переспросилъ капитанъ.

— Нѣтъ, прибавилъ Кудаевъ, но на этотъ разъ не рѣшился божиться.

Но капитанъ понялъ по своему.

— Ну, стало быть, мнѣ такъ показалось. Коли нѣтъ ничего, и слава тебѣ Господи.

Въ это самое время въ передней раздался голосъ, незнакомый Кудаву, спрашивавшій можно ли войти.

— Иди, иди. И Васька мой тутъ.

Въ комнату вошелъ низенькій и толстенькій человѣкъ, одѣтый въ простое русское платье.

Капитанъ познакомилъ племянника съ прибывшимъ. Это былъ московскій купецъ Василій Ивановичъ Егуновъ.

— Ну, вотъ познакомитесь, заговорилъ капитанъ:—прошу любить да жаловать, вы тезки. Ты—Васька, да и онъ—Василій. Если можешь, пособи другу, дѣло его не ахти какое мудреное, да ходовъ-то у насъ нѣту къ начальству.

Московскій купецъ съ особеннымъ подобоострастіемъ началъ бесѣду съ гвардейскимъ солдатомъ. Для него рядовой Преображенскаго полка изъ дворянъ былъ все-таки человѣкъ, стоящій выше его въ общественномъ положеніи.

Капитанъ вышелъ изъ горницы и распорядился объ обѣдѣ, а Егуновъ, оставшись наединѣ съ Кудавымъ, тотчасъ же приступилъ къ разсказу о своихъ бѣдствіяхъ.

Онъ пріѣхалъ изъ Москвы уже года съ полтора хлопотать по дѣлу дворянъ московскихъ, господъ Глѣбовыхъ, въ сенатѣ. Но здѣсь, въ новой столицѣ, гдѣ не было у него ни души знакомой, съ нимъ приключилась бѣда.

За нимъ были недоимки въ платежахъ по винному откупу. Москва списалась съ Петербургомъ и здѣсь, не говоря худого слова, Егунова взяли и засадили въ гауптвахту при коммерцъ-коллегіи, гдѣ онъ содержится уже болѣе года. Дѣло впередъ не двигается, а изъ подъ ареста не освобождаютъ, сиди хоть всю свою жизнь на гауптвахтѣ, до старости или до самой смерти.

— Дѣло исправить, надо ѣхать въ Москву, объяснял Егуновъ горячо, волнуясь и махая руками—тамъ надо очистить съ себя все. А въ Москву не пускаютъ, такъ какъ прежде требуютъ здѣсь уплаты. И выходитъ дѣло путанное... А я безъ вины виноватый сиди подъ карауломъ.

— Да вѣдь вы же на свободѣ, коли пришли, замѣтилъ Кудавевъ.

Егуновъ объяснилъ, что въ праздничные дни офицеры караульные по добротѣ отпускаютъ его къ обѣднѣ съ тѣмъ, чтобы онъ вернулся непременно въ сумерки. На этотъ разъ только благодаря празднику удалось ему умолить стражу и отпроситься въ соборъ Петра и Павла и по дорогѣ вернуться къ пріятелю Петру Михайловичу.

Вернувшийся капитанъ, услыхавъ исповѣдь купца, тотчасъ же спросилъ племянника, можетъ ли онъ помочь въ дѣлѣ.

— Я готовъ всячески, отозвался Кудаевъ. — Только сами вы опредѣлите, что и къ кому итти и что говорить.

— Эхъ, братъ Вася, это самое мудреное дѣло-то и есть. Къ кому надо итти, ты не пойдешь. А мы не преображенцы, мы итти не можемъ.

— Да, прибавилъ Егуновъ. — Ты, сударь, рядовой, не пойдешь куда надо.

— Да куда, сказывайте.

Послѣ нѣкоторой паузы капитанъ приблизился къ племяннику и выговорилъ:

— Помочь Егунову только одинъ путь, прямехонько на Смольный дворъ къ цесаревнѣ.

Кудаевъ при этомъ имени весь вспыхнулъ. Но мысль итти на Смольный дворъ, въ которомъ жила цесаревна, что было для него дѣяніемъ противозаконнымъ или черезчуръ опаснымъ, смутила его, а это имя напомнило Кудаеву его позорное мальчишеское поведеніе, его глупое предательство, совершенное на дняхъ почти противъ воли.

„Авось-то все обойдется благополучно!“ подумалъ онъ, но въ эту минуту молчаніе наступило въ горницѣ маленькаго домика. Капитанъ Калачовъ, ждавшій отвѣта, замѣтилъ смущеніе племянника.

Хозяинъ и его другъ купецъ поняли однако дѣло по своему. Преображенецъ былъ очевидно на сторонѣ нѣмецкой, вѣрный слуга Анны Леопольдовны и младенца императора. Разумѣется все ради невѣсты...

„Стало быть, съ тобою каши не сварить, подумалъ про себя купецъ. — Мы нѣмцененавистники, а ты, какъ и всѣ преображенцы, да и вся гвардія, изъ нѣмцевыхъ пособниковъ. Не будь васъ, продажныхъ,—не было бы и ихъ!“

Послѣ краткой бесѣды, которая не вязалась и не клеилась, хозяинъ позвалъ обоихъ гостей въ другую горницу откусать хлѣба-соли. Послѣ трехъ незатѣйливыхъ блюдъ, капитанъ сталъ съ избыткомъ угощать гостей удивительнымъ иностраннымъ виномъ, которое онъ самъ досталъ изъ погреба.

Вино, видно, впрямь было дивное, заморское. Не прошло и получаса, какъ языки развязались. Купецъ Егуновъ сидѣлъ красный какъ ракъ, а у Кудаева все кругомъ слегка вертѣлось и будто прыгало. Оба были не пьяны, но сильно веселы и болтливы.

Явное дѣйствіе заморскаго вина оказалось въ томъ, что собесѣдники быстро подружились и стали бесѣдовать душа на распашку.

Бесѣда незамѣтно, какъ зачастую бывало въ эти дня, перешла на тотъ вопросъ, который гнетомъ лежалъ на сердцѣ всякаго російскаго человѣка. Вопросъ о двухъ линіяхъ русской и нѣмецкой, о потомствѣ царя Ивана Алексѣевича и о потомствѣ царя и великаго императора Петра Алексѣевича. И снова разговоръ перешелъ на то же, на Смольный дворъ и на цесаревну.

Кудаевъ неособенно ораторствовалъ и не горячо защищалъ права младенца императора Ивана и его матери. Онъ только повторялъ, часто улыбаясь пьяно и глупо:

— Вѣстимое дѣло! Да, вишь, такъ потрафилось...

— Потрафилось и все тутъ! Ничего не подѣлаешь!

За то хозяинъ, равно и московскій купецъ горяче доказывали преображенцу, что вступленіе на престолъ императора младенца есть великое поупущеніе и великая напасть для всей Россійской имперіи.

— Пропадемъ мы всѣ, говорилъ Егуновъ.

Капитанъ Петръ Михайловичъ горячился все болѣе и наконецъ, выскочивъ изъ-за стола, произнесъ съ чувствомъ:

— А я вотъ какъ скажу. Я вотъ самъ, какъ ты меня, Васька, видишь, выйду изъ дому, да прямо и пойду къ цесаревнѣ, а у нее отпрошуся итти рѣчь держать въ сенатъ; генералитету тамъ, всѣмъ сенаторамъ и доложу: что, молъ, вы творите съ Россійской имперіей? Аль въ васъ совѣсти нѣту? Аль Бога забыли? Почему стороннимъ наслѣдство вручено? Долго ли еще намъ терпѣть нѣмцево питіе крови?

— А я бы къ тому добавилъ, смѣясь заговорилъ Егуновъ:— всѣ, молъ, вы, господа правители, ябедники, путалы и карманщики. Правежъ нѣдъ разбойный, что въ Питерѣ, что въ Москвѣ, что во всей Россіи. Всякій-то, отъ кабинетъ-секретарей и до всякаго то-исъ бутаря, всѣ обязались воровствомъ и грабятъ насъ грѣшныхъ. Хоть въ Туречину бѣжать отъ этихъ правителей. А почему все? Потому, что нѣту русскаго православнаго человѣка въ правленіи императорскомъ, который бы судъ и расправу чинилъ по Божьи, по христіански. Нѣтъ на нихъ креста—вотъ что.

— Вездѣ такъ-то, выговорилъ Кудаевъ. Я слышалъ, что и въ заморскихъ земляхъ все то же. Вездѣ судьи-правители

народъ утѣсняють. Это уже, стало, Божье велѣніе. За грѣхи! Ужь такъ воля Божья пришла!..

— Не ври ты, Васыка, вскрикнулъ капитанъ.— Не клевищи. Я бывалъ въ заморскихъ земляхъ, вездѣ не безъ грѣха, но эдакаго утѣсненія, какое нонѣ отъ нѣмцевъ русскому человѣку, такого нигдѣ нѣту. Какъ ты полагаешь, въ Голландіи правленіе изъ кого состоитъ? Изъ русскихъ, что ли? Нѣтъ, братецъ, русскихъ тамъ ни единого человѣка нѣту, а сами они правятъ—голландцы. Въ Нѣмціи опять то же. Во Франціи, аль бы Гишпаніи свои французы и гишпанцы въ правленіи. А у насъ что? У насъ—нѣмцы. За что же, Вася, за что это? Помилуй! Господь съ тобой, говорилъ капитанъ ласковымъ голосомъ, нагибаясь къ племяннику и теребя его за рукавъ. Со стороны могло показаться, что это обстоятельство зависитъ совершенно отъ воли его племянника Васи.

— Тутъ ничего не подѣлаешь. А гишпанцы бы... хуже было... глупымъ голосомъ отозвался Кудяевъ, у котораго заморское вино все болѣе шумѣло въ головѣ.—Никакого средства не подыщешь тутъ, дядюшка. Значить, такъ потрафилось. Возьмутъ насъ гишпанцы—хуже нѣмцевъ будетъ...

— А вотъ послушай-ко, господинъ преображенецъ! Скажу я тебѣ сказку, выговорилъ Егуновъ.—Въ одномъ царствѣ, нѣкоемъ государствѣ жилъ былъ царь. Ну, вотъ въ этомъ самомъ царствѣ, у этого, значить, царя всякое было неподобіе, житья совсѣмъ не было. Ложись и помирай! Судьи его, правители совсѣмъ народъ поѣдомъ ѣли. Кто богатъ, при сотнѣ винъ—правъ, кто бѣденъ, безъ единой вины—виноватъ. И такъ-то вотъ было во всемъ царствѣ. Все это, значить, вверхъ ногами и помѣщалось. А самъ этотъ царь былъ добрѣющей души человѣкъ. Глядѣлъ онъ, глядѣлъ и, наконецъ, взялъ да и плюнулъ... Что же, братцы мои, вѣдь эдакъ нельзя, сказываетъ онъ. Надо, говорить, пособить. А какъ тутъ пособишь, что подѣлаешь? Вотъ долго ли, коротко ли, а надумалъ онъ такое колѣно. Указалъ указъ, сыскать ему, царю, въ его царствѣ самага что ни на есть бѣднѣющаго человѣка, но, значить, не изъ глупыхъ, а изъ умныхъ. И вотъ выискался такой простой офеня, изъ себя махонькій, тощій, плюгавый, ну ледащій, чтоль, совсѣмъ. Привели его къ царю. Царь, было, хотѣлъ гнать его, больно плохъ былъ человѣкъ съ виду. Анъ вышло не то. Перекинулся съ нимъ

царь словами кое о чемъ, о томъ, да о семъ, слово за слово. Смотритъ царь, офеня тотъ умнѣйшій человѣкъ. Ну вотъ, какъ сказывается, семи пядей во лбу. Ну, вотъ и говоритъ царь: садись ты, братецъ мой, главнымъ судьей, правителемъ, суди и ряди всю мою имперію. Будешь ты одинъ разсуждать, а я буду подмахивать: быть по сему! И началъ расправу чинить и государствомъ править этотъ самый офеня. Долго ли, коротко ли, а въ эндакомъ дѣлѣ, самомъ главнѣйшемъ, въ ябедѣ страшнѣйшей и попадись, да кто же, родные мой? Попадись это самъ шурина царевъ. Онъ-то самый, выходитъ, первѣйшій грабитель и есть, и все зло отъ него въ землѣ и идетъ. Призвалъ его новый судья-правитель, офеня то-ись нашъ, разсудилъ его дѣло въ часъ мѣста и, даже не почесавъ за ухомъ, указалъ ему голову отсѣчь. Взяли палачи его, самого это шурина царева, да голову ему на торговой площади и отсѣкли. И что же попритчилось, родные мой? Вы какъ думаете? Наступило въ этомъ царствѣ великое благополучіе, рай земной наступилъ на землѣ. Вотъ что! А почему, какъ бы вы думали? А потому, что, значить, всякій сильный человѣкъ да злодѣй, видючи, что самого шурина царева за разные его преступленія казнили, разсудилъ, что его дѣло дрянъ, надо жить хорошо, а то и до него чередъ дойдетъ. И вотъ выходитъ, отсѣчимши голову одному главнѣйшему злодѣю, тотъ самый офеня все царство привелъ къ райскому состоянію.

Купецъ кончилъ свою сказку, а капитанъ и рядовой сидѣли и молчали. Ужъ очень имъ обоимъ сказка понравилась, да и умна показалась.

— Да, вздохнулъ наконецъ капитанъ, это истинно умно разсуждено. И царь этотъ умница, да и офеня-то не дуракъ.

— Да вѣдь у насъ нынѣ нѣтъ такого шурина у младенца императора! заявилъ Кудаевъ, какъ бы объясняя, что сказка—не примѣръ и не разрѣшеніе дѣла.

— Вѣстимо нѣту, размѣялся Егуновъ.—За то такихъ шуриновъ царевыхъ по всей Руси видимо-невидимо поставлено... Что ни воевода, что ни правитель, что ни засѣдатель—все шурины царевы... Вѣдь его они ставленники!

Бесѣда рядового и купца у хлѣбосола-хозяина затянулась до вечера.

Кудаевъ, понемногу отрезваясь, разсказалъ подробно, какъ онъ участвовалъ въ арестованіи регента.

— Страшно, я чай, было? спросилъ капитанъ?

— Страсть какъ страшно, дядюшка, сначала то-ись. Когда мы проходили дворцовыя горницы, у меня духъ въ груди запырало. А какъ швырнулся я на зовъ командира, какъ увидѣлъ голенькаго человѣчка... Ужъ онъ мнѣ почитай будто не Биронъ. Ей Богу, не онъ! Налетѣлъ я и его такъ и подмялъ подъ себя. И давай тузить. Какъ ужъ мы его отзвонили! И Боже мой! Весь въ синякахъ былъ отъ прикладовъ.

— Удивительно! восклицалъ Егунувъ и вдругъ прибавилъ:

— Вамъ все можно. Сила. Вотъ брали Биронова по указу Миниха фельдмаршала. А указалъ бы Биронъ—вы съ нимъ Миниха такъ бы отзвонили.

— Какъ можно! Минихъ нашъ полководецъ... Ерой!

Въ сумерки только разстались собесѣдники, обѣщаясь снова сойтись у капитана.

XV.

Прошло около недѣли. Товарищи Кудашева ликовали и пили безъ просыпу. Много было роздано денегъ въ награду за ихъ вѣрноподданническое дѣйство въ ночь на 9-е ноября.

Однажды въ горницу, гдѣ жилъ Кудашевъ съ тремя другими рядовыми изъ дворянъ, быстро вбѣжалъ капраль Новоклюевъ. Онъ былъ встревоженъ, смущенъ и даже сильно перепуганъ. Къ его всегда спокойному, румяному и глупому лицу испугъ какъ-то не шелъ.

Рядовые вскочили при его появленіи, никогда еще не видавъ своего ближайшаго начальника въ такомъ диковинномъ для нихъ видѣ.

— Кудашевъ! воскликнулъ капраль. Бѣда! Тебя требуетъ внизу подъячій нѣмецкій для переговоровъ.

Кудашевъ понялъ извѣстіе, но не понялъ важнаго значенія такого случая, не понималъ испуга капрала.

— Такъ что же? вымолвилъ онъ спокойно.

— Иди скорѣе.

Кудашевъ двинулся, но капраль, видя спокойствіе рядового, вдругъ воскликнулъ:

— Да что ты, дуракъ. Аль къ нимъ на службу переходишь? Иль ты по малоумію не смыслишь, что тутъ за приключеніе? Вѣдь это изъ сыскаго отдѣленія иль изъ тайной канцеляріи посланецъ. Иль ты на кого доносъ сдѣлалъ, либо на тебя самого донесли!

Кудаевъ оторопѣлъ и перемѣнился въ лицѣ.

— То-то, понялъ теперь, воскликнулъ Новоклюевъ. Ну, иди, они люди важные, ихъ ждать заставлятъ не приходится.

Кудаевъ сошелъ внизъ и нашелъ маленькаго приземистаго человѣчка, въ короткомъ кафтанѣ и картузѣ на нѣмецкій ладъ. Нежданный гость былъ удивительно похожъ на господина Шмеца.

— Вы господинъ рядовой Кудаевъ? спросилъ прибывшій.

— Да-съ.

— Я Фридрихъ Минкъ, родственникъ дальнѣй госпожи камеръ-юнгферы. Состою на службѣ въ канцеляріи господина Шмеца. Мнѣ приказано васъ просить пожаловать сегодня въ вечеру въ гости къ господину Шмецу. Тамъ будетъ и госпожа Минкъ съ фрейленъ Мальхенъ.

Видя смущенное лицо рядового, господинъ Минкъ прибавилъ:

— Вы не извольте тревожиться, васъ просятъ не въ отдѣленіе застѣнка, а въ частную горницу господина Шмеца.

Это разъясненіе подъячаго вмѣсто того, чтобы успокоить Кудаева, еще болѣе взволновало его. Онъ не зналъ, что господинъ Шмецъ живетъ въ частной горницѣ того самаго дома, гдѣ уже лѣтъ десять погибають сотни людей въ пыткахъ, подъ кнутомъ и подъ батогами.

— Что же прикажете отвѣчать? Будете ли вы?

Кудаевъ пробормоталъ что-то, чего онъ потомъ самъ не помнить. Но подъячій раскланялся и пошелъ со двора.

Рядовой вернулся назадъ какъ потерянный. Въ головѣ его гудѣло, онъ даже слегка пошатывался и чувствовалъ въ себѣ такое ощущеніе, какъ еслибы онъ шелъ или стоялъ на самомъ краю бездонной пропасти. Въ его головѣ мелькала мысль въ видѣ вопроса.

— Не ударятъ ли отъ бѣды, сейчасъ же, пѣшкомъ или верхомъ изъ Петербурга домой, или даже на край свѣта.

— Ну, что же, зачѣмъ приходилъ? раздался около него голосъ капрала.

Кудаевъ искренно не могъ объясниться и признался на половину. Когда Новоклюевъ понялъ, какое порученіе имѣлъ нѣмецкій подъячій, то лицо его омрачилось. Но затѣмъ онъ развелъ руками и вымолвилъ:

— Что жъ тутъ дѣлать! Увидимъ. Сила въ томъ, какое у тебя приключеніе. Либо ты пропадешь-пропадомъ, либо, на-

оборотъ, удача тебѣ и счастье будутъ. Но, вѣрнѣе вѣрнаго, братецъ ты мой, что ты улетишь туда, куда Макаръ съ телятами завсегда искони шествуетъ. И придворная твоя бабынька не поможетъ.

Кудаевъ зналъ, конечно, навѣрно, по какому дѣлу требуетъ его къ себѣ господинъ Шмецъ. Въ ожиданіи сумерекъ онъ просидѣлъ молча въ углу горницы, ни съ кѣмъ не разговаривая, и обдумывалъ свое мудреное положеніе. Вопросъ ставился очень просто: предавать ли въ руки палачей добряка дядю или погибать самому?

— Что же тутъ будешь дѣлать? Своя рубашка ближе къ тѣлу! рѣшилъ онъ.

Въ назначенное время молодой преображенецъ отправился въ указанное ему мѣсто. Зданіе Тайной канцеляріи, гдѣ проживалъ и главный ея начальникъ генераль Андрей Ивановичъ Ушаковъ, было настолько извѣстно въ Петербургѣ всѣмъ и каждому, что найти его было немудрено.

Опросивъ въ воротахъ какого-то солдата, гдѣ квартира господина Шмеца, Кудаевъ перешелъ дворъ и взошелъ на большой подъѣздъ. Здѣсь онъ нашелъ часовыхъ отъ измайловскаго полка. Въ ту же минуту капраль, спускавшійся съ лѣстницы, грубо окликнулъ его, увидя мундиръ ненавистнаго полка.

— Зачѣмъ тутъ таскаешься? крикнулъ капраль.

— Мнѣ нужно господина Шмеца.

— Ага, усмѣхнулся измайловецъ. Въ эдакое мѣсто я тебя съ удовольствіемъ проведу, да и всѣхъ-то васъ, преображенцевъ, туда бы препроводилъ. Иди за мною.

„Въ эдакое мѣсто“, думалъ про себя Кудаевъ.— Пропала, видно, моя головушка.

Прождавъ въ приказной квартирѣ съ полчаса, Кудаевъ былъ приглашенъ въ горницу. Его встрѣтилъ, улыбаясь, но не ласково и не гостепріимно, а лукаво, самъ господинъ Шмецъ.

За нимъ стоялъ молодой человѣкъ, который тотчасъ же отрекомендовался, вѣжливо и сухо выговоривъ:

— Я секретарь господина Шмеца, и такъ какъ вы не говорите по-нѣмецки, то я буду служить вамъ переводчикомъ.

Господинъ Шмецъ сталъ что-то говорить своему секретарю, какъ бы разъясняя дѣло. А рядовой, между тѣмъ, озирался кругомъ и думалъ:

— Гдѣ же госпожа Минкъ и Мальхень? Очевидно, онѣ еще не пожаловали.

Хозяинъ, вѣроятно, замѣтилъ и отгадалъ мысль гостя. Онъ сказалъ что-то секретарю, а тотъ объяснилъ Кудаеву, что госпожа камеръ-юнгфера съ своей племянницей по нездоровью быть не могутъ.

Затѣмъ вслѣдствіе жеста хозяина всѣ трое сѣли за столъ, на которомъ была бумага, большущая чернильница и пучокъ гусятыхъ перьевъ.

Секретарь обратился къ Кудаеву и передалъ ему кратко, сжато, толково все то, что Кудаевъ и самъ хорошо зналъ.

Сущность рѣчи секретаря была въ слѣдующемъ:

Господинъ Кудаевъ, рядовой Преображенскаго полка, долженъ немедленно, тутъ же за этимъ столомъ, написать всеподданнѣйшее прошеніе на имя ея высочества правительницы Россійской имперіи о томъ, какія рѣчи вель у себя на квартирѣ съ нимъ, Кудавымъ, его дядя. Если же господинъ Кудавъ на то не согласенъ, то его переведутъ тотчасъ же въ другую горницу, гдѣ нѣкоторые люди, служащіе при канцеляріи, заставятъ его заговорить и объяснить все еще подробнѣе.

Но тогда онъ, рядовой Преображенскаго полка, будетъ уже не въ качествѣ лица, вѣрно исполняющаго свою всеподданнѣйшую присягу, а будетъ самъ подсудимымъ, такъ какъ бумагу напишутъ уже отъ господина Шмеца.

Крупныя слезы навернулись на глазахъ молодого человѣка. Онъ понималъ, что предастъ въ тайную канцелярію своего добряка капитана, а затѣмъ старикъ Калачовъ, пройдя чрезъ истязанія, уйдетъ въ Сибирь.

Господинъ Шмецъ началъ вопросы, которые переводилъ секретарь. Кудавъ волей-неволей отвѣчалъ, но чувствовалъ, что съ каждымъ новымъ отвѣтомъ онъ все болѣе опускался въ какую-то бездонную пропасть, изъ которой не было исхода.

Черезъ полчаса, благодаря тому, что спросилъ господинъ Шмецъ, дѣло уже самому Кудаву казалось совершенно инымъ. Изъ простой болтовни дяди вышло теперь что-то громадно, страшное, имѣющее государственное значеніе. Капитанъ являлся какимъ-то смутителемъ всей имперіи и закоренѣлымъ злодѣемъ.

Кудаву казалось, что не только капитанъ, но даже сама цесаревна Елизавета Петровна и та уже затянута въ какія-то невидимыя сѣти, которыя все растутъ кругомъ и обхватыва-

ютъ всѣ тѣ лица, имена которыхъ были произнесены здѣсь. Не только капитанъ, но и купецъ московскій, Егуновъ, представлялся Кудяеву опутаннымъ съ головы до пятъ. И все это онъ сдѣлалъ своими отвѣтами. А между тѣмъ, эти отвѣты были, конечно, послѣдствіемъ вопросовъ господина Шмеца.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, бесѣда, здѣсь происшедшая, казалась Кудяеву совсѣмъ не похожей на бесѣды, какія онъ когда-либо въ жизни вель.

Ему чудилось, что въ рукахъ у сидящаго передъ нимъ господина Шмеца клубокъ съ веревочкой, что клубокъ этотъ размытывается, а господинъ Шмецъ тихонько обвиваетъ этой веревочкой его, Кудяева, отъ головы до пятокъ, по рукамъ и ногамъ, по всему тѣлу. Весь онъ обвязанъ и опутанъ.

Оно такъ и было. Господинъ Шмецъ былъ сильный и ловкій паукъ, а Кудяевъ—простая муха.

Послѣ часового допроса господинъ Шмецъ выговорилъ по-русски, точь въ точь какъ госпожа камеръ-юнгфера.

— Вотъ ошень карошъ.

И затѣмъ, улыбаясь сладко, съ довольнымъ лицомъ, онъ приказалъ секретарю писать.

Молодой человѣкъ взялъ бумагу, перо и началъ быстро строчить. Перо скрипѣло, брызги летѣли во всѣ стороны, а мелкія строчки съ крючками ложились рядомъ на бумагу.

Кудяевъ, по мѣрѣ того, что секретарь писалъ, все болѣе опускалъ голову. Онъ чулъ, что начинается нѣчто уже не именуемое простой бѣдой, а именуемое государственнымъ дѣломъ.

Господинъ Шмецъ сидѣлъ неподвижно, сложивъ руки на колѣняхъ и при этомъ опустилъ глаза подъ столъ, какъ бы обдумывая что-то или просто прислушиваясь къ скрипу пера, который былъ для него, быть можетъ, волшебной музыкой.

Кудяевъ не могъ пересилить себя и громко, глубоко, протяжно вздохнулъ на всю горницу. Господинъ Шмецъ поднялъ глаза на молодого человѣка и выговорилъ, ломая русскій языкъ еще хуже госпожи камеръ-юнгферы.

Смысль его рѣчи былъ такой:

— Вы не должны ничего бояться, господинъ Кудяевъ. Вамъ отъ этого дѣла будетъ только счастье. Я хочу услужить въ этомъ дѣлѣ императорскому правительству, господину начальнику Ушакову, себѣ самому, моей родственницѣ госпожѣ Минкѣ и вашей невѣстѣ и, наконецъ, вамъ самимъ.

Вы и не воображаете, какое благополучіе произойдетъ для васъ отъ этого дѣла.

Все это Кудавевъ понялъ очень хорошо, хотя господинъ Шмецъ неизмовѣрно коверкалъ слова. Подъ конецъ даже секретарь оторвался отъ работы и прибавилъ два слова для разъясненія рѣчи своего начальника, такъ какъ Кудавевъ могъ понять его слова совершенно обратно.

Господинъ Шмецъ выразилъ, что это приключеніе „далеко, далеко уведетъ“ рядового преобразенца. Конечно, преобразенецъ могъ понять, что онъ очутится въ Сибири. Между тѣмъ Шмецъ хотѣлъ сказать, что Кудавеа это дѣло „высоко, высоко поведетъ“.

Черезъ полчаса бумага была написана. Кудавевъ получилъ другой листъ, уже съ гербовой печатью, и секретарь предложилъ ему точно переписать своей рукой все, что онъ будетъ ему диктовать.

Кудавевъ взялъ перо; рука его сильно дрожала, но тѣмъ не менѣе онъ началъ писать.

Содержаніе было слѣдующее:

„Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ, самодержецъ всероссійскій.

„Доносить лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдатъ Василій Кудавевъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„Сего ноября 16 числа 1740 года, капитанъ Петръ Михайловъ Калачовъ, который мнѣ по родству двоюродный дядя, присылалъ ко мнѣ человѣка своего звать къ себѣ обѣдать. Какъ пришѣлъ я къ нему въ домъ, у него сидитъ московскій купецъ Василій Иванъевичъ Егуновъ, который содержится нынѣ подъ карауломъ въ коммерцъ-коллегіи...

Послѣ длиннаго изложенія всего, подробно, всѣхъ бесѣдъ и словъ съ дядей и съ купцомъ, Кудавевъ продолжалъ и закончилъ такъ:

„...И пришѣлъ я въ роту въ вечерни и сказалъ сержанту и дневальному ефрейтору:— Извольте меня взять подъ стражу и донести генералу Ушакову, что имѣю слово и дѣло... И по сему вашему императорскому величеству вѣрный рабъ и присяжный повинную всю приношу, что я съ Калачовымъ говорилъ: Онъ говорилъ: „Что, Васька, горе дѣлается въ Россіи нашей!“ То я ему отвѣтствовалъ: „Ужъ такая воля Божья пришла!“ И больше не упомяну, что писать, а ежели я памятую, то по присяжной должности готовъ не говорить

и умереть въ томъ. Вашего императорскаго величества низжайшій рабъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдатъ Василій Андреевъ сынъ Кудяевъ, писалъ своею рукою, ноября 18 числа 1740 года.

Когда длинное прошеніе было переписано рядовымъ, господинъ Шмецъ его прочелъ медленно и внимательно, а затѣмъ сказалъ одобрительно:

— Ну, фотъ... Ошенъ карошъ.

XVI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ доноса, сдѣланнаго преображенцемъ, были арестованы и доставлены въ тайную канцелярію капитанъ Калачовъ и московскій купецъ Егуновъ. Дѣло приняло широкіе размѣры, и арестованные обвинялись въ государственной измѣнѣ и нарушеніи присяги вѣрноподданнической.

Добрякъ капитанъ въ день своего ареста былъ на столько пораженъ происшедшимъ, что почти лишился ногъ и языка. Онъ не могъ стоять на ногахъ и не могъ вымолвить ни слова.

Чинovníки тайной канцеляріи, привыкшіе къ этому явленію, оставили капитана въ покоѣ въ теченіе трехъ дней. Онъ содержался въ маленькой каморкѣ, въ подвальныхъ этажахъ зданія канцеляріи.

На этотъ разъ чиновники ошиблись, думая, что испугъ и страхъ подѣйствовали на капитана.

Добрякъ Петръ Михайловичъ былъ болѣе пораженъ тѣмъ, что его родственникъ, котораго онъ любилъ, какъ родного, сдѣлался Іудой-предателемъ, нежели мыслью итти послѣ пытки въ ссылку.

Купецъ Егуновъ съ своей стороны былъ менѣе перепуганъ, такъ какъ наивно думалъ, что онъ только чуть-чуть причастенъ къ дѣлу, по которому главный обвиняемый — его знакомецъ, капитанъ Москвичъ, плохо знавшій порядки, нравы и обычаи Петербурга и правительства, думалъ, что капитанъ Калачовъ дѣйствительно виновенъ въ противузаконномъ государственномъ замышленіи, а что онъ, Егуновъ, попалъ въ качества его знаконца. Купецъ не сомнѣвался, что черезъ недѣлю его выпустятъ.

Однако, черезъ недѣлю послѣ двухъ-трехъ допросовъ, московскій купецъ убѣдился, что оба они съ капитаномъ вино-

ваты въ равной степени. Его же преступленіе, пожалуй, еще горше преступления капитана.

Оказалось, что простая сказка, рассказанная имъ про судью, обезглавившаго царскаго шурина, была главнымъ пунктомъ обвиненія. Судьи допытывались, кого разумѣлъ купецъ въ этой сказкѣ подъ именованіемъ судьи и шурина.

Когда на нѣсколькихъ вопросахъ капитанъ и купецъ изложили искренно все, что случилось имъ говорить при Кудавѣ, и все, что они думали, судьи пожелали узнать то, чего въ дѣйствительности не бывало, т. е. пожелали „дополнить“ показаніе.

Тогда началось „пристрастіе“. Разумѣется, застѣнокъ ничего сдѣлать не могъ. Истерзанные, капитанъ и купецъ, лежали въ отведенныхъ имъ каморкахъ въ болѣзненномъ состояніи, но прибавить ничего къ дѣлу не могли, такъ какъ и прибавить было нечего. Лгать и взводить на себя небывалое преступленіе, „не стерпя побой“, они не могли, такъ какъ понимали, что это только ухудшитъ ихъ положеніе и приведетъ къ еще большимъ пыткамъ и истязаніямъ.

По обычаю судейскому, окончивши съ подсудимыми, судьи взялись за доносителя. Если бы Кудавъ не былъ женихомъ въ домѣ родственницы самого господина Шмеца, то, конечно, онъ прошелъ бы черезъ тѣ же истязанія, что и лица обвиняемыя имъ. Доноситель по закону подвергался тому же самому допросу „съ пристрастіемъ“ и тѣмъ же самымъ пыткамъ.

На этотъ разъ для жениха Мальхенъ было сдѣлано исключеніе и хотя официально его стращали, но на дѣлѣ истязаніямъ не подвергнули. Онъ не былъ даже, какъ это требовалъ судейскій законъ, арестованъ при тайной канцеляріи. Онъ являлся, его оставляли иногда почевать въ каморкѣ, но на другое утро отпускали на ротный дворъ.

Самымъ тяжелымъ днемъ допроса былъ для Кудавъ тотъ, когда его поставили на очную ставку съ дядей. Онъ не могъ вынести фигуры добряка капитана, который уже успѣлъ сильно измѣниться. Онъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, сгорбился, даже голосъ его ослабъ. На этой очной ставкѣ Кудавъ только два раза вскользь взглянулъ на капитана и все остальное время простоялъ, опутивъ глаза въ полъ.

За то на очной ставкѣ съ купцомъ Кудавъ велъ себя храбро. У него явилось желаніе, чтобы примириться съ своею совѣстью, свалить главную вину на купца, чтобы тѣмъ вы-

тородить добряка дядю. Это удалось ему однако лишь на половину.

Единственное, въ чемъ онъ могъ обвинить Егунова, была сказка, имъ рассказанная. На остальное не было никакихъ доказательствъ, и такъ какъ Егуновъ былъ человѣкъ крѣпкаго тѣлосложенія, то могъ легко противостоятъ истязаніямъ и не подтвердить, не сознаться во взводимыхъ на него обвиненіяхъ, которыя падали тогда на доносителя. А не подтвердившійся признаніемъ оговоръ дорого обошелся обвинителю. Онъ самъ уже судился за оклеветаніе, подвергался пыткамъ, а стало быть попадалъ въ положеніе подсудимаго.

XVII.

Между тѣмъ, пока продолжался судъ надъ капитаномъ и купцомъ, вновь случилось событіе въ столицѣ. Кудяевъ былъ очевидцемъ новаго приключенія, будучи назначенъ по наряду на службу. Диковинный случай не мало смутилъ преображенца и заставилъ даже волноваться.

Знаменитый русскій полководецъ, фельдмаршалъ и командиръ преображенскаго полка, графъ Минихъ, очутился вдругъ въ свой чередъ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ находился герцогъ-регентъ. Онъ былъ въ опалѣ и подъ судомъ.

Еще недавно онъ во главѣ своихъ преображенцевъ избавилъ принцессу Анну Леопольдовну, а вмѣстѣ съ ней и всю Россію, отъ кровопійцы и людоеда Бирона и произвелъ ловкій и отчаянно дерзкій переворотъ въ государствѣ. Теперь онъ самъ былъ арестованъ на квартирѣ, и къ дверямъ его горницы приставили часовыхъ изъ того же преображенскаго полка.

Въ числѣ этихъ часовыхъ очутился рядовой Кудяевъ. Онъ изумленно глядѣлъ на проходившаго мимо него изъ горницы въ горницу фельдмаршала въ его домашнемъ одѣяніи, простомъ атласномъ плафрокѣ.

Графъ Минихъ былъ уже не тотъ гордый, съ блестящимъ орлинымъ взоромъ, фельдмаршалъ. Это былъ подсудимый, обвиняемый. Въ чемъ? Никому не было извѣстно. А тѣмъ менѣе ему самому! Отъ него просто хотѣли избавиться, такъ какъ его боялись.

Враги его объяснили робкой принцессѣ, что этотъ смѣлый и любимый солдатами полководецъ, такъ храбро сверг-

нувшій Бирона съ высоты его величія, можетъ точно такъ же дерзко и ловко наложить руку и на правительницу ради личной своей выгоды. Онъ можетъ сдѣлать переворотъ ради родной дочери Великаго Петра, которая все-таки имѣла болѣе, чѣмъ кто либо, правъ на російскій престоль. И однажды фельдмаршалъ былъ заарестованъ на дому и къ нему приставили часовыхъ изъ его же полка.

Кудаевъ, глядя на теперешняго графа Миниха, задумчиваго и печальнаго, невольно сравнивалъ его съ капитаномъ Калачовымъ и изъ этого сравненія или сопоставленія произошло нѣчто очень странное.

Кудаевъ начиналъ примиряться съ своей совѣстью относительно своего доноса.

„Какъ я съ Петромъ Михайловичемъ поступилъ, такъ вотъ они, сильные люди, принцы, правители поступили и съ фельдмаршаломъ. У меня Петръ Михайловичъ безъ вины виновать, ради корыстныхъ видовъ, а у нихъ графъ Минихъ безъ вины попалъ, тоже ради злостныхъ намѣреній. Они еще, пожалуй, хуже меня! Я на языкъ неводерженъ былъ, проболтался, попалъ въ западню и сдѣлался доносчикомъ противъ воли. А они заслуженнаго человѣка, славнаго фельдмаршала и полководца, ни за что, ни про что разжалываютъ и судятъ, чтобы только отъ него избавиться.“

Однажды графъ Минихъ, задумчиво и грустно проходя мимо Кудалева, стоявшаго у дверей подъ ружьемъ, узналъ его и остановился.

— Мнѣ твое лицо знакомо, произнесъ онъ.—Ты, сдастся мнѣ, былъ со мною въ ночь подъ девятое ноября, когда мы герцога брали!

— Точно такъ-съ, отозвался Кудаевъ.

— Ты на улицѣ со мною оставался?

— Нѣтъ-съ, меня взялъ господинъ адъютантъ съ собой. Я изъ первыхъ вѣщился въ его свѣтлость.

— Изъ первыхъ! Что такъ? Золъ былъ на него?..

— Никакъ нѣтъ-съ. Господинъ адъютантъ вашъ указалъ...

— И повалилъ герцога на полъ? выговорилъ, странно усмѣхаясь, Минихъ.

— Точно такъ-съ.

— И билъ? Изъ всѣхъ силъ колотилъ?

— Точно такъ-съ, тихо вымолвилъ Кудаевъ, такъ какъ въ голосѣ фельдмаршала была легкая насмѣшка.

— Ты же, можетъ быть, и полотенце ему въ ротъ воткнулъ?

— Нѣтъ-съ не я, отозвался Кудаевъ.

— И за то спасибо! А почему ты пошелъ на это дѣло—терцога арестовывать? Потому что я васъ позвалъ?

— Точно такъ-съ.

— А нынче вотъ, хоть бы завтра въ ночь, ты меня, на полъ поваливши, будешь кулаками тузить, и тряпку какую въ ротъ мнѣ сунешь. Такъ ли?

Кудаевъ молчалъ.

— Отвѣтствуй: будете вы, вотъ, меня, ночью, вы, преобразенцы, братъ и везти въ Шлюссель или въ иную другую крѣпость? Будете вы меня по полу валять и тузить?

— Я не буду, выговорилъ Кудаевъ.

— Почему же это?

— Ужь, право, не знаю-съ. Только васъ я не трону!

— Ну такъ тронуть здорово твои товарищи. За нихъ можешь ты отвѣчать или нѣтъ? Могутъ они меня исколотить прикладами до смерти?

Кудаевъ молчалъ.

— Молчишь? Вотъ видишь ли. А коли черезъ мѣсяца два или больше выищется какой сорванецъ и поведетъ васъ забирать подъ арестъ правительницу съ императоромъ, чтобы возводить на престолъ цесаревну, вѣдь пойдете опять?

— Я не пойду.

— Не ври, пойдешь. Пообщаютъ тебѣ, какъ въ ту ночь правительница, нѣсколько рублей въ награду—и пойдешь. А то—чинъ. Изъ-за чина ты чего не сдѣлаешь.

И по мѣрѣ бесѣды голосъ Миниха все возвышался. Наконецъ онъ смолкъ на мгновеніе, пристально глядя въ лицо рядового, и вдругъ вымолвилъ, какъ бы раздражаясь:

— А знаешь ли ты, молодецъ, почему вы все это дѣлаете и вѣки-вѣчные дѣлать будете? Не знаешь? Нѣтъ?

Кудаевъ не зналъ, что отвѣчать и что-то пробормоталъ.

— Я тебѣ скажу. Потому что вы—янычары. Янычары!

Кудаевъ, не понимая слова фельдмаршала и предполагая, что это нѣмецкое слово, молчалъ и только повторялъ его про себя, чтобы запомнить и спросить потомъ у товарищей, что оно значитъ по-нѣмецки.

Графъ Минихъ простоялъ мгновеніе молча, какъ бы задумавшись. Затѣмъ снова поднялъ глаза на рядового, огля-

нулъ его съ головы до ногъ, усмѣхнулся ядовито и, двигаясь къ себѣ въ спальню, проговорилъ вполголоса:

— Янычары, янычары...

XVIII.

Вскорѣ послѣ того Кудавевъ былъ озадаченъ двумя приключеніями, смысла которыхъ отгадать не могъ.

Однажды въ казармахъ онъ встрѣтилъ офицера Грюнштейна, который обшелся съ нимъ очень вѣжливо и даже предупредительно, а поболтавъ о какихъ-то пустякахъ, пригласилъ его къ себѣ въ гости.

Кудавевъ хотя и былъ изъ дворянъ, но былъ солдатъ! Грюнштейнъ хотя и былъ изъ евреевъ, да вдобавокъ обанкрутившійся купецъ, теперь все-таки пользовался правами своими и считался наравнѣ съ другими офицерами. Поэтому приглашеніе Грюнштейна было, конечно, для Кудавеа очень лестно.

Когда на другой день онъ явился въ квартиру чернобрюваго и востроносаго израильянина, хозяинъ встрѣтилъ его радушно, поговорилъ кое о чемъ и совершенно незамѣтно для Кудавеа свелъ разговоръ на судное дѣло, которое было у рядового на плечахъ.

— А что это за случай такой съ тобой, сударь мой? За что тебя часто вызываютъ въ тайную канцелярію? равнодушнымъ голосомъ выговорилъ Грюнштейнъ.

Кудавевъ объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Не пойму я, отозвался Грюнштейнъ. — Стало быть, этотъ капитанъ зря болталъ языкомъ. Да и купецъ тоже. Вѣдь съ ними соучастниковъ никого нѣтъ? Или есть, да ты не знаешь.

— Нѣтъ съ ними никого. По крайней мѣрѣ, я никого не встрѣчалъ, отозвался рядовой.

— А они сами на пристрастьи никого не называли?

— Не знаю; кажись, никого.

— Ну, а ты полагаешь, капитанъ этотъ просто болталъ спьяну за стаканомъ вина или дѣйствительно онъ въ сердцѣ своемъ приверженъ цесаревнѣ?

— Полагаю, что приверженъ, сказала Кудавевъ. — Какъ, бывало, зайдетъ рѣчь о ней, такъ онъ сейчасъ кипяткомъ забурлитъ, встанетъ, пойдетъ шагать по горницѣ и кричать.

И долго всякое такое припутываетъ про законную линію ея. Всякія такія страшныя слова, что и передавать мнѣ вамъ не приходится. Все противныя рѣчи.

— Ну, и ты, стало, выходитъ, донесъ на капитана и купца?

— Да, смутился отчасти Кудаевъ.—Только это не я.

— Какъ же это?

— Это все госпожа камеръ-юнгфера, да господинъ Шмецъ.

И Грюнштейнъ попросилъ Кудаева рассказать ему, какъ камеръ-юнгфера съ своимъ родственникомъ заставила его подать доносъ на Калачова.

Когда Кудаевъ кончилъ, Грюнштейнъ усмѣхнулся и выговорилъ:

— Да это не въ первый разъ. Много дѣловъ дѣлаетъ г-жа Минкъ. По виду человѣкъ простой, а на дѣлѣ—ухъ, какая!

— Кто это? удивился Кудаевъ.

— Да эта г-жа Минкъ. Она человѣкъ, братецъ мой, вотъ какой, она...

Но вдругъ офицеръ запнулся, забормоталъ что-то безсвязное и замолчалъ.

— Что за человѣкъ? спросилъ Кудаевъ.

— Нѣтъ, я такъ, зря. Кто же ее знаетъ!

Поговоривъ снова нѣсколько минутъ о пустякахъ, съ частыми паузами, Кудаевъ сталъ собираться домой. Его удивляло, что какъ будто Грюнштейнъ чѣмъ-то озабоченъ. Ему даже казалось, что офицеръ все хочетъ что-то сказать ему и не рѣшается.

„По всей вѣроятности, это все мнѣ такъ грезится“, думалъ Кудаевъ.

Когда онъ всталъ и началъ прощаться, Грюнштейнъ вдругъ выговорилъ:

— Господинъ Кудаевъ, хоть ты и солдатъ, а все-же-таки дворянинъ. У меня до тебя малая просьбица, и ничего тебѣ не стоитъ ее исполнить. Скажи ты мнѣ по чистой совѣсти: эти два противные государству болтуна и предатели...

Страшнымъ голосомъ выговорилъ эти слова Грюнштейнъ, и затѣмъ продолжалъ безъ запинки...

— Эти двое, Калачовъ и Егуновъ, какъ будутъ по твоему? Дѣйствительно, одни они въ болтовнѣ пустой попались? Или же они участники въ цѣлой шайкѣ таковыхъ? Можетъ быть, ихъ не двое такъ-то собираются въ сенатъ бѣгать, да объ-

являть о правахъ цесаревны на престолѣ. Отвѣчай ты по совѣсти: ничего ты не знаешь по сему предмету, или знаешь, да сказать не хочешь?

— Право же, нѣтъ. Вотъ ей-Богу. Одни они... Я сказалъ капралу Новоклюеву, а затѣмъ камеръ-юнгферѣ. Такъ все дѣло и началось.

— А можетъ, въ пристрастїи твой Калачовъ или купецъ называли и другихъ своихъ сообщниковъ? Мнѣ, родимый, по зарѣзъ хотѣлось бы знать имена всѣхъ этихъ подлецовъ. Въ допросахъ, тебѣ чинимыхъ г. Ушаковымъ, сказывалъ ли онъ тебѣ про это обстоятельство!

— Про какое? не понялъ Кудаевъ.

— Да про что я спрашиваю. Одни ли Калачовъ съ Егуновымъ? Или называли они другихъ участниковъ? Ушаковъ могъ въ допросахъ своихъ тебѣ это сказать.

— Нѣту, не говорилъ. Вѣрно сказываю вамъ, они двое, болтуны, болтали вмѣстѣ.

— Стало быть, это не есть по твоему многолюдное ухищреніе, въ которомъ человѣкъ до полсотни, а то и болѣе.

— Нѣтъ! Какое тебѣ ухищреніе, усмѣхнулся Кудаевъ. — Имъ двоимъ отъ бездѣлья вралось.

Грюнштейнъ вздохнулъ, задумался и потомъ сталъ прощаться съ Кудаевымъ, говоря:

— Ну что же, слава Богу, что ихъ мало, что двое дураковъ нашлись во всей столицѣ за эту шалую цесаревну заступаться.

Кудаевъ вышелъ отъ офицера нѣсколько озадаченный. Во всей ихъ бесѣдѣ не было ничего особеннаго, но было что-то въ фигурѣ Грюнштейна, что не могло ускользнуть отъ вниманія даже такого простодушнаго человѣка, какъ преображенскій солдатъ.

Грюнштейнъ волновался, смущался, путался, выпытывая у Кудеева все касающееся до дѣла Калачова. Онъ упорно своими черными глазами впивался въ Кудеева, не хуже господина Шмеца при допросѣ.

„Какое ему дѣло, подумалъ Кудеевъ, о томъ, что болтали дядюшка мой съ купцомъ? А вѣдь какъ вертѣлся, ежился и со всѣхъ сторонъ ко мнѣ цѣплялся. Почему же ему все это до-зарѣзу любопытно?“

Сильно изумился бы добродушный Кудеевъ, если бы могъ знать, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ его ухода Грюн-

штейнъ сѣлъ верхомъ на лошадь, уже осѣдланную заранѣе. Одѣтый въ простой армякъ и шапку, по виду совсѣмъ конюхъ или кучеръ, офицеръ поскакалъ по темнымъ и грязнымъ улицамъ столицы прямо на Смольный дворъ.

Въ воротахъ дома, обитаемаго цесаревной Елизаветой, на опросъ сторожей онъ отвѣчалъ весело:

— Матушка-Москва.

— Пожалуй, пожалуй, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— На крыльцѣ среди темноты чей-то голосъ снова тревожно опросилъ вошедшаго конюха.

— Что за человѣкъ?

— Матушка-Москва, отозвался Грюнштейнъ.

— Добро пожаловать. Прикажешь разбудить цесаревну?

— Нѣтъ, не буди. Вызови мнѣ Мавру Егоровну...

Когда черезъ нѣсколько минутъ въ полусвѣщенную горницу вошла молодая женщина, Грюнштейнъ вѣжливо и улыбаясь поклонился ей и сказалъ:

— Передайте ея высочеству, что всѣ мои опросы и весь сыскъ сегодня окончился. Сейчасъ я опросилъ самаго главнаго подлеца, нашего рядового Кудаева. Передайте цесаревнѣ, что она можетъ себѣ для памяти записать въ книжку этихъ двухъ вѣрныхъ человѣкъ, которые въ скорости въ Сибирь пойдутъ. А другихъ никого съ ними доподлинно не взято и допрашивается не было.—Такъ и скажите.

Грюнштейнъ снова сѣлъ на лошадь и снова поскакалъ домой.

Вернувшись, онъ нашель у себя двухъ офицеровъ, которые его дожидались.

Подробно передалъ онъ товарищамъ весь свой разговоръ съ Кудаевымъ.

XIX.

Вскорѣ послѣ этого Кудаевъ былъ еще болѣе озадаченъ. Къ нему пришелъ какой-то старичекъ, маленькій худенькій и, хрипя, пришепетывая, спросилъ его:

— Господинъ Кудаевъ? Вы?

— Я, отозвался рядовой.

— А есть у васъ въ ротѣ другой Кудаевъ?

— Нѣту.

— Стало, вы, сударь, были на часахъ у фельдмаршала графа Миниха?

— Я былъ.

— И вы же, сударь мой, въ благоприличномъ знакомствѣ и хлѣбосольствѣ состоите съ госпожею камеръ-юнгферою Минкь?

— Все я же, отозвался Кудавевъ уже весело.

— Ну вотъ-съ, очень пріятно мнѣ съ вами познакомиться и усердно васъ просить пожаловать ввечеру въ домъ господина графа.

— Къ кому? удивился Кудавевъ.

— Къ графу фельдмаршалу.

— Къ Миниху! изумился Кудавевъ.

— Точно такъ-съ.

— Зачѣмъ?

— Дѣло есть-съ.

— Да онъ меня выгонитъ.

— Не извольте беспокоиться. Самъ господинъ фельдмаршалъ меня къ вамъ прислалъ съ сей просьбицей—пожаловать къ нему ввечеру.

„Просьбица? подумалъ Кудавевъ. Просьбица у фельдмаршала къ нему, рядовому. Что за чудеса въ рѣшетѣ?“

— Такъ какъ же прикажете отвѣчать?

— Вѣстимое дѣло, воскликнулъ Кудавевъ: буду.

— Вы не опасайтесь, что графъ подъ арестомъ у себя на дому. Вамъ это повредить не можетъ, къ нему не запрещено ходить гостямъ. Только извините, а лучше вы бы сдѣлали, если бы надѣли простое рябчиково платье.

— Рябчиково?

— Ну, то-ись, простой кафтанъ. Какъ сказываютъ про господъ, служащихъ у статскихъ дѣлъ. Коли угодно, одѣньтесь простыми человѣкомъ, въ зипунишко, а не угодно—рябчикомъ одѣньтесь. Только не въ мундирѣ этомъ. Оно будетъ спокойнѣе и для васъ, и для графа.

Кудавевъ ничего не понималъ; но эта предосторожность его смутила.

— Нѣтъ, ужъ я лучше не пойду, произнесъ онъ.

— Напрасно, господинъ сударь Кудавевъ, совсѣмъ напрасно. Но мнѣ такой приказъ отъ графа, что коли вы опасаетесь переодѣться, то пожалуйста какъ есть, въ вашемъ солдатскомъ одѣяніи.

— Эдакъ пойду, а переодѣваться что-то мнѣ сдается негодно.

— Ну, эдакъ пожалуйте.

— Ладно.

— Такъ вѣрно это будетъ? Нынче ввечеру?

— Вѣрно, вѣрно. Сказаль, такъ не обману.

И въ тотъ же вечеръ, дѣйствительно, Кудаевъ, хотя волнуясь и тревожась, отправился къ дому Миниха. Онъ колебался цѣлый часъ, итти ли ему.

Предложеніе переодѣться въ простой зипунъ или въ статское платье и явиться подъ видомъ простаго двороваго или подъ видомъ чиновника, а не военнаго, смущало его. Но въ концѣ-концовъ, изумляясь, зачѣмъ онъ нуженъ Миниху, онъ двинулся.

На крыльцѣ, въ корридорѣ и въ дверяхъ внутреннихъ апартаментовъ фельдмаршала, Кудаевъ нашель часовыхъ отъ коннаго полка.

Это свидѣтельствовало, что опальный сановникъ все еще находится подъ домашнимъ арестомъ.

Кудаева пропустили, конечно, безпрепятственно, и какой-то лакей - нѣмецъ, не говорившій по-русски, провелъ его въ маленькую горницу. Здѣсь оказался тотъ самый старичекъ, что приходилъ въ казарму.

— Ну вотъ и хорошо. Я пойду доложу, произнесъ онъ.

И не прошло полминуты, какъ Кудаевъ былъ введенъ старичкомъ въ полуосвѣщенную горницу.

Фельдмаршалъ сидѣлъ за большимъ рабочимъ столомъ, покрытымъ книгами и бумагами.

— Здравствуй, воинъ, выговорилъ онъ. — Удивляешься, что я тебя позваль? Такъ ли?

Кудаевъ пробормоталъ что-то. Его поразили фигура и голосъ Миниха. Лицо за нѣсколько времени успѣло осунуться, еще болѣе пожелтѣть. Голосъ казался слабымъ, надорваннымъ.

„Совсѣмъ не тотъ человѣкъ, подумалъ Кудаевъ. Вотъ тоже самое, что мой дядюшка. Они оба, почитай, что въ одномъ положеніи и оба, почитай, невинно страдаютъ. Только есть разница. На Миниха враги какіе-то наклеветали правительницѣ, но Іуды въ домъ его не нашлось. А вотъ у старика-капитана нашелся Іуда“.

Кудаевъ вздохнулъ и понурился головой.

— Чего ты? выговорилъ Минихъ, съ удивленіемъ въ голосѣ.

Вздохъ и движеніе рядоваго онъ понялъ по своему.

— Чего ты? Иль тебѣ меня жалко? Вы, янычары, дѣтей

подъ соусомъ жарить способны и ѣсть съ масломъ и съ кашей. Гдѣ же вамъ сердобольничать! Это про васъ не писано. Чего же ты охаешь?..

Кудаевъ не зналъ, что отвѣчать.

— Ну, коли жалѣешь, прибавилъ Минихъ, не получивъ отвѣта,— такъ жалѣй себя, тѣмъ лучше. Тогда ты охотнѣе справишь мое дѣльце. Хочешь ты справиться мнѣ дѣльце?

— Слушаю-съ.

— Да хочешь ли?

— Извольте-съ.

— Дѣло, братецъ, простое. Ты женихъ племянницы камеръ-юнгферы Минкь?

— Точно такъ-съ... Надѣюсь...

— Она тебя любитъ?

— Мальхенъ? любитъ.

— Мальхенъ, это невѣста? Нѣтъ, я спрашиваю про тетку ея. Камеръ-юнгфера любитъ тебя?

— Полагаю-съ.

— Можешь ты ей отъ меня снести записочку и ящичекъ, такъ, чтобы никто во всемъ мірѣ, кромѣ тебя, меня, да господа Минкь, никто этого не зналъ?

— Могу-съ, удивляясь, произнесъ Кудаевъ.

— Поклянись ты мнѣ, что кромѣ насъ троихъ никто этого знать не будетъ?

— Поклянусь.

— Не погубишь ты оплохомъ и себя, и меня, и свою Минкь? Понимаешь ли ты, что ты погубить можешь всѣхъ троихъ?

— Не знаю-съ. Полагательно, если вы такъ сказываете.

— Такъ берешься?

— Берусь, съ запиской выговорилъ Кудаевъ.

— Ящичекъ небольшой, хоть за пазуху клади его. Все дѣло въ этомъ. Даже и отвѣта мнѣ не надо никакого отъ нея ко мнѣ. Сдѣлай милость, въ ножки поклонюсь и ей, и тебѣ.

— Извольте-съ, выговорилъ Кудаевъ уже смѣлѣе.

— Ну, такъ вотъ.

Минихъ слазилъ въ столъ и досталъ маленькую записку, запечатанную, а затѣмъ небольшой футляръ.

Тутъ же на глазахъ Кудаева онъ завернулъ футляръ, личною вершка въ четыре, въ бумагу, перевязалъ снур-

комъ, запечаталъ съ двухъ сторонъ, а затѣмъ, взявъ перо, быстро, мелкимъ почеркомъ написалъ что-то.

— Ну, вотъ цидуля и посылка. Бери, не теряй, передай по принадлежности и никому не болтай. Не передашь, ограбишь—себя погубишь, передашь и разболтаешь—всѣхъ насъ троихъ погубишь.

Фельдмаршалъ передалъ то и другое въ руки рядового, велѣлъ спрятать за пазуху и отпустилъ со словами:

— Коли все благоустоится, я, сударь мой, этого не забуду. Я все-таки фельдмаршалъ и графъ.

Кудаевъ вышелъ на улицу и тутъ только, какъ всегда, спохватился, что забылъ спросить, когда ему передавать посылку госпожѣ Минкѣ.

„Теперь поздно, подумалъ онъ. Завтра пойду“.

Всю ночь проспалъ рядовой плохо. Маленькій футлярець и записка оставались все время за пазухой. Онъ побоялся гдѣ-либо спрятать ихъ.

И этотъ футлярець, и эта записочка все болѣе тревожили Кудаева, какъ будто жгли его грудь, какъ будто царапали тамъ.

„Точно ворованное тамъ спряталъ“, думалось ему.

И вспомнилъ онъ, какъ однажды еще въ деревнѣ онъ поймавъ и спряталъ за пазуху бѣлку, которая въ кровь расцарапала ему всю грудь. Теперь писуля и посылка фельдмаршала, арестованнаго на дому по государственными причинами, царапали и жгли Кудаева много пуще той бѣлки.

XX.

На другой день рядовой хотѣлъ бѣжать къ госпожѣ Минкѣ чуть свѣтъ, но, подумавъ, обождалъ. Въ девять часовъ утра онъ былъ уже, однако, на подьѣздѣ Зимняго дворца.

Камеръ-юнгфера при объясненіи Кудаева всего съ нимъ происшедшаго, а затѣмъ даннаго ему порученія, нисколько не удивилась. Кудаевъ удивился и глаза вытаращилъ на барыню.

— Гдѣ же все? выговорила она просто.

— Вотъ-съ.

И Кудаевъ полѣзъ за пазуху, досталъ записку, досталъ футлярець и передалъ тучной женщинѣ.

„Хоть бы тебѣ капельку удивилась“, думалъ онъ.

Госпожа Минкъ прочла то, что было написано на посылкѣ и улыбулась. Затѣмъ распечатала и стала читать письмо, которое оказалось длиннымъ. Четыре небольшихъ страницы были исписаны мелкимъ почеркомъ.

Но камеръ-юнгфера читала быстро, изрѣдка ухмылялась самодовольно, качала головой.

Затѣмъ, прочитавъ, она развернула бумагу на футлярѣ, вынула, отворила его и ахнула. Кудаевъ ахнулъ еще пуще.

Три вещи сверкнули оттуда и засіяли на всю горницу. Брошка и двѣ серьги изъ крупныхъ брильянтовъ.

Камеръ-юнгфера не выдержала и промычала на всю горницу какой-то ей одной свойственный звукъ, въ родѣ „мэ-э-э!“

Она была не столько изумлена, сколько озабочена, сидѣла глядя на брильянты въ глубокой задумчивости, наконецъ вздохнула и произнесла что-то по-нѣмецки.

Кудаевъ, начинавшій уже вслѣдствіе сношеній съ ней и съ невѣстой чуть-чуть понимать по-нѣмецки, понялъ только одно слово: „мудрено“.

Въ эту минуту раздалися шаги въ корридорѣ около дверей, и госпожа Минкъ быстро защелкнула футляръ и сунула его въ карманъ.

Въ горницу вошла Мальхенъ, какъ всегда, веселая, подпрыгнула, увидя Кудалева, но обернувшись къ теткѣ, замѣтила незаурядное выраженіе ея лица.

— Что такое? спросила она по-нѣмецки.

— Ничего, такъ, отозвалась Стефанида Адальбертовна, и, обернувшись къ рядовому, произнесла строго:

— Слুষай, господина золдаты, не надо ни едина словъ никому про это говариваетъ.

И она похлопала по своему карману, гдѣ былъ спрятанъ футляръ.

— Никому ни словъ. А то я, ви, и онъ, важный особи, всѣ три подъ кнутъ попадавайтъ и всѣ до шмерти пошкочаються... Слুষаетъ? Понимайтъ? До шмерти!

Несмотря на серьезный голосъ и серьезное лицо госпожи Минкъ, Кудалева невольно улыбулся при словѣ „шмертъ“.

— Не смѣшно ничего, разсердилась камеръ-юнгфера.— Никому ни слова.

И она быстро заговорила что-то по-нѣмецки, обращаясь къ Мальхенъ.

Дѣвушка сразу стала серьезна и обратилась къ Кудалеву съ переводомъ слышаннаго отъ тетушки.

— Тетушка приказывает вамъ никому во всей столицѣ не сказывать о томъ, что вы ей сейчасъ принесли. Она говоритъ, что иначе и вы, и она, и тотъ генераль, который васъ прислалъ, можете очутиться въ тайной канцеляріи, а послѣ пристрастія и пытки попасть въ ссылку.

Мальхень, передавая это, была настолько встревожена, что фигура ея всего болѣе подѣйствовала на рядового. Онъ только теперь совершенно серьезно отнесся ко всему приключенію, въ которое попалъ волей-неволей.

— Избави Богъ, выговорилъ онъ съ чувствомъ.—И тотъ мнѣ говорилъ, никому не сказывать.

— И ей не надо сказывать, прибавила камеръ-юнгфера, показывая на Мальхень.—Она дѣвицъ, она болтунъ.

— Не надо, не надо, замахала руками и Мальхень. — Я не хочу. Я боюсь секретовъ. Ихъ мудрено въ головѣ держать.

Кудаевъ, по любезному приглашенію госпожи Минкъ, остался обѣдать. Сама она тотчасъ же вышла изъ горницы и молодежь осталась наединѣ, что случалось не часто.

Мальхень, разумѣется, воспользовалась случаемъ, чтобы тотчасъ же повиснуть на шеѣ своего возлюбленнаго и цѣловать его.

— Скоро ли, Господи, все это кончится, заговорила она.

И дѣвушка-егоза, какъ всегда бывало наединѣ съ женихомъ, то жаловалась и пищала, то хихикала, то принималась хныкать, а затѣмъ опять хохотала или начинала пѣть.

Кудаевъ пробылъ во дворцѣ довольно долго, обѣдалъ и послѣ обѣда просидѣлъ еще около часу.

За все это время его удивляла камеръ-юнгфера. Передъ обѣдомъ она вернулась въ горницы сіяющая, довольная и весело болтала. Затѣмъ во время обѣда она встала, потому что кто-то вызвалъ ее къ себѣ, и когда она опять вернулась, то лицо ея было не только раздосадовано, но даже злобно. Она не стала ѣсть, отшвырнула отъ себя ложку, сердито мяла салфетку въ рукахъ и поднялась изъ-за стола темнѣе ночи.

Но затѣмъ она снова исчезла изъ своей горницы, а когда возвратилась, то Кудаевъ ротъ разинулъ. Опять сіяла госпожа Минкъ! Толстое лицо ея расплылось въ большущую улыбку. Маленькіе, сѣрые, масляные глазки прыгали отъ радости.

„Вотъ сейчасъ ей кладъ подарили“, подумалъ Кудаевъ.

Госпожа камеръ-юнгфера была настолько довольна и весела, что когда рѣчь зашла о танцахъ, она встала и показала своей племянницѣ, какъ въ молодости въ одномъ голландскомъ танцѣ дѣлали вторую фигуру.

Толстая камеръ-юнгфера, поднявъ свои здоровенныя, какъ бревна, руки надъ головой, медленно закружилась по комнатѣ, тихо покачиваясь и поворачиваясь.

Доски пола жалобно заныли и заскрипѣли. Кудяевъ не выдержалъ и фыркнулъ.

Госпожа Минкъ была слишкомъ въ духѣ, чтобы разсердиться на молодого человѣка. Она только погрозила ему пальцемъ.

Выйдя изъ дворца, Кудяевъ задумчиво пошелъ въ казармы, разсуждая по дорогѣ:

„Вотъ такъ приключеніе! Фельдмаршалъ дарить госпожу Минкъ. Да какъ дарить-то? Вѣдь эти украшеньица какихъ денегъ должны стоить? На нихъ можно имѣніе купить. Что все это означаетъ?“

Когда Стефанида Адальбертовна осталась одна съ племянницей—она вынула изъ комода футляръ и открыла его подъ самымъ носомъ дѣвушки.

— Охъ!! вскрикнула Мальхенъ, и начала отъ восторга визжать, какъ собаченка.

— Это тебѣ, *meine Liebchen*, пойдетъ! сказала Минкъ. Подъ вѣнецъ поѣдешь съ этими вещами.

— Какое диво! Какое диво! восклицала Мальхенъ то по-русски, то по-нѣмецки.

— Это, навѣрно, тысячу рублей стоитъ! Я уже послала оцѣнивать къ придворному ювелиру. Только... Мудрено, Мальхенъ, очень мудрено...

— Что мудрено?.. спросила дѣвушка.

— За это надо отплатить.... А мудрено! вздохнула камеръ-юнгфера. Пока ладится, не знаю, что дальше будетъ.

XXI.

Былъ уже конецъ Великаго поста, когда два дѣла, о которыхъ много хлопотала Стефанида Адальбертовна, пришли къ желанному концу—осужденіе капитана Калачова и московскаго купца Егунова, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіе о замужествѣ Мальхенъ и ея помолвка.

Передъ Страстной недѣлей Андрей Ивановичъ Ушаковъ доложилъ дѣло о подсудимыхъ ея высочеству правительницѣ. По резолюціи Анны Леопольдовны, капитанъ Калачовъ былъ лишень всѣхъ правъ состоянія. У него была „отобрана шпага съ португеей“, а затѣмъ онъ былъ назначенъ въ ссылку въ Камчатку.

Купецъ Егуновъ тоже былъ назначенъ въ ссылку въ Сибирь, въ городъ Кузнецкъ, „на житье вѣчно“.

Въ одинъ день съ ними, точно такая же резолюція послѣдовала относительно рядового изъ дворянъ, преображенскаго солдата Елагина. Хотя его дѣло разсматривалось отдѣльно, но преступленіе Елагина было почти одинаково съ преступленіемъ Калачова. Его наказывали ссылкой тоже за „противныя рѣчи“.

Той же резолюціей правительницы рядовой преображенскаго полка Василій Кудаевъ „за вѣрность присягѣ и правый доносъ“ былъ „написанъ“ въ капралы въ тотъ же полкъ и, по распоряженію Ушакова, награжденъ пятьюдесятью рублями.

Но помимо этого вознагражденія, отъ правительницы и отъ тайной канцеляріи, капраль Кудаевъ воспользовался гораздо большимъ.

Это второе предпріятіе камеръ-юнгферы было, собственно говоря, главнымъ. Дѣло касалось до имущества, конфискованнаго у капитана Калачова. Камеръ-юнгфера выбивалась изъ силъ, хлопоча, чтобы оставшееся послѣ граждански умершаго капитана состояніе досталось нареченному ея племянницы.

Наслѣдовать Кудаеву отъ капитана оказалось гораздо мудренѣе, нежели думала госпожа Минкъ. Оказалось, что Кудаевъ окончательно ничѣмъ не могъ доказать свое родство съ осужденнымъ.

Стефанида Адальбертовна, узнавъ это отъ господина Шмецца, была въ теченіи нѣсколькихъ дней въ совершенной ярости. Гнѣвъ душилъ ее, она не могла совершенно объясняться, хотя бы даже ломанымъ русскимъ языкомъ.

Она звала на помощь переводчицей Мальхенъ, засыпала Кудаева вопросами, бранилась, называла его самыми обидными словами и заставляла его невѣсту неукоснительно и вѣрно переводить ея ругательства на русскій языкъ.

Дѣло дошло до того, что однажды Мальхенъ, переводя съ

нѣмецкаго на русскій цѣлые десятки бранныхъ словъ, расплакалась, и съ ней сдѣлался истерическій припадокъ.

Камеръ-юнгфера, между прочимъ, называла Кудеева плутомъ и мошенникомъ, говорила, что онъ хотѣлъ ихъ обмануть, раскаявалась въ томъ, что просила объ обвиненіи капитана Калачова, ибо, если бы она знала, что Кудеевъ ему не родня и наслѣдовать не можетъ, то никогда не начала бы дѣла.

Наконецъ, госпожа Минкъ однажды приказала племянницѣ перевести Кудееву, что она будетъ просить правительницу приказать начать дѣло сначала и за противныя рѣчи, которыя велись тремя лицами въ квартирѣ Калачова, судить, обвинять и сослать не куница съ капитаномъ, а его самого, преображенца.

Кудеевъ клялся, что онъ дальній родственникъ Калачову, что онъ не лгаль, утверждая это. При этомъ онъ клялся, что Калачовъ самъ обѣщаль ему оставить со временемъ все состояніе, конечно, по завѣщанію.

— Все это дичь, воскликнула госпожа Минкъ.— Все это болтовня, вранье. Онъ мошенничаль, насъ обманываль. Теперь какой же толкъ выйдетъ изъ того, что капитана сошлютъ? Наслѣдуетъ не онъ, а какой-нибудь другой родственникъ или отпишутъ все въ казну. Переведи, Мальхенъ. Переведи плуту...

Однако, не смотря на ежедневныя сцены, которыя дѣлала камеръ-юнгфера молодому человѣку, заставляя Мальхенъ быть правдивой переводчицей, одновременно она все-таки, съ помощью родственника Шмеца, продолжала энергично хлопотать по дѣлу наслѣдства.

Однажды Мальхенъ передала жениху по секрету, что тетушка ея до того расходилась, что объявила фрейлинѣ Іуліанѣ Менгденъ свое условіе: если дѣло не удастся, то она попроситъ отставку изъ штата правительницы и уѣдетъ въ Курляндію.

— Вона какъ! удивился Кудеевъ.— Да нѣшто можно такъ грозить? Ну, и скажутъ ей: уѣзжай! Прогоняять! А то еще хуже. Разсердится правительница, да сошлетъ куда...

Но Мальхенъ замахала руками.

— Ахъ, какой ты! Ничего ты, глупый, не понимаешь. Развѣ можно тетушку отпустить! Ни Менгденъ, ни правительница никогда на это не рѣшатся. Онѣ безъ нея пропали.

— Почему это? изумился капраль.

— Да ужь такъ, вѣрно я тебѣ сказываю. Объ этомъ мнѣ строжайше запрещено болтать. Вотъ выйду замужъ за тебя, все тебѣ расскажу, а теперь не могу.

И, дѣйствительно, камеръ-юнгфера добилась своего.

Капраль Кудаевъ законнымъ образомъ вступилъ во владѣніе имуществомъ граждански умершаго дяди.

Когда дѣло это огласилось и многіе узнали, что Кудаевъ дѣлается домовладѣльцемъ на Петербургской сторонѣ, то нѣкоторыя лица во дворцѣ стали обходиться съ нимъ гораздо вѣжливѣе и предупредительнѣе.

Конечно, не размѣръ состоянія, не богатство играли тутъ роль. Эти лица понимали, что если капраль могъ, вопреки всякихъ законовъ, получить себѣ отписанное у осужденнаго имущество, то, стало быть, онъ—любимецъ не только камеръ-юнгферы, но можетъ быть и самой правительницы.

Въ полку то же самое дѣло произвело иное впечатлѣніе. Отъ Кудалева стали сторониться какъ офицеры, такъ и рядовые изъ дворянъ. Нѣсколько разъ за спиной онъ слышалъ слово „Искаріотъ“.

Наконецъ, однажды, капраль Новоклюевъ, встрѣтивъ Кудалева въ казармахъ, остановилъ его словами:

— Что, Гуда, не затѣваешь ли опять новый какой доносъ? На какую тетушку или бабушку?

Кудаевъ взглянулъ на капрала и увидалъ, что тотъ былъ сильно пьянъ, съ краснымъ лицомъ и пошатывался на ногахъ.

— Я не предавалъ никого, заговорилъ Кудаевъ едва слышно: меня къ тому другіе толкнули.

— Чертъ толкнулъ! Да вѣдь и Гуду Искаріота на нашего Господа сатана толкалъ. Ахъ, ты! И подлое дѣло сдѣлалъ, дядю старика сгубилъ, да и глупое дѣло. Нюху у тебя нѣтъ; собачье твое рыло. Нашель, вишь, вины какія! Цесаревну тотъ возлюбилъ! Въ сенатъ хотѣлъ бѣжать, объ ней рапортовать! А ты доносчик!

Новоклюевъ все сильнѣе покачивался на ногахъ и бормotalъ, изрѣдка вскрикивая, очевидно, самъ не вполне сознавая, что болтаетъ.

Кудаевъ хотѣлъ уйти отъ пьянаго, но капраль бросился за нимъ, сильной рукой ухватилъ его за плечо и закричалъ на всю казарму.

— Не смѣй, слушай свою отвѣдь. Что хочу, то и буду говорить, а ты стой, уши держи и слушай. Ты, вишь, на цесаревну умышляешь, на нашу матушку доносишь, на тѣхъ, кто ее возлюбилъ. На нѣмкахъ жениться хочешь! Нѣмецкихъ ребятъ въ Россіи разводитъ! Ахъ, ты, собака-песъ! Да знаешь ли ты, ораль Новоклюевъ, что я тебя за матушку нашу, Елизавету Петровну, разнесу на сто частей. За куму Богъ велитъ заступаться, коли ее кто обидѣлъ. А она у меня моего Андришку крестила, сама своими царскими ручками вокругъ купеди его носила. Понимаешь ли ты, собака - песъ, какое ты дѣло сотворилъ? Ты лучше не ходи къ намъ въ казармы, мы тебя тутъ ухлопаемъ. Гуда! Вишь, что свахлялъ. Разстрѣль бы тебѣ! Гуда! Матушка Москва велитъ.

Кудаевъ давно бы ушелъ; но онъ стоялъ и слушалъ, выпуча глаза на Новоклюева и почти не вѣря своимъ ушамъ.

— Что ты, что ты! Спьяну, что ли? выговорилъ онъ.— Давно ли ты мнѣ сказывалъ совсѣмъ не такое? Сказывалъ, что кто считаетъ Елизавету Петровну законной дочерью перваго императора, такъ тотъ измѣнникъ присягѣ. А теперь, что ты болтаешь? У тебя спьяну всѣ мысли кверху ногами стали.

Мало ли, что было, да прошло. Самъ ты пьянъ родился, коли ничего не знаешь. Собака ты, песъ, а нюху собачьего у тебя нѣтъ. Коли я когда и сказывалъ, что супротивъ нашей матушки цесаревны, такъ, стало быть, я скотина былъ, свинья непонятная. Да мало ли что сказывалось? Нынѣ совсѣмъ другое потрафляется. Невѣсту свинятину себѣ раздобылъ, да поросятъ разводитъ въ Россіи...

Кудаевъ вдругъ взбѣсился и крикнулъ, подступая къ кандалу:

— А что, если я сейчасъ, прямехонько пойду къ господину Шмецу, да ему всѣ твои рѣчи расскажу, перомъ на бумагѣ, что съ тобой будетъ? Пьяная стелька!

— Иди! Ступай! Пойдемъ вмѣстѣ! отчаянно ораль Новоклюевъ и, ухвативъ Кудаева поперегъ тѣла, онъ сталъ тащить его къ двери.

— Пойдемъ, что же упираешься? Я радъ пострадать за матушку-царевну. Не успѣютъ меня въ канцеляріи отсудить, какъ ихъ всѣхъ, судей-то самихъ, въ Сибирь ушлетъ императрица.

— Что? что? повторялъ Кудаевъ, изумляясь.

Богъ вѣсть, чѣмъ бы окончилась эта ссора между двумя капрадами, если бы въ эту минуту не появился, какъ изъ-подъ земли, офицеръ Грюнштейнъ.

Онъ уже нѣсколько мгновений стоялъ за пріотворенной дверью и слушалъ все, что оралъ Новоклюевъ. Въ ту минуту, когда капралъ потащилъ Кудалева къ дверямъ, Грюнштейнъ вышелъ, рознялъ ихъ и крикнулъ на пьянаго капрала:

— Цыцъ, сорока! Спяну сорочишь непристойныя рѣчи, а этотъ уже по присягѣ подвелъ одного. Долго ли ему тебя погубить.

— Я про то сказываю, началъ Новоклюевъ тише...

— Молчать! Ни единого слова не смѣй говорить! крикнулъ Грюнштейнъ.—Вытряси хмѣль изъ головы. Дурень! Ну, а ты, обернулся онъ къ Кудалеву, дѣлай, какъ знаешь. Хочешь его губить за его пьяныя рѣчи,—губи. Но коли ты человѣкъ честный и сердечный, то долженъ разумѣть, что это все Новоклюевъ вралъ съ пьяныхъ глазъ. Во истину цесаревна крестила у него, какъ и у многихъ другихъ преобразенцевъ. Такъ нешто изъ этого что слѣдуетъ.

— Какъ что слѣдуетъ! Вѣстимо дѣло... началъ Новоклюевъ.

— Пошелъ ты спать, прикрикнулъ Грюнштейнъ.

— Коли она моя кума...

— Пошелъ спать... Ну... Идешь, что ли?..

Новоклюевъ не повиновался и снова хотѣлъ что-то говорить.

— Нишкни! воскликнулъ Грюнштейнъ.—Коли еще слово прибавишь, то я на тебя особый запретъ положу. Иди спать. Матушку-Москву знаешь, страннымъ голосомъ вдругъ произнесъ Грюнштейнъ, приближался къ Новоклеву и глядя пристально въ его полуоткрытые пьяные глаза.—Ну, Матушка-Москва! Ступай спать.

И къ удивленію Кудалева, Новоклюевъ покорно, ни слова не отвѣтивъ, но сильно пошатываясь, вышелъ изъ горницы.

— Ну а ты, господинъ новый капралъ, будь добрый человѣкъ, заговорилъ Грюнштейнъ: — не губи товарища за пьяныя рѣчи. У насъ одинъ, Елагинъ — ужъ пропалъ такъ. Мало ли чего нагородилъ тутъ этотъ шалый дурень. Проспится, самъ не повѣритъ. Нешто у цесаревны могутъ быть какіе приверженные? Есть у насъ законная правительница и законный императоръ, которому мы всѣ присягали. Они

истинные правители, государи Россійской имперіи. А вѣстимое дѣло, есть малоумные люди, которые также, какъ твой капитанъ, болтаютъ всякія непристойныя рѣчи, выдумываютъ небылицы въ лицахъ, и сказываютъ къ примѣру, что Елизавета Петровна должна бы царствовать. Все это, голубчикъ мой, сущій вздоръ. Ты человѣкъ умный, самъ разсудить можешь. Проспится Новоклюевъ, самъ, говорю, не повѣритъ, что тутъ наболталъ. Ну, такъ какъ же, станешь ты его губить? спросилъ Грюнштейнъ.

— Нѣтъ, что вы? Зачѣмъ? Я вѣдь ничего. Онъ меня остановилъ и началъ поносить, и меня, и невѣсту...

— Такъ не пойдешь ты доносъ дѣлать?

— Что вы, Богъ съ вами...

— Ну, спасибо, воздастъ тебѣ Господь сторицей. За что человѣка губить. Пьяный вѣдь онъ.

— Вѣстимо, вѣдь и я вижу, что пьянъ. Хоть сказываютъ, что у пьянаго на умѣ, то и на языкѣ, усмѣхаясь прибавилъ Кудавъ.

— Нѣтъ, прости, неправильна эта пословица. Бываетъ, что у пьянаго на языкѣ такое, чего въ головѣ и не бывало никогда. За что жъ его губить.

— Да я и не собирался.

— Ну, то-то вотъ, спасибо, произнесъ Грюнштейнъ и, простясь, онъ быстро отправился въ караульню, изъ которой пришелъ.

Кудавъ, однако, долго думалъ о случившемся. Въ немъ было убѣжденіе, что пьяный Новоклюевъ высказался откровенно. Стало быть, въ капралѣ произошла быстрая перемена. Давно ли онъ говорилъ Кудаву совершенно противоположное.

XXII.

На Красной Горкѣ состоялось бракосочетаніе племянницы госпожи камеръ-юнгферы и преображенскаго капрала.

На свадьбу эту многіе обратили вниманіе. Многіе сановники заранѣе знали, что будетъ свадьба богатая и пышная, совсѣмъ не къ лицу для капрала и для молоденькой нѣмочки. Тѣмъ не менѣе очень удивило многихъ высокопоставленныхъ лицъ одно обстоятельство на этой свадьбѣ. А затѣмъ послѣ обряда дня два или три много толковъ было о случившемся.

Въ то утро, когда невѣсту одѣвали къ вѣнцу, а женихъ

съ своей стороны съ нѣсколькими товарищами собирався изъ своего дома на Петербургской сторонѣ въ церковь Святой Троицы, въ Зимнемъ дворцѣ происходило нѣчто.

Когда Мальхенъ начала одѣваться, камеръ-юнгфера исчезла изъ горницы, поднялась въ верхній этажъ и перемолвилась съ баронессой Менгденъ. Затѣмъ она вернулась назадъ и сѣла, ни съ кѣмъ не заговаривая.

Мальхенъ одѣвалась. Нѣсколько пріятельницъ были у ней и по обычаю помогали наряжать невѣсту къ вѣнцу.

Камеръ-юнгфера глядѣла сумрачно и, наконецъ, нѣсколько разъ повторила, не двигаясь съ мѣста:

— Не спѣшить. Не надо спѣшить! Подождать. Понимайтъ?

Всѣ съ удивленіемъ глядѣли на госпожу Минкъ, въ особенности Мальхенъ широко раскрывала на нее свои красивые глаза.

Въ комнату вошла камеръ-медхенъ правительницы и познала госпожу Минкъ наверхъ.

Черезъ нѣсколько мгновений камеръ-юнгфера вернулась назадъ и видомъ своимъ перепугала всѣхъ. На ней лица не было. Вѣрнѣе сказать, на ней была пунцовая маска. Вся кровь бросилась въ голову тучной женщинѣ. Еще немножко и, казалось, у ней сдѣлается ударъ.

Видъ себя отъ гнѣва, пыхтя, сопя и задыхаясь, госпожа Минкъ выговорила черезъ силу племянницъ:

— Раздѣвайся.

Слово это упало въ горницу, какъ громъ. Мальхенъ затрепетала всѣмъ тѣломъ и вскрикнула, всплеснувъ руками:

— Что вы, тетушка!

— Раздѣвайся. Не поѣдешь. Не хочу свадьбы. Меня обманули. Не хочу, раздѣвайся. Was sagen sie! Gott?

И на вторичный повелительный приказъ камеръ-юнгферы двѣ дѣвушки начали снимать съ Мальхенъ подвѣчное платье.

Невѣста заплакала навзрыдъ, и приставала къ теткѣ объяснить причину такого неожиданнаго приключенія. Но камеръ-юнгфера, уже нѣсколько успокоившись, озлобленно махала рукой и повторяла по-нѣмецки:

— Насъ надули! Не хочу, не позволю я себя, какъ дѣвчонку, обманывать. Я не горничная. Я придворная совѣтница. Вотъ кто я.

Между тѣмъ нѣсколько женщинъ и дѣвушекъ изъ штата правительницы уже успѣли ускользнуть изъ горницы и разнести по дворцу вѣсти о скандалѣ.

Въ верхнемъ этажѣ тотчасъ было передано все, что случилось въ комнатахъ камеръ-юнгферы, самой госпожѣ Менгденъ. Фрейлина быстро пошла въ спальню правительницы.

Въ ту минуту, когда Мальхенъ была уже безъ своего вѣнчальнаго платья и надѣвала простое сѣренькое, въ горницу вбѣжала та же камеръ-медхенъ, но съ лицомъ очень веселымъ и объявила госпожѣ Минкъ:

— Ея высочество васъ къ себѣ требуетъ.

Придворная барынька грозно и важно поглядѣла на камеръ-медхенъ и произнесла:

— Скажите я нездорова, не могу итти.

Всѣ присутствующіе переглянулись съ нѣкоторою робостью. Дѣвушка выскочила изъ горницы, а госпожа камеръ-юнгфера стала стучать жирнымъ кулакомъ по подоконнику и приговаривала:

— Я не дѣвченка. Я себя за носъ водить не позволю. Сейчасъ напишу бумагу, буду просить отставку, уѣду въ Курляндію. Посмотримъ, какъ они безъ меня обойдутся.

Та же камеръ-медхенъ въ третій разъ впорхнула въ горницу и снова объявила госпожѣ Минкъ:

— Ея высочество приказала сказать: скажи Стефанидѣ Адальбертовнѣ, что все будетъ по ея желанію, поэтому что-бы не сердилась, скорѣе одѣвала невѣсту и ѣхала въ храмъ.

Госпожа Минкъ вздохнула. Лицо ея просіяло и, ни слова не говоря, она двинулась изъ горницы и пошла наверхъ. Въ дверяхъ она обернулась и выговорила:

— Ну, одѣвайте Мальхенъ.

Дѣвушка вскрикнула отъ восторга, пріятельницы ея взяли за все, что было разложено по стульямъ и столамъ, и невѣста начала одѣваться снова.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась госпожа камеръ-юнгфера, вошла сановито и медленно, закинувъ важно голову назадъ, и произнесла по-нѣмецки съ особой разстановкой:

— Ея высочество правительница и мать императора дѣлаетъ мнѣ честь быть твоей посаженной на свадьбѣ.

Мальхенъ, глядѣвшая въ лицо тетущкѣ, не отвѣчала ничего. На нее, очевидно, эта новость не произвела никакого впечатлѣнія. Ей это было совершенно безразлично.

— Что ты, не понимаешь? Ты дура, уже сердито произнесла госпожа Минкъ.—Понимаешь ты эту честь?

— Понимаю, поспѣшила отвѣтить Мальхенъ,—очень рада.

— Это великая честь!

— Понимаю, тетушка... Это, конечно, для васъ, а не ради меня...

— То-то. Ну собирайся скорѣе...

Черезъ нѣсколько минутъ невѣста была уже готова и, окруженная гостями, спускалась по лѣстницѣ садиться въ карету.

Со второго этажа въ то же время спускалась расфранченная госпожа Гуліана Менгденъ, отправлявшаяся въ церковь изображать при бракосочетаніи персону ея высочества въ качествѣ посаженной матери.

Причина, разобидѣвшая госпожу камеръ-юнгферу, была именно та, что правительница, обѣщавшая за нѣсколько дней быть посаженной Мальхенъ, передумала и рѣшила, что это слишкомъ много чести для простого капрала преображенца и для простой дѣвочки, не состоящей даже въ штатѣ двора.

Анна Леопольдовна находила совершенно достаточнымъ, если посаженной матерью будетъ фрейлина Менгденъ. Однако камеръ-юнгфера настояла на своемъ, но, конечно, согласилась на то, чтобы фрейлина Менгденъ была замѣстительницей принцессы при обрядѣ и на свадебномъ обѣдѣ.

Послѣ вѣнчанія былъ, конечно, пиръ горой у молодыхъ, на Петербургской сторонѣ, въ домикѣ несчастнаго капитана. Кудавы зажили, конечно, весело и богато — и блаженствовали. Капралъ былъ безмѣрно счастливъ. У него было порядочное состояніе, неожиданно полученный чинъ, красавица жена, и, наконецъ, покровительство властной „придворной барыньки“.

А что такое была толстая, лѣнивая и глуповатая на видъ камеръ-юнгфера—Кудавъ вполнѣ узналъ только послѣ вѣнца отъ своей молодой жены.

— Тетушка все можетъ, что ни захочетъ, объяснила однажды госпожа Амалия Кудавеа своему мужу, прося только не говорить объ этомъ въ полку.—Она сильный и властный человѣкъ, сильнѣе всего генералитета!

— Какъ такъ? воскликнулъ капралъ.

— Правительница души не чааетъ въ своей камеръ-фрейлинѣ, Юліанѣ Менгденъ. Обожаетъ ее много пуще, чѣмъ принца мужа своего. Слыхалъ ты это?

— Много разъ слыхаль.

— Ну, вотъ... А баронесса Юліана до страсти обожаетъ тетушку Стефаниду Адальбертовну. И на это есть особливья причины—баронесса не можетъ заснуть, если ей не чешутъ пятки... А дѣлать оное никто не умѣетъ ей такъ пользительно, какъ тетушка. Когда тетушка разъ захворала и лежала, баронесса ночей почти не спала—не отъ жалости, а отъ того, что некому было ей щекотать подошвы и пальчики. Ей-Богу.

— Ишь вѣдь, придворное-то житье! разсмѣялся Кудавевъ.

— Ну, вотъ и потрафляется все для тетушки, какъ она желаетъ, продолжала Мальхенъ.—Что она захочетъ, то и воротить. А когда нужно предпріять нѣкое чрезвычайное дѣло—то правительница шепчетъ любимой баронессѣ, а фрейлина шепчетъ камеръ-юнгферѣ, а Стефанида Адальбертовна дѣйствуетъ на свой страхъ.

— Да вѣдь она дура пѣтая?

— Ой, нѣтъ, милый. Ты не гляди, что она русскую рѣчь смѣхотворно проговариваетъ... По-россійски она взаправду дура. А по-нѣмецки умна такъ, что ахнешь.

— Ну вотъ... Головъ-то у нея не двѣ. Сколькими языками ни владѣй—голова-то на плечахъ та же размышляетъ.

— Ну такъ слушай!... воскликнула Мальхенъ.—Такъ и быть. Скажу все. Кто первый затѣялъ дѣло, чтобы вы, преобразенцы, захватили регента Ягана Бирона ночью?.. Стефанида Адальбертовна!

— Что-о? изумился Кудавевъ.

— Она... Вотъ тебѣ Богъ! Не лгу. Тетушка это на свой страхъ затѣяла, сама пошла къ графу Миниху, а тамъ передала все фрейлинѣ и правительницѣ. Да такъ три дня и перебѣгала. И ужъ прямо между фельдмаршаломъ да правительницей посредничала. Все брала на свою голову! Вотъ тогда графъ и не побоялся лично завести рѣчь объ арестѣ съ самой принцессой... Вотъ все и наладилось. А кто первый пошелъ... головы и языка не жалѣя?... Камеръ-юнгфера! Узнай все Биронъ за сутки, кому бы языкъ палачъ вырѣзалъ? Правительница и графъ отперлись бы и все бы на нее свалили.

— Молодецъ баба, коли такъ, согласился Кудавевъ:—конечно, она бы одна за все отвѣтила.

— Ну, а послѣ того, кто опять присовѣтоваль чрезъ фрейлину принцессѣ опасаться хитраго пролаза графа Миниха.

- Ну вотъ... Неужто она же...
- Вѣстимо она.
- Скажи на милость.
- А помнишь ты серебряный чайникъ съ сахарницей и съ молочникомъ, что подарили тетушкѣ объ Рождество?
- Помню.
- А кто подарилъ?
- Она то сокрыла. Никому не хотѣла сказывать.
- Графъ Остерманъ. Онъ ее часто дарить. А онъ человекъ хитрѣющій, знаетъ, кому надо угождать.
- Правда. Истинная правда! воскликнулъ Кудавевъ.— Вотъ и Минихъ чрезъ меня ее обдарилъ.
- И его не сослали. А совсѣмъ собирались сослать.
- Да, стало быть Стефанида Адальбертовна не дура. Она семи пядей во лбу!.. Самъ царь Соломонъ.
- Ну, а кто въ канцеляріи Андрея Ивановича Ушакова опредѣлили своего родственника пособникомъ къ господину Шмецу—она же... Господинъ Минкъ первое лицо у Шмеца. А самъ онъ изъ тайной канцеляріи каждый день утромъ бѣгаетъ къ тетушкѣ съ докладомъ и все ей рассказываетъ: кого допрашивали, кого пытали, да на дыбѣ подбирали и кто что на себя и на другихъ сказываетъ, что истинно и что облыжно....
- Зачѣмъ же ей это нужно?..
- А тетушка ввечеру, когда пяточки фрейлинѣ чешеть, все ей докладываетъ каждодневно со словъ Минка...
- А Юліана-то—правительницѣ! Понялъ!
- А Анна Леопольдовна каждодневно все знаетъ вѣрнѣе всякаго иного. Ее не обманеть и самъ Ушаковъ. Понялъ теперь, кто таковъ тетушка. Сильный человекъ. Властная персона!
- Истинно, рѣшилъ капраль и прибавилъ:— Да, властная персона—слова нѣтъ! Ай да камеръ-юнгфера!... И все-то—чрезъ пяточки происхожденье имѣеть!
- Эдакъ нельзя разсуждать! А ты меня за что любишь. Я тебя за что люблю? За поцѣлуй, за ласку... объяснила глубокомысленно Мальхенъ.— Не цѣлуй ты меня, я бы тебя любить не стала...
- Правда! Истинная правда! весело воскликнулъ Кудавевъ, обнимая жену.

XXIII.

По странной случайности, въ самый день свадьбы Кудяева, выѣзжали въ Московскую заставу изъ столицы нѣсколько телѣгъ, гдѣ везли пожитки и сидѣло человѣкъ пять арестантовъ, а вокругъ нихъ двигались съ ружьями солдаты; это была партія ссыльныхъ изъ тайной канцеляріи.

Въ первой телѣгѣ, на кучѣ разныхъ узелковъ и ящиковъ сидѣли два человѣка, совершенно непохожихъ одинъ на другого.

Это были: лишенный правъ состоянія Калачовъ, а съ нимъ рядомъ,—двадцатилѣтній арестантъ, красивый лицомъ, съ румянцемъ во всю щеку, веселый и довольный, какъ если бы онъ ѣхалъ не въ ссылку, а отправлялся въ отпускъ домой.

Это былъ преображенецъ, по фамиліи Елагинъ, такой же рядовой изъ дворянъ, какихъ много было въ полку, но приговоренный къ лишенію дворянскихъ правъ и ссылаемый точно также, какъ и Калачовъ, въ далекую Сибирь.

За послѣднее время Калачовъ сидѣлъ вмѣстѣ съ Елагинымъ въ одной камерѣ и старикъ полюбилъ молодого малаго и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ.

Благодаря рядовому изъ недорослей, веселому и очень умному, пылкому говоруну, разжалованный капитанъ совершенно преобразился. Тоска и отчаяніе, посѣтившія его послѣ ужаснаго доноса племянника, довели старика до того, что онъ казался уже полумертвымъ.

Благодаря своему новому любимцу Елагину, Калачовъ въ двѣ, три недѣли времени снова пріободрился, снова глядѣлъ весело, даже лицо его пополнѣло.

Тайна такого превращенія была простая.

Елагинъ, сидя по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ со старикомъ, передалъ ему такъ много новаго, чудеснаго и диковиннаго, о чемъ Калачовъ и понятія не имѣлъ, что поневолѣ капитанъ пріободрился, а затѣмъ и совсѣмъ сталъ выглядывать какъ прежній бодрый старикъ.

Елагинъ прежде всего объяснилъ капитану за что онъ судился и ссылается. Онъ заявлялъ громко всюду и говорилъ знакомымъ то, что всѣ преображенцы думали про себя и хорошо знали, да только вслухъ никому не говорили.

Елагинъ просто рассказывалъ, что въ ту ночь, когда фельд-маршалъ Минихъ явился къ нимъ въ караульню Зимняго дворца и уговаривалъ офицеровъ итти арестовать регента Бирона, то онъ ясно объяснилъ солдатамъ, что они идутъ по приказанію цесаревны Елизаветы Петровны и, захвата Бирона, арестуютъ и правительницу съ младенцемъ императоромъ, чтобы превозгласить императрицей цесаревну.

Сначала капитанъ Калачовъ отчасти ничего не понималъ, отчасти не повѣрилъ. Но затѣмъ въ долгіе дни сидѣнья вдвоемъ въ казематѣ Елагинъ подробно рассказалъ и объяснилъ все Калачову.

Дѣйствительно, въ ночь похода въ Лѣтній дворецъ и ареста Бирона графъ Минихъ положительно поднялъ всѣхъ солдатъ преображенцевъ однимъ лишь именемъ цесаревны и, стало быть, „взялъ обманно“.

И многіе, если не всѣ, отлично слышали, что говорилъ тогда Минихъ, отлично знали теперь, что фельдмаршалъ обманулъ ихъ. Никогда никто изъ нихъ не двинулся бы ради Анны Леопольдовны.

— И вотъ, добавлялъ въ объясненіе Елагинъ:—все это хорошо намъ все извѣстно, всѣхъ насъ обидѣло и разсердило; но всѣ-то молчали и молчать. А я сталъ объяснять всѣмъ. Меня взяли, судили и ссылаютъ...

Этотъ рассказъ пострадавшаго лица за ту же цесаревну, за которую пострадалъ и Калачовъ, имѣлъ сильное вліяніе на старика.

Онъ вдругъ увидалъ и понималъ, что онъ не одинъ... Все, что онъ въ своей квартиркѣ на Петербургской сторонѣ говорилъ, все, что заставляло его всегда горячиться, все, за что онъ преданъ племянникомъ и пострадалъ,—все это не диковина въ столицѣ. Не одинъ онъ! Много ихъ такихъ...

Елагинъ клялся Калачову, что арестъ Бирона былъ произведенъ именемъ цесаревны, и всѣ знаютъ, что Минихъ надулъ преображенцевъ. Поэтому именно самъ фельдмаршалъ и теперь подъ арестомъ, такъ какъ правительница, вѣроятно, находитъ все это дѣло темнымъ. Можетъ быть, Минихъ и впрямь хотѣлъ послѣ ареста Бирона арестовать императора и правительницу, да побоялся и отступился! За что же иначе арестовывать его теперь.

Узнавъ все отъ Елагина, разжалованный капитанъ выглядывалъ теперь бодро и весело, отправляясь Богъ вѣсть куда, на край свѣта.

Рядовой, въ шутку называвшій его „дѣдушкой“, разъ по сто въ день говорилъ:

— Дѣдушка, не печалуйся. Вотъ тебѣ Богъ святъ, не успѣемъ мы до Казани доѣхать, какъ воцарится императрица Елизавета. Ты, сидя у себя на Петербургской сторонѣ, ничего ни окомъ не видаль, ни ухомъ не слыхаль, а я все знаю. Говорю тебѣ, дѣдушка, до Казани не доѣдемъ, насъ заставятъ на пути въ церкви какой присягать новой императрицѣ, а затѣмъ она насъ вернетъ обратно и все намъ возвратитъ—и чины, и имущество.

Вѣра Елагина была такъ сильна, что и Калачовъ увѣровалъ.

XXIV.

Подошла осень. Кудеева уже давно перестали звать новымъ капраломъ. Въ полку ходили толки, что капраль скоро станетъ сержантомъ, а не пройдетъ одного года, какъ сдѣлается офицеромъ.

Кудеевъ сталъ совсѣмъ важнымъ человекомъ среди своихъ сослуживцевъ. Всѣ относились къ нему съ особымъ почтениемъ; но онъ не замѣчалъ, что всѣ какъ будто сторонились отъ него. Не только солдаты боялись ослушаться капрала, но и офицеры относились къ нему какъ-то смиренно и послушно. Съ ихъ стороны было особенное отношеніе къ Кудееву, не столько предупредительность, сколько осторожность.

Кудеевъ, разумѣется, подробно передавалъ господамъ камеръ-юнкферѣ все, что происходило у нихъ въ казармахъ, а равно что дѣлалось въ канцеляріи полка.

За послѣднее время, въ исходѣ октября, Стефанида Адальбертовна поручила своему родственнику очень важное дѣло: слѣдить и передавать ей постоянно все, что говорить или дѣлаетъ цесаревна Елизавета Петровна.

Цесаревна постоянно заѣзжала въ гвардейскіе полки, преимущественно въ Преображенскій, продолжала часто крестить дѣтей у солдатъ, оставалась въ ротныхъ дворахъ во полчаса и долѣе и, когда шли водку за ея здоровье, она тоже осушала стаканчикъ, чѣмъ приводила всѣхъ въ восторгъ.

Когда цесаревна возвращалась къ себѣ въ Смольный дворъ, то солдаты цѣплялись за ея сани, становились на запятки и просто на полозьяхъ, другіе рысью бѣжали кругомъ, и она

возвращалась, окруженная веселой гурьбой. Другого имени, какъ „наша матушка“, ей не было въ казармахъ уже давно.

Осенью во всѣхъ полкахъ, но болѣе всего въ Преображенскомъ, у всѣхъ солдатъ стали появляться деньги и довольно большія. Цесаревна, однако, не могла имѣть настолько средствъ, чтобы сыпать въ гвардію щедрой рукой такія крупныя суммы.

Откуда же явились деньги?

Ходилъ въ Питерѣ глухой слухъ, что деньги, однако, отъ цесаревны, а даются ей французскимъ резидентомъ, маркизомъ де-ла Шетарди. Объясненію никто не вѣрилъ.

Съ какой стати будетъ французскій король, черезъ своего резидента, одаривать гвардейскіе петербургскіе полки. Совсѣмъ это дѣло бессмысленное и неподходящее. Разумные люди называли этотъ слухъ турусами на колесахъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ госпожа камеръ-юнгфера все чаще спрашивала Кудаева о томъ, что дѣлаетъ и говоритъ цесаревна, появляясь у нихъ въ полку.

Кудаевъ отвѣчалъ:

— Ничего особливаго.

Нѣкоторые вопросы Стефаниды Адальбертовны даже удивляли капрала. Богъ вѣсть откуда она что брала.

— Ничего такого не было, тетушка, заявлялъ онъ.— Откуда это вы слышали? Все это враки.

— Стало быть, ты самъ ничего не знаешь, съ гнѣвомъ объявила однажды госпожа камеръ-юнгфера.

И дѣйствительно Кудаевъ совершенно не зналъ, что въ полку его водили за носъ. Онъ не подозрѣвалъ даже, что на всемъ своемъ ротномъ дворѣ былъ у всѣхъ на примѣтѣ, отмѣченный всѣми товарищами и какъ отрѣзанный ломоть.

Онъ не зналъ, что часто ему давали порученіе, чтобы сжить съ ротнаго двора, или приглашали въ гости нарочно, чтобы удалить изъ казармъ; а за это время являлась цесаревна, бывало веселье, шумъ, толки, встрѣчи и проводы „нашей матушки“.

Когда появлялся Кудаевъ, онъ видѣлъ только кругомъ странно улыбающіяся лица. По своей безпечности онъ не могъ догадаться, что въ случаѣ чего-либо, о чемъ знаютъ уже многіе обыватели Петербурга, онъ, ближайше стоящій, узнаеть послѣдній.

Подошелъ ноябрь.

Однажды, когда Кудаевъ по приглашенію камеръ-юнгферы явился съ женой къ тетущкѣ своей Стефанидѣ Адальбертовнѣ, то засталъ ее очень взволнованной. Она только что пришла изъ горницъ баронессы Іуліаны Менгденъ.

— Ну, садись, сказала она Кудаеву и своей племянницѣ по-нѣмецки.—Слушай внимательно, Мальженъ, и переводи своему мужу все, что я буду говорить, не опуская ни единого слова. Дѣло особой важности.

При помощи переводчицы между камеръ-юнгферой и кап-раломъ завязалась слѣдующая бесѣда:

— Что говорилъ у васъ недавно ввечеру на ротномъ дворѣ офицеръ Грюнштейнъ? Какія слова произнесъ онъ, когда уже всѣ спать собирались. Тому назадъ дня два, или три это было.

— Ничего, отозвался Кудаевъ, ничего такого не было.

— Ну такъ, стало быть, ты совсѣмъ ничего не знаешь и не видишь. Мы всѣ очень разсержены разными наглыми поступками цесаревны. Со всѣхъ сторонъ говорятъ, что Елизавета хитритъ и что-то такое затѣвуетъ. Она такая глупая, что воображаетъ о себѣ невѣсть что, мнитъ даже сдѣлаться императрицей. Разумѣется, она не знаетъ и не слышала, что черезъ мѣсяцъ или подъ Новый годъ правительница сама издастъ манифестъ и объявитъ себя императрицей Всероссійской. Но дѣло въ томъ, что правительница не опасается Елизаветы и даже слушать не хочетъ, когда ей говорятъ о разныхъ поступкахъ цесаревны. Но мы всѣ, и его высочество принцъ, и госпожа Менгденъ, и австрійскій посланникъ Ботта, всѣ смущаются этимъ. Надо бы эту Елизавету постричь въ монастырь или по крайней мѣрѣ выслать изъ Петербурга. Ты долженъ, какъ близкій мнѣ человекъ, взять на себя порученіе и исполнить его въ точности. Разузнать въ своемъ полку, кто есть приверженцы цесаревны, способные что-нибудь замыслить въ ея пользу, и кто собственно остается вѣрноподаннымъ императору.

— Что же, извольте, съ большимъ удовольствіемъ, отозвался Кудаевъ.—Это немудрено.

— Всякій день по одному, по два человекъ перебери всѣхъ своихъ, и солдатъ и капраловъ, со всѣми по душѣ перетолкуй и разузнай. Да это надо сдѣлать умно, тонко. Прикинься слугой и доброжелателемъ Елизаветы, а насъ и императора ругай.

— Вѣстимо, отозвался Кудавевъ,—надо хитрить.

И на другой же день послѣ этого разговора капралъ началъ пытать своихъ товарищей, а равно и рядовыхъ.

Нѣсколько дней усердно продолжалъ онъ свой розыскъ и пытанье и наконецъ явился къ Стефанидѣ Адальбертовнѣ объявить, что все, что смущаетъ ее и придворныхъ принцессы, сущій вздоръ.

— Все то враки, сказалъ онъ.—Я пыталъ чуть не весь полкъ. Всѣ только смѣются, только на смѣхъ поднимаютъ. Когда я сталъ говорить о моихъ якобы замыслахъ въ пользу цесаревны и противъ принцессы, то одни меня дуракомъ обзывали, другіе же грозились за такія рѣчи на меня доносить дѣлать господину Ушакову. Напрасно вы тревожитесь по пустому.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, отозвалась камеръ-юнгфера.— Стало, не годишься ты въ наше дѣло. Не далѣе, какъ вчера былъ у принцессы австрійскій резидентъ и всячески умолялъ ее обратить вниманіе на поведеніе Елизаветы. А третьяго дня пришло большущее письмо изъ Бреславля и все говорятъ о томъ же. Французскій резидентъ Шетарди, другой французъ, докторъ цесаревны Лестокъ, вмѣстѣ съ ней орудуютъ шибко, деньгами такъ и посыпаютъ. Всѣ мы единогласно желаемъ, чтобы цесаревну заперли сейчасъ же въ какой-нибудь монастырь подальше отъ столицы. Одна правительница, Богъ знаетъ, что съ ней приключилось, только все смѣется и говоритъ, что это одно измышленіе враговъ ея спокойствія.

— И я то же скажу, отозвался Кудавевъ,—измышленія одни!

Камеръ-юнгфера махнула рукой и съ этого дня уже болѣе ни о чемъ не толковала съ Кудавевымъ.

Въ концѣ мѣсяца, преображенцы вдругъ заволновались, шумѣли и роптали. Цѣлая половина полка предназначалась къ выступленію въ походъ противъ шведовъ. При этомъ указана была перетасовка офицеровъ и рядовыхъ.

Случайно или нѣтъ, но вся рота, въ которой былъ Кудавевъ, попала въ отрядъ, назначаемый на войну.

И тутъ только въ первый разъ, среди всеобщаго ропота, Кудавевъ услышалъ слова, которыя его поразили.

Одинъ изъ капраловъ объяснилъ, что надо бы только время оттянуть, какой-нибудь мѣсяць, и тогда никакого похода не

будеть, такъ какъ правительница съ своимъ младенцемъ—императоромъ сама отправится въ походъ, только не противъ шведовъ, а на Бѣлое море.

Кудаевъ задумался, передавать ли, что онъ слышалъ, камеръ-юнкеръ или нѣтъ. Несмотря на то, что онъ слылъ въ полку какъ доносчикъ, онъ все-таки не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшаго желанія итти доносить на своихъ товарищей.

XXV.

Наконецъ, однажды ночью въ домъ Кудаева прибѣжалъ рядовой, разбудилъ его и объяснилъ, запыхавшись, что нѣчто диковинное творится въ полку и къ утру чудеса будутъ. Пришли къ нимъ въ казарму нѣсколько незнаемыхъ людей и усовѣщиваютъ рядовыхъ стать за цесаревну, чтобы провозгласить ее императрицей.

Кудаевъ одѣлся, велѣлъ сѣдлатъ скорѣе лошадь и минутъ черезъ десять, несмотря на тьму, шибко поскакалъ въ свой ротный дворъ.

Онъ нашель всѣхъ на ногахъ, и когда вступилъ въ освѣщенную горницу, то невольно ахнулъ во все горло.

Въ горницѣ, среди всѣхъ, стояла цесаревна съ голубой лентой черезъ плечо, которой онъ никогда не видалъ на ней до тѣхъ поръ, а солдаты поочереди прикладывались ко кресту и цѣловали ея руку.

Кто-то замѣтилъ его и крикнулъ:

— Иди, присягай матушкѣ императрицѣ.

Капраль настолько оторопѣлъ, что ничего не видѣлъ и не слышалъ. Онъ даже не помнилъ, какъ случилось, что онъ очутился среди кучки солдатъ, которые очевидно уже прошли черезъ цѣлованіе креста и говорили ему:

— И ты тоже? Вотъ такъ славно. И хорошо, родимый, хорошо, что съ нами.

Кудаевъ не отвѣчалъ ничего; ему казалось, что онъ бредитъ. Онъ только дико озирался кругомъ.

Кто-то, съ виду важный человекъ, стоявшій все время около цесаревны, завидя его, пристально присмотрѣлся ему въ лицо и что-то спросилъ у ближайшаго изъ офицеровъ. Тотъ—Грюнштейнъ—быстро подошелъ къ Кудаеву.

— Ты не присягалъ? вымолвилъ строго еврей.

— Нѣтъ, едва слышно отозвался Кудавевъ.

— Ты присягать не станешь, знаю, ты вѣдь ейной придворной барыньки любимчикъ и доносчикъ. Такъ не будешь присягать?

— Нѣтъ, рѣшительно, громко выговорилъ Кудавевъ.

— Вяжи его, ребята, крикнулъ Грюнштейнъ.

И въ одну минуту Кудавеа повалили и связали по рукамъ и по ногамъ. Затѣмъ втащили въ сосѣдную темную горницу и бросили на полъ.

Вскорѣ шумъ и гулъ стихъ, казармы опустѣли. Кудавевъ пришелъ въ себя. Онъ вполне сообразилъ только теперь все, что творилось въ казармѣ на его глазахъ.

— Слава Тебѣ, Господи, произнесъ онъ, что у меня хватило духу отказаться. Всѣхъ ихъ переберутъ и завтра же казнить будутъ. Разбойники, что затѣяли!

Онъ сталъ пробовать свои пути и къ величайшей радости почувствовалъ, что онъ можетъ зубами развязать одинъ узелъ и освободить правую руку. Онъ усиленно принялся за работу; зубы заняли отъ усилій, но онъ продолжалъ и, наконецъ, одна рука его была свободна.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сбросилъ съ себя всѣ веревки, выскочилъ и бросился на дворъ. Лошади его не было и помину, хотя онъ привязалъ ее на-крѣпко.

Разумѣется, первая мысль его была бѣжать къ камеръ-юнгферѣ, предупредить ее о томъ, что произошло на ротномъ дворѣ.

— Конь-то мой, мысленно шутилъ Кудавевъ, видно тоже оказался виноватъ предъ цесаревной.

Несмотря на то, что Кудавевъ бѣжалъ изо всей силы, несмотря на сильный морозъ, онъ все-таки дорогой радостно обдумывалъ все, что можетъ быть съ нимъ.

Послѣдствія его браваго поведенія были ясны. Не только чинъ сержанта, но, пожалуй, и прямо офицера. Шутка ли прибѣжать во дворецъ и объяснить, что среди ночи присягали цесаревнѣ Елизаветѣ и куда-то съ ней двинулись.

Огибая какой-то уголь, Кудавевъ увидаль на подъѣздѣ двухъ своихъ однополчанъ. Онъ присмотрѣлся и узналъ домъ, въ которомъ жилъ графъ Остерманъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ рядовыхъ.

— Арестовали нѣмца. Наши тамъ въ горницахъ, а мы тутъ поставлены.

— Ахъ вы, разбойники! воскликнулъ Кудаевъ.—Аль вамъ головъ не жаль.

— Что дѣлать, указали такъ. Что изъ этого выйдетъ, невѣдомо. Какъ ты-то на свободѣ? Тебя вѣдь связали.

— Мало что.

— Скажи спасибо, отозвался другой солдатъ.—Тебѣ, братъ, лучше, чѣмъ намъ. Ты ни въ чемъ не замѣшанъ. А мы, поди, къ утру-то причемъ будемъ.

— Да какъ вы попали сюда?

— Да насъ, какъ вышли съ ротнаго двора, четыре отряда отрядили, по двадцати пяти человѣкъ въ каждомъ. Сюда вотъ къ Остерманову, другихъ къ графу Левенвольду, а третій отрядъ то же самое учинить съ графомъ Минихомъ, а четвертый къ кому-то еще...

— Вице-канцлера Головкина дома захватить, отозвался другой рядовой и прибавилъ тревожно:—да, Господи помилуй, что затѣяли! Заварили кашу, а кому-то расклебывать? Что вотъ впереди будетъ, какъ вся гвардія поднимется на насъ.. Диковинное время, нынѣ живъ, а завтра—пропаль.

— Да вы бросьте, уйдите, сказалъ Кудаевъ.

— Уйди! Легко сказать это, братецъ.

Кудаевъ махнулъ рукой и бросился бѣжать далѣе. Пробѣжавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился.

— Эхъ обида, не спросилъ я, куда цесаревна двинулась. Главное-то и позабылъ узнать. Спросить Стефанида Адальбертовна, куда она поѣхала ночью съ нашими солдатами, а я этого-то и не знаю. Ну, да дѣлать нечего.

И Кудаевъ припустился снова изо всей мочи.

Наконецъ вдали завидѣлъ онъ Зимній дворецъ. Несмотря на глухое ночное время, во всѣхъ его окнахъ свѣтились огни. Казалось, что во дворцѣ балъ и большою съѣздъ.

„Что за притча?“ подумалъ онъ, припускаясь еще шибче.

Черезъ нѣсколько минутъ Кудаевъ уже пробѣжалъ дворцовый дворъ и былъ на крыльцѣ. Но здѣсь онъ остановился, какъ истуканъ, оробѣлъ и окаменѣлъ. Всѣ его товарищи однополчане были тутъ, а по лѣстницѣ со второго этажа спускались рядовые, окружая женщину съ ребенкомъ на рукахъ. Кудаевъ проскользнулъ въ корридоръ, гдѣ были горницы Стефаниды Адальбертовны. Тамъ никого не оказалось. Онъ сталъ спрашивать своихъ товарищей, но вмѣсто отвѣта одинъ изъ рядовыхъ крикнулъ ему, смѣясь:

— Ты какъ выпутался? Зачѣмъ прибѣжалъ? Полюбопытствовать, что ли? На вотъ, гляди.

Всѣ преображенцы были при ружьяхъ и шпагахъ, онъ былъ безоруженъ. Всѣ они смѣялись, шутили, болтали и весело сновали по дворцу. Онъ одинъ между ними бѣгалъ, какъ угорѣлый, изъ горницы въ горницу.

И, наконецъ, Кудаевъ услышалъ невѣроятную вѣсть.

Принцесса правительница съ принцемъ супругомъ, неодрѣтые, въ одномъ ночномъ бѣльѣ, да въ шубахъ, накинутыхъ поверхъ сорочекъ, были уже увезены самой императрицей... Теперь свозили со двора младенца „Ивана съ кормилицей“. А куда дѣвалась Стефанида Адальбертовна и другія фрейлины, камеръ-медхенъ и камеръ-юнгферы, никто не зналъ, но всѣ подшучивали.

— Должно, въ разные мѣшки ихъ пораскладали, да возять на Неву, въ проруби бросають. Одного „Ивана“ не приказала императрица обижать.

Наконецъ, бросаясь изъ горницы въ горницу, Кудаевъ налетѣлъ на самого Грюнштейна, который спокойно лазилъ и шарилъ по комодамъ въ спальнѣ принца.

— Ты какъ здѣсь? воскликнулъ онъ. Ахъ ты шутъ эдакій! Вотъ теперь, братъ, заплатишь за предательство дядюшки своего. Пристрѣлить мнѣ тебя сейчасъ! Да наплевать. Бѣгай. Завтра за тебя возьмутся. Ты нашихъ рукъ не минешь.

Грюнштейнъ весело разсмѣялся, вышелъ и громко scomандовалъ на лѣстницѣ: Ребята! Собирайся!

Между тѣмъ дворецъ, весь освѣщенный, постепенно все пустѣлъ и вскорѣ опустѣлъ совсѣмъ.

Когда Кудаевъ, задумчиво уютившійся на поваленномъ креслѣ вверху лѣстницы, оглянулся сознательно, то былъ пораженъ тишиной, которая царствовала во всемъ дворцѣ. Онъ быстро всталъ, будто очнувшись, пробѣжалъ вверхъ, прошелъ нѣсколько горницъ, спустился внизъ, прошелъ корридоръ, заглянулъ опять въ горницу Стефаниды Адальбертовны, вернулся на лѣстницу и остановился въ изумленіи. Дворецъ былъ пустъ и безлюденъ. Въ немъ не было ни единой живой души.

Преображенцы взяли, увели и увезли всѣхъ, кто былъ здѣсь и спалъ спокойно только часъ тому назадъ. Въ растворенныя настежь двери крыльца врывался морозъ и уже находилъ весь домъ, который теперь казался какимъ-то

тайственнымъ, сказочнымъ обиталищемъ, гдѣ были повсюду слѣды человѣка,—вещи, мелочи, всякій скарбъ, пища и питье на тарелкахъ, повсюду огонь, свѣчи, а между тѣмъ ни единого человѣка.

На Кудаева напалъ какой-то трепеть. Онъ опрометью бросился вонъ, выскочилъ на дворъ и крикнулъ громко:

— Что же мнѣ-то дѣлать?!

И самъ не зная, почему и зачѣмъ, онъ пустился бѣжать домой, на Петербургскую сторону.

Мальхень, при извѣстии о всемъ томъ, что видѣлъ мужъ, была, конечно, поражена не менѣе его. Оба не вѣрили, однако, въ возможность переворота въ пользу цесаревны.

Кудаевы никакъ не могли себѣ представить, чтобы правительница, принцъ отецъ императора и всѣ главные сановники имперіи могли безъ всякаго сопротивленія въ одну ночь, въ одинъ часъ времени, стать ничѣмъ, простыми обывателями и даже хуже того,—заключенными.

— Триста человѣкъ бунтовщиковъ на весь Петербургъ, говорили мужъ съ женой, нешто могутъ сдѣлать эдакое дѣло. Вѣдь это не то, какъ вотъ тогда ходили съ Минихомъ арестовывать Бирона. Тамъ былъ указъ правительницы отъ имени императора. А тутъ триста человѣкъ солдатъ самовольно заарестовываютъ принца, принцессу, императора, весь штатъ дворцовый и четырехъ главныхъ сановниковъ. Не можетъ этого быть! Эдакое и въ сказкѣ не рассказывается!

Конечно, Кудаевъ не сомкнулъ глазъ и при первыхъ лучахъ солнца снова двинулся черезъ Неву къ своему ротному двору. Но до казармы капраль не дошелъ.

Вся столица была на ногахъ. Рано поднялся изъ своего дома капраль, а другіе болѣе важные люди въ столицѣ поднялись еще раньше его.

На Невской перспективѣ гудѣло море народное. Всѣ бѣжали, всѣ кричали и всюду слышалось только одно:

— „Матушка императрица Елизаветъ Петровна!“

Кудаевъ приостановился, прижался отъ волнъ народныхъ къ стѣнѣ какого-то дома и, схвативъ голову руками, проговорилъ:

— Башка, башка... Алтынъ тебѣ цѣна!

XXVI.

Через мѣсяцъ по восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, на святкахъ, почти подъ самый Новый годъ, капраль Кудаевъ былъ исключенъ изъ рядовыхъ Преображенскаго полка и переписанъ въ Напольный полкъ. Но до тѣхъ поръ онъ все-таки уже давно не ходилъ въ казармы, такъ какъ сталъ подвергаться каждый день всякаго рода оскорбленіямъ не только со стороны капраловъ и сержантовъ, но даже и отъ простыхъ рядовыхъ.

Не прошло пяти дней, какъ офицеръ Грюнштейнъ, оказавшійся главнымъ предводителемъ въ переворотѣ 25-го ноября, объявилъ Кудаеву, насмѣшливо, но добродушно:

— Ты лучше впредь до рѣшенія твоей участи не ходи сюда. Тебя исколотятъ и изувѣчатъ за твои измѣнническія поступленія и супротивленія императрицѣ. Больше скажу. Если тебя наши убьютъ, то погибнешь ты, какъ собака, ихъ за это и судить не будутъ, только похвалятъ. Такъ ужъ лучше, братецъ ты мой, сиди ты дома впредь до рѣшенія судьбы. Кабы былъ у тебя, голубчикъ, нюхъ, какъ сказывалъ тебѣ въ оно время спьяну Новоклюевъ, такъ ты бы не пропалъ. А ты, вишь, выискалъ законную линію принцевъ какихъ-то. Тоже придумалъ! Понятное дѣло, когда всѣ твои нѣмцы сидятъ по разнымъ острогамъ, такъ и тебѣ въ отвѣтъ быть. Православный человекъ, дворянинъ російскій, а какого маху даль...

И Кудаевъ съ того дня пересталъ являться въ казармы.

Дома Кудаеву было, конечно, не весело. Стефанида Адальбертовна, не пожелавшая слѣдовать за правительницей въ ея заточеніе, была освобождена и переѣхала въ домъ къ своему племяннику.

Но здѣсь, въ теченіе цѣлой недѣли, госпожа Минкъ, уже лишившаяся, конечно, званія камеръ-юнгферы и ставшая простой мѣщанкой, сидѣла по цѣлымъ днямъ недвижно, безмысленно, какъ истуканъ.

Имѣя прежде большой аппетитъ, она ничего не ѣла, даже плохо спала и все разговаривала во снѣ. Вообще госпожа Минкъ, сойдя съ высоты общественной, на которой прежде находилась, не нашла въ себѣ столько же мужества, сколько

было въ Биронѣ и Минихѣ, чтобы пережить и гордо перенести свое паденіе.

Черезъ десять дней послѣ арестованія брауншвейгской фамилии и восшествія на престоль императрицы Елизаветы Петровны, весь тогдашній штатъ Зимняго дворца былъ уже высланъ въ разныя заставы Петербурга, кому куда угодно.

Въ это же время явился чиновникъ съ подъячими изъ тайной канцеляріи и къ госпожѣ Минкѣ съ предложеніемъ немедленно выѣхать изъ столицы, куда ей заблагоразсудится.

Стефанида Адальбертовна яростно встрѣтила посланца тайной канцеляріи. Она отказалась ѣхать наотрѣзъ и прибавила, что пожалуется самому господину Шмецу.

— Да господинъ Шмець, — усмѣхнулся одинъ изъ подъячихъ, — самъ ужъ въ ссылку поѣхалъ. Поймите, сударыня, вы разсуждаете очень опрометчиво...

— Не поѣду, не поѣду, закричала внѣ себя Стефанида Адальбертовна и начала повторять это слово до тѣхъ поръ, пока съ ней не сдѣлался какой-то припадокъ. Черезъ нѣсколько минутъ присутствующіе уже убѣдились, что съ разжалованной камеръ-юнгферой приключился ударъ. Ее подняли, снесли и положили на кровать.

— Какъ же быть? заговорили между собой посланцы изъ тайной канцеляріи.

— Что жъ, я не знаю, отозвался Кудаевъ. Доложите, что видѣли. Вотъ она, показалъ онъ на кровать, куда же ей ѣхать? Коли выздоровѣетъ, уѣдемъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ капраль, написанный въ простую полевую команду, стоявшую гдѣ-то около Калуги, долженъ былъ двинуться съ женой къ мѣсту своего служенія.

Стефанида Адальбертовна продолжала лежать въ постели, какъ безчувственное полумертвое тѣло. Взять ее съ собой было, конечно, невысказано.

Кудаевы уѣхали одни, а госпожа Минкѣ съ кухаркой-чухонкой осталась въ домѣ племянника. Но черезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда Кудаевыхъ, чухонка, пришедшая по утру въ горницу къ безсловесной барынѣ, нашла ее безъ признаковъ жизни. Стефанида Адальбертовна была на томъ свѣтѣ.

Бывшая камеръ-юнгфера очень умно распорядилась, что умерла вовремя, такъ какъ вскорѣ послѣ ея похоронъ въ столицу выѣхалъ на телѣжкѣ сѣдой человѣкъ, прилично одѣтый, и проѣхалъ прямо на Петербургскую сторону въ домикъ, гдѣ

жили около года Кудаевы. Приѣзжій, завидя домикъ, остановилъ телѣжку, выскочилъ изъ нея и пустился, не смотря на свои преклонные года, бѣгомъ.

Вбѣжавъ въ ворота, онъ остановился и вдругъ, перекрестившись, сталъ на колѣни среди двора и началъ молиться и плакать. Чувство, потрясшее все существо старика, было не горе, а восторженная радость. Онъ вернулся въ свой родимый домъ изъ далекой Сибири.

Это былъ старикъ Калачовъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ вернувшійся изъ ссылки былъ снова капитаномъ и снова владѣлъ всѣмъ своимъ имуществомъ, обратно отписаннымъ у капрала Калужскаго полка.

Когда капитанъ Калачовъ уже снова жилъ у себя, владѣя всѣмъ своимъ состояніемъ, Кудаевъ еще даже и не зналъ, что онъ болѣе не домовладѣлецъ петербургскій. Когда же эта вѣсть дошла до капрала, то онъ перекрестился и выговорилъ добродушно:

— Ну, и слава Тебѣ, Господи. У меня какъ камень съ души свалился.

Черезъ полгода послѣ прибытія въ Петербургъ капитана Калачова, приѣхалъ и московскій купецъ Егуновъ, котораго тоже вернули изъ Кузнецка.

Оба, какъ приверженцы царствующей императрицы, пострадавшіе изъ за нея, могли теперь легко обдѣлать всякое дѣло. Купецъ Егуновъ подалъ просьбу о томъ, что несправедливой ссылкой онъ былъ разоренъ до тла и въ видѣ вознагражденія просить себѣ мѣсто маклера въ Москвѣ.

Просьба его была уважена и Егуновъ тотчасъ собрался ѣхать въ первопрестольную, чтобы занять выгодную должность.

Передъ отъѣздомъ Егунова, въ домѣ друга его, капитана Калачова, были гости и веселье, шель пиръ-горой. Капитанъ праздновалъ и свое возвращеніе, и назначеніе Егунова на должность, и полученіе его любимцемъ, Елагинымъ, тоже вернувшимся изъ ссылки, капральскаго чина въ Преображенскомъ полку.

На праздникъ капитана Калачова въ числѣ гостей былъ очень важный гость, къ которому всѣ относились съ особеннымъ почтеніемъ, какъ еслибы онъ былъ сановникъ.

Между тѣмъ, это былъ только офицеръ Преображенскаго полка, съ особеннымъ характернымъ лицомъ еврейскаго типа.

Это былъ офицеръ Грюнштейнъ, главный запѣвало, коноводъ и руководитель всего переворота 25-го ноября.

Всѣ друзья и знакомые его ожидали, что въ скоромъ времени Грюнштейнъ сдѣлается очень важнымъ человѣкомъ при дворѣ новой императрицы.

Онъ и сталъ вскорѣ близкимъ ко двору лицомъ, но „возмечталъ о себѣ“ и пустился на всякія дикія выходки.

Сначала все сходило ему съ рукъ, но безнаказанность эта его и погубила.

Осенью 1744 года, въ бытность свою съ императрицей въ Кіевѣ, Грюнштейнъ высѣкъ нагайкой зятя графа Разумовскаго, грозясь „отзвонить и самое Разумиху“, его престарѣлую мать. И Грюнштейнъ попалъ за это въ тайную канцелярію, а въ слѣдующемъ году, весною, былъ отправленъ на жительство въ Устюгъ.

Безродный еврей и персидскій купецъ-банкротъ, затѣмъ преображенскій офицеръ и коноводъ лейбъ-компаніи кончилъ жизнь въ ссылкѣ и нищетѣ.

Такъ появлялись и такъ кончали почти всѣ „случайные люди“, дѣйствовавшіе на Руси въ теченіе XVIII вѣка.

ФИЛОЗОФЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

На всякаго мудреца
довольно простоты.

I.

Первопрестольная Москва сразу оживилась, зашумѣла, задвигалась... За одну недѣлю столицу узнать было нельзя. И власти, и дворянство, и купечество, и простой народъ, — всѣ взволновались и толковали только объ одномъ событіи — ожидаемомъ приѣздѣ изъ Питера царствующей императрицы Екатерины Алексѣевны. Нѣкоторые важные сановники уже приѣхали впередъ, другихъ ожидали. Приѣхавшіе уже дѣлали визиты по городу, начиная съ двухъ первыхъ вельможъ Москвы, — съ генераль-губернатора графа Салтыкова и съ великаго боярина, жившаго на покоѣ, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго.

Власти московскія завертѣлись и завертѣли другихъ обывателей. Надобно было привести городъ въ порядокъ, а такъ какъ его не было и въ поминѣ, то хлопотъ и заботъ было не мало. Все, что считалось возможнымъ, законнымъ и совершенно правильнымъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, вдругъ теперь оказывалось совершенно незаконнымъ и совершенно неправильнымъ.

Вскорѣ всѣ вельможные дома Москвы были уже полны приѣзжими изъ вотчины гостями и родственниками. Всюду было шумно.

За одною изъ заставъ, по дорогѣ къ Бутыркамъ, вокругъ большихъ палатъ, къ которымъ примыкала густой садъ, сновало около сотни всякихъ рабочихъ. Домъ, подновленный и

свѣже-вымазанный, желтый, канареечнаго цвѣта, смотрѣлъ весело. За то внутри было тихо, мертво. Домъ былъ пустъ и только одинъ управитель, маленький и сѣденькій старичекъ Финогенъ Павлычъ, рассказывалъ по всѣмъ горницамъ и въ сотый разъ осматривалъ всякій предметъ и всякій уголокъ, озабоченный тѣмъ, все ли какъ слѣдуетъ и все ли на мѣстѣ.

Въ домъ ожидался баринъ, не бывавшій въ немъ около десяти лѣтъ. Управитель за двѣ недѣли счумѣлъ изъ стараго, заброшеннаго и запущеннаго дома, съ таковымъ же садомъ, сдѣлать барскую резиденцію на славу. Правда, что трехъ сотъ рублей, присланныхъ на расходъ бариномъ, не хватило, но за то и загородной резиденціи узнать было нельзя.

Финогенъ Павлычъ смущался все-таки сильно: угодить ли онъ, останется ли на своемъ управительскомъ мѣстѣ, или улетитъ ни вѣсть куда. Съ бариномъ-княземъ трудно было знать свою судьбу.

На всю Москву былъ только одинъ такой человекъ, какъ князь Аникита Ильичъ Телепневъ. Князь былъ чудодѣй и непонятнаго нрава бояринъ. Никто еще никогда не счумѣлъ вполне угодить ему или похвастать его привязанностью. Наоборотъ, съ княземъ всѣ зачастую попадали въ просакъ.

— Господу Богу угодить много легче, чѣмъ Аникитѣ Телепневу, говорила про него Москва.

Но если князь, шестидесятилѣтній человекъ, былъ еще чудодѣй, то не изъ тѣхъ, что веселятъ и потѣшаютъ родныхъ и знакомыхъ, а изъ тѣхъ чудодѣевъ, которые тяжелы и нравомъ, и рукой. Князь жилъ почти безвыѣздно въ своей вотчинѣ на Старо-Калужской дорогѣ. Этотъ же московскій домъ на Бутыркахъ не годился бы и во флигеля къ тому дому, который стоялъ въ вотчинѣ. Тамъ однихъ дворовыхъ полагалось ровно полтысячи, не больше и не меньше. Когда кто умиралъ, то князь сейчасъ добавлялъ полтысячу изъ запаса. Громадныя конюшни и громадныя оранжереи окружали домъ. Князь, никуда не выѣзжавшій, даже на прогулки по своимъ владѣніямъ, все-таки держалъ шесть шестериковъ, десять троекъ и одинъ парадный цугъ коней серебристо-чалыхъ. Цугъ этотъ былъ извѣстенъ и уже пять лѣтъ его торговали у князя и покупали, для отсылки ко Двору въ Петербургъ. Но конюшенные чиновники съ таковымъ предложеніемъ только засылали людей стороной, но лично никто изъ нихъ не смѣлъ съ эдакою дерзостью сунуться къ князю.

Нелюдимъ и домосѣдъ, называвшій себя, по новому, заморскимъ словомъ „мизантропъ“, рѣшилъ тоже пріѣхать изъ вотчины въ московскій домъ, хоть и загородный. Одни говорили, что князь Телепневъ самъ собрался, желая представиться монархинѣ, другіе увѣряли, что нелюдиму, засѣвшему на „Калужкѣ“, приказали пріѣхать и быть на-лицо.

Около полудня, на Бутыркахъ, штукатуры и маляры, каменщики и плотники покончили работу, собрали инструментъ и цѣлою кучей сошлись на большомъ дворѣ. Финогенъ Павлычъ вышелъ тоже на дворъ и сталъ убѣдительно усовѣщивать народъ долго не прохладжаться.

— Поѣлъ, выспался—и иди, говорилъ онъ,—время не такое, черезъ два дня слѣдуетъ быть всему въ исправности.

— Ужъ будьте покойны, отзывались голоса со всѣхъ сторонъ—ужъ это мы безпремѣнно, мы только маленько отдохнемъ.

Но увѣренія рабочихъ всякій день были одни и тѣ же, и всякій день большая часть запаздывала, ѣла и спала вдвое больше, чѣмъ Финогену Павлычу желалось.

Въ ту минуту, когда рабочіе двинулись по двору, свои крѣпостные въ людскую, гдѣ уже дымились горшки съ обѣдомъ, а вольные за ворота, въ сосѣдніе трактиры и кабаки—въ растворенныя настѣжъ ворота примчалась верховая лошадь съ военнымъ сѣдломъ, но безъ сѣдока. При видѣ кучи народа, лошадь шарахнулась въ сторону, проскакала по двору и влетѣла со двора въ садъ.

— Батюшки мои, завопилъ, всплеснувъ руками Финогенъ Павлычъ,—только что въ клумбы высадили цвѣты. Все перетопчетъ. Голубчики, помогите!

И управитель быстро и энергично распорядился. Рабочіе повернули назадъ, пробѣжали въ садъ и живою изгородью стали передъ домомъ, гдѣ, помимо цвѣтника и клумбъ, были выставлены рядами лимонныя, померанцевыя, лавровыя и другія деревья. Финогенъ Павлычъ принялъ на себя роль главнокомандующаго, раздѣлил рабочихъ на правильные отряды и повелъ атаку по главнымъ липовымъ аллеямъ. Заскакавшая лошадь вскорѣ была прижата къ углу большого сада, но когда пришлось приблизиться къ ней, чтобы схватить ее за поводъ, охотниковъ не оказывалось; при малѣйшемъ приближеніи къ лошади, она особенно искусно поворачивалась къ подходящему и такъ била задомъ, что только подковы сверкали и посвистывали по воздуху.

— Вотъ такъ конь, рѣшили, шутя, рабочіе; — руками не поймашь, а только зубами возьмешъ. Сама, то-ись, она тебѣ ноги въ зубы подастъ.

Облава чужого коня долго не приходила къ концу, хотя озабоченный Финогенъ Павлычъ убѣдительно и краснорѣчиво доказывалъ рабочимъ и двумъ конюхамъ, что лошадь поймать самое пустое дѣло, только сноровка нужна. Но вдругъ около толпы неожиданно явился откуда-то, какъ съ неба свалился, высокій молодой офицеръ.

II.

Ваше благородіе, конь-то вашъ, должно? догадался сразу Финогенъ Павлычъ.

— Мой, мой. Извините за беспокойство. Вырвался изъ рукъ и ускакалъ. Не попади къ вамъ—пришлось бы пѣшкомъ въ Москву идти.

Офицеръ, богатырь съ виду, быстро направился къ лошади. Рабочіе ждали снова той же штуки со стороны коня; нѣкоторымъ даже желалось, ради потѣхи, чтобы лошадь свиснула барина-офицера. Но ожиданія были напрасны: лошадь повернулась было задомъ, но офицеръ крикнулъ:

— Гей, Полканъ, не призналъ, что ли!

И должно быть Полканъ тотчасъ замѣтилъ свою ошибку, ибо повернулся мордой къ хозяину и даже наклонилъ голову, какъ бы извиняясь за учиненную дерзость.

— Вишь какъ! неволью воскликнуло нѣсколько человѣкъ, — что значить хозяинъ-то.

— Да, съ хозяиномъ разговоръ, братецъ ты мой, короткий!.. А все жъ таки обѣдать пора... рѣшили въ толпѣ.

Вся кучка рабочихъ повалила со двора, весело галдя о забавномъ приключеніи.

Офицеръ, ведя коня подъ уздцы, направился тоже вонъ изъ сада, но по дорогѣ обратился къ старику:

— Извините за беспокойство. А я все-таки радъ, что лошадь къ вамъ заскакала, а то я ее въ Москвѣ трое сутокъ проискалъ бы; а то бы и совсѣмъ угнали. Извините.

— Помилуйте, что же-съ! Слава Богу!—Вамъ въ пользу и намъ не во вредъ. Сначала-то я испугался, что цвѣтникъ весь перетопчетъ, а я барина жду кажинный часъ: не хорошо

бы было. А баринъ у насъ спуску не даетъ. Мы только что, изволите видѣть, все заново привели. Баринъ тутъ годовъ десять не бывалъ, а вотъ теперь, по случаю царскаго посѣщенія, домъ Бутырскій посѣтитъ пожелалъ.

Разговаривая, офицеръ и управитель уже прошли широкую липовую аллею и были предъ цвѣтникомъ и предъ красивымъ домомъ со стеклянными галереями по бокамъ.

— Вотъ однихъ стеколъ на тринадцать рублей вставилъ, похвасталъ управитель.

— Да, красиво, выговорилъ офицеръ, оглядываясь,—домъ просто съ иголки. Будто вчера только закончили постройкой. Красиво.

— Да-съ, нашъ баринъ князь изъ первыхъ вельможъ, богатѣй его развѣ одинъ графъ Разумовскій, а то нѣту! гордо выговорилъ Финогенъ Павлычъ.

— А чье это? Кто вашъ баринъ?

— Князь Телепневъ.

— Что? вскрикнулъ офицеръ такъ, какъ еслибъ его Финогенъ Павлычъ ударилъ полъномъ по головѣ.

Старикъ даже вздрогнулъ отъ восклицанія офицера и поневоля наступило молчаніе, такъ какъ управитель назвалъ барина снова и не зналъ, что сказать еще, а офицеръ ничего не спрашивалъ.

— Князь Телепневъ, сказываете вы,—Аникита Ильичъ, выговорилъ, наконецъ, онъ какъ-то странно.

— А что-съ, изволите ихъ знать? спросилъ управитель.

— Да, то-есть, нѣтъ. Слыхалъ, лично не знаю. Да, вѣдь, онъ въ Москвѣ не живетъ.

— Какъ можно-съ! Князь у насъ особый вельможа, Москвы не любитъ и ничего не любитъ; онъ проживаетъ въ вотчинѣ по старой Калужкѣ, никуда не ѣздитъ и къ себѣ, почитай, никого не пускаетъ. Такая ужъ, стало быть, у него повадка, таковъ уродился. А барышня-княжна прежде тоже все при нихъ жила, махонькая когда была, а теперь князь сталъ княжну отпускать. Дѣвицѣ не усидѣть вѣки-вѣчные среди деревенщины. Княжна вотъ теперь бываетъ и по-долгу гостить у своего братца и у тетушки...

— У генеральши Егузинской?

— Тоже изволите знать?

— Какъ же, знаю, угрюмо выговорилъ офицеръ и какъ бы подавилъ въ себѣ вздохъ.

— Такъ вотъ оно какъ, прибавилъ онъ задумчиво.— Чудно. Нашла же моя лошадь куда заскакать. Я и не зналъ, что у князя на Бутыркахъ эдакій домъ. Я тутъ часто проѣзжалъ верхомъ, но никогда не полагалъ, что—это князя Телепнева. Чудно это. Удивительно совсѣмъ.

— Да-съ, по народному — примѣта, улыбнулся Финогенъ Павлычъ.

— Что, примѣта? Какая? оживился богатырь-офицеръ.

— Ужъ не могу вамъ сказать, а только коли чья-нибудь лошадь сама заскачетъ въ чужой дворъ, то стало-быть примѣчаніе есть. И вѣрное примѣчаніе, доложу я вамъ. Самое вѣрное...

— Да какое? весело улыбаясь, переспросилъ офицеръ.

— А ужъ этого я вамъ доложить не съумѣю, а только что вѣрное. Это ужъ я самъ сколько разъ на вѣку своемъ примѣчалъ.

Офицеръ поглядѣлъ въ лицо сѣденькаго старичка и улыбнулся добродушно.

— Какъ васъ звать? выговорилъ онъ.

— Финогенъ-съ. Я управитель княжескій. Сколько годовъ здѣсь живу и не упомню.

— А по батюшкѣ?

— По батюшкѣ-то? Что жъ вамъ? Господамъ это знать не полагается.

— Нѣтъ, вы ужъ скажите.

— Финогенъ Павловичъ, коли приказываете.

— Ну, очень радъ, Финогенъ Павлычъ, что съ вами познакомился, дружелюбно и ласково выговорилъ офицеръ.

Старичекъ, отъ голоса, которымъ были сказаны эти слова, просіялъ. Видно было, что онъ очень чувствителенъ къ такого рода обращенію.

— Простите, а и мнѣ позвольте полюбопытствовать—кто вы изволите быть?

— Я, какъ видите, офицеръ, но не Московскій, а Петербургскій. Теперь временно проживаю въ Москвѣ, а зовусь я—Алексѣй, по батюшкѣ—Григорьевичъ, а по фамиліи—Галкинъ. Фамилія, какъ видите, не мудреная и не громкая...

— Что же-съ, ничего это-съ. Галка все-жъ таки, вѣдь, птица-съ.

Управитель сказалъ это такимъ голосомъ, и столько утѣшенія наивно старался вложить въ свои слова, что молодой человѣкъ невольно громко разсмѣялся.

— Ну-съ, прощайте. Если буду какъ проѣзжать мимо, заверну лично къ вамъ въ гости. Иной разъ молока попрошу напиться, коли у васъ есть.

— Сдѣлайте одолженіе-съ, осчастливьте.

— Только я, Финогенъ Павлычъ, теперь врядъ ли заѣду. А вотъ когда царица проѣдетъ черезъ Москву, тогда заѣду. А ужъ если вы говорите, что мой конь, къ вамъ заскакавшій, хорошая примѣта, то, пожалуй, я здѣсь и въ гостяхъ у вашего князя окажусь.

Но послѣднія слова богатырь произнесъ со страннымъ отъѣнкомъ въ голосѣ, почти грустно. Выведа лошадь изъ сада во дворъ, онъ ловко вскочилъ на нее, пришпорилъ и галопомъ сбѣжалъ со двора.

— А, вѣдь, красавецъ, выговорилъ Финогенъ Павлычъ, глядя въ пустыя, настезь раскрытыя ворота,—росту какого, да и въ плечахъ-то сущій богатырь! Да и лицомъ такой чистый, да и ласковый. Нешто съ нами, дворовыми холопами, эдакъ господа разговариваютъ! Должно, у него своихъ-то рабовъ нѣту въ заводѣ, оттого онъ и ласковъ. Это ужъ завсегда такъ на свѣтѣ бываетъ.

И Финогенъ Павлычъ побрелъ въ домъ, чтобы снова во сто первый разъ обойти всѣ горницы и обнюхать всякій уголокъ.

— Авось, минуетъ меня... думалось ему. Приѣдетъ и уѣдетъ баринъ безъ встряски...

III.

Недалеко отъ рѣчки Неглиной, близъ Воздвиженскаго монастыря, въ новомъ, недавно лишь отстроенномъ барскомъ домѣ, былъ большой сѣздъ: хозяинъ былъ именинникъ. Гости вереницей подѣзжали къ главному парадному крыльцу; дворъ былъ заставленъ экипажами.

Хозяинъ дома былъ князь Егоръ Аникитовичъ Телепневъ, сынъ того, который ожидался въ Бутырскомъ домѣ. Молодой князь былъ не болѣе года какъ женатъ, и женитьба его воочію доказала всей столицѣ, что князь Аникита, дѣйствительно, чудодѣй. Онъ женилъ единственнаго сына такъ, что надѣлалъ соблазну на весь городъ. Только очень недавно перестали толковать, судить и пересуживать бракъ одного изъ первыхъ жениховъ Москвы. Особенно долго шумѣли

и рядили тѣ родители, у которыхъ дочери невѣсты засидѣлись въ дѣвкахъ. И князя Аникиту, и его сына матушки, мѣтившія на богатаго жениха, раздирали на части.

Дѣйствительно, случай былъ необыкновенный и почти диковинный. Князь Телепневъ женилъ сына на замоскворѣцкой купчихѣ.

— За всю свою жизнь такого не запомню, такого не видалъ и слыхомъ не слыхалъ, говорилъ одинъ изъ старѣйшихъ дворянъ московскихъ.—Видали мы, что дворяне женятся на своихъ собственныхъ дворовыхъ дѣвушкахъ или на какихъ заморскихъ—Италіянкахъ и Шведкахъ, бывало это завсегда изъ-за чародѣйства какого, изъ-за приворота, стало быть, изъ-за любви. А любовь слѣпа! Влюбится человѣкъ и женится на козѣ, и та ему коза кажется краше красавицы. А чтобы эдакъ, съ лавочниками вѣнчались рускіе князья—не слыхано и не видано.

И Москва дворянская соглашалась съ говорившимъ. Еслибы еще молодой князь влюбился въ красавицу купчиху и женился бы на ней самокруткой, съ побѣгомъ изъ родительскаго дома, ну, куда ни шло. Но диковинно было то обстоятельство, что молодой князь всего раза два или три видѣлъ эту дѣвицу изъ купческаго званія. Собой она была очень неказиста, и не самъ молодой человѣкъ затѣялъ женитьбу, а князь-отецъ все настроилъ и уладилъ. Отважно разсудилъ и рѣшилъ онъ, что чѣмъ купецъ не человѣкъ и чѣмъ купчиха не невѣста для сына. И всѣхъ подивилъ...

— Все глупость и фанаберія дворянская! сказалъ онъ.

Но суть дѣла была совершенно въ иномъ обстоятельствѣ, и князь столицу не надулъ. Дѣло въ томъ, что у дѣвицы-купчихи былъ миллионъ приданаго. Отецъ ея, будучи поставщикомъ на армію во время послѣдней войны, благодаря покровительству именитаго вельможи, приобрѣлъ громадный капиталъ. Князь самъ намѣтилъ невѣсту и уговорилъ сына жениться. Помимо состоянія, молодой князь съ молодою княгиней могли воспользоваться личнымъ покровительствомъ этого всемогущаго покровителя.

— Что жъ такое, что она купецкая дочь, говорилъ князь сыну,—я „философъ“. И тебѣ совѣтую въ жизни твоей смотрѣть на все такъ же, какъ и я смотрю.

— Губа не дура, говорили въ Москвѣ про князя Аникиту Пльича.—Точнѣе сказать, философія у него не дура.

Теперь молодой князь былъ очень счастливъ, очень доволенъ своею женитьбой. Денегъ была такая куча, что онъ не зналъ, что съ ними подѣлать. Затѣй, у него особенныхъ не было никакихъ, нрава онъ былъ смирнаго, лѣниваго, что называется, тюфякъ. Не зная куда дѣвать капиталы молодой жены, князь Егоръ чуть не каждый мѣсяць покушалъ въ Москвѣ домъ и отдѣлывалъ его заново. Отъ нечего дѣлать его забавляло и занимало присутствовать на строительствѣ.

Когда князь женился, то многіе въ Москвѣ стали толковать, что къ молодымъ ѣздить не надо.

— Надо проучить, чтобы такого никогда не бывало, надо на немъ примѣръ показать московскому дворянству, говорили знакомые князя.

Но тѣ, которые наиболѣе ратовали противъ обоихъ князей Телепневыхъ, первые же и поѣхали. Теперь, вслѣдствіе постоянныхъ обѣдовъ и баловъ и всякаго веселія въ новомъ домѣ князя Егора Телепнева, вся Москва липла къ нему какъ мухи къ меду.

Давно уже всѣ поджидали и день именинъ князя и очень удивились, когда узнали, что должны ограничиться простымъ поздравленіемъ. Ни обѣда, какъ бывало часто, кувертовъ на триста, не будетъ, ни вечера съ музыкой и танцами. Была какая-то причина, по которой князь Егоръ не хотѣлъ праздновать. Толковали въ городѣ, что въ семьѣ Телепневыхъ приключилось что-то новое, что-то не спроста, что-то затѣвается или затѣвалось, да не выгорѣло.

Въ домѣ князя жила его двоюродная тетка-вдова, генеральша Пелагея Ивановна Егузинская и, кромѣ того, временно гостила родная сестра, княжна Юлія. Эта Юлочка, какъ звала ее почти вся Москва, пользовалась всеобщою любовью и всеобщимъ ухаживаніемъ. Она была хорошенькая, какъ говорится, смазливенькая дѣвочка, маленькаго роста, кругленькая, веселая и большая хохотунья. Юлочкѣ случалось хохотать до слезъ безъ всякой причины. Скажетъ ей кто-нибудь: „здравствуйте, княжна, какъ поживаете?“ Юлочка поблагодаритъ и начнетъ хохотать безъ конца.

Главная причина, по которой всѣ были любезны съ княжной, заключалась въ томъ, что эта была почти первая невѣста въ Москвѣ. И прежде считалась она богатѣйшею приданницей, но съ тѣхъ поръ, что молодой князь женился на

милліонщицѣ, въ Москвѣ стало извѣстно, что князь все свое состояніе дѣлитъ пополамъ, и княжна, вмѣсто своей четырнадцатой части, получить ровно половину всего и вдобавокъ главную богатѣйшую вотчину отца на Старой Калужкѣ.

Юлочкѣ было уже семнадцать лѣтъ, и за послѣдній годъ князь часто отпускалъ дочь погостить къ брату и невѣсткѣ. Такимъ образомъ, послѣднюю зиму и весну княжна провела въ Москвѣ и выѣзжала съ теткой. У брата для нея давались часто балы, и княжна веселилась до упаду.

И вотъ теперь, въ домѣ на Воздвиженкѣ, наканунѣ именинъ молодого хозяина, случился казусъ, который смутилъ и князя Егора и его тетку, генеральшу Егужинскую. Молодая княгиня не была смущена только потому, что на нее ни что на свѣтѣ не дѣйствовало. Она относилась ко всему въ Божьемъ мірѣ такъ спокойно и равнодушно, какъ если бы была не живой человекъ, а истуканъ. Молодая княжна не только не смутилась, не перестала хохотать, но прыгала и летала по всему дому и была совершенно счастлива.

— Юлочка, не юли, говорила тетка.

— Сестрица, не егози, говорилъ ей братъ.

И затѣмъ родственники прибавляли.

— Неизвѣстно что еще будетъ, какъ посмотреть на все князь-родитель.

Пронесеніе, занимавшее всѣхъ въ домѣ, по случаю котораго даже отмѣненъ былъ парадный большой обѣдъ и по случаю котораго нетерпѣливо ждали теперь приѣзда изъ деревни князя-отца, было и простое и мудреное вмѣстѣ. Наканунѣ явилась въ домъ извѣстная въ Москвѣ старая дѣвица, княжна Бахрѣва, и переговорила серьезно о важномъ дѣлѣ со вдовой-генеральшей, а равно и съ молодымъ княземъ. Она явилась какъ бы свахой, и прежде чѣмъ порядливо и законно явиться со сватовствомъ къ ожидаемому изъ деревни князю Аникитѣ, Бахрѣва предпочла переговорить съ родственниками и какъ бы сдѣлать рекогносцировку.

— Отъ вашего родителя филозофа, говорила она, — всего ждать можно: съ нимъ никогда не знаешь, за что онъ приголубить и за что обругаетъ.

Княжна Бахрѣва явилась сватать временно жившаго у нея племянника, котораго она очень любила.

IV.

Этотъ прїѣхавшій погостить родственникъ былъ петербургскій офицеръ Алексѣй Галкинъ. Провеселившись въ Москвѣ въ продолженіи зимы, офицеръ съѣздилъ въ Петербургъ, взявъ вторичный отпускъ и снова явился къ концу Великаго Поста и снова танцевалъ на всѣхъ балахъ.

Молодой человѣкъ такъ хитро и искусно велъ свои дѣла, что никто не замѣтилъ, что онъ влюбленъ въ княжну Юлію, а она равно очень равнодушна къ нему. Если бы обоюдная склонность молодыхъ людей была въ Москвѣ замѣчена, то, конечно, всѣ не преминули бы обвинить петербургскаго офицера въ томъ, что онъ явился найти въ Москвѣ богатую приданницу. Но это сужденіе было бы несправедливо: молодой Галкинъ дѣйствительно серьезно полюбилъ княжну, когда еще и не зналъ о томъ, что за дѣвушкой огромное приданое. Только за послѣднее время и молодой князь и тетка Егузинская стали замѣчать кое-что и подсмѣиваться надъ Юлочкой, по отношенію къ офицеру. Княжна отвѣчала тѣмъ же смѣхомъ и сама положительно не знала, чѣмъ можетъ окончиться ея романъ съ офицеромъ.

И вдругъ въ домѣ молодого князя появилась княжна Бахрѣева въ качествѣ свахи.

На семейномъ совѣщаніи съ генеральшей и съ княземъ Егоромъ Бахрѣева заявила, что ея любимецъ Алеша не имѣетъ почти никакого состоянія, но фамилію носить дворянскую. А малый онъ золотой, смертельно обожаетъ княжну и предлагаетъ ей руку и сердце.

Генеральша заявила, что, по ея мнѣнію, братецъ-князь, въ „качествѣ философа“ не обратитъ вниманія ни на бѣдность будущаго зятя, ни на прозвище, напоминающее „нѣккую“ птицу. Не даромъ же онъ дозволилъ сыну своему жениться на дѣвицѣ „инного“ званія.

Молодой князь недовѣрчиво отнесся ко всему, слегка помахивалъ головой и объяснилъ Бахрѣевой совершенно иное.

— Я бы радъ, вашъ племянникъ мнѣ очень нравится, человѣкъ благовоспитанный, да и хватъ на всѣ руки: всѣхъ нашихъ барышень прельстилъ. Немудрено, что и сестра къ нему стала равнодушна. Но за батюшку родителя отвѣтствовать

не могу. Вамъ извѣстно, чѣмъ онъ у насъ почитается въ Москвѣ. Какъ посмотритъ онъ на сей бракъ, сказать совершенно впередъ ничего нельзя.

Отъ этого совѣщанія пока было только одно послѣдствіе. Молодой князь отмѣнилъ парадный обѣдъ, который хотѣлъ сдѣлать. Пригласить къ обѣду молодого человѣка, уже, такъ-сказать, сдѣлавшаго предложеніе, было неудобно, такъ какъ онъ не получилъ собственно никакого отвѣта; не пригласить его совсѣмъ было бы ему оскорбительно, было бы непремѣнно замѣчено всѣми знакомыми и сейчасъ бы догадались въ чемъ дѣло: посватался и получилъ отказъ. А эдакого толкованія не хотѣлось самой княжнѣ.

И вотъ въ день именинъ молодого князя гости пріѣзжали и, посидѣвъ, отъѣзжали „не солоно хлѣбавши“. Были такіе, которые въ этотъ день не заказали обѣда у себя на дому, другіе отказались ѣхать въ гости. И многіе остались въ дуракахъ.

Пообѣдавъ въ кругу близкихъ людей, въ томъ числѣ съ двумя родственниками купцами въ длиннополыхъ кафтанахъ, съ бородами, хозяинъ и гости вышли въ небольшой садъ предъ домомъ и разбрелись въ разныя стороны. Генеральша Егузинская и княжна Юлочка остались вдвоемъ на скамейкѣ подъ большою липой. Княжна, напрыгавшись наканунѣ, теперь ходила сумрачная и печальная, и тетушкѣ показалось, что племянница за нѣсколько часовъ уже успѣла похудѣть.

Озабоченная этимъ, Егузинская подозвала къ себѣ племянницу и усѣлась съ нею побесѣдовать.

— Ты не кручинься, Юлочка, не съ чего, еще невѣдомо что будетъ. Братецъ такой диковинный человѣкъ, что, можетъ быть, обрадуется твоей свадьбѣ.

— Вотъ именно, тетушка, этого-то я и боюсь, что на батюшку никто еще никогда не угодилъ. Съ нимъ, правду сказываютъ, не знаешь, съ какой стороны подойти и какой часъ выбрать. Можетъ онъ радъ-радехонекъ будетъ, а можетъ быть такъ разгнѣвается, что со всѣми ссору заведетъ. А меня увезетъ съ собою въ вотчину, да и не будетъ въ Москву пускать. И буду я жить съ нимъ какъ въ монастырѣ.

— Ничего не могу сказать, развела руками Егузинская. — Никто ничего не можетъ сказать. Когда онъ твоего брата женилъ, онъ противъ всей Москвы пошелъ. А теперь, что же, особеннаго шчего нѣту. Алексѣй Григорьевичъ малый

красивый, добрый, скромный, дворянинъ, офицеръ, чего же больше-то?

— Да вотъ, Галкинъ-то онъ, печально произнесла Юлочка.

— Такъ что-жь что Галкинъ?

— Да мнѣ-то, матушка, ничего, я привыкла, а вотъ дружить-то... Я примѣчала, какъ гдѣ вечеромъ на балу скажутъ жому: Галкинъ,—такъ иной и усмѣхнется.

— Эко глупости какія. Такія ли, племянница, прозвища на свѣтѣ! Мнѣ сказывалъ мой дѣдушка, а твой прадѣдъ, что когда онъ былъ въ Хохландіи, то о такихъ прозвищахъ случалось слышать, что дрожь проберетъ, а то въ потъ ударить. Сказывалъ, былъ тамъ одинъ полковникъ съ прозвищемъ Андрей Ивановичъ „Не марай-ворота“, а еще другой былъ „Убей-собаку“, а это что жъ—Галкинъ. Вотъ у насъ въ Москвѣ стариннѣйшій дворянинъ, сама ты его знаешь—господинъ Собакинъ.

— Боюсь я, тетушка, отозвалась княжна,—сдается мнѣ, что батюшка родитель только разгнѣвается, и ничего не будетъ. И ужъ какъ же я тогда, тетушка, плакать учну, ну просто бѣда, вотъ увидите. Вставши съ утра и покушавъ, сяду и начну плакать. И такъ по цѣлымъ днямъ до самаго до вечера. Ужъ такъ буду плакать, что у меня все лицо распухнетъ: слѣпнуть начну, совсѣмъ съ ногъ свалюсь, въ кровать лягу и умру.

— Что ты, дурашная! Богъ съ тобой.

— Непремѣнно, тетушка, неpremѣнно. Я ужъ это знаю какъ,—мнѣ говорили; а ужъ плакать такъ буду, что всѣхъ перепугаю, и батюшка испугается, ужъ я знаю какъ. А то сказываютъ, можно глаза перцемъ натереть — страхъ что будетъ.

— Ахъ ты простота, простота, размѣялась генеральша.

Къ бесѣдовавшимъ подошелъ молодой князь и сѣлъ тоже на скамейку. Рѣчь зашла, конечно, все о томъ же, о предложеніи Галкина.

— По моему разсужденію, началъ молодой князь,—тутъ добра ждать мудрено, и сейчасъ я вамъ, тетушка, и тебѣ сестрица, расскажу, почему родитель на все это происшествіе посмотреть строго и гнѣвно.

Онъ поднялъ лѣвую руку и правую собрался откладывать палецъ за палецъ, какъ бы разъясняя дѣло по пунктамъ.

Князь Егоръ отложилъ одинъ палецъ и прибавилъ:

— Первое дѣло, прозвище женихово. А второе дѣло— бѣдность женихова. А третье...

Князь собирался отложить третій палецъ, когда къ скамейкѣ подошелъ старикъ дворецкій и, ставъ руки по швамъ, доложилъ.

— Ваше сіятельство! Гонецъ отъ Калужскихъ воротъ-примчалъ. Князь Аникита Ильичъ вступили въ Москву.

Въ одинъ мигъ всѣ сидѣвшіе на скамейкѣ вскочили и засуетились. Тотчасъ было приказано закладывать экипажи, чтобы всѣмъ ѣхать къ князю философу.

V.

Въ тотъ часъ, когда въ московскихъ церквахъ благовѣстили къ вечернѣ, черезъ столицу проѣхалъ вереницей цѣлый поѣздъ: тарантасъ, карета и нѣсколько бричекъ. Шестіе открывали поддюжины верховыхъ коноховъ въ одинакой одеждѣ съ галунами, на великолѣпныхъ лошадахъ; за ними въ щегольскомъ тарантасѣ, на тройкѣ удивительно подобранныхъ саврасыхъ лошадей, ѣхалъ очень важный съ виду человекъ, обритый по дворянски, но въ какомъ-то странномъ, какъ бы выдуманномъ кафтанѣ, не то старинномъ боярскомъ, не то въ венгерскѣ. На головѣ у него былъ картузь съ широкимъ галуномъ, по которому былъ вытканъ шелкомъ гербъ. Около этого важнаго проѣзжаго—по званію камердинера—рядомъ съ нимъ, на сидѣніи стояла большая, блестящая на солнцѣ, серебряная клѣтка съ большимъ зеленымъ попугаемъ. Проѣзжій придерживалъ клѣтку рукой и, повидимому, обращалъ большое вниманіе на своего пернатого сосѣда. На переднемъ мѣстѣ было прилажено въ тарантасѣ нѣчто вроде низенькаго столика, а на немъ стояла большая шкатулка въ кожаномъ чехлѣ. Она была прикрѣплена къ своему мѣсту ремнями. Въ этой шкатулкѣ всегда путешествовали большія суммы денегъ. Въ ногахъ проѣзжаго лежалъ какой-то длинный ящикъ, чуть-чуть длиннѣе тарантаса; въ немъ былъ десятокъ чубуковъ съ трубками. Тутъ же въ ногахъ стояли два ящика, одинъ съ табакомъ, другой, меньшаго размѣра, былъ наполненъ винными ягодами.

За этимъ тарантасомъ ѣхалъ большой рыдванъ ярко-желтый, испещренный позолотой. По кузову, по рессорамъ, даже

что колесамъ, всюду; гдѣ только возможно было приладить металлическія украшенія, все сіяло за-ново вычищенное. На большихъ козлахъ былъ голубой бархатный чехоль съ длинной бахромой и толстыми кистями по угламъ. На чехлѣ ярко сверкалъ полуаршинный и выпуклый золотой гербъ съ княжеской короной и львами по бокамъ.

Карета, хотя городская, а не дорожная, очевидно шла изда-лека, такъ какъ была сплошь запылена. Всѣ прохожіе оста-навливались и заглядывались на проѣзжихъ, но удивленіе возбуждалъ не рыдванъ, а шестерикъ серебристо чалыхъ ко-ней. Подобрать шестерку такого колера было, конечно, ре-зультатомъ нѣсколькихъ лѣтъ заботъ и поисковъ. Вдобавокъ, на коняхъ рѣдкой масти была не черная, а желтая сбруя съ бляхами, пряжками, колечками и всякими украшениями изъ чистаго серебра. Серебристые кони съ серебристой сбруей производили, дѣйствительно, диковинное впечатлѣніе. Вдо-бавокъ, лошади, вымуштрованныя хорошимъ кучеромъ, шли какой-то особенной рысью, настолько ровной, правильной и согласной, что вся шестерка казалась какимъ-то однимъ насѣкомымъ, вродѣ сороконожки. Этотъ ровный бѣгъ былъ почти гармониченъ. Врядъ бы какой кавалерійскій взводъ могъ пройти на парадѣ такъ, какъ двигался этотъ шестерикъ.

На запяткахъ рыдвана стояли рядомъ трое служителей, два скорохода и гайдука посередкѣ. Громадная лохматая шапка гайдука была тоже съ золотымъ гербомъ.

Въ этомъ рыдванѣ сидѣлъ полный, краснолицый, обритый человекъ. Въ его лицѣ прежде всего поражали чрезвычайно маленькіе, сѣрые глаза и особенно толстыя губы большого рта. На немъ былъ русскій кафтанъ изъ темнолиловаго бархата, перетянутый простымъ ремнемъ, а на головѣ такая же лиловая шапочка.

Постоянное безсмѣнное выраженіе его лица было недо-вольство. Казалось, что у этого человекѣ сейчасъ случилось что-нибудь крайне неприятное и онъ обдумываетъ, какъ бы выйти изъ затрудненія и повернуть дѣло въ свою пользу. Проѣзжій былъ князь Аникита Ильичъ Телепневъ.

Князь былъ извѣстенъ Москвѣ своимъ большимъ состоя-ніемъ, своимъ угрюмымъ нравомъ и своимъ, Богъ вѣсть когда и за что даннымъ прозвищемъ: „Философъ“.

Сидя въ каретѣ и проѣзжая всю столицу вдоль, отъ Ка-лужскихъ воротъ до Бутырской заставы, князь Аникита

Ильичъ умышленно опустилъ глаза и упорно смотрѣлъ на кончики своихъ мягкихъ сафьянныхъ сапожковъ, почти ни разу не поднявъ глазъ, чтобы взглянуть на Москву. За рыдваномъ ѣхалъ фургонъ съ поклажей, а за нимъ на тройкахъ двигалось около десяти бричекъ, гдѣ сидѣли люди. Поѣздъ замыкался дюжиной всадниковъ въ такихъ же кафтанахъ и шапкахъ, какъ и передовые.

Прохожіе, оглядывая поѣздъ, рѣдко опрашивали другихъ, кто можетъ быть проѣзжій. Князя въ лицо мало кто зналъ, такъ какъ онъ почти безвыѣдно сидѣлъ въ своей вотчинѣ на Калужкѣ, но за то по конямъ можно было догадаться: вся Москва знала, что лучшіе кони у князя Телепнева, а серебряная шестерка была извѣстна не только въ столицѣ, но и въ сосѣднихъ уѣздахъ.

Миновавъ Московскія улицы, поѣздъ выѣхалъ вновь за заставу, на Бутырки.

Когда конные влетѣли во дворъ дома, а за ними подкапталъ рыдванъ, Финогенъ Павлычъ выбѣжалъ на крыльцо захватившись и дрожащими руками сталъ помогать князю выйти изъ экипажа. Одновременно все, что было въ домѣ, въ саду и во дворѣ рабочихъ, какъ по мановенію жезла волшебника, провалилось сквозь землю. Кто и не кончилъ работы, все-таки, собравъ инструментъ, пустился бѣжать какъ бы отъ преслѣдованія. Въ одну минуту все попрятались кто куда попалъ.

Князь лѣнливо и неохотно, какъ бы хворый или привезенный силкомъ, двинулся изъ кареты и, поддерживаемый лакеями, вошелъ на крыльцо и въ домъ.

Финогенъ Павлычъ, свернувшись въ какой-то клубочекъ, приложился къ барину, поцѣловавъ его въ локотокъ и въ полу кафтана. Князь глянулъ искоса на управителя дома, котораго давно не видалъ, заставляя сидѣть въ Бутырскомъ домѣ такъ же безвыѣдно, какъ сидѣлъ самъ на Калужкѣ. Окинувъ его сухимъ взглядомъ, князь вымолвилъ едва слышно:

— Постарѣлъ, Финогенъ?

— Да-съ, точно такъ-съ, ваше сіятельство, поспѣшили согласиться управитель, улыбаясь счастливою улыбкой, какъ еслибы баринъ сказалъ ему нѣчто самое лестное.

— Ну, а я какъ? также отрывисто и негромко произнесъ князь, приостанавливаясь въ передней.

— Ничего-съ, совѣмъ ничего-съ. Удивительно-съ! отвѣчалъ Финогенъ Павлычъ, не зная что сказать.

— Помолодѣлъ?

— Точно такъ-съ; ей-Богу-съ.

— Врешь, да божишься. Ты сталъ грибокъ червивый, а я и вовсе въ мухомора обратился.

И князь прошелъ въ домъ, прямо въ свой кабинетъ, сѣлъ у отвореннаго окна и началъ глядѣть на цвѣтникъ и столѣтнія развѣсистыя липы трехъ аллей, расходившихся въ разные стороны отъ дома. И вдругъ выраженіе лица князя Аниты смѣнилось другимъ... Оно перестало быть просто угрюмымъ, а стало сурово-грустнымъ. Давно не бывалъ онъ въ этомъ домѣ, и теперь эти горницы, этотъ цвѣтникъ, и эти аллеи напомнили ему нѣсколько знаменательныхъ дней изъ его прошлой жизни, нѣсколько давно прожитыхъ, но памятныхъ мгновений.

Да, „это“ было здѣсь, давно тому назадъ. Иногда кажется, что этому уже чуть не пятьдесятъ или сто лѣтъ, а то вдругъ кажется, что это было на прошлой недѣлѣ. Горько было тогда, а какъ бы радъ онъ былъ вернуть это горькое и опять его пережить съ тою же болью въ сердцѣ.

Князь сталъ пристально, не сморгнувъ, смотрѣть на среднюю аллею, гдѣ виднѣлись два ряда ярко-зеленыхъ, свѣжевыкрашенныхъ садовыхъ скамеекъ. Двумя вереницами танулись онѣ по аллеѣ, сливаясь вдаль.

Князь глянулъ на вторую скамейку.—Она была такая же, какъ и всѣ, но онъ не обращалъ вниманія на всѣ другія, а упорно глядѣлъ на одну эту вторую скамейку. И наконецъ, онъ тихо пробурчалъ себѣ подъ носъ:

— Доска, глупое дерево! Тоже гниетъ, но дольше! Люди скорѣе. Вотъ ты, глупая доска, все еще тутъ, на своемъ мѣстѣ, а ее давно нѣту. И меня не будетъ на свѣтѣ, а ты, доска, все будешь на своемъ мѣстѣ. И князь вдругъ странно улынулся язвительною улыбкой и проговорилъ громче:

— Ну, да все жъ-таки когда-нибудь и до тебя дѣло дойдетъ,—одинъ прахъ останется.

Онъ поднялъ вдругъ руку и какъ бы погрозился пальцемъ этой скамейкѣ.

— Захоти я—въ одно мгновеніе ока и праху не будетъ! шепнулъ онъ и отошелъ отъ окна.

Въ кабинетъ явились люди, главный камердинеръ бережно

внесъ своего спутника, попугая въ клѣткѣ, затѣмъ шель гайдукъ и несъ шкатулку съ деньгами, а вслѣдъ шли два скорохода съ тремя ящиками, гдѣ были трубки, табакъ и винныя ягоды. Если бы прибавить теперь въ эту горницу извѣстное количество хлѣба и воды, то весь міръ Божій могъ бы провалиться и погибнуть, а князь Аникита Телепневъ имѣлъ бы около себя все необходимое для жизни и все имъ любимое. Правда, тамъ бы провалились женатый сынъ, дѣвица дочь, богатыя вотчины. За то здѣсь бы остались — попка съ именемъ Сократъ, который для князя въ тысячу разъ умнѣ всякаго человѣка, остались бы винныя ягоды и табакъ, пріятнѣе и слаще которыхъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Пожалуй, тутъ былъ одинъ лишній предметъ, который бы князь съ удовольствіемъ выбросилъ въ окошко, — деньги. Отъ денегъ онъ во всю свою жизнь, по его выраженію, „никакого черта не получилъ“. Единственное, что было въ прошлой жизни князя свѣтлаго и дорогого, было какъ на смѣхъ недостижимо при помощи денегъ. Быть можетъ, однако, потому это „нѣчто“ и стало ему болѣе дорогимъ, даже священнымъ.

VI.

Въ ту минуту, когда князь усѣлся на кресло и закурилъ трубку, къ нему вошелъ, по обычаю, за первыми приказаніями Финогенъ Павлычъ. Поводъ появленія управителя былъ на столько ясенъ, что старикъ молча сталъ у порога въ покорномъ ожиданіи.

Молчаніе длилось нѣсколько мгновений.

Князь опустилъ глаза въ землю, выпустилъ нѣсколько клубовъ дыму и, наконецъ, вымолвилъ однозвучно:

— Гонца къ князю Егору.

— Слушаю-съ, отозвался управитель.

— Миткѣ форейтору ситцу на трое штановъ и три рубахи. А спросить: за что—мое дѣло.

— Слушаю-съ, — снова отозвался Финогенъ Павлычъ, но не удивился, такъ какъ въ числѣ всадниковъ уже шель говоръ о томъ, что Митка, по пріѣздѣ, будетъ награжденъ. Его лихой, застоявшійся конь билъ задомъ и передомъ, съ пѣной на бокахъ, въ продолженіе почти двухъ верстъ, но Митка сидѣлъ все время какъ прикрученный къ сѣдлу и отвѣчалъ коню правильными ударами здоровой нагайки.

Наступила, послѣ второго приказанія, пауза. Финогенъ Павлычъ не двигался. Онъ, какъ истый холопъ, всю жизнь посвятившій служенію, если не видѣлъ, то чувствовалъ, что баринъ еще что-нибудь прикажетъ, и не простое.

Между тѣмъ, князь Аникита смотрѣлъ въ окно, у котораго сидѣлъ, и предъ которымъ уходила вдаль средняя аллея, гладкая, широкая, темная, съ золотыми пятнами отъ солнечныхъ лучей, скользнувшихъ на нее сквозь густую листву верхушекъ липъ. И вдругъ баринъ-князь ухмыльнулся такъ добродушно, что Финогенъ Павлычъ, хотя выдавшій его рѣдко, но знавшій все-таки близко, удивился и обомлѣлъ.

„Ужь не мнѣ ли что подарить сейчасъ“, невольно шевельнулось въ старикѣ-лакеѣ.

— Подойди сюда, выговорилъ князь, — ближе.

„Ну, такъ и есть, подарить“, подумалъ Финогенъ Павлычъ: „десять лѣтъ все исправно содержи тутъ и не одинаго выговора не получалъ“.

— Гляди, вонъ, въ аллею. Видишь—скамейки.

Финогенъ Павлычъ затревожился.

— Дуракъ, есть скамейки въ аллеѣ?

— Есть-съ.

— Видишь ихъ всѣ?

— Вижу-съ, удивляясь выговорилъ управитель.

— Видишь, направо скамейки?

— Точно такъ-съ.

— Первую видишь?

— Вижу-съ.

— Вторую видишь?

— Вижу-съ, уже началъ робѣть Финогенъ Павлычъ.

— Ну вотъ, возьми двухъ человѣкъ съ топорами и вырубй мнѣ сейчасъ эту скамейку. Смотри не промахнись. Вторую, направо! Не то я — хоть ты и старъ — тебя на починѣ по приѣздѣ высѣку. Сруби скамью, принеси вотъ сюда подъ окошко и людей съ топорами зови сюда же. Понялъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну, сгинь.

Послѣднее слово было любимымъ у князя. Онъ никогда не говорилъ: уходи, ступай, или пошелъ.

Черезъ минуту верховой былъ посланъ гонцомъ къ князю Егору Аникитовичу объявить о приѣздѣ князя родителя. Приѣзжая ключница уже отправилась въ кладовую дома, гдѣ,

несмотря на отсутствіе владѣльца, было многое-множество всякаго добра. Здѣсь ключница отмѣривала ситець, чтобы выдать указанное ѣздовому Митькѣ. Финогенъ Павлычъ, съ трудомъ розыскавъ въ числѣ попрятавшихся рабочихъ двухъ плотниковъ, уже шелъ въ садъ. Князь, завидя въ окна фигуры людей, бросилъ трубку, всталъ, оперся на подоконникъ и глядѣлъ.

Топоры застучали, вырубая скамейку изъ земли. Князь улыбался и, наконецъ, проворчалъ:

— Что, голубушка, пережила? Вотъ эдакъ бы всѣхъ васъ...

Послѣднія слова относились, однако, не къ скамейкамъ сада.

Вырубивъ садовую скамейку, плотники расшибли ее на три части, два столба и доску.

— Неси сюда,—крикнулъ князь въ окно.

Финогенъ Павлычъ и рабочіе рысью двинулись къ самому окошку.

— Клади тутъ, руби все мелко-на-мелко, чтобъ одна щепка была.

И снова застучали топоры и долго стучали.

Князь отошелъ отъ окна, снова закурилъ трубку и прислушивался. Наконецъ, стукъ прекратился. Онъ снова подошелъ къ окну. Предъ рабочими, утиравшими потъ съ лица, была только большая груда щепы, а надъ нею стоялъ, понурившись и разиня ротъ, Финогенъ Павлычъ и мысленно разсуждалъ:

„Ужъ, стало быть, чѣмъ-нибудь да провинились. Нашъ баринъ все жъ-таки зря ничего не дѣлаетъ. Провинились. Только удивительно; когда же это было? Вѣдь, онъ сколько лѣтъ не бывалъ здѣсь“.

Но голосъ князя разбудилъ управителя.

— Финогенъ, лови!

И князь выбросилъ управителю коробочку спичекъ.

— Поджигай.

Управитель поспѣшно исполнилъ приказаніе барина. Сухое дерево, вдобавокъ выкрашенное свѣжею масляною краской, тотчасъ запылало. Куча щепы стала горѣть съ какимъ-то особеннымъ проворствомъ и даже остервенѣніемъ.

Князь снова отошелъ отъ окна, снова прошелся нѣсколько разъ по горницѣ, изрѣдка приближаясь поглядѣть на огонь.

Черезъ полчаса оставались одни угли отъ костра, а затѣмъ-

вскорѣ уже былъ одинъ пепель и большое черное пятно среди желтой дорожки.

— Ребята, приказаль князь, — бери лопаты, перемѣшай мнѣ все съ пескомъ и разбросай по всему цвѣтнику, да такъ, смотри, чтобы нигдѣ чернаго слѣда не было. Если я увижу гдѣ на дорожкѣ уголекъ—смотри что будетъ! Чтобы все сгнило! А пятно черное, вѣстимо, сейчасъ засыпать свѣжимъ песочкомъ!

Князь, довольный и улыбающійся, перешель въ свою спальню, затѣмъ пошелъ обходомъ по всему старинному дому, принадлежавшему еще его дѣду. Пройдя нѣсколько большихъ горницъ, онъ вошелъ въ одну изъ нихъ, называемую диванной. Здѣсь, по стѣнамъ, въ два ряда висѣли семейные портреты.

Оглянувъ ряды потускнѣвшихъ лицъ—молодыхъ и старыхъ, князей и княгинь Телепневыхъ, хозяинъ-чудодѣй вдругъ легко размѣялся. Одинъ изъ портретовъ висѣлъ задомъ на передъ, лицомъ къ стѣнѣ и подрамкомъ наружу.

— Ага, дѣдушка! выговорилъ князь.— Все еще упершись носомъ въ стѣну торчишь. Ну, прости. Я, вѣдь, тогда не зналъ, что столько лѣтъ сюда не загляну. Думалъ тебя на полгода только наказать. Что дѣлать? Видно такова твоя судьба.

Князь крикнулъ людей, приказаль снять портретъ и повѣсить какъ слѣдуетъ.

Когда портретъ былъ перевернуть и висѣлъ на стѣнѣ такъ же, какъ и всѣ прочіе, на лицѣ князя выразилось удивленіе.

— Скажи на милость! — произнесъ онъ вслухъ, — что вышло-то!

Картина оказалась много свѣжѣе и свѣтлѣе, чѣмъ всѣ остальные. Другіе предки князя затушевались и выглядывали какъ бы изъ какого-то тумана, а дѣдушка, провисѣвшій нѣсколько лѣтъ лицомъ къ стѣнѣ, смотрѣлъ изъ яснаго фона, радостно улыбаясь. Глаза, какъ живые, глядѣли на князя, а губы смѣялись, какъ будто дѣдушка говорилъ: „Что, братъ Аникита, кто кого надулъ!“

— Ну, что жъ!—выговорилъ князь вслухъ,—пущай такъ. Стало быть—судьба!

И чудодѣй тотчасъ же приказаль послать къ себѣ Фио-гена.

Управитель явился.

— Бываетъ во дню солнце на этой стѣнѣ? — спросилъ князь.

Финогенъ Павлычъ, какъ часто случалось съ нимъ, не понималъ вопроса.

— А, вѣдь, ты совсѣмъ глупѣть сталъ. Тебя придется послать въ обученье въ степную вотчину на скотный дворъ.

Затѣмъ князь переспросилъ Финогена Павловича толковѣе, вразумительнѣе и узналъ, что въ весеннее время солнце сильно грѣетъ стѣну, гдѣ висятъ портреты.

— Чуть не во весь день солнышко тутъ на стѣнкѣ стоитъ, ваше сіятельство, объяснилъ управитель дома.

— Ну вотъ, твое солнышко, дураковина, мнѣ всѣхъ дѣдушекъ и бабушекъ и сожрало!.. сумрачно отвѣтилъ князь. — Гляди, нешто у нихъ прежде такія лица были... Всѣ теперь смотрять будто съ просонокъ... Вонъ, дѣдушка Петръ Алексѣевичъ, одинъ глядитъ отважно, потому что десять лѣтъ въ стѣну смотрѣлъ, а не на твое солнышко... Ну, сгинь, чертова перечница!

Финогенъ Павлычъ выкатился шарикомъ, смущенный и оробѣвшій. Онъ хорошо понялъ угрозу на счетъ скотнаго двора въ степной деревнѣ... Но одно слово князя было для него загадкой. Онъ никакъ не могъ уразумѣть угрожающей смыслъ выраженія: „твое солнышко“.

Князь Аникита Ильичъ, оставшись одинъ, снова сталъ смотрѣть на свѣтлый и лучше другихъ сохранившійся портретъ дѣда Петра Алексѣевича.

— За что, бишь, я тебя тогда носомъ въ стѣну приладилъ? сталъ вспоминать онъ.

Не тотчасъ, но вспомнилъ князь. Однажды, когда „филозофъ“ гостилъ у себя въ Бутырскомъ домѣ, ему было особенно грустно. По цѣлымъ днямъ бродилъ онъ безъ цѣли по дому и придирался къ людямъ со словами: „Чему радуешься?“

Зайдя въ диванную и увидя дѣдушку, улыбавагося ему со стѣны, князь и къ нему обратился съ этимъ же сердитымъ замѣчаніемъ. Живые люди послѣ словъ барина тотчасъ старались начать смотрѣть печально... А дѣдушка не унялся и продолжалъ улыбаться на князя, даже какъ будто началъ пуще ротъ развѣвать.

— Ладно! выговорилъ князь. — Я тебя устрою. Тебѣ сладко жилось на свѣтѣ... А меня заѣло. Сытый голоднаго не разу-

мѣть. Тебѣ и послѣ смерти на живописи весело, да смѣшно. Ну, и смѣйся въ стѣну, а не на меня.

И Аникита Ильичъ приказалъ тотчасъ же повѣсить портретъ задомъ напередъ, а затѣмъ, уѣхавъ, забылъ снять опалу со смѣшливаго дѣда.

VII.

Князю Аникитѣ Телепневу было за шестьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ. Дѣтство свое князь провелъ съ отцомъ и матерью въ родовомъ помѣстьи, около Тулы. Князь былъ единственнымъ сыномъ и съ первыхъ дней своего существованія сталъ идоломъ, которому поклонялись всѣ, начиная съ родныхъ и кончая послѣднимъ крестьяниномъ въ селѣ. „Князекъ“ былъ не только первымъ лицомъ, но былъ именно всеобщимъ кумиромъ.

Отецъ его, князь Илья, былъ человѣкъ ограниченный, но чрезвычайно гордый и напыщенный. Онъ считалъ свой родъ однимъ изъ самыхъ древнихъ и знатныхъ, но къ его великому горю, ни одинъ изъ его предковъ ничѣмъ не отличался. Самъ онъ точно также въ люди не вышелъ. Попадъ въ число приверженцевъ царевны Софіи, онъ вдругъ, къ величайшему своему изумленію, увидалъ, что тѣ лица, которымъ онъ поклонялся, отъ которыхъ всего ожидалъ, пошли въ ссылку или кончали жизнь на плахѣ. Онъ немедленно покинулъ Москву съ семьей и остался до конца дней въ Тульской вотчинѣ. Здѣсь послѣ пятнадцатилѣтняго брака у него родился сынъ, котораго по дню рожденія назвали Аникитой.

Въ однообразной, скучной, ничѣмъ не наполненной жизни князя Ильи рожденіе наслѣдника было, конечно, равнозначуще громадному событію. Онъ сталъ доволенъ своею судьбой и счастливъ. Жена его еще счастливѣе. Жизнь вся была теперь наполнена однимъ ухаживаніемъ за единственнымъ сыномъ.

Конечно, князь Аникита, будучи еще въ люлькѣ, уже былъ записанъ въ одинъ изъ петербургскихъ полковъ.

Когда изъ малютки сдѣлался отрокъ и наконецъ юноша, то этотъ юный всеобщій любимецъ, избалованный до послѣдней степени, вышелъ юноша-старичекъ, совершенно недовольный окружающимъ, брюзга, раздражительный и даже сварливый, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ.

На основаніи увѣреній и убѣжденій отца, матери, мамки и дворни, князекъ уже года съ два какъ ждалъ чего-то чрезвычайнаго, сверхъестественнаго, что должно произойти съ нимъ. Онъ ждалъ, что не нынче — завтра, но ужъ непременно послѣ завтра, явится къ нему и коверь-самолетъ, и шапка-невидимка, и царевна-красота, и все что слѣдуетъ за ними. Опъ ждалъ, что явится курьеръ изъ Петербурга отъ императрицы Анны Ивановны и позоветъ его командовать всѣми войсками или заправлять всѣми государскими дѣлами въ качествѣ кабинетъ - министра. Юный князь не могъ не вѣрить въ это, такъ какъ уже давно всѣ окружающіе толковали объ этомъ, такъ сказать, предупреждали его о готовящейся судьбѣ.

Словомъ, князь Аникита родился и жилъ до юношескаго возраста въ совершенно заколдованномъ кругу. Много было молодыхъ и старыхъ людей, которые завидовали ему, но самъ онъ тяготился своимъ положеніемъ и настолько былъ недоволенъ своею судьбой, что это отражалось даже на его здоровьи. У него была болѣзненная раздражительность.

И „князекъ“ послѣ этой жизни въ вотчинѣ, гдѣ по утру всѣ отъ мала до велика являлись почтительно поздороваться съ нимъ и приложиться къ его ручкѣ, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ и поступить рядовымъ въ Измайловскій полкъ. Молодой человекъ поѣхалъ одинъ, впередъ, съ дядькой, а вслѣдъ за нимъ должны были прибыть отецъ съ матерью, чтобы поселиться въ столицѣ ради сына. Но для старика подобное переселеніе было, однако, довольно мудро. Надо было прежде всего отыскать въ Петербургѣ большой домъ, купить его, отдѣлать и устроить. Развѣ могъ князь Телепневъ, какъ какой-нибудь простой дворянинъ, нанять квартиру для себя, семьи и дворни.

Молодой человекъ прибылъ въ столицу, поступилъ въ полкъ и устроился временно на большой квартирѣ съ дядькой и съ дюжиной дворовыхъ лакеевъ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ пришло извѣстіе, что его отецъ внезапно скончался, а мать настолько поражена горемъ, что почти лишилась языка. Во всякомъ случаѣ вдова уже не могла и думать ѣхать на жительство въ Петербургъ „на свою седьмую часть“.

Молодой князь, наслѣдникъ большого состоянія, принялъ извѣстіе по своему. Уже теперь, въ девятнадцать лѣтъ, ска-

звало́сь въ немъ черство́е, каменное сердце. Когда вслѣдъ за горестнымъ извѣстїемъ явился къ нему въ Петербургъ управитель всѣхъ имѣній для получения личныхъ приказаній, то князь заявилъ, что онъ будетъ самъ управлять изъ Петербурга. И первыя же его распоряженія измѣнили все, перевернули вверхъ дномъ всѣ порядки отцовскіе. Матери своей, которая, судя по письмамъ, была серьезно больна, молодой князь отписалъ, чтобъ она избрала себѣ другую вотчину для жительства. Причиной этого распоряженія молодой князь выставилъ то обстоятельство, что въ домѣ, гдѣ нѣтъ хозяина, бываетъ всякій беспорядокъ, всякое упущеніе и всякое баловство. Опасаясь, чтобы тульская усадьба, въ которой много родовыхъ драгоценныхъ вещей, по „бабьей“ неосторожности не сгорѣла, онъ, во избѣжаніе этого предполагаемаго пожара, всепочтительнѣйше предложилъ матери тотчасъ переѣхать въ другую вотчину въ Калужскомъ намѣстничествѣ, гдѣ былъ заброшенный пустой домъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Аникита, начавъ получать уже большія суммы денегъ, скоро былъ замѣченъ въ столицѣ, и въ гвардіи, и при дворѣ.

Будучи отъ природы хитеръ и дальновиденъ, князь въ нѣсколько мѣсяцевъ понялъ ту науку, отъ которой многое въ жизни зависитъ. Наука эта заключается въ точномъ знаніи и опредѣленіи „гдѣ раки зимуютъ“. А въ эти дни раки зимовали болѣе чѣмъ когда-либо во дворцѣ всемогущаго герцога Бирона и вообще на сторонѣ нѣмцевъ.

И сынъ гордаго рюриковича прежде всего сталъ прислужникомъ всякаго рода чужеземцевъ и проходимцевъ, которыми былъ полонъ Петербургъ.

Вскорѣ онъ былъ уже большимъ прїателемъ, своимъ человекомъ, въ одной нѣмецкой семьѣ, гдѣ часто бывалъ самъ герцогъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ временщикъ полюбилъ молодого богача-гвардейца и сталъ ему протектировать.

Князь тонко и умно, со всѣхъ сторонъ обдумавъ свое положеніе, рѣшилъ предложить руку и сердце молоденькой нѣмочкѣ, которую постоянно ласкалъ и дарилъ самъ герцогъ, въ шутку именуя дочкой. Рядовому было жениться неловко. Но герцогъ уладилъ все... Однажды князь Аникита былъ неожиданно произведенъ въ сержанты, минуя капральскій чинъ и обходя многихъ товарищей. Никто не удивился. Огромное состояніе, княжескій титулъ, красивая, сравнительно, наруж-

ность и покровительство герцога могли доставить Телепневу прямо прапорщичій чинъ.

Семья, въ которой бывалъ князь и въ которой, наконецъ, былъ объявленъ женихомъ, были очень недавно прибывшіе изъ Курляндіи нѣмцы. Кто они были—трудно было сказать. Вѣроятно простое бюргерское семейство, явившееся въ Россію, чтобы подъ крылышкомъ герцога сдѣлаться знатнымъ россійскимъ родомъ и сразу получить все — и почести, и знатность и большія вотчины.

Произведенный вновь сержантъ тотчасъ же повѣнчался и, купивъ домъ на Невской перспективѣ, зажилъ на славу. Въ домѣ этомъ часто бывали пиры, на которыхъ присутствовали самъ всемогущій герцогъ. Но на этихъ пирахъ, русскаго слова никогда не слышать было. Одинъ лишь нѣмецкій Петербургъ, и важный и сѣренькій, бывалъ и угощался у князя Телепнева.

Все это было въ концѣ лѣта.

Черезъ два или три мѣсяца послѣ свадьбы всемогущій покровитель сержанта Телепнева, исколоченный прикладами Преображенцевъ, уже увозился въ каретѣ изъ своего дворца подъ арестъ. А важная и гордая герцогиня, еще такъ недавно изображавшая чуть не императрицу на балѣ князя Телепнева, въ одной ночной сорочкѣ попала въ сугробъ, куда толкнулъ ее въ шею одинъ солдатъ.

Словомъ, за это краткое время успѣла умереть Анна Ивановна, успѣла сдѣлаться правительницей Анна Леопольдовна и успѣлъ самъ герцогъ изъ регента россійскаго попасть въ ссыльные арестанты. Князь Аникита понялъ, какого маху далъ, но онъ не зналъ, что это только цвѣточки, а ягодки будутъ впереди.

Едва только Биронъ слетѣлъ съ своей высоты, какъ князь Телепневъ уже былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ молодымъ Минихомъ, сыномъ фельдмаршала и адъютантомъ малютки императора Ивана.

И вскорѣ новый ударъ—Минихъ тоже арестованъ и тоже сосланъ.

Князь Аникита, какъ и многіе другіе, окончательно потерялся. Кругомъ уже начинался какой-то глухой ропотъ, кто-то грозился. Нѣмцы всѣхъ сословій и состояній какъ бы сомкнули ряды и притихли, чего-то опасаясь. Князь съ женой и многочисленною родней тоже присмирѣлъ, тоже опа-

сался чего-то. Но ему не приходило на умъ на этотъ разъ, гдѣ раки собираются зимовать, гдѣ нарождается будущая сила и власть.

Родня князя съ презрѣніемъ смѣялась, всячески издѣвалась, когда упоминался Смольный дворъ, или имя жившей въ немъ цесаревны Елизаветы.

И вдругъ, однажды, на зарѣ въ домъ князя ворвалась вагата пьяныхъ солдатъ. Все что было можно изломать, было изломано, что можно было украсть было украдено. Многіе въ домѣ были избиты, а князь съ женой уцѣлѣлъ только потому, что заперся въ маленькомъ чуланѣ, куда вела дверь изъ-подъ темной лѣстницы.

— Что же это! Господи, помилуй! ужасался онъ:—гвардейскіе солдаты гвардейскаго же сержанта грабятъ!

Когда князь Аникита вышелъ изъ своего чулана, то узналъ такую диковину, отъ которой умъ за разумъ зайти могъ.

Долго не вѣрилъ онъ тому, что ему говорили. Да и многое множество лицъ въ Петербургѣ и даже повыше поставленныхъ, чѣмъ князь Телепневъ, тоже не вѣрили ни ушамъ, ни глазамъ своимъ. Правительница съ супругомъ и молодымъ императоромъ были арестованы. На престолѣ Російскомъ была императрица „дщерь Петрова“—та самая, молодая, красивая и веселая хохотунья, которая проживала на Смольномъ дворѣ и надъ которою такъ издѣвалась нѣмецкая родня князя.

Времена эти, которыя пережилъ теперь Телепневъ въ Петербургѣ, были дѣйствительно диковинными. Какія-то историческія чудеса въ рѣшетѣ!

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ измайловскій сержантъ, съ нѣмкой-женой, съ кучей нѣмцевъ-родственникововъ, принужденъ былъ покинуть Петербургъ не по собственной волѣ. Его вѣжливо попросили, въ качествѣ бывшего любимца герцога Бирона, продать домъ и отправляться въ какую-либо вотчину. Въ противномъ случаѣ ему грозили отписать въ казну домъ, а затѣмъ и его болѣе близкія къ столицѣ имѣнія.

И князь Аникита Ильичъ вдругъ снова очутился въ Тульскомъ намѣстничествѣ, съ молодою женой, которую собственно не любилъ. Характеръ князя сразу сталъ много хуже и мудренѣе.

Многочисленная нѣмецкая родня понемногу стала покидать вотчину. Хотя и тепло, и сытно жилось ей у родственника

князя, но самъ онъ становился черезчуръ тяжеловатъ. Черезъ годъ князь былъ уже вдвоемъ съ женой и серьезно подумывалъ о томъ, нельзя ли какъ-нибудь избавиться отъ жены-нѣмки, съ которою онъ съ трудомъ объяснялся, такъ какъ говорилъ по-нѣмецки плохо, а жена, со времени замужества, выучила только пять русскихъ словъ.

На его счастье княгиня родила дочь, а черезъ нѣсколько дней и мать, и ребенокъ были на томъ свѣтѣ.

Проживъ еще года два въ одиночествѣ, князь началъ скучать, вымолилъ себѣ дозволеніе перебраться въ Москву и заново отдѣлалъ домъ на Бутырской дорогѣ. Здѣсь князь Аникита снова началъ стараться выйти въ люди. Оказывалось, что въ князѣ только и есть, только и живо чувство честолюбія. Онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что такъ глупо началъ свою жизненную карьеру. Теперь, со смертью нѣмки-жены, все, имъ напутанное, какъ бы распуталось. Можно было начать жить сначала.

VIII.

Въ Москвѣ молодой вдовецъ и богачъ былъ принятъ въ распростертыя объятія. Для москвичей онъ былъ прежде всего хлѣбосоломъ хозяиномъ, у котораго можно было всегда попить, а кромѣ того онъ былъ и женихомъ...

Но судьба, очевидно, хотѣла преслѣдовать князя и посягаться надъ нимъ всячески на всѣ лады. Однажды, на какомъ-то гуляньѣ, въ толпѣ горожанъ князь повстрѣчалъ дѣвушку въ простомъ ситцевомъ платьѣ, съ краснымъ шелковымъ платкомъ на головѣ. Дѣвушка поразила князя. Разумѣется, для него не трудно было немедленно справиться, чтобъ узнать, кто такая эта незнакомка.

Дѣвушка замѣчательной красоты, не русскаго типа и происхождения, была разыскана черезъ два дня. Она оказалась цыганкой изъ бѣдной и даже нѣсколько подозрительной семьи. Въ маленькой лачугѣ, около Козьяго Болота, проживала семья цыгана, который занимался разными темными дѣлами. Жена его, вела хозяйство, а его старуха-мать, страшная на видъ, была гадалка и, какъ говорили, колдунья. Три сына постоянно бывали въ развѣздахъ, тоже по какимъ-то особымъ дѣламъ. Дочь, извѣстная въ околоткѣ своею красотой, остава-

лась дома и сидѣла у окошечка отъ зари до зари, ничего не дѣлая.

Узнавъ все, князь послалъ за отцомъ. Объясненіе было короткое: князь желалъ взять цыганку въ свои наложницы, общія, конечно, золотыя горы и все, что угодно: прежде всего—домъ и содержаніе всей семьѣ.

Цыганъ заявилъ его сіятельству, что душой бы радъ, да мудро по отношенію къ своимъ, къ цыганамъ. Осудятъ. Но это бы еще ничего, а главное, у дочери, по имени Маюрка, есть женихъ.

Слушая цыгана, князь только удивлялся. Онъ думалъ, что черезъ часъ цыганка будетъ привезена къ нему въ домъ, а отецъ болталъ всякое несообразное.

Цыганъ общался черезъ дня два побывать снова съ отвѣтомъ, и аккуратно явился. Кратко доложилъ онъ князю, что дочь ничего и слышать не хочетъ, и видѣтъ не желаетъ князя, а желаетъ выйти замужъ за своего жениха.

Съ этого дня у князя явилась новая забота—сломить волю красавицы, которая его плѣнила.

Возня съ семьей цыганъ продолжалась долго. Денегъ къ отцу перешло много. Семья уже давно жила въ просторномъ красивомъ домѣ. Маюрка пріѣзжала къ князю въ гости, оставалась съ нимъ наединѣ, пѣла свои пѣсни, гуляла съ нимъ по саду бутырскаго дома, но при закатѣ солнца всегда отправлялась домой.

Однажды князь не совладалъ съ своею страстью и задержалъ дѣвушку насильно, рѣшаясь итти на все... Маюрка была имъ задержана почти до полуночи. Князь объяснилъ ей, что надо кончить. И, къ величайшему своему изумленію, онъ долженъ былъ уступить. Маюрка вынула складной ножъ изъ кармана и такъ просто, такъ естественно общала ему зарѣзаться у него въ кабинетъ при малѣйшемъ насиліи, что князь, какъ и всякій бы на его мѣстѣ, повѣрилъ и отступилъ.

Послѣ этой бурной сцены Маюрка была у князя снова дня чрезъ три. Точно также пошли они, какъ всегда, гулять по саду, и затѣмъ усѣлись вмѣстѣ на скамейкѣ. На второй скамейкѣ въ средней аллеѣ! И здѣсь въ первый разъ Маюрка долго и страстно цѣловала князя, и много плакала. На его разспросы въ чемъ дѣло, отчего она такъ ласкова, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ грустна—Маюрка ничего не отвѣчала.

— Объясни хоть что-нибудь. Скажи хоть словечко, умоляя князь, тоже чуть не со слезами на глазахъ.

— Ничего я не скажу! отзывалась красавица, мотая головой.

Затѣмъ она простилась съ княземъ на этой же скамейкѣ.. Страстно обнявъ, она нѣжно и много цѣловала его. Тревожное предчувствіе невольно закралось въ душу князя.

— Ты будто прощаешься совсѣмъ! вымолвилъ онъ.

— Что вы! Что вы! Какъ можно! возразила она.—Завтра же въ эту же пору опять буду.

Но этого „завтра“ уже не было!

Продавъ Маюрку напрасно цѣлый день, князь, мучимый предчувствіемъ бѣды, даже не могъ лечь спать. Онъ всю ночь пробродилъ по дому... Загадочное поведеніе цыганки, которая прежде никогда не бывала съ нимъ такъ ласкова, не выходило у него изъ головы.

Подъ утро онъ почти рѣшился на такой поступокъ, которымъ, конечно, смутилъ бы всю Москву.

Князь Телепневъ послѣ внутренней борьбы съ самимъ собою рѣшилъ жениться на Маюркѣ и, уѣхавъ съ ней въ вотчину, никогда болѣе не заглядывать въ столицу.

— Что мнѣ въ этихъ чертахъ. Не въ нихъ счастье жизни! говорилъ онъ про знакомыхъ москвичей.

Рано утромъ князь выѣхалъ изъ дому и поѣхалъ къ Тверскимъ воротамъ, гдѣ при выѣздѣ изъ города поселился цыганъ съ семьей въ новомъ просторномъ домѣ, купленномъ на деньги князя... Домъ оказался пусть...

Князь потерялся, чуть не упалъ въ обморокъ. Онъ сидѣлъ въ каретѣ, не имѣя даже силы что-либо приказать своимъ лакеямъ... Люди догадались сами и бросились расспрашивать сосѣдей.

Вѣсти, принесенныя ими барину, были ударомъ, который отозвался на всю жизнь князя.

Оказалось, что семья цыганъ наканунѣ покинула Москву, уѣхавъ куда-то далеко. Кто говорилъ, въ Полтаву, а кто увѣрялъ, что за границу, въ королевство Польское.

Домъ былъ проданъ мѣщанину, содержателю сосѣдняго постоялаго двора.

Князь вернулся домой близкій къ умопомѣшательству. Онъ заперся и бормоталъ наединѣ:

— Вотъ она, любовь! Да! Какая любовь! Да вотъ... Она....

Да... Первая и послѣдняя... А я не зналъ. Еще вчера не зналъ. Думалъ прихоть... Искать? Гдѣ? Въ Россіи, въ Малороссіи или въ Польшѣ! Половину всего отдамъ на поиски, но чую, что не найду. Такъ должно было все приключиться. Нѣтъ мнѣ счастья и удачи. Проклятъ я при рожденіи...

Черезъ двое сутокъ явилась въ бутырскій домъ какая-то старая цыганка и все объяснила...

Она явилась по порученію исчезнувшей красавицы, чтобы повѣдать князю, что Маюрка его любила и вѣкъ будетъ любить, что жениха у нея не было и нѣтъ. Все это нагаль ея отецъ, который ни за что не хотѣлъ, чтобы дочь стала наложницей князя, и даже грозился убить ее въ случаѣ неповиновенія. Куда уѣхала вся семья — цыганка не знала. Можетъ за сто верстъ, а можетъ и за тысячу... Она знала только одно, что сама видѣла: какъ Маюрка плакала, рѣкой разливаясь, и взяла страшную клятву со старухи, что она пойдетъ и скажетъ князю всю правду.

— Ужъ лучше бы мнѣ не вѣдать всего этого! воскликнулъ князь.—Ахъ глупые люди! Еслибъ они знали, съ какими мыслями собрался я къ нимъ...

Князь заперся въ своемъ Бутырскомъ домѣ и полгода прожилъ въ немъ, не пуская къ себѣ никого. Наконецъ, буря улеглась въ его сердцѣ и онъ рѣшилъ, что надо вернуться къ прежнимъ мечтамъ, къ честолюбивымъ замысламъ.

— Сдѣлаться сановникомъ! Выслужаться!

И князь Телепневъ сталъ хлопотать, чтобы получить гражданскій чинъ и должность товарища намѣстника. Снова началъ онъ водить хлѣбъ-соль со всею чиновною Москвой и ухаживать за властными людьми. Такъ прошелъ въ хлопотахъ цѣлый годъ и не принесъ ничего. Князь Телепневъ узналъ, что пока здравствуетъ императрица Елизавета Петровна, ему нечего и пробовать.

— Вы въ Питерѣ на архи-нѣмецкомъ счету! заявили князю.

Несчастіе въ любви и полная неудача въ честолюбивыхъ мечтаніяхъ еще болѣе ожесточили сердце князя. Онъ былъ, по его убѣжденію, несправедливо обойденъ судьбой и глубоко оскорбленъ людьми. Винаватъ безъ вины! У него было все, чему люди завидуютъ, за исключеніемъ того, чего самъ онъ хотѣлъ. Онъ отдалъ бы все состояніе и свое древнее имя или за Маюрку жену, или за высокое положеніе по службѣ. Ни то, ни другое не далось...

И князь Аникита Телепневъ возненавидѣлъ общество, въ которомъ не могъ занять то мѣсто, которое бы желалъ.

— Не хочу я жить въ Москвѣ простымъ княземъ и дворяниномъ. Этого добра здѣсь и безъ меня много! рѣшилъ онъ.

Уѣхавъ изъ столицы на время въ ближайшую свою вотчину по Калужской дорогѣ, князь такъ и застрялъ въ ней, лишь изрѣдка бывая въ Москвѣ на короткое время. Первые пятнадцать лѣтъ князь прожилъ одинъ... Но затѣмъ, однажды, пріѣхавъ въ Москву съ намѣреніемъ взять въ жены „встрѣчную дѣвицу“.

Князь нанялъ квартиру въ четыре комнаты, на Варваркѣ, и поселился въ ней съ двумя людьми, прозываясь дворяниномъ Никитинымъ... Онъ сталъ ходить пѣшкомъ къ службамъ по разнымъ храмамъ, а равно и по гуляньямъ, высматривая себѣ „будущую княгиню“. При этомъ князь рѣшилъ, что возьметъ въ жены ту дѣвицу изъ дворянокъ, которая, при встрѣчѣ съ нимъ въ храмѣ или на гуляньѣ, первая заговоритъ съ нимъ о чемъ бы то ни было...

Болѣе мѣсяца прошло, а ничего подобнаго не случилось. Да и мудрено было, чтобы подобная затѣя осуществилась. Съ какой стати заговорить вдругъ съ незнакомымъ дѣвушка-дворянка.

Наконецъ, однажды, желанное случилось. Князь выходилъ изъ прихода послѣ всенощной, и въ толпѣ, на паперти услышалъ голосъ за своею спиной:

— Хорошо это нешто — съ добрыми людьми не здороваться!

Разумѣется, онъ не обратилъ вниманія на слова шедшей за нимъ, хотя дѣвичій голосокъ понравился ему своимъ ласковымъ звукомъ.

Тогда рука легла ему на плечо, и тотъ же голосокъ проговорилъ:

— Вишь, какъ въ себя ушли, и не слышите.

Князь обернулся. За нимъ была хорошенькая, черноволосая дѣвушка, со вздернутымъ носикомъ и веселыми черными глазами.

— Ахъ, извините... вымолвила дѣвушка, страшно оторопѣвъ и прижимаясь къ шедшей около нея старухѣ, нѣчто въ родѣ няньки.

— Вы ошиблись... выговорилъ князь, робѣя отъ случая и глядя во всѣ глаза на незнакомку.

„Неужели это—моя жена!“ стукнуло у него на сердцѣ.

— Виновата! проговорила дѣвушка и отвернулась.

Князь пропустилъ ее впередъ, но пошелъ сзади и проводилъ до дому...

Черезъ день онъ зналъ, кого судьба посылаетъ ему въ жены.

Дѣвушка оказалась круглою сиротой, дворянкой, дочерью капитана, убитаго на войнѣ, и жившею изъ милости у дальней родственницы.

Князь представился и сталъ бывать въ домѣ бѣдной дворянки все-таки подъ именемъ Никитина и сталъ ухаживать за Вѣрочкой Безсоновой.

Черезъ мѣсяцъ дѣвушка-сирота стала княгиней Телепневой, и уже была съ мужемъ въ вотчинѣ на Калужкѣ.

Новая княгиня оказалась самымъ тихимъ существомъ, какое когда-либо рождалось на свѣтѣ. Князь не могъ быть несчастливъ съ такою женой, несмотря даже на свой нравъ.

За первыя семь лѣтъ супружества княгиня подарила мужу трехъ дѣтей. Старшій ребенокъ, сынъ, умеръ; вскорѣ второй, Егоръ, сталъ баловнемъ отца, пока не родилась дочь Юлія.

Черезъ два года послѣ рожденія на свѣтѣ дѣвочки, княгиня внезапно скончалась, и князь Аникита снова овдовѣлъ.

Дѣти жили съ отцомъ-нелюдимомъ въ вотчинѣ на Калужкѣ безвыѣздно и увидѣли Москву въ первый разъ, когда князю сыну минуло уже 18 лѣтъ.

Наконецъ, два года назадъ князь явился въ столицу снова, чтобы только женить сына на страшной богачкѣ-купчихѣ, и снова уѣхалъ къ себѣ.

Теперь, ради пріѣзда государыни въ Москву, онъ снова рѣшился показаться, да кстати попробовать выдать дочь замужъ.

— За какого новаго генерала, а то и графа... Ихъ нынѣ, вѣдь, напекли, что блиновъ объ Масляницу!.. разсуждалъ „философъ“, обиженный судьбой.

IX.

Не прошло часу съ пріѣзда князя Аникиты Ильича, какъ уже къ Бутырскому дому двигались изъ города три экипажа четвериками цугомъ.

Въ первой каретѣ былъ молодой князь Егоръ съ женой, во второй—княжна съ маленькою, сморщенной фигуркой, по имени Зоя Карловна, постоянно сопровождавшею ее повсюду въ качествѣ гувернантки.

Въ третьемъ большомъ рыдванѣ Елизаветинскихъ временъ ѣхала двоюродная сестра, вдова Егузинская.

Разумѣется, всѣ родственники могли отлично помѣститься въ одной каретѣ вмѣсто трехъ, но не посмѣли сдѣлать этого отчасти боясь князя Аникиты Ильича, а отчасти и ради соблюденія парада.

Но главная причина была—опасеніе получить тотчасъ же выговоръ отъ князя, который считалъ, что ѣздить въ чужомъ экипажѣ—то же самое, что носить чужое платье. Когда двоюродная сестра пріѣхала къ нему однажды въ Калужскую вотчину вмѣстѣ съ племянникомъ, то старикъ встрѣтилъ ее словами.

— Что, сестрица, поразстроилась кармашкомъ? Въ прижи-валки попала и въ чужихъ каретахъ ѣздить начала.

Что касается до княжны, то филозофъ, отпускакая дочь въ Москву, строго наказывалъ ей: при выѣздахъ всегда быть въ собственномъ экипажѣ и въ сопровожденіи Зои Карловны.

Вѣхавъ во дворъ и выйдя на крыльцо, родственники точно также постарались соблюсти этикетъ. Прежде всѣхъ двинулись во внутреннія горницы молодой князь съ женой. За ними, обождавъ минуту, пошла княжна, оставивъ свою спутницу въ столовой. Егузинская задержалась въ прихожей, дѣлая видъ, что оправляется. Остановившись предъ зеркаломъ, она стала перекальвать на себѣ дорогую турецкую шаль, полученную еще въ приданое и надѣваемую только въ особо важныхъ случаяхъ.

Люди, бывшіе въ прихожей, всѣ по очереди подходили здороваться съ господами къ ручкѣ.

Когда Егузинская переколола шаль, въ переднюю вышелъ камердинеръ Ѡадей—спутникъ попугая—и точно также подошелъ къ ручкѣ.

— Ну, что? Какъ у васъ живется? спросила Егузинская.

— Ничего, ваше превосходительство. Все то же. Схиму, почитай, приняли. Иноками живемъ.

— Веселитесь отъ зари до зари? вымолвила Егузинская, улыбаясь.

— Да, ужъ, матушка! Такое у насъ веселье, какое развѣ на кладбищахъ бываетъ. Круглый-то годъ муха пролетитъ— слышно.

— Ну, а какъ князь здоровьемъ?

— Вотъ изволите увидѣть. Кажется, ничего.

— Ну, а кровь горитъ?

— Съ личика какъ будто еще потемнѣ стали. Предъ самымъ выѣздомъ привозили на Калужку столичнаго дохтура. Очень онъ князя просилъ, да и я просилъ, кровь пустить. Но только зря разгнѣвали мы его. „Давай, сказали ему князь, вмѣстѣ! Ты себѣ пусти полъ лоханки, и я дамся. А эдакъ-то, братецъ ты мой, незаконно! Вы-то, говорятъ ему, коновалы, всѣхъ ковыряете да цѣдите, а сами-то, небось, свою кровь бережете!“ Такъ ни на чемъ и покончили.

— Да на голову не жалуется? спросила Егузинская.

— Жаловаться не жалуется, а инъ бываетъ... Я самъ вижу: встанетъ съ утра, малость потемнѣ; а коли что уронить на полъ, кличетъ. Самъ нагнуться боится.

— Не хорошо это, Ѡаддей.

— Чего же тутъ хорошаго. Вы бы тоже, матушка...

Ѡаддѣй хотѣлъ что-то добавить, но въ эту минуту выглянулъ изъ дверей и рысью подбѣжалъ къ генеральшѣ Финогенъ Павлычъ. Егузинская сейчасъ же замѣтила по лицу бутырскаго управителя, что съ нимъ приключилось что-то горестное. Она видѣла старика дней за пять предъ этимъ и онъ былъ совершенно доволенъ и счастливъ, ожидая князя.

— Что съ тобою, Финогенъ? удивилась Егузинская.

— Матушка! Ваше превосходительство. Заступитесь! За всю мою службу, на старости лѣтъ, посулено мнѣ на скотный дворъ итти! Буду скотинѣ служить. Какъ князь уѣдетъ во свояси, такъ и меня отправятъ. А чѣмъ прогнѣвилъ, и самъ не знаю.

— Да что было-то? спросила Егузинская.

Финогенъ Павлычъ рассказалъ все, что уже успѣло приключиться въ домѣ съ прѣзда князя.

— Двухъ часовъ нѣту что прибылъ, пробурчала вдова,— а уже начудилъ! За что же онъ скамейку-то изрубить да сжечь приказалъ?

— Кто жъ его знаетъ, матушка! А главная сила, что солнышко проглядываетъ въ диванную! Въ этомъ я провинился. А что жъ я подѣлаю? Вѣдь десять лѣтъ, матушка! Человѣкъ

старится! Такъ какъ же патрету не портиться? Заступи-
тесь!

— Трудно, Финогенъ, самъ знаешь. Сказать—скажу, такъ
и быть. Братецъ меня выбранить, да это не бѣда! Но толку
не будетъ. Отличися чѣмъ—простить. Ты знаешь его повадку.
Отличись.

— Трудно, матушка! Какъ же я отличусь? Я бы вотъ,
хоть, съ крыши радъ спрыгнуть во дворъ. На все нуженъ
тоже случай. А какъ тутъ теперь отличишься?

Егузинская вспомнила, что въ разговорахъ задержалась не
въ мѣру въ прихожей, и быстрыми шагами двинулась къ ка-
бинету князя.

Между тѣмъ сынъ съ женой, а затѣмъ дочь, поочереди
явившіеся въ кабинетъ, подошли къ отцу, поцѣловались съ
нимъ, поцѣловали руку и усѣлись на большихъ креслахъ.
Князь сдѣлалъ нѣсколько краткихъ вопросовъ о здоровьѣ, о
томъ, когда именно ждуть въ городъ царицу, затѣмъ замѣтилъ,
что если не радъ видѣть поганую Москву, то радъ поглядѣть
на Бутырскій домъ.

— Все-таки молодые годы здѣсь я прожилъ! Войдешь сюда,
на сердцѣ будто тише станеть.

— Вамъ бы, батюшка, завсегда и жить бы здѣсь, чѣмъ
на Калужкѣ, замѣтилъ сынъ.

— Пустое болгаешь! сурово отозвался князь.—Ты все по
старому! Двигаешь языкомъ, не соображая, о чемъ онъ у тебя
на вѣтеръ выщелкиваетъ.

Князь хотѣлъ обратиться съ вопросомъ къ дочери, но въ
эту минуту вошла Егузинская.

Князь, встрѣчавшій сына, невѣстку и дочь сидя въ креслѣ,
медленно, якобы съ трудомъ, поднялся при видѣ сестры и
сдѣлалъ два шага впередъ. Егузинская постѣшила подойти.
Они расцѣловались трижды.

Князь снова сѣлъ. Егузинская собиралась опуститься на
ближайшее небольшое кресло, но князь тотчасъ обернулся
къ сыну и выговорилъ:

— Егорушка! Она, я чай, тебѣ тетка. Можешь побезпо-
контъся!

Молодой князь вскочилъ съ мѣста, озираясь и не зная, что
собственно приказываетъ отецъ.

— Подай вонъ большое-то кресло.

Егоръ и жена его, а за ними и княжна бросились къ огром-
ному креслу, стоявшему поодаль, и потащили его.

Пронзительно завизжали несмазанныя колеса кресла, десять лѣтъ стоявшаго спокойно на своемъ мѣстѣ. Князь поморщился. Когда всѣ усѣлись, онъ обратился шутливо ко вдовѣ-сестрѣ.

— Ну, Пелагея Сиротинишна! Ваше превосходительство! Что подѣливаешь въ первопрестольной Москвѣ? Живется-то вамъ тутъ, поди, содомно и соромно. Замужъ не собираешься вторично? Жениховъ не ловишь?

— Собралась бы, отвѣчала Егузинская тѣмъ же тономъ, видя, что князь хочетъ шутить, — собралась бы, братецъ, за какого, за молодого, такъ, лѣтъ двадцати.

— Вотъ какъ! Такъ что жъ?

— Да не берутъ молодые-то, а стараго сама не хочу! отшучивалась вдова.

— А ты лови... Соли иному франту на хвостъ посыпь. Къ колдунѣ поди, приворота попроси.

— Былъ у меня, братецъ, одинъ женихъ недавно, да годами своими не подошелъ, размѣялась Егузинская. — Подъ девяносто ему. Поцъ вѣнчать не захотѣлъ.

Князь тоже засмѣялся, но такимъ сухимъ, дребезжащимъ голосомъ, который былъ настоящимъ подражаніемъ визгу колесиковъ только что подвинутаго кресла. Видно было, что и князь лѣтъ десять не смѣялся; что и ему теперь понадобилась бы своего рода смазка.

— Ну, а ты что, Юла? обратился князь къ дочери, — рада радехонька, что вынырнула съ Калужки! Поди тутъ, въ Москвѣ, ногъ подъ собою и головы на плечахъ не чаешь! Пригала много?

— Нѣтъ, батюшка.

— Какъ нѣтъ?

— Всего не больше разиковъ двухъ въ недѣлю бывали балы.

— А тебѣ бы всякій день по два?

— Что жъ! Это бы хорошо, отозвалась Юлочка, и начала хохотать.

Въ ту же самую минуту раздался другой хохотъ, удивительно схожій. На этотъ разъ смѣялся попугай.

Всѣ обернулись на него.

— Ахъ! Сократушка! вскричала княжна, — съ тобой-то поздороваться я и забыла!

Юлочка вскочила, побѣжала къ клѣткѣ и просунула палецъ. Попугай тотчасъ же подставилъ свою голову, и княжна начала бережно гладить его.

— Не тревожь его, Юлочка:—онъ съ дороги—поди тоже уморился. Онъ съ Ѳаддеемъ въ тарантасѣ прїѣхалъ.—Пыль да вѣтеръ и птицѣ не въ удовольствіе. Хотѣлъ, было, съ собою въ карету поставить, да свиньи-люди осмѣютъ. Сядь-ка, вотъ, расскажи мнѣ. Жениха не высмотрѣла себѣ въ Москвѣ?

При этихъ словахъ князя, сидѣвшая предъ нимъ дочь и всѣ остальные какъ-то встрепенулись, переглянулись, но молчали.

Князь странно кашлянулъ и затѣмъ промычалъ:

— Должно, я промаху не далъ! Видать, что у васъ что-то есть. Ну-ка сказывай, дочка, кого высмотрѣла?

Юлочка взволновалась, вспыхнула и обернулась къ теткѣ, какъ бы прося помощи.

— Ну, ты сказывай тогда, коли ее стыдъ беретъ, обернулся князь къ двоюродной сестрѣ.

Егузинская точно также заволновалась, задвигала руками, два раза разѣвала ротъ, чтобы сказать что-то, но смолчала.

— Вона какъ! произнесъ князь.—Дѣло не простое! Ну, а ты, сынъ, тоже поперхнешься?

Молодой князь улыбнулся и, храбро двинувъ рукой, собрался отвѣчать, но, взглянувъ на тетку, остался съ разинутымъ ртомъ.

— То же застряло въ глоткѣ, пробурчалъ князь Аникита Ильичъ, не обращаясь ни къ кому.

X.

Наступило неловкое молчаніе, которое длилось нѣсколько минутъ.

— Стало быть, вы, чада и домочадцы, заговорилъ, наконецъ, князь,—изволили тутъ въ первопрестольной начудить, наболванить? Такое у васъ тутъ накувыркалось, что и сказать нельзя? Ловко! Хорошъ и я гусь, что къ вамъ дочь на побывку отпустилъ! Юлочка! ты ужъ не повѣнчалась ли?

— Какъ, батюшка?

— Да такъ! Ужъ не повѣнчалась ли съ кѣмъ?

— Да съ кѣмъ же-съ?

— Не знаю. Тебѣ знать!—Съ разнощикомъ, съ учителемъ, съ Иваномъ Непомнящимъ.

— Что вы, батюшка!

— Да я-то ничего! А вотъ вы-то всѣ и очень чего! Ты сестру еще не повѣнчалъ ни съ кѣмъ? язвительно и насмѣшливо обратился князь къ сыну.

— Помилуйте, батюшка, отозвался князь Егоръ.

— Отчего же вы всѣ задохлись, когда я сталъ спрашивать, не выискала ли Юлочка жениха?

— А потому, вдругъ храбро заговорила Егузинская — потому что вы, братецъ, вѣрно отгадали. Есть у Юлочки женихъ, сватается. Сватаетъ его Бахрѣва. Достойнѣйшая женщина, — сами ее знаете.

— Какъ не знать! Бахрѣва?! Достойнѣйшая! Родную мать на тотъ свѣтъ спровадила, чтобы наследовать. У сосѣда, мелкопомѣстнаго дворянина, полтысячи десятинъ лѣсу отягала судомъ! Да еще одно хорошенькое дѣльце за нею есть: какое — я при дочери-дѣвицѣ и сказать не могу. Вы, сестрица, я, чай, помните. Какъ же можно! Достойнѣйшая!

Наступило молчаніе.

— Такъ, стало, заговорилъ снова князь, — вотъ эта самая достойнѣйшая дама и сватается? Кого жъ бы это?

— Своего родственника, племянника, уже не смѣло, а слегка раздражительно заговорила Егузинская.

„Была не была! Что жъ съ нимъ подѣлаешь!“ думала она про себя. — „Хватить сразу! — хуже не будетъ“.

— Коли племянника, а не сына родного, отозвался князь, — такъ оно лучше. Съ сосѣдняго дерева яблоко. Кабы родной сынъ ея былъ, такъ ужъ прямо бы впередъ можно знать, что мерзавецъ. Ну, а этотъ-то — кто такой? Фельдмаршалъ?

— Офицеръ Петербургскій.

— Очень лестно, отозвался князь, улыбаясь. — Съ позументами и при шпорахъ. На красной подкладкѣ пустые карманы? Лестно! На головѣ золотой киверъ, а во щажъ вмѣсто крупы — шпаренные тараканы! Какъ же по фамили?

— Фамилія его... начала Егузинская и приостановилась, чувствуя, какъ будто ее заставляють, съ фитилемъ въ рукѣ, подойти къ громадной пушкѣ и выпалить изъ нея. Егузинская даже руку подняла, какъ еслибы въ самомъ дѣлѣ у нея былъ фитиль.

— Ну-съ, что же? выговорилъ ожидающій князь. — Такая фамилія мудреная, что десятерымъ надо вмѣстѣ въ разъ сказать? Одному-то не подѣ силу.

— Галкинъ, выговорила Егузинская.

— Что жъ! Прозвище хорошее. Это мои нынѣшніе единственные собесѣдники. Я у себя, на Калужкѣ, помимо галокъ, никого не вижу. За то ихъ — тьма-тьмуца! По утру какъ прилетитъ туча, да сядетъ по деревьямъ около дома — такая музыка, что хоть танцовать ступай. Одной больше, одной меньше будетъ на Калужкѣ—это все равно... Нутко, Юлія Аникитовна Галкина, когда же мнѣ на свадьбу собираться?

Но хохотунья княжна слишкомъ хорошо знала отца, и по голосу его поняла многое. Она вспыхнула, потупилась, но затѣмъ лицо ея тотчасъ же стало блѣднѣть.

— Славно устроила! вымолвилъ князь. — Всего отъ васъ ждалъ. А все же удивили! Вы бы, сестрица, сами-то за галку вышли, чѣмъ племянницѣ ее сватать.

Князь замолчалъ. Родственники сидѣли кругомъ него, потупившись. Никто не хотѣлъ начинать разговора. Мертвая тишина наступила въ кабинетѣ и вѣроятно продолжалась бы долго, еслибы вдругъ не появился новый дворецкій и управитель, замѣнившій уже Финогена Павлыча.

— Генераль-губернаторъ пожаловаль, доложилъ онъ.

Князь быстро поднялся. Всѣ повскакали съ мѣстъ. На лицѣ старика промелькнуло довольство. Но тотчасъ же онъ умышленно насушился и двинулся ровною походкой изъ кабинета въ парадныя горницы. Всѣ послѣдовали за нимъ.

Въ прихожей уже шумѣла челядь, и когда князь приблизился къ дверямъ ея, то къ нему шелъ навстрѣчу дряхлый, едва передвигавшій ногами, старикъ, московскій генераль-губернаторъ Салтыковъ.

— Привѣтствую рѣдкаго московскаго гостя, дряблымъ голосомъ, пришепетывая, выговорилъ Салтыковъ.— Шутка ли! Сдается, сто годовъ не видались.

— Зато, ваше сіятельство, и вы пожаловали. Два часа тому въѣхаль я въ усадьбу, а правитель судебъ московскихъ— ужъ вотъ онъ— привѣтствуетъ меня. И за эту честь земно кланяюсь я ему. А живи-ка тутъ князь Телепневъ завсегда, такъ, поди, всемогущій правитель всего бы разика два за десять лѣтъ заѣхаль.

— Все такой же! Все такой же, прошамкаль Салтыковъ.— Что на умѣ, то и на языкѣ. Нелюдимъ и пила! Все пилишь! А? Все пилишь людей. И своихъ, и чужихъ...

Но князь, не отвѣчая, подалъ руку дряхлому старику и повелъ его въ гостиную.

Князь Салтыковъ, посидѣвъ немного у князя, двинулся обратно въ Москву, а вскорѣ послѣ него собрались и дѣти съ теткой. Князь хотѣлъ удержать дочь, но княжна замѣтила, что ей нужно самой собрать всѣ вещи въ домѣ, а къ вечеру она явится уже совсѣмъ.

— Ну, что жъ, отозвался князь, — одинъ лишній разъ — не бѣда. Повидайся послѣдній разокъ съ галкой, и простишься.

Дѣвушка вздрогнула всѣмъ тѣломъ отъ мѣткаго удара. Она дѣйствительно ѣхала обратно въ Москву не ради того, чтобы собрать свои пожитки, а чтобы успѣть съѣздить ко всенощной и тамъ повидаться съ возлюбленнымъ.

Княжна потушилаась и стояла недвижно.

— Поѣзжай! снова выговорилъ князь. — Говорю тебѣ: одинъ лишній разъ — не бѣда. Повидай галку. Скажи ей, что она намъ совсѣмъ не нужна. У насъ, скажи, на Калужкѣ — страсть ихъ сколько! Хоть десять десятковъ въ минуту наловить можно.

Старикъ вернулся въ свой кабинетъ, опустился на кресло и глубоко задумался. Извѣстіе, привезенное сестрой и дѣтьми, или, вѣрнѣе, тайна, которую онъ выпыталъ у нихъ, серьезно смутила князя.

„За что дѣвочку зря ревѣть заставлятъ? — думалось ему. Дурафья сестрица! Да и сынъ-то разиня. Дѣвочка все-таки деревня, хоть и княжна. Первые красныя фалды за сердце схватили. Они проморгали. А теперь ревѣть будетъ. И нашли же кого! Галку выискали, питерскаго скакуна. Въ каждомъ карманѣ блоха на арканѣ. Женихъ! Для Телешевой княжны?!..“

Между тѣмъ князь Егоръ съ женой, княжна и Егузинская снова разсѣлись по своимъ экипажамъ и выѣхали со двора. Но отѣхавъ съ полверсты отъ усадьбы, Егузинская остановила свою карету и слѣдовавшій за ней экипажъ племянницы и пересадилъ дѣвущку къ себѣ.

Едва только княжна была съ теткой вмѣстѣ, какъ Егузинская проговорила:

— Ты не сердись. Я уже смекнула. Нынче ли, послѣ ли, все одно! Родитель твой ни за что согласья на бракъ этотъ не дастъ. Или у него свое что есть на умѣ, или просто выждать хочеть.

Княжна ничего не отвѣтила и начала плакать.

— Да ты не плачь! Такое ли въ жизни бываетъ. Въ жизни бываетъ такое, что люди топятся, рѣжутся. А любовь что? Тьфу! Это то же, что хворость: нынче ломить, а завтра прошло. А тамъ, гляди, выйдешь за другого какого и рада будешь, что не за Галкина! И то сказать, фамилія для брака—мудреная. Юлія Аникитовна Галкина. Мудрено.

— Нѣтъ, тетушка! Я въ монастырь пойду.

— Ну, такъ! Ишь, вѣдь, вы! Точно по заученному! „Въ монастырь!“ А повези тебя отецъ — не то что постригать, а хоть въ послушницы, такъ ты топиться побѣжишь. А повези онъ тебя топить, ты бы въ монастырь убѣжала!

До самой Москвы тетка съ племянницей говорила все о томъ же—о неудачномъ сватовствѣ. Уже въѣзжая въ Москву, княжна робко проговорила:

— Тетушка! Голубушка! Вы только одно мнѣ сдѣлайте — поѣдьте ко всенощной къ Воскресенію Славущему.

Егузинская подумала немного и отозвалась:

— Что жъ! Поѣдемъ. Поглядите еще разикъ другъ на дружку—бѣды не будетъ. Да, кстати, что его томить? Я ему въ церкви, обинякомъ, скажу все, что изъ сватовства Бахрѣевой вышло. Только помни, Юлочка, не задумай ты самокруткой вѣнчаться! Твой родитель тебя по міру пустить: съ нимъ шутить нельзя. А что я тебѣ могу оставить по смерти—на это шибко не заживешь. Ты не вздумай, племянница, крутить.

— Что вы, тетушка.—Гдѣ мнѣ!.. И рада бы, да не сужью...

— То-то... Молодежь шустра, да глупа! Обвѣнчаться не долго, а жизнь прожить—не поле перейти. А еще говорить: покрутишь—карманъ натрутишь.

— Какъ, то-ись, натрутишь?

— Карманъ или мошну надорвешь... Худой карманъ будетъ. Обвѣнчается коли кто самокруткой, то ужъ отъ родителей ни приданого, ни наслѣдія не жди, а бѣдствуй безъ гроша денегъ. Я-то, вѣстимо, тебѣ свое оставлю во всякомъ случаѣ. А родитель не простить и лишить и благословенія и иждивенія. А небось, вѣдь, скажи по совѣсти, толкаль тебя Галкинъ на самокрутку...

— Нѣтъ, тетушка, какъ передъ Богомъ такихъ разговоровъ у насъ не было. Онъ очень тихій, жалостливый. Гдѣ ему крутить. Я за эту тихость его и люблю.

И княжна, сморщивъ вдругъ свое хорошенькое лицо, заплакала.

— Полно! Полно! заговорила Егузинская.—Обожди разливаться. Еще, можетъ, дѣло твое не стоитъ слезъ. Все на свѣтъ, волей Божьей, къ лучшему потрафляется. И пакость-то всякая, и та, якобы, сказываютъ, къ лучшему.

XI.

Прапорщикъ Измайловскаго полка Алексѣй Галкинъ былъ тѣмъ, что въ народѣ зовутъ: бобыль. Онъ потерялъ отца и мать, урожденную Бахрѣву, когда ему было только семь лѣтъ отъ роду. Если бы не старыи другъ отца, судья верхняго земскаго суда Рязанскаго намѣстничества, Повалишинъ, то молодой дворянинъ погибъ бы съ холоду и съ голоду. Повалишинъ взялъ ребенка къ себѣ на воспитаніе.

Не имѣя своихъ дѣтей, старыи холостякъ судья обожалъ вообще дѣтей, и маленькій Алеша, круглыи сирота, очутился вдругъ какъ у Христа за пазухой. Жили они въ Рязани.

Черезъ три года явился къ судѣ посланецъ отъ старой дѣвицы Бахрѣвой, жившей въ Оренбургскихъ степяхъ въ какой-то крѣпости. Онъ сталъ отъ ея имени требовать отдачи ей племянника на воспитаніе по праву ближайшаго родства.

Повалишинъ не отдалъ ребенка внезапно отыскавшейся тетущкѣ, объяснивъ, что якобы взялъ его къ себѣ по завѣщанію покойнаго друга, его отца.

И мальчикъ остался у судьи.

Состоянія послѣ родныхъ не осталось у ребенка никакого, за исключеніемъ кой-какой мебели, коровы и пары лошадей. Все это имущество было продано для уплаты долговъ въ лавочки и ради расходовъ по погребенію. Двое крѣпостныхъ холоповъ, купленныхъ когда-то проѣздомъ въ Москвѣ, глядѣли какъ волки въ лѣсъ. Черезъ недѣлю послѣ смерти безземельнаго и небогатаго барина, они бросили барчука и бѣжали.

У судьи Повалишина былъ свой маленькій домикъ на главной улицѣ, но имѣнья никакого тоже не было.

Когда приѣмышу минуло шестнадцать лѣтъ, Повалишинъ кое-какъ снарядилъ его на скопленные годами деньги и от-

правиль на службу въ Питеръ, обѣщая присылать изрѣдка что можно будетъ на прожитокъ.

Черезъ три года, когда Галкинъ получилъ чинъ капрала, холостякъ скончался, завѣщая приемышу свой домикъ. Капраль заглазно продалъ имущество и на вырученные деньги купилъ лошадь и обмундировался щеголемъ, а на остальное просуществовалъ еще три года. Онъ былъ въ полку самымъ нуждающимся, дворяниномъ-бѣднякомъ. Тѣмъ не менѣе всѣ товарищи любили Алексѣя Галкина, а богатые изъ нихъ часто дарили его.

Въ эту пору появилась изъ Оренбурга въ Москву его тетка, дѣвица Бахрѣева, и снова начала наводить справки о судьбѣ и племянникѣ. Она снова послала гонца въ Рязань, и узнавъ, что добрый человекъ на томъ свѣтѣ, а племянникъ уже давно капраль гвардіи, обрадовалась вдвойнѣ. Лишившійся покровителя племянникъ долженъ былъ съ большою охотой, по ея мнѣнію, согласиться на все. Старая дѣвица тотчасъ написала длинное посланіе, предлагая чтобы племянникъ бросилъ Петербургъ и, перейдя гражданскимъ чиномъ въ Москву, поселился съ нею вмѣстѣ.

На любезное предложеніе тетки, Галкинъ отвѣчалъ ласковыми письмами, но не согласился на потерю воинскаго званія. По его мнѣнію, дворянинъ не военный былъ дворяниномъ наполовину. Галкинъ обѣщалъ, однако, пріѣхать погостить, когда получитъ чинъ сержанта.

Четыре года прожила Бахрѣева въ Москвѣ, поджидая племянника и съ каждымъ годомъ все нетерпѣливѣе. Старой дѣвицѣ, тоже одинокой, безъ единой родни на бѣломъ свѣтѣ, до страсти хотѣлось повидать сына сестры, съ которою она жила душа въ душу лѣтъ двадцать пять назадъ.

Наконецъ въ Москву явился племянникъ, не только сержантъ, но прапорщикъ. Начальство отличило его за ревностную службу...

Алексѣй Галкинъ поразилъ тетку несказанно... Никакъ не ожидала она увидѣть такого племянника. „Ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать“. Вотъ каковъ показался Измайловецъ для старой дѣвицы.

Богатырь съ виду, высокій и плечистый, а лицомъ какъ дѣвица, бѣлый и румяный. При этомъ добрый, ласковый, умный, веселый, мастеръ играть на цимбалахъ, мастеръ насьянсъ раскладывать. Наконецъ, къ довершенію дарованій, пле-

мянникъ былъ такой ловкій танцоръ, какимъ въ Москвѣ былъ прежде только одинъ венгерскій графъ, но и тотъ уже давно сидѣлъ въ ямѣ за долги и шулерство.

Старая дѣвица сразу безъ ума полюбила племянника. Она говорила, что никогда не думала даже, чтобы могли существовать на свѣтѣ такіе молодцы, какъ ея Алеша.

— Ну, просто, Телемакъ! Да, вѣдь, двѣ капли воды — Телемакъ.

Галкинъ прожилъ у тетки полгода, хотя пріѣхалъ только на мѣсяцъ. Москва ему полюбилась.

Разумѣется маленькіе доходы дѣвицы стали дѣлиться пополамъ. Если бы Бахрѣва могла, то отдала бы послѣдній грошъ племяннику. Впрочемъ она почти это и сдѣлала, когда пришлось подновить аммуницію Телемака.

Съ первыхъ же дней появленія племянника, дѣвица Бахрѣва, разумѣется, стала мечтать женить его на богатой невѣстѣ.

Галкинъ перезнакомился со всею Москвой и сталъ любимцемъ всѣхъ. Многіе отцы семействъ, дворяне съ достаткомъ, взирали на Измайловца какъ на желаннаго жениха для дочерей, несмотря на его бѣдность. Изрѣдка въ домѣ Бахрѣвой появлялись пожилыя женщины, отъ которыхъ „заверсту сватемъ пахнетъ“.

Но Галкинъ на всѣ увѣщанья тетки — жениться, сначала только отшучивался, а затѣмъ повинился и признался...

Онъ былъ уже три мѣсяца влюбленъ, по-зарѣзъ, въ княжну Телешеву.

— Когда? Какъ? Гдѣ?.. закидала его вопросами перепутанная тетка, какъ еслибъ онъ сознался въ кражѣ или въ убійствѣ.

Дѣло было въ томъ, что претендовать на руку дочери „Философа“ — было крупною дерзостью или безсмысліемъ.

— Разума ты рѣшился! воскликнула Бахрѣва. — Старый Аникита принца для дочери искать будетъ! Королевича Бову! Да она и сама на тебя не взглянетъ. Ей тоже принцъ нуженъ.

Но къ величайшему своему изумленію Бахрѣва узнала отъ племянника, что княжна Телешева его тоже любитъ... Онъ для нея краше всякаго Бовы Королевича! Они объяснились во время гулянья на Воробьевыхъ горахъ и поклялись другъ другу умереть, если ихъ разлучатъ. Такъ-таки — взять да и умереть.

Бахрѣва развела руками, и стала всякій день разводиться руками разъ по десяти, приговаривая:

„Мое почтеніе. Просто мое почтеніе!“

Однако кончилось тѣмъ, что тетка обратилась сама въ сваху и побывала у князя Егора и у генеральши Егузинской. И дѣло какъ будто пошло на ладъ. Роднѣ княжны тоже нравилась Бахрѣвскій Телемакъ. Тетка генеральша взялась переговорить съ двоюроднымъ братцемъ Философомъ, хотя собиралась это сдѣлать не съ маху, а съ нѣкоторою „опаской“. И вся полудюжина заинтересованныхъ лицъ стала нетерпѣливо ждать прибытія князя Аникиты Ильича. И дождались!..

Впрочемъ дождались именно того, чего и слѣдовало ожидать: Философъ „далъ острастку“ всѣмъ. Домочадцы покинули Бутырскій домъ, почти радуясь, что еще дешево отдѣлались.

И въ этотъ же день неудачнаго сватовства, ввечеру, передъ папертью Воскресенья Славуцаго остановилась карета, изъ которой вышла генеральша Егузинская съ племянницей. Онѣ вошли въ церковь полную народомъ и тотчасъ увидѣли впереди толпы богатыря, головой выше всѣхъ. При видѣ вошедшихъ дамъ, ставшихъ невдалекѣ отъ него, онъ низко поклонился имъ.

Это былъ, конечно, Галкинъ. Только разъ переглянулся онъ съ предметомъ своей страсти, только разъ глянулъ на генеральшу-тетку — и тотчасъ лицо его потемнѣло. Онъ понурился и тяжело вздохнулъ. Или предчувствіе худого шевельнулось въ немъ, или прямо по этимъ лицамъ онъ понималъ, что всѣ надежды потеряны. Онъ уже зналъ, разумѣется, что въ этотъ день старикъ князь пріѣхалъ, что дочь и генеральша уже побывали тамъ.

„Неужели такъ-таки конецъ всему?“ подумалъ онъ.

И всю долго длившуюся всенощную офицеръ стоялъ истуканомъ, ни разу не перекрестившись, изрѣдка взглядывая на княжну, стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Два раза, когда глаза ихъ встрѣтились, слезы показались на блѣдномъ лицѣ княжны. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы молодой человѣкъ окончательно убѣдился въ роковомъ послѣдствіи его сватовства.

Когда всенощная кончилась и народъ двинулся изъ церкви, Егузинская приблизилась къ Галкину. Онъ быстро пошелъ къ ручкѣ.

— Алексѣй Григорьевичъ! прямо заговорила генеральша. — Ваша почтенная тетюшка сдѣлала намъ недавно честь, побывавъ у насъ по извѣстному обстоятельству. Сегодня я видѣлась съ моимъ братцемъ княземъ. Я не хочу больше оставлять васъ въ сомнѣніи. И хотя я поступаю противно обычаю, но прямо сказываю вамъ, что коли вы собирались отъѣзжать въ Питеръ, то и поѣзжайте съ Богомъ. Желаемъ мы вамъ съ племянницей добраго пути и всего хорошаго. Дай Богъ вамъ счастья и всякой удачи.

Молодой человекъ снова поцѣловалъ протянутую руку, быстро обернулся на княжну и впился въ нее глазами на мгновение. Княжна залилась слезами и поспѣшила за выходящею теткой.

Офицеръ двинулся въ противоположную сторону, къ алтарю и, подойдя къ причетнику, выговорилъ глухимъ голосомъ:

— Попросите батюшку молебень Божіей Матери. Причетникъ удивленно взглянулъ на офицера.

— Какъ же, помилуйте-сь. Ночью-то?

— Развѣ нельзя?

— Неловко-сь... Божіей Матери? Конечно, оно бы... Это точно-сь. Пожалуйте лучше завтра. Ночью неловко-сь. А коли прикажите, я батюшкѣ доложу.

— Нѣтъ, не надо, махнулъ рукой офицеръ и быстро пошелъ изъ церкви.

ХП.

Вернувшись домой, то-есть къ своей теткѣ Бахрѣевой, у которой онъ жилъ, Галкинъ тотчасъ съ горечью передалъ ей о результатѣ ихъ сватовства. Простая и сердечная женщина была сильно взволнована этимъ извѣстіемъ. Она почему-то надѣялась, что женитьба племянника сладится, а этотъ блестящій бракъ долженъ былъ повліять и на ея собственное положеніе въ Москвѣ.

Бахрѣева жила уже на остатки своего, когда-то порядочнаго, состоянія. Если бы родной племянникъ женился на такой богатой приданницѣ, то, конечно, онъ сталъ бы и ей помогать. Стоило только взглянуть на Галкина, чтобы убѣдиться насколько онъ совѣстливый, добрый и славный малый. Для Бахрѣевой не было сомнѣнія, что племянникъ, сдѣлавъ

шись вдругъ московскимъ богачемъ, всегда бы оставался признателенъ своей тетушкѣ-свахѣ.

При извѣстии объ отказѣ едва лишь прибывшаго князя, Бахрѣева разсердилась и начала бранить Егузинскую, молодого князя и отчасти княжну.

— Какъ же можно было, рассуждала она,—эдакъ бухнуть! Аникита Ильичъ пріѣхалъ сегодня въ сумерки, а теперь только что отошла всенощная. Когда же они успѣли ему объявить про твое сватовство. Какъ же можно въ эдакомъ важномъ дѣлѣ да эдакъ поступить! Что же они—совсѣмъ полоумные! Ну, вотъ отказъ и вышелъ! Еслибъ это знать, я бы, обождавъ, сама къ нему поѣхала.

И постепенно Бахрѣева пришла къ заключенію, что ей неперемѣнно нужно поѣхать самой къ князю и лично сдѣлать ему предложеніе отъ имени племянника.

— Ничего не будетъ, тетушка, заявилъ Галкинъ.

— Ничего, такъ ничего, а хуже не будетъ, рѣшила старая дѣвица.—Нѣтъ, голубчикъ, взялась я за гужъ, такъ ужъ буду тянуть, пока онъ не треснетъ, либо я надорвусь. Вотъ какъ надо на свѣтѣ. Завтра же послѣ полудня разодѣнусь въ пухъ и прахъ, достану мое гродетуровое платье, большую шаль, что мнѣ твой отецъ изъ Молдавіи привезъ, и поѣду. Откажетъ мнѣ Телепневъ, ужъ истинный телепень, ну, дѣлать нечего. А я съ нимъ буду говорить не такъ, какъ они! Я ему все распишу. Ты вонъ затрудняешься своею фамиліей, а по моему она ничѣмъ не хуже фамилии Телепнева. Ужъ лучше быть по моему галкой, чѣмъ быть телепнемъ. Такъ это ему и скажу въ глаза.

Офицеръ противорѣчилъ тетушкѣ, увѣряя, что поѣздка не будетъ имѣть никакого успѣха, но, конечно, не настаивалъ, рассуждая одинаково, что „хуже не будетъ“.

— Одно я опасаюсь, говорила Бахрѣева. — Прозываютъ его филозофомъ. А я не знаю, что это значить. Ты не знаешь, племянникъ, тоже. Хоть бы завтра спросить кого, прежде чѣмъ къ нему отправляться.

— Филозофъ, по-поему, бирюкъ! рѣшилъ офицеръ.

До поздней ночи пробесѣдовали, волнуясь и мечтая, старая дѣвица и племянникъ.

На утро проснувшись и вспомнивъ все, что было наканунѣ, молодой человекъ долго думалъ о своемъ положеніи. И къ собственному удивленію, онъ почувствовалъ вдругъ, что сердце

его больно замираетъ, сжимается, а по его лицу текутъ слезы.

„Какъ баба разревѣлся“, подумалъ онъ.

И Галкинъ долго на всѣ лады размышлялъ. Конечно, княжна Телепнева не выходила у него изъ головы. Онъ спрашивалъ себя: дѣйствительно ли онъ любитъ ее, скоро ли и легко ли забудетъ? И молодой человекъ отвѣчалъ себѣ, что, по всей вѣроятности, онъ долго останется подъ властью своего чувства, которое было первымъ въ его жизни. Что нравилось ему въ веселой хохотушкѣ-княжнѣ, онъ сказать не могъ. За то онъ хорошо помнилъ и зналъ, что княжна сильно понравилась ему, когда онъ еще и понятія не имѣлъ о томъ, что она первая невѣста въ Москвѣ по своему приданому.

И только теперь вполне ясно и сильно почувствовалъ Галкинъ ударъ, вчера имъ полученный. Отказъ князя, хотя и поразилъ его вчера, ударилъ въ сердце, но все-таки не представлялся ему такимъ роковымъ, какъ сегодня.

— Нѣтъ, рѣшилъ вдругъ офицеръ.—Что ужъ тутъ! Либо это, либо ничего. Поѣду въ Питеръ и что-нибудь надъ собою совершу. Не будь у меня кое-какихъ дѣлъ и долговъ въ полку, сейчасъ же бы порѣшилъ съ собою.

Не надѣясь нисколько на успѣхъ визита тетки къ князю, Галкинъ сталъ думать о своемъ немедленномъ отъѣздѣ въ Петербургъ. Болѣе всего озабочивало офицера куда дѣвать лошадь верховую, купленную имъ въ Москвѣ. Онъ рѣшился тотчасъ же ѣхать къ одному офицеру, съ которымъ подружился за свое пребываніе. Найдя пріятеля дома, Галкинъ условился съ нимъ взять и бережно содержать лошадь впродъ до его возвращенія.

— А если не вернусь, сказала онъ, — или узнаете, что со мною что приключилось, то возьмите коня себѣ отъ меня на память. Но общайте мнѣ, вмѣсто уплаты, обращаться съ нимъ любовно. Скотина хорошая! Незнакомыхъ задомъ хлещетъ. Но вы поскорѣ спознакомтесь поближе, грустно пошутилъ онъ.—Скотина понятливая, живо пойметъ, что вы повый хозяинъ. А до тѣхъ поръ къ хвосту—ни, Боже мой! Убьетъ какъ изъ пушки.

Вернувшись домой, Галкинъ узналъ, что тетка Бахрѣева съ часъ назадъ выѣхала въ Бутырскую усадьбу. Сердце екнуло въ офицерѣ. А вдругъ... Да, вдругъ князь гнѣвъ на милость положить.

„Да, вот пока я здѣсь стою, они тамъ объясняются, разговариваютъ“, подумаль Галкинъ.— „Князь мудрить и злоязычничаетъ надъ доброю тетушкой, ломается, да бахвалится; говорить, небось, что я на его деньги глаза закидываю. Не знаетъ того, что будь его Юлочка совсѣмъ нищая, то я бы ее все одно сейчасъ бы за себя взялъ“.

И молодой человѣкъ началъ ходить по всему дому, изъ горницы въ горницу, въ ожиданіи тетки.

Несмотря на то, что онъ всячески увѣрялъ себя, что второе сватовство Бахрѣевой не приведетъ ни къ чему, тѣмъ не менѣе онъ все-таки надѣялся и волновался. Каждый разъ, что раздавался громъ экипажа на улицѣ, онъ кидался къ окошку. Наконецъ, ожиданія настолько растревожили его, что онъ почти не находилъ себѣ мѣста.

— Ужъ поскорѣй бы пріѣхала съ отказомъ, вслухъ говорилъ онъ,— легче будетъ знать, что вторично все пошло прахомъ, чѣмъ эдакъ выжидать.

Еще разъ слышавъ лошадиный топотъ и стукъ экипажа на мостовой, Галкинъ взглянулъ быстро въ окно и, слегка ахнувъ, украдкой перекрестился.

Къ подъѣзду подкатилъ запыленный экипажъ Бахрѣевой.

Галкинъ бросился черезъ всѣ комнаты внизъ по лѣстницѣ, выскочилъ на подъѣздъ и принялъ тетушку на руки почти изъ дверецъ экипажа. Онъ взглянулъ ей въ лицо и потушился. Спрашивать было нечего. Все пропало... Даже хуже...

Бахрѣева, ни слова не говоря, но особенно быстро, какъ бы въ крайнемъ слѣхѣ, поднялась по лѣстницѣ и почти вбѣжала къ себѣ въ гостиную. Племянникъ немедленно, боязливою походкой явился вслѣдъ за нею и сталъ изумляясь предъ кресломъ, гдѣ усѣлась старая дѣвица.

У Бахрѣевой глаза прыгали и все лицо будто передергивало.

— Что жъ не спросишь ничего? выговорила она не своимъ голосомъ.

— Что жъ спрашивать, тетушка! Спрашивать нечего. А простите за то, что я васъ подвожу второй разъ. Отвѣтъ я вижу, какъ по писаному, на лицѣ вашемъ.

— Да ты знаешь ли, что было-то? Какъ было все? Вѣдь его бы слѣдовало теперь, будь у меня какой важный покровитель, исколотить. Вѣдь онъ накуражился, насмѣялся надо мною! Ты знаешь ли, что онъ измыслилъ? Что учинилъ?!

— Издѣвался, тетушка. Надо было это заранѣе...

— Слушай. Приѣхала я и велѣла о себѣ доложить: что-де, молъ, Бахрѣва. Лакей вернулся и спрашиваетъ отъ имени князя, что-де мнѣ нужно. Я отвѣчаю: доложи, приѣхала госпожа Бахрѣва, дочь полковника, по дѣлу. Ворочается онъ опять и сказываетъ отъ князя: дѣлъ, молъ, промежь-де насъ съ вами быть никакихъ де не можетъ. Я обозлилась. Посылаю опять. Скажи, что невѣжливо такъ-де поступать съ дамой: приѣхала съ дѣломъ и желаю князя видѣть, чтобы переговорить какъ слѣдуетъ.

Бахрѣва передохнула и продолжала:

— Ну, сижу, жду. Пришелъ опять человекъ и говорить: Пожалуйте. Вошла я въ столовую, встрѣчаетъ меня господинъ—важный такой, голову задралъ, кланяется издали, не то что къ ручкѣ не подходитъ, какъ подобаетъ, къ дамѣ, а даже и не протягиваетъ. Вамъ, говорить, по дѣлу объясниться нужно?—Да-съ, говорю,—по очень важному дѣлу. — Пожалуйте, говорить. Пошелъ впередъ, а я за нимъ. Тоже невѣжество! Пришли мы въ гостиную, просить онъ меня садиться, а самъ стоитъ. Я говорю: что жъ вы изволите стоять? Отвѣчаетъ: не извольте, сударыня, беспокоиться. Присядьте и объясните дѣло, Ну, вотъ, я все и начала объяснять. Говорю что, молъ, я, въ качествѣ свахи твоей, хотя и родственница, говорила уже прежде съ молодымъ княземъ и съ генеральшей Егузинской, а теперь пожелала-де лично объяснить все дѣло. Долго я это все чувствительно и толково описывала. Всѣ, какъ говорится, грибочки въ одну корзиночку убрала. Онъ все стоялъ истуканомъ и слушалъ, но съ такимъ ласковымъ лицомъ...

— Ласковымъ? перебилъ, наконецъ, Галкинъ.

— Да. Да ты слушай! Мерзость - то какая! Когда я все благоприлично, по семейному рассказала: и о твоей любви, и о томъ, что ты человекъ совсѣмъ небогатый, но не жадный, и о томъ, что я твою мать любила и тебя за сына родного почитаю, ну и все такое... Тогда онъ на это вдругъ мнѣ и сказываетъ: такъ-съ, говорить, я все и доложу князю самому! Я, голубчикъ, ошалѣла, потомъ разгорѣлась, а потомъ опять совсѣмъ опѣшила. Да вы-то кто же? говорю. — Стало вы не князь?—Нѣтъ-съ, говорить, помилуйте-съ, я княжескій главный камердинеръ—Фаддѣй.

— Что? вскрикнулъ Галкинъ.

— Да! То! То! Вотъ что! снова обозлилась Бахрѣва. — То самое, что я сказала, а ты слышалъ, да понялъ.

— Да что же это, взбѣсился Галкинъ.—Вѣдь это неслышанный афронтъ!

— А вотъ какъ тамъ знаешь суди, племянничекъ. Выслалъ просто онъ мнѣ своего холопа. А что жъ! На лбу-то развѣ написано, что онъ не князь? Холопъ-то такой, что почище иного князя изъ татаръ. Одну голову держитъ такъ, какъ еслибъ у него всѣ російскія регалии на груди были. Кабы я князя когда видѣла. А то, вѣдь, его, стараго черта, сколько уже лѣтъ никто въ Москвѣ не видалъ.

— Такъ что жъ вы ему сказали, тетушка?

— Что! Я встала и говорю: какъ ты смѣешь, хамъ эдакій, со мною лицедѣйствовать! Тебѣ бы за это на конюшнѣ слѣдовало отодрать. А онъ сказываетъ: Помилуйте, сударыня, меня баринъ-князь послалъ объясниться. Коли - де виновать въ чемъ, ну и выпорютъ, но все-таки князь, а не вы.—Зачѣмъ же, хамъ, ломался, говорю я. — Я-де никакъ, говорить, не ломался.—Чего ты изъ себя-де князя корчилъ?—Я, говорить, не корчилъ, а если-де вы меня за холопа ве приняли, тѣмъ для меня наипаче-де лестно. Ну, вотъ, племянникъ, тутъ и разсуди!

— Стало быть, вы князя и не видѣли?

Бахрѣва махнула рукой, отвернулась и начала сердито сморкаться.

— Слѣдовало бы его проучить, выговорилъ Галкинъ какъ бы себѣ самому и волнуясь зашагалъ по горницѣ. — Мнѣ, молодому офицеру, старика - дворянина и князя учить не приходится, а хорошо кабы его проучилъ кто изъ старшихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ молодой человекъ подошелъ къ теткѣ, опустился на колѣни предъ ней и, взявъ ея обѣ руки, нѣсколько разъ поцѣловалъ ихъ.

— Не гнѣвитесь, тетушка! Простите, что изъ - за меня себя въ обиду подвели. Не надо было къ этому лѣшему ѣздить.

Бахрѣва отъ ласки племянника и его голоса сразу смягчилась сердцемъ и начала плакать.

И въ тотъ же вечеръ, часовъ около семи, молодой человекъ уже прощался съ теткой. Оба плакали. Затѣмъ Галкинъ сѣлъ въ телѣжку, запряженною парой почтовыхъ лошадей, уместился на чемоданѣ, въ которомъ было все его имущество, и телѣжка двинулась рысцою по Москвѣ.

XIII.

Бахрѣева, проводивъ своего злополучнаго Телемака, тотчасъ выѣхала и въ одинъ вечеръ побывала въ четырехъ домахъ, гдѣ было много гостей... Поѣздка была, стало быть, удачная и цѣль достигнута вполнѣ.

Дѣло въ томъ, что старая дѣвица рѣшила нѣсколько дней подрядъ „трезвонить“ по Москвѣ о неслыханно - дерзкой выходкѣ князя-Филозофа.

Выслать вмѣсто самого себя своего холопа для объясненія съ дворянкой, да еще по поводу сватовства, показалось дѣйствительно всѣмъ знакомымъ Бахрѣевой великимъ афронтомъ для всего дворянства.

— Что же Филозофъ думаетъ? Выше онъ всѣхъ московскихъ дворянъ?

— Завтра онъ позоветъ обѣдать, а на его хозяйскомъ мѣстѣ будетъ сидѣть и всѣхъ угощать его Фаддѣй.

— Хорошо кабы гордеца проучилъ кто-нибудь. Опалѣлъ онъ сидьмя сидя, какъ филинъ, на своей Калужкѣ. Зазнался не въ мѣру, водясь только со своими крѣпостными и не видя никого себѣ равнаго...

Такъ заговорила Москва. Таковъ былъ отголосокъ „трезвона“ дѣвицы Бахрѣевой.

Между тѣмъ ея племянникъ, около полуночи, былъ уже версть за сорокъ отъ столицы и, чувствуя себя не хорошо, рѣшилъ далѣе не ѣхать, а переночевать. Въ первой же большой деревнѣ Галкинъ сталъ опрашивать, гдѣ можно найти ночлегъ. Два мужика, одинъ за другимъ, отвѣчали одно и то же:

— Вѣстимо у Карпа. Гдѣ же больше.

Третій попавшійся подъ руку парень вызвался проводить проѣзжаго и объяснилъ:

— Ужъ такъ давно завелось. Всѣ запоздавшіе у Карпа стоятъ, чтобы въ Москву днемъ выѣхать. А то бываетъ приключится что на пути: ось пополамъ, лошадь раскуется, такъ всегда у Карпа всѣ чинятся и справляются.

„Ну и слава Создателю, что наплось мѣстечко отдохнуть, подумалъ Галкинъ.—Такъ неможется, будто хворость какая подкралась“.

Домъ оказался небольшою избой, но нѣчто, что увидаль еще издали Галкинъ, обнадежило его. Въ окнахъ сіяль свѣтъ. „Если крестьянинъ жжетъ сальную свѣчу, а не лучину, стало быть и живетъ изрядно“.

Дѣйствительно, горницы, въ которыя вошелъ офицеръ, оказались совершенно опрятными. Рослый и умный мужикъ такъ принялъ офицера и такъ заговорилъ съ нимъ, что видно было по всему, насколько часто приходилось хозяину видаться со всякаго рода проѣзжими.

— Пожалуйте, заговорилъ онъ.— У меня завсегда господа останавливаются. Я живу не по-свински. У меня, за десять лѣтъ, ни еднаго таракана не бывало, потому собственно, что я ихъ не люблю очень. Да и проѣзжіе не жалуютъ. Мало вамъ одной горницы, берите двѣ, а плата за ночь не разорительная—сколько Богъ на душу положить.

Если бы Галкинъ былъ въ другомъ настроеніи духа, то конечно, вступилъ бы въ бесѣду съ умнымъ старикомъ. По ему было не до того. Онъ велѣлъ внести свой чемоданъ въ горницу, сѣлъ на лавку къ столу и попросилъ дать чего-нибудь поѣсть.

Черезъ нѣсколько минутъ молодая батрачка поставила предъ Галкинымъ творогу, кринку молока и горшокъ каши. Офицеръ не чувствовалъ себя голоднымъ, но ему хотѣлось занять себя чѣмъ-нибудь, чтобъ оторваться отъ нескончаемыхъ тягостныхъ мыслей.

Не прошло полчаса, какъ послышалось вдали, на деревнѣ, что-то удивительное и необычайное. Галкинъ прислушался и понялъ, что это просто бубенцы и колокольчики. Но онъ все-таки недоумѣвалъ: звонъ и звяканье были слишкомъ громки и сильны. Казалось, что звучать сотни бубенцовъ, десятки колокольчиковъ. Стало быть, цѣлый поѣздъ!..

И дѣйствительно, черезъ нѣсколько мгновеній Галкинъ убѣдился, что онъ не ошибся. Среди слободы слышался топотъ лошадей, стукъ экипажей и громкое, оглушительное позвякиванье и бренчанье. Въ деревню вѣхала цѣлая вереница экипажей, чуть не десятокъ.

Галкинъ взглянулъ въ окно и, среди темноты ночи, разглядѣлъ цѣлый рядъ экипажныхъ фонарей. Впереди всего поѣзда скакаль верхомъ всадникъ съ факеломъ въ рукѣ, который очевидно только что потухъ — не горѣлъ, а лишь курился и дымилъ.

„Сановный проѣзжій“, подумалъ Галкинъ.—„Да что жъ мудренаго въ теперешнее время, когда въ Москву обѣщалась быть царица“.

И офицеръ только теперь вспомнилъ, что на дорогѣ, по которой онъ пустился теперь въ путь, онъ можетъ встрѣтить безконечное количество важныхъ вельможъ и сановниковъ. Даже легко можетъ онъ встрѣтить и самое императрицу, которую со дня на день ожидаютъ въ столицу.

„Плохое я выбралъ время ѣхать“, подумалъ онъ.—„Лошадей нигдѣ не будетъ, да и какъ разъ на какую бѣду нарвешься. Окажешься виноватымъ тѣмъ, что подвернулся подъ руку какому-нибудь царьку“.

Всѣ экипажи проѣхали мимо, но вдругъ стали, и ихъ было такъ много, что послѣдній изъ нихъ остановился почти противъ избы, занимаемой Галкинымъ.

И Богъ вѣсть почему, проѣзжій сановникъ съ его пышностью странно подѣйствовалъ на Галкина. Въ другое время онъ отнесся бы къ этому совершенно просто, теперь же все раздражало его.

„Да, вотъ эдакій лѣшій, рассуждалъ Галкинъ мысленно, будь онъ только холостой,—а старый ли, молодой ли, все равно,—посватался бы за Юлочку, такъ князь бы кувыркомъ кататься началъ отъ радости. Все на свѣтѣ отъ иждивенія и алтынъ зависитъ. Будь я богатъ, такъ какимъ бы вельможнымъ и именитымъ всякому представлялся! И моя фамилія никому бы смѣшною не показалась. Вотъ этотъ, какой старый чертъ холостой, завтра повидай княжну, послѣ завтра, сдѣлай Философу предложеніе—а на третій день и вѣнчайся съ ней. Хочетъ она, не хочетъ — отецъ-дуболомъ заставить выходить за постылаго“.

И вдругъ на сердцѣ Галкина поднялась какая-то безпричинная буря, какая-то ненависть ко всему міру. И къ этой Москвѣ, изъ которой онъ только что выѣхалъ, и къ этому Петербургу, въ который онъ ѣдетъ. Ему казалось, что всѣхъ этихъ людей, которые движутся изъ одной столицы въ другую, въ безконечныхъ экипажахъ, съ золотомъ въ шкатулкахъ— всѣхъ бы онъ ихъ... Но молодой человѣкъ не докончилъ своей гнусной мысли, махнулъ рукой и выговорилъ горько:

— Эхъ, полно! Что на вѣтеръ лаять! Кабы не морозъ — овесъ до неба доросъ! А еще лучше сказать тебѣ, Алексѣй Григорьевичъ, усмѣхнулся онъ: „бодливой коровѣ Богъ рогу не даетъ“.

Галкинъ принялся было за свою кашу, но въ эту минуту шумъ нѣсколькихъ голосовъ раздался у самой избы. Галкинъ прислушался, и вдругъ, какъ еслибы кто шепнулъ ему что на ухо, онъ выговорилъ вслухъ:

— А вѣдь, выгонитъ, безпремѣнно выгонитъ! Домъ-то эдакій одинъ на деревнѣ. Зачѣмъ имъ сюда итти? Гнать идутъ!

И офицеръ вдругъ страшно обозлился.

Въ ту же самую минуту отворилась дверь, и Карпъ, въ сопровожденіи какого-то путника въ кафтанѣ съ позументами, вошелъ въ горницу. Хозяинъ былъ уже не тотъ степенный и вѣжливый мужикъ. Онъ перешагнулъ черезъ порогъ съ такимъ видомъ, какъ будто сейчасъ пробѣжалъ десять верстъ, не переведа духу.

— Ваше благородіе, заговорилъ онъ, запыхавшись. — Поскорѣе! Собирайтесь! Обѣ горницы нужны!

Галкинъ не двинулся съ мѣста, уперся глазами въ обоихъ вошедшихъ и выговорилъ глухо:

— Одна горница есть, а двухъ нѣту.

— Какъ же то-ись? выговорилъ челоуѣкъ по виду скороходъ или камердинеръ.

— Да такъ. Видишь, эта занята мною. А вонъ другая свободна.

— Что вы! Помилуйте! шутить изволите! съ отгѣнкомъ недоумѣнія выговорилъ этотъ. — Вѣдь мы не простые какіе... Какъ можно! Мой баринъ-графъ двадцать горницъ занялъ бы, кабы были. Пожалуйте поскорѣе.

— То-то—, кабы были!“ Отозвался Галкинъ, ухмыляясь озлобленно. — А вы скажите барину-графу, что одна есть. Хочетъ пусть беретъ, не хочетъ—не надо.

— Да, что вы, Христось съ вами! выступилъ незнакомецъ впередъ.

— Помилуйте, ваше благородіе! заговорилъ и Карпъ:—Вы совсѣмъ не поняли... Кто собственно ѣдетъ? Вѣдь ѣдетъ это самъ...

— Нечего мнѣ съ вами растабарывать, крикнулъ Галкинъ не слушая. — Убравшись къ черту! Говорятъ вамъ толкомъ, что нѣтъ двухъ комнатъ. Мною занята эта. А хочетъ вашъ вельможа, такъ пусть занимаетъ другую.

— Ну, ужъ это вы напрасно... выговорилъ хозяинъ. — Если эдакъ? Я васъ и просто силкомъ на улицу вынесу. На рукахъ вынесу...

— Посмотримъ, ужъ совершенно остервенившись, выговорилъ офицеръ.

Онъ быстро всталъ съ своего мѣста и вытащилъ изъ кожаннаго мѣшка, который лежалъ на лавкѣ, пару небольшихъ pistols.

„Что ты дѣлаешь? Съ ума сходишь?“ говорилъ онъ самъ себѣ, удивляясь собственнымъ поступкамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ будто какой-то другой человѣкъ въ немъ самомъ былъ взбѣшенъ до безпамятства и будто подсказывалъ:

„Все одно! Коли топиться собираешься съ горя, такъ что ужъ тутъ опасаться. Дѣлай что хочешь, хоть перестрѣляй всѣхъ проѣзжихъ. А затѣмъ себѣ пулю въ лобъ пусти!“

И, положивъ pistols предъ собой на столъ, Галкинъ снова сѣлъ и насильно проглотилъ двѣ ложки каши.

И хозяинъ, и незнакомецъ постояли нѣсколько мгновений предъ нимъ молча и недоумѣвая.

— Да вы поймите, ваше благородіе, заговорилъ человѣкъ съ позументами.— Знаете ли вы собственно, кому горницы сіи нужны? Моему барину, его сіятельству...

— Я съ тобою, холопомъ, перебилъ его Галкинъ, — больше разговаривать желанія совсѣмъ не имѣю. Пошелъ отсюда вонъ! И ты, хозяинъ... Уходите оба. Одна горница свободная есть, и пусть ее занимаетъ проѣзжій. А этой я не уступлю! Кажется совсѣмъ понятно! А затѣмъ, коли кто мнѣ еще слово лишнее скажетъ, въ того я выпущу катушку свинцовую.

Галкинъ взялъ одинъ pistolъ въ руки, отщелкнулъ кремь и, хладнокровно поправивъ пальцемъ порохъ на полкѣ, какъ бы прицѣлился въ стоящихъ.

Хозяинъ попытался первый и вышелъ за дверь, а вслѣдъ за нимъ двинулся и лакей. Но съ порога онъ выговорилъ дерзко и грозя пальцемъ:

— Сейчасъ доложу графу, и мы васъ тутъ, хоть вы и офицеръ, обучимъ свѣтскости на всю вашу жизнь!

Какой-то дьяволь-искуситель будто толкнулъ Галкина въ руку. Богъ вѣсть почему—онъ послѣ никогда не могъ понять—палецъ его надавилъ шалнеръ: раздался гулкій выстрѣлъ, и пуля пробила дверь, которую уже притворялъ камердинеръ.

Все, что было въ сѣняхъ, въ сосѣдней горницѣ и на крыльцѣ бросилось бѣжать, вопя и крича. Галкинъ сидѣлъ за столомъ. Предъ нимъ вся комната была полна дыму. Онъ опустилъ голову и проговорилъ:

— Что жъ ты одичалъ что ли? разума лишился? Что же это? Вѣдь убить могъ. Да и теперь, что будетъ еще? Вѣдь офицеръ, а не посадскій какой. По мундиру узнать и найти можно. Что жъ творишь-то ты? Господи помилуй! Должно я въ самомъ дѣлѣ отъ всего моего горя разумъ потерялъ.

И, бросивъ разряженный пистолеть на столъ, Галкинъ облокотился на столъ, закрылъ лицо руками и сидѣлъ недвижно въ какомъ-то полуснѣ, безъ сознанія окружающаго.

— Рѣчка, повторялъ онъ.—Рѣчка! Зачѣмъ рѣчка? Далеко рѣчка! Да и гадко, ухъ, какъ гадко! То ли дѣло вотъ эдакъ! Взялъ, приставилъ къ виску! По военному, и въ одно мгновение...

XIV.

Прострѣленная дверь была выстрѣломъ растворена настежь. Изъ дома всѣ убѣжали. Полная тишина воцарилась тутъ.

Вдали шумѣли и кричали голоса. Тамъ, на выѣздѣ изъ деревни, въ первой каретѣ сидѣлъ проѣзжій сановникъ, и тотъ же лакей докладывалъ барину невѣроятное приключеніе.

— Чуть, было, не убилъ, ваше сіятельство. Пуля около головы шаркнула въ дверь.

Проѣзжій высунулся въ окно кареты и призадумался.

— Да не безумный? отозвался онъ наконецъ на докладъ лакея.

— Никакъ нѣтъ-съ. Не похоже. Разсуждаетъ порядливо.

— Не пьянъ ли?

— Помилуйте! Никакого вина съ нимъ нѣту. Кашу, сидитъ, да безъ масла уписываетъ, усмѣхнулся лакей.

— Сказалъ ты, кто мы?

— Кажись сказывалъ. А подлинно не могу доложить. Помните собирались мы съ хозяиномъ сказаться, да онъ не давалъ слова молвить. Знай рветъ и мечетъ. Какъ ротъ разинешь, такъ и крикнетъ на тебя.

— Чудно! Первый разъ со мною эдакое. Отвори дверку.

— Что вы? Куда вы! фамильярно выговорилъ лакей.

— Ну, ну, отворяй! Пойду погляжу.

— Что вы! Помилуйте. Какъ возможно! Убѣтъ, вѣдь. Здѣсь дѣло дорожное и ночное. Убѣтъ да и убѣжитъ. Вонъ и лѣсъ недалече.

— А вы то, олухи, на что же? выговорилъ смѣясь про-

ѣзжій, вылѣзая изъ кареты. — Какъ же это такъ? Это совсѣмъ срамъ будетъ. Меня человѣкъ убьетъ вотъ зря, а вы его упустите. Хороши гуси!

Цѣлая толпа щегольски одѣтыхъ людей, обступивъ проѣзжаго, стала просить не ходить въ избу Карпа.

Трудно было разобрать, что это за народъ. Одни изъ нихъ казались дворянами по ихъ одеждѣ, но разговаривали съ проѣзжимъ съ тою же холопскою покорною вѣжливостью; другіе были дворовые люди разныхъ наименованій: камердинеры, гайдуки, скороходы, казачки. Въ числѣ прочихъ былъ тутъ одинъ диковинный человѣкъ, который тоже визгливо упрашивалъ барина не ходить въ избу и притомъ выражался убійственнымъ россійскимъ языкомъ. Несмотря на темноту ночи, видно было, что онъ много чернѣе всѣхъ остальныхъ. Это былъ арапъ. Подъ его распахнутымъ плащомъ видѣлся край ярко-краснаго кафтана, а на ногахъ такіе же красные сапоги.

Галдѣніе свиты, обступившей кругомъ, все усиливалось.

— Да ну! Молчать! Оглушили! вдругъ вскрикнулъ сановникъ и двинулся впередъ. Всѣ разступились передъ нимъ.

Проѣзжій этотъ не только головой, но почти и плечами выше всѣхъ, настоящій богатырь съ виду, былъ одѣтъ въ бархатный темный кафтанъ, съ ременнымъ поясомъ, съ обыкновенною дорожною шапкой на головѣ. Онъ спокойно двинулся къ дому Карпа, но, оглянувшись и увидя за собой цѣлую вереницу своихъ, крикнулъ:

— Куда вы-то полѣзли! Убить можетъ, коли въ кучу-то шаркнетъ, выговорилъ онъ совершенно серьезно. — Ванька, и ты, хозяинъ, вы одни за мной идите.

И хозяинъ, и Ванька, по которому уже палилъ офицеръ, снова начали было упрашивать барина не ходить, но тотъ рѣзкимъ восклицаніемъ и крѣпкимъ браннымъ словомъ заставилъ замолчать обоихъ.

Поднявшись на крыльцо Карповой избы, онъ смѣло шагнулъ въ сѣни и отсюда глянулъ въ горницу.

За столомъ сидѣлъ, опершись локтями на столъ и закрывъ лицо руками, такой же богатырь, какъ и онъ самъ, въ поношенномъ офицерскомъ мундирѣ.

Проѣзжій тотчасъ же призналъ мундиръ Измайловскаго полка, и это замѣтно поразило его. Идя сюда, онъ предполагалъ, что имѣетъ дѣло не съ гвардейскимъ офицеромъ.

Онъ хотѣлъ, было, тотчасъ же войти въ горницу, но за-

мѣтивъ на столѣ предъ сидѣвшимъ большой пистолетъ, при-
остановился и колебался.

„Долго ли взять да выпалить“! подумалъ онъ: „Да, въ та-
кую тушу, какъ я, и промахнуться мудрено“, прибавилъ онъ
шепотомъ, какъ бы себѣ самому.

И ставъ на порогъ горницы онъ крикнулъ добродушно:

— Эй! господинъ офицеръ! Войти можно?

Галкинъ пришелъ въ себя, отнялъ руки отъ лица и опу-
стилъ ихъ на столъ.

Въ этомъ движеніи сказалось что-то особенно безпомощное.
Проѣзжій богатырь понялъ вѣрно это движеніе, а равно сразу
замѣтили блѣдное лицо офицера.

— Войти можно? повторилъ онъ.

— Можно, глухо отозвался Галкинъ не глядя.

— У него ихъ два, шепнулъ сзади Каргъ.

— Палить въ меня не будешь? спросилъ богатырь, уже
съ участіемъ приглядываясь къ незнакомцу.

— Нѣтъ, какъ-то безучастно и бессмысленно снова ото-
звался тотъ.

— Ну и хорошее дѣло. А то, вѣдь, не ровень часъ и
убить можно! смѣшливо произнесъ проѣзжій, входя въ гор-
ницу, но все-таки не спуская глазъ съ рукъ офицера. Онъ
сѣлъ на лавку къ столу и сразу ловко опустилъ руку на
пистолетъ.

— А все лучше я припрячу его! выговорилъ онъ.

— Припрятывайте. А я этотъ возьму, выговорилъ Галкинъ,
доставая другой пистолетъ, который былъ у него на колѣ-
няхъ.

Но вдругъ онъ прибавилъ:

— Нѣтъ! Что же? Будеть!.. Берите и этотъ...

И онъ подаль ему пистолетъ.

— Зачѣмъ? отозвался смѣясь проѣзжій.—Куда мнѣ разря-
женный? Я лучше этотъ приберегу.

— Берите этотъ. У васъ разряженный. На-те. Оба берите.
Впрочемъ, я очухался совсѣмъ. Хотите занять обѣ горницы
и меня на улицу выкинуть, занимайте. Довольно. Я и такъ
начудилъ, осрамился. Я, вѣдь, не проходимецъ какой. Видите,
что на мгѣ? Не чуйка!

Галкинъ поднялся, взялъ свой мѣшокъ и, обращаясь къ
вошедшему въ горницу хозяину, произнесъ, подавляя вздохъ:

— Тащи мой чемоданъ вонъ, да вели лошадей закладывать
и меня догонять. А я впередъ пѣшкомъ пойду.

Голосъ Галкина, его лицо, его блуждающіе глаза, все удивило проѣзжаго. Онъ сразу понялъ, что съ этимъ офицеромъ недавно случилось что-нибудь особенное. Онъ очевидно не пьянъ, въ своемъ умѣ, и только человѣкъ душевно разстроенный.

— Нѣтъ, стой! выговорилъ онъ.—Я тебя, или васъ, господинъ офицеръ, не выпущу. Вмѣстѣ ночуемъ здѣсь и побесѣдуемъ. Шутка ли! Я долженъ тутъ цѣлый часъ одинъ ужинать. Не съ холопами же мнѣ бесѣдовать. Въ нихъ мнѣ ничего любопытнаго нѣтъ... А вотъ вы оставайтесь. Я васъ угощу. У меня всякое есть съ собой. И вино хорошее. Поужинаемъ, выпьемъ. А тамъ заляжемъ спать. Выспимся, а завтра вмѣстѣ въ Москву поѣдемъ.

— Спасибо вамъ, нѣсколько спокойнѣе выговорилъ Галкинъ.—Я не въ Москву. Я изъ Москвы, въ полкъ.

— Ну, разѣдемся въ разныя стороны. А все-таки малость сегодня покалякаемъ.

— Нѣтъ, увольте, выговорилъ Галкинъ вѣжливѣе.

По мѣрѣ того, что проѣзжій разговаривалъ съ нимъ, онъ замѣтилъ, что имѣеть дѣло дѣйствительно съ кѣмъ-то изъ крупныхъ вельможъ Петербурга. Ему казалось даже, что онъ видѣлъ гдѣ-то этого богатыря и что съ его лицомъ, его фигурой, связывается какое-то странное, особенное воспоминаніе. Если бы ему сказали, что этотъ человѣкъ крайне высоко поставленное лицо, пожалуй даже приближенное къ монархинѣ, то Галкинъ согласился бы тотчасъ же. Какое-то внутреннее чувство подсказывало офицеру, что самое лучшее поскорѣе убраться отъ сановника, особенно послѣ того, что онъ здѣсь начудилъ.

— Нѣтъ, избавьте, увольте, заговорилъ онъ нѣсколько конфузливо.

Проѣзжій всталъ съ мѣста, приблизился къ Галкину, положилъ ему руки на плѣчи и вымолвилъ:

— Ну, голубчикъ, не знаю, какъ васъ звать. Ну, дорогой мой, соколикъ... Сдѣлай милость. Ну, побалуй, ну оставайся! Куда же вамъ итти? Ночевать негдѣ, ѣхать, въ эдакую темь, тащиться будете, да въ ямѣ заночуете... Да что тутъ толковать, не пущу я васъ. Пожалуйте мѣшокъ.

Проѣзжій взялъ изъ рукъ Галкина мѣшокъ, бросилъ его на лавку и потащилъ его снова на прежнее мѣсто за столъ.

Фигура и голосъ этого человѣка вдругъ такъ подѣйстви-

вали на офицера, что онъ смягчился, сконфузился и не зналъ, что отвѣчать.

— Какъ прикажете, вымолвилъ онъ, наконецъ, виновато.

— Приказывать не смѣю, а прошу. Гей, вы! крикнулъ проѣзжій.—Тащи живо ужинать. Мы сейчасъ тутъ съ вами плотно поѣдимъ и выпьемъ. А затѣмъ, ты мнѣ, господинъ стрѣлокъ, пояснишь, за что изволишь такъ палить по проѣзжимъ.

Богатырь сбросилъ съ себя шапку, растегнулъ ремень и, распахнувъ кафтанъ, усѣлся за столъ, куда уже насильно засадилъ своего новаго знакомаго, совершенно такого же богатыря.

XV.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ отданнаго приказанія, горница въ Карповомъ домѣ преобразилась какъ бы въ сказкѣ. Вереница слугъ прошла передъ глазами сидящихъ и каждый что-нибудь принесъ. Предъ Галкинымъ, который, смущаясь и раскаиваясь, сидѣлъ около проѣзжаго сановника, уже былъ накрытый скатертью столъ, а на немъ фарфоръ, хрусталь, серебро, разныя холодныя яства и разнородныя бутылки вина. Когда все было уставлено, едва помѣщаясь на столѣ, сіяя и блестя, лакей внесъ большой канделябрь о пяти розовыхъ свѣчахъ. Камердинеръ, по которому стрѣлялъ Галкинъ, остался одинъ въ горницѣ и, ставъ у порога съ салфеткой, выговорилъ шутливымъ голосомъ:

— Ле супе леверси!

— Чучело гороховое! разсмѣялся проѣзжій, весело принимаясь прежде всего за швейцарскій сыръ.

— Что жь. Опять не такъ? отозвался лакей фамиллярно.— Ну, такъ скажемъ.... Ле супе десерви. А по моему „леверси“ лучше. Не такъ, что ли? скажите.

— Скажите. Это, братецъ, всякій учитель, коему деньги платять—откажется, отозвался баринъ.—Такъ тебя до свѣтопреставленія и обучать все одному слову. Убирайся! Мы теперь такую бесѣду поведемъ, при которой тебѣ быть не подобаеть.

Лакей тотчасъ вышелъ тихо, затворивъ за собою прострѣленную дверь, и невольно потряхнулъ головой, поглядѣвъ на дыру.

— Ну-съ, господинъ встрѣчный-поперечный, заговорилъ саво-
новникъ.—Чекнемся! За ваше здравіе и путешествіе. Ку-
шайте еще и отвѣтствуйте... Какъ васъ звать? По порядку.
Имя ваше крестное, такъ-сказать...

— Алексѣй, отозвался офицеръ.

— Что? Вотъ какъ! Славно! Ну, а по батюшкѣ?

— Григорьевичъ...

— Что-о? Что вы? Балуетесь, что ли? удивился проѣзжіи,
откидываясь на лавкѣ и прислоняясь къ стѣнѣ.

— Нѣтъ-съ. Да что жъ вамъ тутъ кажется чудснаго? Але-
ксѣй Григорьевичъ—самое простое наименованіе.

— Простое-то простое. Да не здѣсь, при мнѣ, на Москов-
ской дорогѣ, въ этой избѣ... Да еще послѣ нашего стрѣль-
бища. Чуда нѣтъ, а диво есть.

— Виновать, не понимаю...

— А фамилія?

— Галкинъ.

— Галкинъ! Часъ-отъ-часу не легче... Тоже птица. Ска-
жи на милость! Вотъ такъ финтъ! Галкинъ?

— Да-съ. Фамлія нѣсколько смѣшная для другихъ. Но
я привыкъ.

— Ничего нѣтъ смѣшнаго. Мало ли эдакихъ, такъ-сказать,
птичьихъ фамилій: Вороновъ, Сорокинъ, Воробьевъ, Грачевъ,
хоть бы и Орловъ.

— Да-съ. Всѣ эти прозвища, конечно, все одно. Только
не Орловъ. А ужъ особливо теперь.

— Почему же это... теперь?

— Потому, что въ наши времена проявились графы та-
кіе... Орловы.

— Точно, но, вѣдь, они тоже по птицѣ орлу прозываются,
какъ и вы по птицѣ—галкѣ.

— Орелъ и галка! размѣялся Галкинъ.—Сходствія мало.

— Не много. Но обѣ—птицы.

— Сказывается: видать птицу по полету. Ужъ я бы ни-
какъ не могъ стать графомъ Галкинѣмъ. Смѣяться бы стали
еще пуще.

— Нѣтъ. Перестали бы совсѣмъ, дорогой мой, улыбаясь
добродушно сказали незнакомецъ.—Вотъ и съ Орловыми бы-
ло тоже. Говорили всѣ, что очень смѣшно выходить: дворя-
нинъ Орловъ, да вдругъ графъ... А теперь всѣ привыкли.
Да и они-то сами привыкли, что графы... Сдается, будто и
родились таковыми, и никакой перемѣны не было.

— Нѣтъ-съ. Сами-то Орловы много измѣнились, какъ всѣ сказываютъ, замѣтилъ Галкинъ.—Были товарищами въ гвардіи, какихъ мало. Золотые парни. А нынѣ сама гордость. Увидятъ Орловы радугу на небѣ—сторонятся или нагибаются, опасаются, шапкой бы не зацѣпить.

Незнакомецъ 'разразился громкимъ и веселымъ хохотомъ.

— Это вы такъ сами надумали? Или слышали? воскликнулъ онъ.

— Слыхалъ. Да, эта притча къ нимъ подходящая. Они страсть какъ горделивы и самомнительны стали.

— Нахалы! Зазнались!.. Вотъ что! А вы съ ними знаете?

— Нѣтъ-съ. Даже и не видалъ никогда.

— И не любопытствовали поглядѣть?

— Да зачѣмъ же? Что же мнѣ въ нихъ любопытнаго?

— А вотъ тогда знали бы вѣрно и лично—правду ль про нихъ зависть болтаетъ.

— Такъ, просто повидать случая не было. А пойдн я къ нимъ въ Петербургъ... знакомиться, моль, пришелъ съ вами... Такъ, вѣдь, выгонять.

— Безпремѣнно выгонять! опять разсмѣялся незнакомецъ.—А хотите, я васъ познакомлю съ Алексѣемъ Григорьевичемъ?

— Съ Орловымъ?

— Ну, да.

— Очень вамъ благодаренъ. На что же онъ мнѣ?

— Какъ на что? Пригодиться можетъ во всякомъ дѣлѣ, по службѣ, къ примѣру.

— Нѣтъ... Прежде, пожалуй, я бы и радъ былъ, грустно вымолвилъ Галкинъ.—А теперь моя жизнь такъ обернулась, что я, можетъ быть, до Питера не доѣду и пулю себѣ въ голову всажу.

— Вишь, стрѣлокъ какой... Ну, сказывайте мнѣ теперь... Отчего вы такой горячій и своенравный, да гордый? Къ примѣру сказать... Сейчасъ тутъ вотъ пришелъ лакей проѣзжаго боярина не изъ послѣднихъ—просить горницы уступить. А вы по немъ изъ пистолета. Могли убить и могло вамъ за это быть не хорошо. Ну-съ, какъ же такимъ горячкой на свѣтѣ жить? Вы завсегда такой?

— Нѣтъ-съ. Никогда я ничего подобнаго и во снѣ не видалъ, не только не дѣлалъ... А это все приключилось отъ московскихъ моихъ бѣдствій.

— Какихъ такихъ бѣдствій? Въ карты проигрались? Въ Москвѣ, говорятъ, что ни домъ, то азартникъ живетъ... Какая же бѣда. Говорите. Вы мнѣ полюбились и я вамъ помогу, чѣмъ могу. А могу не мало... Такъ сказать, все могу... Говорите по душѣ...

— Увольте. Не охота. Это дѣло не такое, чтобы... чужому человѣку, встрѣчному, на дорогѣ сказывать. Хотя я вижу, вы человѣкъ богатый, а по видимости, и знатный, но въ моемъ дѣлѣ вы помочь не можете. Никто не можетъ. Одинъ Господь тутъ властенъ.

— И Царица помочь бы не могла?

— Ну, это другое дѣло... Захоти царица, такъ, пожалуй бы, сейчасъ повершила все въ мою пользу...

— Стало быть, не одинъ же Господь властенъ въ этой вашей бѣдѣ, а и человѣки властны... Царица, вѣдь, тоже человѣкъ. Ну, вотъ вы мнѣ повѣдайте вашей горе. Можетъ быть, я вамъ помогу.

— Нѣтъ-съ. Вы не можете. Да и притомъ, извините меня, но я все-таки еще не имѣю чести знать, съ кѣмъ я бесѣдую и чей хлѣбъ ѣмъ.

— Какъ меня, то-исъ, звать?

— Да-съ. Вы не изволили мнѣ себя назвать.

— Зовутъ меня такъ же, какъ и васъ. Имя то же и отчество то же. А фамилія то же по птицѣ, только не по галкѣ. Вотъ вы и догадайтесь...

— Васъ звать Алексѣй Григорьевичъ?

— Да-съ. А фамилія по птицѣ.

— Вороновъ или Сорокинъ?

— Нѣтъ. И не Воробьевъ, и не... Ну, да что васъ пытаться—Орловъ мнѣ имя.

Галкинъ вытаращилъ глаза, потомъ двинулся и конфузливо всталъ изъ-за стола.

XVI.

Галкинъ растерялся совершенно и молча съ минуту оглядывалъ незнакомца съ головы до ногъ.

— Ну, баста... А то сглазишь еще, любезнѣйшій...встрѣчный-поперечный, разсмѣялся Орловъ добродушно.

— Извините меня, ваше сіятельство, выговорилъ Галкинъ и взялся за мѣшокъ.—Я, право, былъ такъ разстроены. И не догадался даже спросить... Извините...

— Куда же вы... Нѣтъ, голубчикъ, садись и сиди. Это судьба! Начертано было въ книгѣ небесъ. Вотъ что! И пальба ваша—судьба. Я, какъ турки, вѣрю въ звѣзду человѣка. Васъ судьба на меня натолкнула затѣмъ, чтобы я въ ваше дѣло впутался... Ну, сказывай теперь графу Орлову, какое такое стряслось горе. Можетъ быть оно и поправимое. Коли тяжба изъ-за ябеды—правый судъ найдемъ.

— Нѣтъ-съ. Какая ябеда. Это дѣло сердечное...

— Тѣмъ лучше. Проще. Садись, стрѣлокъ, и рассказывай всю подноготную.

Офицеръ снова сѣлъ за столъ. И вглядѣвшись внимательно въ лицо Орлова, вспомнилъ, что онъ дѣйствительно встрѣчалъ его не разъ въ Петербургѣ, но не зналъ и не попытствовалъ узнать, кто этотъ богатырь.

Галкинъ былъ теперь болѣе всего пораженъ тѣмъ веселымъ добродушіемъ, которое было характерною особенностью лица Орлова, и той простотой, которая была въ его манерѣ говорить и держаться.

Совсѣмъ не такими воображалъ онъ себѣ знаменитыхъ любимцевъ царицы.

Послѣ двухъ-трехъ бутылокъ выпитаго вина и на повторенныя усиленныя просьбы Орлова, повѣдать свое горе—офицеръ рѣшился и рассказалъ подробно все... Свое пребываніе въ Москвѣ, любовь, сватовство и гордый отказъ князя Телепнева. Офицеръ рассказалъ даже невѣроятный „афронтъ“ князя, выславшаго къ его теткѣ своего камердинера.

Орловъ слушалъ все внимательно и только изрѣдка качалъ головой. Когда Галкинъ кончилъ, онъ вымолвилъ:

— Слыхалъ я про этого Телепнева... Въ прошломъ году слыхалъ... На него есть узда, но взнудать-то... мнѣ не въ силу. Только одна царица это можетъ. Ну, а я, голубчикъ, государыню беспокоить просьбой о твоёмъ счастьи не могу и не стану... Надо намъ будетъ самимъ какъ-нибудь... Съѣзжу я къ нему самъ. Буду ломать. Можетъ и уломаю. Почто его Философомъ-то зовутъ?

— Ужъ не знаю, ваше сіятельство. За его удивительный образъ дѣйствій, что ли. Или за нелюдимость.

— Нелюдимъ — мизантропъ, говорится. А философъ, это, стало быть, человѣкъ, не обращающій должнаго вниманія на все, что другимъ людямъ важно. Инако я объяснить не могу сего прозвища.

— Должно быть, оно именно такъ и есть, замѣтилъ Галкинъ.

— Но выходить, другъ любезный, противорѣчіе. Выходить на мой разсудокъ, что князь Аникита просто комедіантъ, глаза отводитъ добрымъ людямъ, прикидывается.

— Въ чемъ же собственно? удивился Галкинъ.

Орловъ подумалъ, потомъ налилъ два стакана верхомъ, себѣ и офицеру, изъ вновь откупоренной уже второй бутылки кипрскаго вина.

— Ну-т-ко! Сразу и въ разъ! весело произнесъ онъ. — Хлопнемъ за успѣхъ того, что мнѣ въ голову вдругъ полѣзло. Диковинное! Выпьемъ, чтобы не опростоволоситься.

Оба выпили вино залпомъ.

— Эдакъ я, пожалуй, ваше сіятельство, замѣтилъ Галкинъ, показывая на бутылки, — пожалуй, нальюсь и изъ благоприличій выйду.

— И палить опять захочешь, по мнѣ или по моимъ людямъ, разсмѣялся Орловъ.

— Богъ съ вами! И поминать не надо. Такое на меня, съ горя, затмѣніе пришло.

— Ты какъ въ винѣ—умнѣе или глупѣе?

— Ей-Богу, не знаю...

— Ну, слушай, теперь меня... Коли не поймешь — завтра я еще поясию тебѣ на тощакъ. Слушай. Коли твой Аникита Телепневъ воистину самородный, а не самодѣльный филозофъ, то онъ не долженъ былъ отказывать тебѣ въ рукѣ своей дочери. Вѣдь онъ тебя въ глаза не видалъ, говоришь ты, никогда!

— Не одинаго разу.

— Какой-сякой ты молодець—не знаетъ...

— Нѣтъ-съ.

— Большой ли, махонькій, умный ли, глухой, добрый ли, злощій, —ничего онъ не знаетъ.

— Ничего-съ.

— Понравится ты ему лично не могъ. И опостылѣть тоже не могъ. Ни медомъ, ни горькою рѣдкой стать ему не могъ. Такъ, вѣдь?

— Вѣстимо. Коли никогда не видались... Да онъ чертъ и свинья! Вотъ, что онъ! вскрикнулъ офицеръ пьянѣя и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Этого не дѣлай, братецъ, усмѣхнулся Орловъ. — Столъ,

поди, худъ, подломится и все на полу будетъ, а я безъ десерта и безъ вина. Слушай.

— Простите... Я это... Я пьянъ...

— Слушай въ оба. Аникита Телепневъ знаетъ про тебя только двѣ вещи. Первое, что у тебя нѣтъ ни алтына за душой, а второе, что ты прозываешься по птицѣ галкѣ. Такъ?

— Да-съ... Должно быть... Кружится у меня...

— Ну, вотъ, стало быть, ему какъ истинному философу слѣдъ былъ имѣть свой собственный судъ и разсудить противно тому, какъ всѣ люди судятъ. Для московскихъ родителей, у коихъ дочь невѣста—ты бѣдный женихъ съ глупою фамиліей. Поэтому для Аникиты ты женихъ отличный, коего лучше не найти.

— Какъ же такъ?.. Я пьянъ! Ни черта... Я ничего, ваше сіятельство, не понимаю... пробормоталъ офицеръ.

— А ты помалкивай да слушай, тезка! вскрикнулъ Орловъ.—Для философа деньги — тринь-трава, соръ презрѣнный и дурацкій предметъ. А прозвище человѣка—единъ лишь звукъ. Пойми! Звукъ, а не обстоятельство... Стало быть, кому другому, а Аникитѣ, князю Телепневу, философу, бѣдняга Галкинъ, коего любить его дочь и кой самъ врѣзался въ нее—есть совсѣмъ подходящій женихъ, противъ коего у него ничего быть не можетъ, по той причинѣ, что онъ его никогда не видалъ и судить не можетъ, а будетъ онъ по философски разсуждать, то его разсудокъ долженствуетъ ему... якобы философу... Стой!.. Уѣхало!.. Мой тоже разсудокъ, что долженствуетъ... то по дорогѣ растерялъ... Да и ты, вижу, ничего, ни бельмеса не смѣкаешь... Оба мы подгуляли!

— Н-нѣтъ... Я все... глупо отозвался Галкинъ, хлопая глазами.—Я все... Только ни черта не могу понимать...

— Ну, стало быть, обоимъ спать пора, разсмѣялся Орловъ.—Ты пьянѣ вина, а я сравнялся съ нимъ. Спать! А завтра я тебѣ расскажу, какъ я тебя женю на Телепневой княжнѣ.

— Галкинъ вытаращилъ глаза. Несмотря на то, что голова его кружилась—слова Орлова поразили его.

— Вы что это?.. Какъ вы жените?.. Вы это, ваше сіятельство... съ вина. И я съ вина...

— Ладно. Завтра приѣдешь въ Москву — ты сразу поймешь, какъ увидишь мои подходы къ Аникитѣ-Философу.

— Я, вѣдь, въ полкъ...

— Въ Москву, а не въ полкъ! Въ полкъ послѣ, съ молодой женой... Эй! Ванька! Эй! Родные мои! Не погубите. Раздѣвайте барина! закричалъ Орловъ на всю избу.

— Люди тотчасъ же явились гурьбой, одни втащили нѣсколько охапокъ сѣна, бѣлье постельное, подушки... Другіе принялись быстро убирать все со стола.

— Господину стрѣлку рядомъ со мной постилай. Мы съ нимъ тезки и пріятели, смѣялся Орловъ, раздѣваясь.

XVII.

На слѣдующій день, около полудня, поѣздъ графа Алексѣя Григорьевича вѣзжалъ въ Москву чрезъ Тверской валъ и, миновавъ заставу, повернулъ на Никитскую.

Здѣсь, невдалекѣ отъ маленькой приходской церкви Вознесенья, близъ урочища именуемаго Всполье, весь поѣздъ завернулъ въ ворота и вѣзжалъ въ обширный дворъ.

Еще не такъ давно здѣсь стоялъ небольшой деревянный домъ дворянина Григорія Ивановича Орлова, исконнаго москвича. Съ той поры прошло лѣтъ пятнадцать, и много воды утекло... Дворянинъ Орловъ былъ на томъ свѣтѣ, а его сыновья были уже графами Орловыми, и старшій изъ нихъ, графъ Иванъ Григорьевичъ, никогда не служившій и не вѣзжавшій изъ Москвы въ Питеръ, жилъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ онъ и братья его жили еще дѣтьми... Но теперъ о маленькомъ деревянномъ домикѣ и помину не было.

На Никитской, въ глубинѣ двора, съ большимъ садомъ кругомъ, высились каменные боярскія палаты съ флигелями и службами. И здѣсь останавливались всегда братья Орловы, когда гостили въ Москвѣ.

Самъ же графъ Иванъ Григорьевичъ сдѣлался чуть не первымъ сановникомъ въ Москвѣ, силой, человѣкомъ властнымъ, разумѣется чрезъ своихъ братьевъ. И хотя онъ и не имѣлъ крупнаго чина, тѣмъ не менѣе начальствующія лица часто пріѣзжали къ нему съ поклономъ, постоянно прося, при случаѣ, „засвидѣтельствовать ихъ всенижайшее почтеніе братцу графу Григорію Григорьевичу“.

Едва только Москва, чиновная и дворянская, узнала, что графъ Алексѣй Орловъ прибылъ, какъ начался нескончаемый ежедневный съѣздъ и разъѣздъ въ палатахъ на Никитской.

Самъ Алексѣй Григорьевичъ тоже сдѣлалъ нѣсколько визитовъ. Всѣхъ москвичей, которыхъ онъ видѣлъ, графъ озадачилъ сообщеніемъ, что хотя онъ и пріѣхалъ въ первопрестольную по случаю ожидаемаго въ ней пребыванія монархини, но главнымъ образомъ явился съ благою цѣлью давно уже содержимою на душѣ — жениться на дѣвицѣ-москвичкѣ.

— Кто же эта счастливица? спрашивали всѣ, озадаченные, что еще ничего не слышали о невѣстѣ и о предполагаемомъ бракѣ графа.

— Самъ еще не знаю! отвѣчалъ и изумлялъ всѣхъ Орловъ.—Поищу, посмотрю... Времени-то у меня мало. Да, авось, Богъ дастъ успѣю.

Братья Орловы были давно извѣстны своими затѣями, „финтами и колѣнами“ и, казалось, ничѣмъ уже никого удивить бы не могли. Поэтому подобная диковинная новость хотя и озадачила всѣхъ, но показалась совершенно „Орловскою“.

— Въ два дня разыщеть невѣсту, а на третій и обвѣщается, говорили москвичи.—На то онъ и Орловъ.

Разумѣется пріѣздъ графа Алексѣя Григорьевича съ намѣреніемъ жениться—сталъ происшествіемъ, ибо совсѣмъ смутилъ много московскихъ семей, гдѣ были на лицо дѣвицы-невѣсты. На всякаго отца семейства напала таинственная тоска днемъ и безсонница ночью.

— Шутка ли? Наша Машенька или Дашенька. Да вдругъ! Вѣдь и денегъ-то у него... И сила правительская... Черезъ дочку и я могу... Ахъ ты, Господи!..

Однако сами московскія Машеньки и Дашеньки хотя и взволновались тоже, но на особый ладъ. Онѣ сразу только испугались и оставались день деньской въ испуганномъ состояніи. Нѣкоторымъ изъ нихъ, поглупѣе, новый диковинный женихъ представлялся даже въ видѣ какого-то страшнаго лица, за котораго скрутятъ родители—не говоря худого слова.

Дошелъ слухъ о пріѣздѣ графа Орлова и о цѣли этого пріѣзда и до князя филозофа... И онъ заволновался.

„Въ домѣ, вѣдь, тоже дочь невѣста. И чѣмъ Юлочка хуже другихъ дѣвицъ московскихъ? Собой не дурна, полная, румяная, веселая... По имени и нравъ — суцая юла! Къ тому стариннаго дворянскаго рода. Князья Телепневы почище этихъ, новоиспеченныхъ, графовъ. И самой Москвы-то еще не было, а Телепневы, поди, уже были“.

-- Да.... Обстоятельство изрядное! говорилъ самъ себѣ вслухъ философъ.—Стань вдругъ Юлочка графиней Орловой— все потерянное когда-то, благодаря дружеству и водительству съ Бирономъ,—все можно вернуть сразу. Да на что оно теперь нужно, въ старости? Ну, все-таки... Чины да регалии вѣстимо не нужны... А власть иное дѣло...

Видѣть вокругъ себя москвичей, ползающихъ на животахъ, ради протекціи при зятѣ... Это всякаго и въ восемьдесятъ и въ девяносто лѣтъ прельститъ. Такъ сказать, защекочетъ человѣка гдѣ-то вотъ, подъ ложечкой, что ли?..

И хотя князь философъ тайно сердился на самого себя за эти мысли, а думать объ этомъ „изрядномъ обстоятельствѣ“ не переставалъ.

Давно ли онъ, живя въ своей вотчинѣ на Калужкѣ, обращался мысленно къ своему прошедшему и видѣлъ, что вся его жизнь—незадачливая,—пропала ни за грошъ... Разъ сбился на проселокъ со столбовой дороги, и возврата нѣтъ. Съизнова жить не начнешь, утеряннаго не вернешь—умирай сѣренькимъ княземъ.

„А вотъ теперь, нечаянно, негаданно... Какая оказія! Вернуть все черезъ Юлочку?!“

Такимъ образомъ пріѣздъ въ Москву графа Орлова надѣлалъ болѣе шума, чѣмъ когда-либо. Всегда всѣ Орловы, заглянувъ въ первопрестольную на побывку къ старшему брату, заставляли не мало говорить о себѣ праздныхъ московскихъ дворянъ. Но на этотъ разъ и въ Благородномъ Собраніи, и въ частныхъ домахъ, на обѣдахъ и на вечерахъ было особенно много пересудовъ и даже споровъ о томъ, кто на дняхъ станетъ въ городѣ силой, человѣкомъ власть имущимъ чрезъ своего негаданнаго зятя.

Самъ Алексѣй Григорьевичъ времени не терялъ. У него были серьезныя дѣла въ городѣ, конфиденціальныя порученія царицы, разнообразныя порученія брата фаворита, важныя и любимыя занятія по коневодству... Но вмѣстѣ съ дѣлами явными и тайными, онъ не забывалъ и дѣло о выборѣ себѣ подруги жизни. Бросивъ по пріѣздѣ нѣсколько словъ вскользь о своемъ, якобы, намѣреніи жениться, онъ замолчалъ и болѣе не говорилъ о невѣстахъ и бракѣ. Но за то приглашенный всякій день на обѣды и вечера, постоянно удалялся отъ мужской компаніи и каждый разъ вмѣшивался въ кружокъ дѣвицъ, въ ихъ танцы или игры, участвовалъ и въ „веревочкѣ“, и въ

„жмурках“, и въ „фантах“ и даже однажды попалъ въ кругъ, изображая мышку. Врядъ ли Москва когда видѣла дотолѣ или увидитъ вновь такую мышку, исполинскаго роста, съ Александровскою кавалеріей на груди, съ шутками и прибаутками—чисто-русскаго ума. Многіе изъ участвующихъ въ этой „Кошкѣ и Мышкѣ“ долго помнили потомъ—до преклонныхъ лѣтъ вспоминали—какъ игралъ съ ними, заставляя всѣхъ своимъ добродушно-острымъ словомъ смѣяться до слезъ, „одинъ изъ стаи славныхъ“.

Дѣйствительно, Екатерининскіе „орлы“ были русскіе люди, какихъ почти не бывало ни до нея, ни послѣ нея. Въ ихъ природѣ, въ ихъ разумѣ и сердцѣ былъ какой-то особенный размахъ... Будто ширь и просторъ ихъ отечества отражались въ нихъ, воплощались въ нихъ... Эти люди были способны и на спокойное хладнокровіе сѣвернаго жителя и на огневой порывъ, страстность или увлеченіе уроженца юга. Отсюда являлась ихъ способность изумительная и рѣдкая — мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, вести государственное предпріятіе и смѣхотворную скоморошью затѣю рука объ руку. И одно не мѣшало другому, не противорѣчило. Что бы диковинное ни сотворили они — современникамъ казалось, что такъ и быть должно.

Выстроить новый городъ въ полгода! Завоевать, съ маху, цѣлый край, цѣлую страну и поднести царицѣ въ ея именины въ видѣ кренделя! Купить и спалить нѣсколько кораблей въ иностранномъ портѣ, ради иллюминаціи!.. Поборотся съ медвѣдемъ!... Выпить чуть не ведро сивухи безъ передышки... А то взять вражью твердыню безъ одинаго выстрѣла, пообщавъ солдатамъ на выборъ, либо сидѣть голодомъ недѣлю, либо пообѣдать тотчасъ въ непріятельской крѣпости.

„На всѣ руки“, говорится по-русски, и говорится вѣрно.

Но, вѣдь, надо ихъ „всѣ“ имѣть отъ природы. А это тоже особый даръ Божій. И посылается онъ, право, наипаче русскому человѣку.

XVIII.

Галкинъ, будучи снова въ Москвѣ, собственнымъ глазамъ не вѣрилъ, что его судьба такъ чудно повернулась. Неожиданная и странная встрѣча съ такою личностью, какъ графъ Алексѣй Орловъ, не могла пройти безслѣдно.

Братъ всемогущаго фаворита императрицы сталъ для него фортуной. Отношенія, возникшія между вельможей и бѣднымъ офицеромъ, были таковы, что часто Галкину не вѣрилось, дѣйствительность ли все происшедшее. Ему казалось, что онъ бредитъ, казалось, что вдругъ онъ проснется и узнаетъ, что все это былъ сонъ, а въ дѣйствительности—онъ уже давно въ Петербургъ и въ полку.

Графъ относился къ нему ласково и дружелюбно и, несмотря на свои дѣла и хлопоты, былъ видимо озабоченъ судьбой своего новаго протеже. Тотчасъ по пріѣздѣ, черезъ многихъ своихъ прихлебателей и прислужниковъ, даже черезъ своихъ людей, Орловъ собралъ всякаго рода свѣдѣнія о философѣ и его семьѣ, объ его характерѣ, привычкахъ и причудахъ. Раза два поவிдавши мелькомъ Галкина, графъ сказалъ:

— Не унывай, дѣло ладится!

Эти слова доказывали, что Орловъ что-то такое предпринимаетъ.

Между тѣмъ появленіе Галкина въ Москвѣ крайне озадачило многихъ его знакомыхъ, въ особенности тѣхъ лицъ, съ которыми онъ наиболѣе сблизился. Въ томъ числѣ, болѣе всѣхъ была озадачена его возлюбленная, княжна Телепнева.

Однажды, увидѣвъ вдругъ Галкина на улицѣ, княжна была несказанно поражена, конечно, обрадовалась, но затѣмъ тотчасъ же ей пришлось расплакаться и проплакать цѣлый день. Генеральша Егузинская, тоже видѣвшая офицера, недоумѣвала. А добродушная Бахрѣва, встрѣтившая невзначай среди Москвы своего, якобы уѣхавшаго, племянника, была поражена какъ громомъ.

Все это случилось по одной простой причинѣ. Вернувшись въ Москву, Галкинъ, во-первыхъ, не остановился у своей тетушки. По пріѣздѣ онъ пробылъ одинъ день въ домѣ графа Ивана Григорьевича, а затѣмъ, къ вечеру, переѣхалъ въ маленькую квартиру неподалеку отъ Никитской. Во-вторыхъ, выѣзжая изъ дому, офицеръ видимо избѣгалъ встрѣчъ со знакомыми, а нежданно наскочивъ на кого-нибудь, старался укрыться, отворачивался отъ всякаго или просто не кланялся.

При первой встрѣчѣ съ Егузинской и съ княжной Галкинъ, завидѣвъ ихъ еще издали, бросился бѣжать отъ нихъ, не только не подошелъ. Въ другой разъ, повстрѣчавъ свою

возлюбленную, гулявшую съ теткой на Тверской, и нечаянно сойдясь съ ними лицомъ къ лицу, офицеръ отвернулся и сдѣлалъ видъ, что не видитъ ихъ.

Разумѣется, черезъ два-три дня всѣ видѣвшіе офицера, котораго считали въ Петербургѣ, крайне были озадачены его поведеніемъ. Бахрѣева въ себя не могла прійти, какая причина заставила племянника вернуться, не остановиться у нея снова и даже скрываться отъ нея. Все это казалось, конечно, болѣе чѣмъ сомнительнымъ. А между тѣмъ причина была простая.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ строжайше запретилъ офицеру бывать гдѣ-либо, и даже потребовалъ, чтобъ онъ ни съ кѣмъ не видался и не разговаривалъ.

— Будь въ Москвѣ такъ, какъ бы тебя не было, а иначе ты мнѣ все дѣло испортишь и, стало быть, и свою собственную судьбу и свое счастье похоронишь, сказалъ онъ.

Такъ прошло около недѣли.

За эту недѣлю въ домѣ князя Телепнева уже два раза шла рѣчь сначала съ двоюродною сестрой, а затѣмъ съ сыномъ о пріѣздѣ графа Орлова въ Москву и о странномъ слухѣ, который ходилъ по городу насчетъ его намѣреній.

Князь-философъ, размышлявшій, какъ и всѣ отцы семействъ, о томъ, что можетъ случиться съ какимъ-нибудь Москвичемъ не нынче, завтра, отнесся къ дѣлу совершенно иначе, когда зашла о немъ рѣчь.

— Позвольте узнать, братецъ, сказала Егузинская, пріѣхавшая однажды утромъ въ бутырскій домъ, — слышали ли вы, зачѣмъ графъ Алексѣй Григорьевичъ въ Москву пожаловалъ?

— Не на то у меня уши, сестрица, чтобъ ими всякіе вздоры московскіе слушать! И ничего мнѣ нѣтъ любопытнаго, зачѣмъ тотъ или другой новоиспеченный питерскій вельможа пріѣдетъ въ Москву! рѣзко отозвался философъ.

Князь, конечно, счелъ долгомъ притвориться, что ничего не знаетъ о новости, бѣгавшей по всей Москвѣ.

Егузинская передала удивительную новость въ подробности. Подробности, конечно, были присочинены москвичами. Егузинская рассказала, что графъ знакомится только съ тѣми семействами, гдѣ есть дочери, пріѣзжаетъ, сидитъ молча по два, по три часа и якобы прямо, безо всякихъ околичностей, выглядываетъ себѣ невѣсту. Двѣ молодыя дѣвушки, якобы, уже заинтересовали его болѣе прочихъ.

Выслушавъ разсказъ, князь насупился и проговорилъ сухо:

— Что же удивительнаго?.. И глупаго ничего нѣтъ... Онъ все-таки русскій баринъ и москвичъ. Ему и слѣдуетъ жениться на москвичкѣ! У нихъ въ Питерѣ дѣвицы по воспитанію на половину нѣмки.

— Вотъ бы ему... заговорила Егузинская и поперхнулась. Вотъ бы ему... начала она съизнова, боязливо глядя въ лицо князя, и снова не договорила.

— Что такое? сурово отозвался князь.

— Да вотъ бы къ вамъ приѣхать познакомиться... И у васъ есть дочь...

Философъ окрысился сразу.

— Кромѣ пустобрешества ничего отъ васъ никогда не дождешься. Съ какихъ безумныхъ глазъ поѣдетъ онъ со мною знакомиться? Онъ съ тридцати лѣтъ уже генераль и вельможа. Воображаетъ, поди, о себѣ не вѣсть что. А я, что же? Я—стариннаго рода дворянинъ и больше ничего! А что касается до моей дочери, то ужъ извините. Предоставляю другимъ московскимъ дворянамъ глаза закидывать на такого жениха. Моей дочери онъ—не пара!

— Что вы, братецъ, невольно воскликнула Егузинская,— какъ же, то-ись, не пара?!

— Нѣтъ, матушка, не пара! И не Юлочка ему не пара, а онъ ей не пара! Я лучше ее отдамъ за прохвоста какого, чѣмъ за эдакого молодца, какъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Влюбись онъ въ нее завтра по-зарѣзъ, такъ я ее въ деревню спроважу тотчасъ. Это еще хуже того Курицына... или какъ тамъ... Рябчикова, что ли, котораго вы приискали.

— Простите, братецъ, не пойму я васъ. Какъ же не желать, чтобы дочь вышла за человѣка всемогущаго въ Имперіи, богатаго, красиваго, да притомъ еще добрѣйшей души.

— Брехи! Брехи, сударыня. Все брехи! И богатъ онъ, и властенъ, это правда. Но у князя Аникиты Телепнева никогда не будетъ зятя, который бы смотрѣлъ такъ на него, какъ онъ самъ смотритъ на какую мелкоту. Не потерплю я, чтобы мой зять былъ выше меня и смотрѣлъ бы на меня, какъ на какого прохвоста. Тому, кто женится на Юлочкѣ, должно быть это въ честь! Онъ долженъ гордиться тѣмъ, что на княжнѣ Телепневой женатъ. А графъ Орловъ почтетъ, что самъ дѣлаетъ великую честь, роднясь со мною. Не та-

ковъ я уродился! И сами вы это твердо знаете. Мнѣ нужно, чтобы зять мой стоялъ гораздо ниже меня.

Егузинская сидѣла, вытаращивъ глаза. Она до сихъ поръ не имѣла еще повода не вѣрить братцу-философу, а между тѣмъ теперь явное противорѣчiе сказывалось въ его мнѣнiяхъ за послѣднiе дни. И вдругъ Егузинская, сообразивъ вполне на сколько князь противорѣчитъ себѣ, почувствовала, что братецъ-философъ просто-на-просто притворяется и лжетъ. Она вдругъ почему-то посмѣлѣла и, глядя братцу въ лицо, насмѣшливо улыбнулась.

„Была не была, думала она, не могу я ему спустить. Скажу. Вѣдь, не побьетъ же онъ меня!“

— Позвольте узнать, братецъ, кротко, но ехидно заговорила она,—какого же вы зятя желали бы? Я уже совершенно не понимаю. Недавно вы разгнѣвались, что бѣдный офицеръ, хорошаго дворянскаго рода хотѣлъ свататься за Юлочку. Говорить изволили, что онъ не годенъ, потому что много ниже васъ по своему состоянiю. А теперь, сказывать изволите, не желали бы самого графа Орлова въ зятя, за то что онъ много выше васъ!

— Да-съ. Такъ! Равнаго мнѣ надо! Не хочу я—ни выше, ни ниже! нашелся философъ.

— Простите, вы изволили сейчасъ сказать, что желаете зятя ниже себя по положенiю.

— Ну, пожалуй, и ниже, а не выше, разсердился князь и тотчасъ же прибавилъ: Такъ ли, сякъ ли, сестрица, а вашъ графъ Орловъ ко мнѣ знакомиться не поѣдетъ! И я къ нему, конечно, не поѣду порогу обивать. А если онъ ко мнѣ и сунется, то я его, продолжалъ князь, возвышая голосъ, не прикажу пускать. По крайней мѣрѣ, будетъ онъ знать и можетъ рассказать тамъ, у себя въ Питерѣ, что есть московскiе дворяне, которые не падки на паточный медъ.

— Какъ паточный медъ? Чѣмъ паточный? Что вы? взволновалась Егузинская. Въ чемъ тутъ подвохъ?

— Такъ-съ! Отлично понимаете, что я говорю. Я признаю дворянъ исконныхъ, древнихъ, а не такихъ, что со вчерашняго дня въ честь попали.

— Господь съ вами, братецъ! Да Орловы—стариннѣйшiе дворяне, не хуже насъ съ вами. Только графами они стали недавно. Такъ и всѣ, братецъ, на свѣтѣ когда нибудь со-всѣмъ простыми были. Вѣдь, вотъ, извѣстно же, что при Ноѣ или Авраамѣ совсѣмъ дворянъ не было.

— Ахъ, скажите пожалуйста! вдругъ понизилъ голосъ князь, и заговорилъ умышленно-пискливо, якобы подражая голосу Егузинской. Ужь вы въ философію пустились! Съ какихъ это поръ? Скоро вы о государственныхъ дѣлахъ разсуждать начнете! Авраамъ, видите ли, вдругъ вспомнился... Эхъ, матушка! Занимались бы гродетуровыми платьями, да чепцами, да салопами! Чулки бы вязали! Дѣло то было бы по рылу! Да и я-то хорошъ! Никогда съ бабами не разговаривалъ, а вотъ цѣлый часъ съ вами воду толку.

На этомъ бесѣда, конечно, прекратилась, но черезъ день въ той же комнатѣ снова возобновилась о томъ же между княземъ и его сыномъ.

Князь Егоръ тоже заговорилъ объ Орловѣ, но съ первыхъ же словъ заинтересовалъ отца. Князь Егоръ робко доложилъ любопытную, даже поразительную вѣсть.

Графъ Орловъ, по его словамъ, на вечерѣ у кого-то изъ начальствующихъ въ Москвѣ лицъ, много спрашивалъ о князѣ-философѣ и выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться и побесѣдовать на свободѣ „объ разныхъ матеріяхъ“.

— Такъ-таки, батюшка, онъ и сказалъ. „Очень бы я желалъ князя гдѣ повстрѣчать и съ нимъ познакомиться“.

— Ну? сурово произнесъ философъ, и по голосу его, по одному этому звуку, можно было бы догадаться, что онъ взволновался.

— Ну-съ, ему отвѣчали, что вы не изволите нигдѣ бывать, что васъ повстрѣчать мудрено.

— Ну? тѣмъ же тономъ повторилъ князь и засопѣлъ.

— Онъ тогда, якобы, выразилъ желаніе... Навѣрное я, батюшка, не могу знать, а такъ сказывали, заранѣе оправдывался князь Егоръ. А сказывали, что, якобы, выразилъ желаніе, если нигдѣ васъ не повстрѣчаетъ, прямо ѣхать къ вамъ, въ Бутырки.

Наступило гробовое молчаніе, потому что вдругъ князь-философъ какъ-то съежился. Лицо его потемнѣло и стало сурово, а сынъ, опасаясь гнѣва, боялся даже дышать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ молодой князь недоумѣвалъ. Хотя Егузинская разсказала ему, какъ отнесся отецъ къ возможности познакомиться съ графомъ Орловымъ, но тѣмъ не менѣе князь Егоръ не понималъ причины такого отношенія къ дѣлу. Вѣдь все то, что великая честь для всякаго дворянина москвича, не можетъ же быть безчестіемъ для его отца.

Конечно, всѣ знали въ Москвѣ, что филозофъ чудакъ и прихотникъ, но, вѣдь, и чудачествамъ мѣра есть. Впрочемъ, главное, что смущало и сбивало съ толку молодого князя — какъ это бывало издавна и всегда—его совершенная неспособность уразумѣть, за что отца зовутъ филозофомъ и въ чемъ собственно заключается наука филозофія.

Помолчавъ довольно долго, князь Аникита снова заговорилъ мягче и полюбопытствовалъ узнать, кто передавалъ сыну о намѣреніи Орлова.

— Многіе, батюшка! Человѣка три-четыре, которые слышали оное на вечерѣ, такъ что я собственно самъ вѣрю, что все это—не выдумка. Полагательно, что не нынѣ, завтра графъ можетъ явиться къ вамъ. Я и счелъ сыновнимъ долгомъ предупредить васъ... Если же, батюшка, паче чаянія, спросить у меня кто объ этомъ, что приказать изволите отвѣтствовать?

— Что жъ у тебя спросять?

— Не могу знать, батюшка. Могутъ что-нибудь насчетъ графа и васъ спросить. Что жъ я отвѣчу?

— Ничего.

— Какъ же, то-ись?

— Да что ты, огалтѣль, что ли? Русскія слова пересталъ понимать? Тебѣ будутъ говорить, а ты ничего не отвѣчай, или говори: „не знаю“. Или сказывай: „не мое дѣло“. Да и что могутъ у тебя спросить?

— Васъ, батюшка, опасаются многіе. Можетъ быть, тому же графу Орлову доложить что-нибудь особое. Онъ и не захочетъ приѣхать.

— И хорошее дѣло! выговорилъ странно князь.—Что ты полагаешь, подарилъ ты меня, что ли, твоею новостью? Не поѣдетъ ко мнѣ—наплевать, а приѣдетъ—увиду, что и какъ... Какой еще на меня въ тѣ поры, сынокъ, стихъ найдетъ? Вотъ что!.. Хорошій стихъ—приму, не хорошій—такъ турну, что дверей не найдетъ!.. Въ трубу полѣзеть!

Князь Егоръ повѣрилъ угрозѣ отца и испугался заранѣе.

— Ужъ лучше графу и въ самомъ дѣлѣ сюда не ѣздить, подумалъ онъ. Пожалуй, еще бѣда выйdetъ. Подъ судъ оба попадемъ... На батюшку стихъ найдетъ неблагопріятный, а я-то какъ куръ во щи угожу безо всякой провинности, а только по сыновней прикосновенности...

Отпустивъ сына, князь-филозофъ поднялся съ кресла и

началь бродить по комнатѣ, видимо волнуясь. Наконецъ, ему вдругъ стало тѣсно и душно. Онъ вышелъ и двинулся по всему дому, что дѣлалъ рѣдко. Но и во всемъ домѣ на этотъ разъ было какъ-то особенно душно... Князь одѣлся плотнѣе, ради сырой погоды, и вышелъ въ садъ—въ первый разъ по прїѣздѣ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ не выходилъ у него изъ головы.

— Я-то лицомъ въ грязь не ударю... думалось ему въ сотый разъ.—А вотъ дочь... Въ дѣвицу не влѣзешь, за нее не заговоришь. Моги вотъ я влѣзть въ ея кожу на нѣсколько дней, такъ ужь не упустилъ бы эдакаго жениха.

XIX.

Наконецъ, однажды предъ полуднемъ въ домѣ на Бутыркахъ приключился нѣкоторый переполохъ среди дворни. У подъѣзда появился верхомъ офицеръ, заявилъ себя посланцемъ отъ графа Орлова и приказалъ доложить о себѣ князю.

Хозяинъ тотчасъ же холодно и важно принялъ офицера, маленькаго и тщедушнаго гренадера, но не посадилъ, а выслушалъ его рѣчь, стоя въ залѣ у окна.

Офицерикъ даже нѣсколько смутился этимъ приѣмомъ князя, ибо самъ былъ изъ хорошей дворянской семьи. Однако, онъ вѣжливо и скромно объяснилъ слѣдующее свое порученіе:

Графъ Алексѣй Григорьевичъ прислалъ его къ князю заявить о своемъ крайнемъ желаніи познакомиться и для этого нарочито прїѣхать въ Бутырки. Въ виду, все-таки, дальняго разстоянія, графъ желалъ бы прїѣхать на цѣлый день, откушать у князя, а затѣмъ и вечеръ остаться. При этомъ онъ желалъ бы видѣть собственно одного князя и съ нимъ провести день въ бесѣдѣ по душѣ, а поэтому просилъ бы никого гостей не звать.

За столомъ, конечно, пускай будутъ родственники князя, дабы и съ ними могъ познакомиться графъ. Но днемъ желательно было бы остаться наединѣ ради прїятнаго и полезнаго собесѣдованія... Къ вечеру же, если князь-хозяинъ того пожелаетъ, то пускай созоветъ гостей хоть всю Москву, хоть цѣлый балъ сдѣлаетъ. Вечеромъ графъ очень будетъ радъ и побѣгать и поплясать.

Все это офицеръ передалъ князю очень почтительно, тонко и ловко, въ лестномъ видѣ для философа. Въ итогъ вышло то, что князь любезно попросилъ офицера присѣсть, отдохнуть и даже пригласилъ закусить и выпить. Молодой человекъ отказался, спѣша въ городъ съ отвѣтомъ.

Философъ далъ отвѣтъ, что все будетъ исполнено буквально по желанію графа. Съ полудня онъ будетъ ожидать дорогого посѣтителя одинъ, а къ столу позоветъ сына, дочь и сестру. Вечеромъ же будетъ въ Бутыркахъ настоящій балъ и вся Москва. Князь попросилъ только три дня сроку для приготовленій и назначилъ для пріема слѣдующее воскресенье.

Офицеръ сталъ откланиваться и вдругъ замаялся нѣсколько, какъ бы имѣя сказать еще нѣчто, но не рѣшаясь...

— Извольте видѣть, князь... заговорилъ онъ.—Я долженъ прибавить одно слово, уже лично отъ себя, такъ сказать... Не взъщите и не гнѣвайтесь... Я ради графа и ради васъ... Ради добрыхъ отношеній, каковыя могутъ завязаться между вами. Позвольте говорить откровенно...

— Сдѣлайте милость! удивился князь.

— Вы бы не пожелали, конечно, сдѣлать какую-либо непріятность графу. Пожелали бы исполнить не хитрую и не мудреную для исполненія причуду графа?

— Конечно. Блюда какія особыя...

— Нѣтъ-съ... Совсѣмъ иное... Извольте видѣть: графъ не любитъ шибко, когда его именуютъ въ бесѣдѣ сіятельствомъ и графомъ. Ему надо просто сказывать: Алексѣй Григорьевичъ... Если кто его назоветъ когда иначе, онъ сейчасъ добрый духъ и веселіе теряетъ. Вѣстимо, дѣло идетъ о тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ считаетъ себѣ равней... Поэтому, если вы не желаете омрачать вашей бесѣды съ графомъ, то постарайтесь ни разу не назвать его по титулу.

— Это совсѣмъ не мудро, отозвался князь.—И я сердечно благодарю васъ за предупрежденіе. Отъ души благодаренъ! съ чувствомъ прибавилъ князь, провожая офицера черезъ залу до дверей прихожей.

Оставшись одинъ, философъ просіялъ.

Половина того, о чемъ мечталъ онъ за послѣдніе дни, — сбылась. Оставалась другая половина—мудренѣйшая, конечно. Изъ того, что графъ пожелалъ съ нимъ познакомиться, еще могло ничего ровно не выйти. Провести одинъ день вмѣ-

стѣ—ничего не значить. Можетъ быть, это будетъ первый, но и послѣдній день. Они могутъ оба крайне не понравиться другъ другу. Поважничай графъ хоть немного, покичись своимъ положеніемъ, и князь спуску не дастъ.

„Придворный не выше столбового“, было его любимую поговоркой.

Прежде всего, князь озаботился вызвать къ себѣ тотчасъ же изъ Москвы сестрицу-генеральшу и, не скрывая своего веселаго расположенія духа, ласково встрѣтилъ ее.

— Ну, сестрица, выручай. Въ кои-то вѣки пришлось и мнѣ вотъ въ ножки тебѣ поклониться.

— Что угодно? отвѣтила Егузинская, притворно изображая удивленіе, такъ какъ она уже знала чрезъ людей, кто въ бутырскомъ домѣ былъ въ это утро.

Князь разсказалъ о появленіи посланца графа и Егузинская ахнула, снова притворяясь. Но когда князь передалъ при какихъ условіяхъ желаетъ быть у него Орловъ — Егузинская ахнула уже непритворно, ибо была дѣйствительно удивлена.

— Цѣльный день пробудеть!?! воскликнула она. Съ полдня до полуночи?

— Да-съ, такое его желаніе, улыбнулся князь.— Бесѣдовать—его желаніе. Со мной бесѣдовать...

— О важной матеріи, конечно... Стало быть, онъ уже видѣлъ гдѣ Юлочку? сорвалось у Егузинской.

— Э-эхъ, сестрица. Сейчасъ и брѣхъ. Что же онъ, по вашему, свататься, что ли, будетъ за дѣвицу, которой не знаетъ. Говорятъ вамъ, что онъ бесѣдовать хочетъ. Со мной, а не съ Юлочкой. Ее ему видѣть не любопытно.

И князь, передавъ подробно при какой обстановкѣ желаетъ быть графъ, отчасти опечалилъ сестрицу, такъ какъ дамы должны были присутствовать только за столомъ.

Просьба князя къ сестрѣ была серьезная.

Философъ, давно уже порвавшій связь съ обществомъ, теперь, по пріѣздѣ въ Москву, тоже не сдѣлалъ никому визитовъ. А между тѣмъ надо для графа устроить вечеръ, надо позвать, какъ говорится, всю Москву.

Все на это есть... И домъ обширный, не роскошно, но хорошо отдѣланный, съ большою бальной залой, и серебра столоваго, всякихъ чашъ и блюдовъ, хранится не мало въ кладовыхъ. Есть чѣмъ блеснуть всячески богатому дворянину,

прожившему свой вѣкъ „по одежкѣ“, сберегшему все отцово и нажившему еще свое.

А главнаго-то и нѣтъ. Гостей не откуда взять. И добро бы проходимецъ какой пирь задать собрался и ощутил недочетъ въ знакомыхъ. А то, старинный дворянинъ и князь попалъ теперь въ просакъ изъ-за своего нелюдимства и долголѣтняго сидѣнья на Калужкѣ.

— Выручай, сестрица. Ъзди, проси всѣхъ. Егора тоже пошло прощенья просить у всѣхъ и звать. А самъ, вѣстимо, поѣду только къ самымъ важнымъ. Ко всѣмъ не успѣешь.

— Не смущайтесь, братецъ. Всѣ въ Москвѣ васъ знаютъ, на васъ не гнѣваются, сказываютъ, что у васъ нравъ такой человѣконенавистный! смѣло отвѣчала Егузинская, чувствуя, что вступаетъ въ роль покровительницы и спасительницы философа.— Будьте спокойны, будутъ у васъ всѣ на балѣ. Всякъ захочетъ поглядѣть, какъ вы будете чествовать графа. Не забудьте только потѣшныя огни. Нынче безъ этого нельзя.

— Отъ заставы до дому—тыщу бочекъ смоляныхъ разставимъ. Довольно? весело воскликнулъ князь.— Коли будетъ вѣтрено на городъ, то всѣхъ обывателей задушимъ. Вся Москва задохнется отъ чада и копоти.

Братецъ съ сестрицей весело разстались. Егузинская полетѣла въ Москву съ приглашеніями, а князь началъ отдавать приказанія.

Бутырскій домъ вдругъ ожилъ. Онъ даже не только ожилъ, а будто встрепенулся, вздохнулъ свободнѣе и задвигался. Все въ немъ сразу забѣгало и засуетилось. Гонцы верхомъ и пѣшкомъ стали летать въ городъ и обратно. Мастеровые, лавочники, подрядчики и всевозможный народъ сталъ появляться на дворѣ и въ домѣ. Даже какой-то хромой солдатъ артиллеристъ, служивый еще Анненскихъ временъ, явился по своему дѣлу и усиленно просилъ видѣть князя. Солдатъ предложилъ сдѣлать изъ пороха огненнаго пѣтуха, который будетъ прыгать по землѣ и даже „кукуреку“ прокричить. Разумѣется, и пѣтухъ былъ заказанъ. И самый большой—въ сажень. Для прыганья его было назначено мѣсто въ саду, въ большой средней аллеѣ, прямо предъ окнами гостиной.

Черезъ день вся Москва уже знала и говорила, что князь философъ отправилъ свою философію къ черту и собрался веселиться и веселить.

— Видно, супротивъ Орловыхъ ничто не устоитъ. Старый

Филинь съ Калужки, и тотъ стрижемъ завертѣлся и соловьемъ заплѣлъ.

И москвичи тоже повеселѣли. Коли будетъ балъ у Тепенева князя, то ужъ ахтителный.

Было, однако, одно существо въ бутырскомъ домѣ, которое не только не радовалось и не суетилось, а, напротивъ, горевало.

Княжна Юлія ходила слегка блѣдная, иногда украдкой утирала слезы. Утѣшать ее было некому, ибо всѣ кругомъ сбились съ ногъ. Отецъ ничего не замѣчалъ, а теткѣ было некогда.

Егузинская не разъ пріѣзжала изъ города и уѣзжала тотчасъ же. Повидавшись и переговоривши съ княземъ, она спѣшила въ Москву, ради общихъ хлопотъ. Что касается князя Егора—онъ совсѣмъ смотался, помогая отцу сдѣлать пиръ на весь міръ.

А княжнѣ Юліи было о чемъ грустить и плакать. Во-первыхъ, возлюбленный ея снова въ Москвѣ, но ей не кланяется и никакихъ вѣстей о себѣ не подаетъ.

Во-вторыхъ, нѣчто страшное виситъ надъ головой дѣвицы, роковое, ужасное, сердце щемящее...

Ну, вдругъ, на грѣхъ и на горе, да приглянется она графу Орлову!

— Что тогда дѣлать?! плакала мысленно Юлочка. Она, любящая своего Алешу Галкина, да иди за Орлова. Что ей графство—ей, княжнѣ, что его состояніе ей—богатой невѣстѣ?

XX.

Въ воскресенье князь филозофъ всталъ рано: ему не спалось. Едва онъ одѣлся, какъ пошелъ бродить по дому, гдѣ всюду шли всякія приготовленія къ балу. Но князь Аникита ничего не видѣлъ и будто не сознавалъ, гдѣ онъ, что дѣлаетъ и что происходитъ кругомъ него. Онъ былъ весь поглощенъ одною мыслью—ожиданіемъ появленія именитаго гостя.

— Чѣмъ все это кончится? Ничѣмъ! Или чѣмъ-нибудь? Или всѣмъ!

Ничѣмъ—значило: одной бесѣдой. Чѣмъ-нибудь—значило: сватовствомъ и свадьбой Юлочки. Всѣмъ—значило много... „Все“—это было осуществленіе всѣхъ его честолюбивыхъ мечтаній и замысловъ еще временъ... Бироновскихъ.

Почетъ, власть, сила!

И философъ совсѣмъ растерялся отъ волненія, ходилъ какъ угорѣлый, глядѣлъ какъ шалый. На доклады и вопросы людей онъ странно хлопалъ глазами и будто рычалъ. Изрѣдка онъ шепталъ, а раза два произнесъ громко и тревожно:

— Ахъ ты, Господи! Вотъ...

Наконецъ, около полудня, роковая минута наступила. На дворѣ застучалъ экипажъ. Щегольская карета, какихъ дотогѣ еще не видала Москва, остановилась у подъѣзда.

Князь, застигнутый въ залѣ близъ прихожей, не пошелъ своею обычною походкой, а бросился бѣжать рысью... Но не на встрѣчу, а въ самую послѣднюю горницу дома.

— Пушай холопы ищутъ для доклада!.. А онъ подожди! мелькнуло въ его головѣ.

Черезъ минуты три вся стая лакеевъ, ринувшаяся до дому искать барина, разумѣется, все-таки нашла его тамъ, гдѣ онъ почти запрятался.

— Его сиятельство, графъ! Его сиятельство, графъ! доложилъ лакей, и еще раза три повторилъ то же самое на всѣ лады, очевидно отъ волненія и перепуга.

— Слышу! Чего заладилъ! Сорока! какимъ-то страннымъ голосомъ отвѣчалъ князь и тихою походкой двинулся къ залѣ, изъ которой только-что прибѣжалъ...

Но въ слѣдующей же горницѣ, диванной, навстрѣчу ему кинулся Финогенъ Павлычъ и запыхавшись доложилъ:

— Графъ Алексѣй Григорьевичъ съ господиномъ Галкинымъ.

— Что?! воскликнулъ князь. И окаменѣвъ на мѣстѣ какъ истуканъ, онъ выгаращилъ глаза на старика.

Финогенъ Павлычъ повторилъ то же самое, слегка смутясь отъ голоса и лица князя.

— Галкинъ. Офицеръ Галкинъ съ нимъ? Почему?

— Не могу знать-съ, отвѣтилъ старикъ.

— Я ихъ призналъ вѣрно. А почему они съ графомъ, не знаю-съ.

Но князь уже овладѣлъ собою, насунился и выговорилъ глухо:

— Вѣстимо, дуракъ, не знаешь. Не тебя и спрашиваютъ!...

И князь снова спросилъ то же самое, но уже мысленно и какъ бы себя самого...

— Почему? Зачѣмъ Галкинъ? Что это значитъ? Это на-

хальство. Онъ не можетъ не знать, что я эту галку въ домъ пускать не желалъ. Это насильство.

— При графъ въ адъютантахъ состоятъ должно, робко вымолвилъ Финогенъ Павлычъ.

— Умница, Финогенъ, быстро выговорилъ князь. — Такъ! Такъ! Мнѣ на умъ не пришло. Умница!

И князь уже скорѣе двинулся къ прихожей, ибо времени прошло довольно много. Хозяинъ уже становился невѣжливъ по отношенію къ гостю за такое промедленіе.

„Сестрица не говорила, что онъ его адъютантъ, думалъ, однако, князь, подвигаясь быстрѣе. Такъ съ собою прихватилъ? Безъ умысла! или съ умысломъ? По службѣ онъ съ нимъ? или по знакомству? Если же прихватилъ мнѣ въ противность, то я... Да, я вамъ обоимъ покажу какъ со мной насильствовать. Я вамъ сейчасъ покажу. Особенно тебѣ, галка... Увидишь.

Князь вошелъ въ залу и прибавилъ еще шагу, любезно и даже нѣсколько заискивающе улыбаясь. Предъ нимъ были два офицера, два богатыря въ совершенно одинакихъ мундирахъ, оба красивые, молодые.

Едва только князь появился въ залѣ, какъ одинъ изъ нихъ двинулся впередъ, привѣтливо улыбаясь протянулъ руку и выговорилъ звучнымъ голосомъ:

— Давно, князь, желалъ я имѣть честь познакомиться съ вами, много наслышавшись объ васъ.

Князь чуть было не произнесъ: „Ваше сіятельство, я счастливъ“, но вспомнивъ наказъ офицера-посланца, проговорилъ почтительно:

— Я счастливъ, Алексѣй Григорьевичъ, что принимаю васъ у себя. Для меня великая честь посѣщеніе ваше. Простите, что, въ качествѣ нелюдима и бирюка, каковъ я есть, первый не явился засвидѣтельствовать вамъ все мое давнишнее къ вамъ, особенное и сердечное...

Но въ это мгновеніе второй богатырь вдругъ придвинулся къ князю и перебилъ его еще наканунѣ заготовленную рѣчь:

— Позвольте мнѣ, князь, представиться, почтительно заговорилъ онъ.—Я желалъ давно...

Князь сразу окрысился, косо глянулъ на говорящаго и сухо произнесъ:

— Будьте гостемъ, если пріѣхали.

И затѣмъ, не подавъ руки офицеру, хозяинъ обернулся къ первому богатырю и прибавилъ мягкимъ голосомъ:

— Пожалуйте ко мнѣ въ кабинетъ.

Но увидя, что оба богатыря двинулись вмѣстѣ, онъ взбѣ-
сился совсѣмъ.

— Вы, господинъ офицеръ, можете здѣсь на свободѣ...
отдохнуть отъ служебнаго долга. Или прогуляйтесь по саду...
холодно произнесъ онъ.

— Если позволите. Я ужъ лучше здѣсь. Посижу здѣсь,
смущаясь, отозвался этотъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно! сухо рѣзнулъ князь и подумалъ:— „Что, братъ? Отшибли крылышки“.

Хозяинъ и первый богатырь двинулись къ кабинету, а второй остался въ залѣ.

— Вы меня извините, Алексѣй Григорьевичъ. Вы желали
сами побыть наединѣ... У меня къ тому же есть свои при-
чины относиться нелюбезно къ вашему адъютанту.

— Я васъ не понимаю, князь.

— Это мои домашнія дѣлишки.

— Я не понимаю про какого адъютанта... Впрочемъ, вы
хозяинъ и вольны поступать какъ вамъ вздумается. Къ тому
же, вы извѣстный всей Москвѣ—философъ.

— Да-съ. И горжусь этимъ прозвищемъ.

Князь провелъ гостя къ себѣ, усадилъ и сіяя усѣлся про-
тивъ него. Его мгновенный гнѣвъ прошелъ. Онъ будто за-
былъ или не сознавалъ, что если Галкинъ нахально очутился
въ его домѣ, то благодаря именно графу, а не по собствен-
ному побужденію.

Глядя въ лицо своего гостя, князь долженъ былъ сразу
сознаться, что всѣ слухи и толки объ Алексѣѣ Орловѣ, объ
его красотѣ и его дарѣ нравиться всякому съ перваго же
мгновенья—совершенно справедливы.

„Молодецъ! Истинно молодецъ!“ думалъ князь, глядя на
него.

Присмотрѣвшись пристальнѣе, князь прибавилъ мысленно.

„Какъ же сказывали всѣ, что у Орловыхъ и въ лицѣ тоже,
что-то орлиное... Ничего у него орлинаго нѣтъ. Чуть не
курносъ. А все же славное лицо“.

Князь сталъ тотчасъ разспрашивать именитаго гостя о томъ,
скоро ли надо ожидать государыню въ Москву и какія бу-
дутъ празднества.

— Право не знаю, отозвался этотъ. — Сказываютъ, что
скоро будетъ царица. А ужъ праздниковъ, вѣстимо, куча
будетъ.

— Ужь, конечно, самое дивное торжество для монархини у вашего брата будетъ? сказалъ князь.

— Не понимаю васъ, князь. Что вы желаете этимъ сказать, быстро проговорилъ гость и поспѣшно добавилъ:— Полагательно, что скорѣе вы могли бы устроить самый дивный праздникъ для государыни.

— Я бы радъ радехонекъ, Алексѣй Григорьевичъ, воскликнулъ князь. — Но я у царицы на особомъ счету. На худомъ!

— Какъ на худомъ?

— Да. За всю жизнь мою отзывается мнѣ невольная ошибка, содѣянная въ молодости. Четвертый десятокъ лѣтъ отргается. За все царствованіе покойной Елизаветы Петровны худо было, да и теперь во дни Екатерины—все попрержнему...

— Поясните, князь. Я не понимаю, про что вы сказываете? удивился и повель плечами богатырь.

XXI.

Князь Телепневъ оживился сразу и заговорилъ горячо. Сколько разъ въ жизни мечталъ онъ когда-нибудь имѣть случай, рассказать кому-либо изъ сильныхъ людей— всю задачу своей жизни и обиду на служебномъ поприщѣ изъ-за роковой встрѣчи съ Бирономъ.

И вотъ этотъ случай, наконецъ, теперь представился.

Князь сталъ подробно и съ увлеченіемъ рассказывать, какъ пріѣхалъ когда-то юношей въ Петербургъ, какъ влюбился онъ въ молодую дѣвушку, которой покровительствовалъ кровопійца-герцогъ, и какъ женился на ней. А изъ-за этого вся жизнь пошла прахомъ. И до сихъ поръ отзывается.

Въ своемъ повѣствованіи, князь Аникита покривилъ душой. Онъ, конечно, не сказалъ, что своею женитьбой на нѣмкѣ желалъ выйти въ люди, а попалъ въ просакъ. Напротивъ, изъ его словъ выходило, что онъ, въ силу любви къ молодой дѣвушкѣ, пожертвовалъ карьерой. Онъ, якобы, хорошо предвидѣлъ будущее паденіе Бирона и нѣмецкой партіи, и затѣмъ воцареніе „дщери Петровой“, но любовь все превозмогла... И какъ ожидалъ онъ, такъ и потерялъ все... И вся жизнь повернулась иначе...

Гость слушалъ съ большимъ вниманіемъ рассказъ князя и соболѣзновалъ.

Князь, окончивъ свое подробное повѣствованіе, ожидалъ услышать что-либо себѣ въ утѣшеніе, хотя бы намекъ, что не все пропало безвозвратно, что его положеніе поправимо, что если бы царица узнала все, то быть можетъ...

Но гость ничего не промолвилъ въ утѣшеніе хозяина, а добавокъ разсердилъ его. Пришлось даже скрыть въ себѣ ту досаду, которая сказалась вдругъ въ князѣ отъ замѣчанія гостя.

Собесѣдникъ замѣтилъ, что такому филозофу и нелюдиму, какъ князь, и не нужно было бы все то, что онъ внезапно потерялъ отъ дружества съ Бирономъ.

„Хорошо тебѣ разсуждать! мысленно воскликнулъ князь и озлобился. Влѣзь бы ты въ мою душу, да поглядѣль, охотой ли я пошелъ въ нелюдимы“.

И онъ тотчасъ прибавилъ вслухъ:

— Такъ-то такъ, Алексѣй Григорьевичъ. Да инъ, бываетъ, филозофія приходитъ къ человѣку не званая... Вотъ къ примѣру сказать,—не всѣ иноки въ монастыряхъ отъ міра спасаются, иныхъ загнала въ пустынножителство обида на людей...

— Бываетъ, со страннымъ вздохомъ отозвался богатырь.— Одна неудача, другая, третья... И пойдешь въ келью Богу молиться...

Наступило молчаніе. Князь былъ совершенно недоволенъ итогомъ своей бесѣды съ именитымъ гостемъ. Онъ будто ждалъ чего-то отъ своей искренней исповѣди и разочаровался.

Онъ снова повелъ бесѣду о Петербургѣ и о дворѣ, но гость на всѣ вопросы хозяина о царицѣ и о придворной жизни отвѣчалъ уклончиво, иногда отзывался полнымъ невѣдѣніемъ.

— Мнѣ это все, князь, мало любопытно, отвѣчалъ онъ.— Въ качествѣ петербургскаго жителя, все эдакое видишь и знаешь, но собственно желанія все это вѣдать нѣту во мнѣ...

Истощивъ предметы бесѣды, князь заговорилъ умышленно о лошадяхъ. Собесѣдникъ, оживился и спросилъ— правда ли, что у князя есть шестерикъ коней, какихъ нѣтъ ни у кого въ Имперіи?

— Серебряный? Есть, улыбнулся князь самодовольно.— Если не сочтете, Алексѣй Григорьевичъ, для себя безпокойствомъ, то могу сейчасъ же вамъ его представить.

— Сдѣлайте милость! быстро поднялся съ мѣста богатырь.— Сейчасъ готовъ итти на конный дворъ.

— Такъ пожалуйста.

Черезъ минуту хозяйинъ и гость были уже снова въ залѣ. Князь, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился, и плохо скрытая досада появилась на его лицѣ. Онъ снова увидѣлъ на стулѣ, около окна, плечистую фигуру офицера, о которомъ совсѣмъ было и думать пересталъ.

Но, конечно, не одно присутствіе этого незваного посѣтителя разсердило князя, а уже совершенно иное и неожиданное обстоятельство. Съ этою „непрощенною галкой“, какъ мысленно выразился князь, сидѣлъ его сынъ Егоръ, появившійся въ домѣ ранѣе условленнаго времени.

Но и того мало!.. И то цвѣточки! А ягоды въ томъ, что „дурень Егорка“, сидя около офицера, безцеремонно развалившись, собственно не сидѣлъ, а какъ-то подобострастно торчалъ на кончикѣ своего стула. Онъ, повидимому, не только любезничалъ, „съ галкой“, а унижался, „чортъ знаетъ съ какого дьявола“!

Едва только незванный гость увидѣлъ вышедшихъ изъ кабинета, какъ тотчасъ же поднялся съ мѣста и принялъ вѣжливый и скромный видъ. Пропуская мимо себя философа-князя, „галка“ даже глаза опустила, встрѣтивъ непріязненно-холодный взглядъ хозяина.

„Нахаль эдакій“, подумалось князю. И затѣмъ, обернувшись къ своему спутнику, онъ вымолвилъ показывая на сына:

— Алексѣй Григорьевичъ, позвольте имѣть честь представить вамъ сына моего...

— Мы, князь, уже знакомы... проговорилъ гость.—Мы не разъ встрѣчались, хотя не упомяну гдѣ...

Онъ поздоровался съ княземъ Егоромъ и быстро двинулся далѣе...

Князь удивился вдвойнѣ, ибо, оглядѣвъ внимательно сына, замѣтилъ въ немъ что-то особенное. Спросить было нельзя—надо было слѣдовать за гостемъ.

„Какой бѣсъ въ тебя влѣзъ!“ подумалъ Телепневъ.

Князь Егоръ показался отцу смущеннымъ, будто оробѣвшимъ, даже имѣлъ видъ совершенно потеряннаго человѣка.

Когда князь, сопровождая гостя, уже выходилъ на крыльцо, за спиной его раздавался сдавленный и робкій шепотъ сына, догнавшаго ихъ.

— Батюшка... Простите.

— Чего ты, обернулся князь, отставая отъ гостя.

— Я... Простите... Я за васъ опасаюсь... Человѣкъ сильный.

— Что ты? Бѣлены объѣлся?... сильнымъ шепотомъ, отозвался философъ, сразу вспыхнувъ и грознымъ взглядомъ мѣря сына съ головы до пятъ.—Рехнулся, что ль? Тебѣ, дураку, самый ледащій питерскій франтъ въ страхъ и въ диковинку.

— Стерпитъ, батюшка, а потомъ... отплатить!

— Дурафья-кутафья! усмѣхнулся князь сердито и презрительно.

И философъ мотнулъ головой, какъ бы сожалься, каковъ дуракъ сынъ у него уродился.

И князь догналъ гостя, уже спускавшаго съ крыльца на дворъ и поджидавшаго хозяина.

Князь Егоръ еще болѣе смущенный вернулся быстро въ залу къ своему собесѣднику, а философъ поспѣшилъ извиниться предъ своимъ гостемъ за то, что сынъ задержалъ его.

Черезъ минуту весь княжій конный дворъ засуетился. Конюхи и кучера бѣгали и кидались какъ угорѣлые. Наконецъ, началась выводка лошадей, которыми князь могъ дѣйствительно похвастаться. Послѣ всѣхъ „на закуску“, какъ доложилъ хозяинъ, былъ выведенъ извѣстный на всю Москву шестерикъ серебрястыхъ коней.

Гость пришелъ въ восторгъ отъ шестерика. Князь сіялъ довольствомъ.

— Я бы почелъ за великую честь и за счастье, вдругъ вымолвилъ философъ, какъ бы вопросительно и съ волненіемъ въ голосъ, если бы былъ удостоенъ дозволенія поднести этихъ моихъ серебряныхъ—Государынѣ Монархинѣ.

— Полагаю, что такое право имѣетъ всякій подданный, уклончиво отозвался гость, и тотчасъ же перевелъ разговоръ на трудность подбирать коней, когда масть рѣдкая и диковинная.

— А-а, вотъ, что! подумалъ сердито князь. — Понятно! Знакомиться хочешь, а чтобы я въ тебѣ руку имѣлъ — не хочешь. Всѣ вы—таковы!...

XXII.

Философъ-хозяинъ и его дорогой гость перешли въ садъ и усѣлись на лавочкѣ въ средней аллеѣ. Бесѣда ихъ была особая, важная, даже, казалось, огромнаго значенія для обоихъ,

еслибы кто сталъ судить по ихъ лицамъ и глазамъ. И ка-кимъ образомъ возникла подобная бесѣда? Съ чего пошла?— Богъ вѣсть! Судьба!

Богатырь офицеръ говорилъ, что не прочь бы жениться, такъ какъ холостая одинокая жизнь ему надоѣла, да на бѣду онъ полюбилъ дѣвушку Москвичку, родные которой не желаютъ принять его въ свою семью.

Князь говорилъ, что удивляется, какъ могли найтись тако-вые люди, такъ какъ, по его увѣренію, онъ рѣдко встрѣчалъ болѣе душевнаго человѣка, къ которому поневолѣ „сердце ложится“. Сдается, что такой именно человѣкъ долженъ всѣмъ понравиться такъ же быстро, какъ вдругъ „пришелся по душѣ“ ему, Телешеву.

— Вашими устами, да медь бы пить, князь, грустно и тревожно отозвался богатырь на горячую рѣчь хозяина.— Но позвольте усомниться.

— Какъ усумниться! Въ чемъ?!

— Такъ сказывать изволите... Ради любезнаго гостепріимства и общежительскихъ правилъ... Я не могу смѣть думать, что въ такой короткій срокъ я могъ вамъ настолько понравиться.

Князь еще горячѣе началъ доказывать гостю, что онъ, философъ, людей знаетъ и видитъ сразу насквозь. На что иному годъ нужно, ему, князю, часу довольно.

— Ваша прекрасная душа, Алексѣй Григорьевичъ, вся на ладони, съ чувствомъ заговорилъ онъ. Я правомъ и рѣчью прямъ! Въ жизни своей никогда не кривилъ душой... Кто бы ни былъ мой знакомый, большой ли, малый ли человѣкъ— мнѣ все едино. Не даромъ меня философомъ прозвали.

— Положеніе мое особое, исключительное, князь... замѣтилъ гость. Иной желаетъ дочь совѣтъ иначе замужъ выдать. Вѣдь вотъ и вы... Сознаться... Если бы... У васъ вотъ дочь...

И гость зашнулся, очевидно, не рѣшаясь говорить.

— Что собственно... упавшимъ голосомъ выговорилъ князь и даже какъ-то повернулся.

— Къ примѣру... если бъ я вдругъ... робко продолжалъ тотъ и звукъ его голоса не шелъ къ его богатырской фигурѣ.— Если бы я полюбилъ княжну и посватался... Вы бы, можетъ быть, тоже не пожелали меня въ зятя.

— Богъ съ вами, Алексѣй Григорьевичъ, разсмѣялся князь

и чуть не испугался собственного смѣха. Настолько этотъ смѣхъ былъ страненъ: хриплый, визгливый, неестественный.

„Точно скрипъ какой! Или рѣжутъ кого по горлу!“

И въ это мгновеніе все трепетало въ филозофѣ. Все „нутро“ дрожало. И не отъ словъ гостя, а отъ его многозначущаго взволнованнаго голоса.

— Такъ вотъ, ради шутки... къ примѣру... князь, быстро заговорилъ богатырь рвущимся голосомъ, — повстрѣчалъ я княжну Юлію Аникитовну и влюбился въ нее по-зарѣзъ. И вотъ, представьте, что я прямо сватаюсь, прошу ея руки... Представьте и отвѣтствуйте. Ради шутки...

— Отвѣчу... Счастливы... испуганно произнесъ князь.

Наступило мгновенное молчаніе.

— Я филозофъ! оправившись снова заговорилъ князь. — И поэтому многія жизненныя обстоятельства сужу по своему. Мнѣ все равно, высокое или низкое положеніе имѣетъ человѣкъ, если онъ душой высокъ. Точно также скажу и по отношенію къ такимъ важнымъ дѣламъ, какъ бракъ дѣтей моихъ. Вамъ извѣстно, что сынъ мой Егоръ женился такъ, что вся Москва ахнула: Телепневъ, князь, да вдругъ женился на купчихѣ! Сказываютъ, якобы, я прельстился, что у невѣсты миллионъ. Да, вѣдь, это не я женился, а мой сынъ — миллионъ-то его, а не мой сталъ. Также скажу про дочь: кого она полюбитъ, за того и пойдетъ, неволить не стану, и какъ бы женихово положеніе изрядно ни было, мнѣ нѣтъ до него никакого дѣла. Возьмемъ къ примѣру, что вы стали много выше меня по вашему положенію въ обществѣ и при дворѣ.

— Къ примѣру, князь, отозвался богатырь, — но на дѣлѣ этого нѣтъ.

— Ну, какъ же, однако. Я простой московскій обыватель изъ російскихъ дворянъ. Я ни до какихъ почестей не достигъ. А вы уже, въ ваши молодые годы...

— Мало ли что кажется, быстро прервалъ гость. — Наружный видъ обманчивъ. Положеніе мое, князь, право много хуже вашего. Но бросимъ, пожалуйста, эту матерію по боку... Будемъ говорить о томъ, что если бы я признался вамъ въ моемъ неравнодушіи къ княжнѣ, а съ ея стороны не было бы противности, то вы бы, князь, согласились на нашъ бракъ?

— Вѣстимо дѣло! проговорилъ филозофъ и чувствовалъ, что снова все „нутро“ дрожитъ въ немъ. Онъ готовъ былъ

ощупать себя, чтобы вполне увѣриться: спать онъ, бредить или дѣйствительно сидитъ на лавкѣ, въ саду, а передъ нимъ графъ Орловъ почти что сватается за его дочь. Гость, между тѣмъ, что-то говорилъ скромно, мягко, стараясь быть какъ бы ужъ чересчуръ вѣжливымъ. Но князь отъ волненія не слышалъ ни слова.

Наконецъ, онъ разслышалъ и понялъ, что гость выразилъ желаніе увидѣть княжну. Князь будто очнулся, вскочилъ съ мѣста и предложилъ тотчасъ же идти въ домъ.

Когда они вошли въ залу, она оказалась пустою: ни сына, ни „галки“ не было. Вѣроятно, они тоже отправились прогуляться по саду до обѣда. Князь провелъ гостя снова въ свой кабинетъ и послалъ челоуѣка просить пожаловать къ себѣ княжну.

Черезъ нѣсколько минутъ въ горницу явилась Юлочка, встревоженная и слегка блѣдная. Но войдя и увидя богатыря-гостя, она покраснѣлась. Онъ поклонился издали. Она сдѣлала „реверансъ“. Затѣмъ, взглянувъ на отца, она еще больше вспыхнула, и глаза ея запрыгали. Ей вдругъ почулось что-то чрезвычайное... Отецъ былъ радостенъ, доволенъ, счастливъ... Богатырь смущенно заговорилъ съ нею, глядя ей въ глаза, а Юлочка прочла и въ его глазахъ, что положительно совершается нѣчто крайне важное. Но не худо, а скорѣе хорошее, дивное...

— Хитрить стала, лисичка! погрозили князь пальцемъ на дочь, когда всѣ трое усѣлись.— Ни словомъ мнѣ не обмолвилась ни разу, что уже познакомилась съ Алексѣемъ Григорьевичемъ.

Княжна удивилась, широко раскрыла глаза и хотѣла отвѣчать отцу, но офицеръ не далъ ей сказать ни слова и выговорилъ:

— Встрѣчались сколько разъ съ княжной. Княжна любитъ танцевать. Я также иногда пускаюсь. Вотъ мы вмѣстѣ и плясали раза два-три, а то, можетъ быть, и больше.

И затѣмъ гость перевелъ разговоръ на увеселенія московскія и петербургскія, и бесѣда пошла о постороннихъ предметахъ. Князь, наблюдавшій за дочерью и за гостемъ, совершенно смутился отъ радостнаго чувства, которое всколыхнулось въ немъ. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что гость влюбленъ въ его дочь! Это видно было по его лицу, его глазамъ, его манерѣ разговаривать съ нею. Поразительнымъ

было для князя только одно: когда Юлочка успѣла влюбиться въ красавца-богатыря? А давно ли она собиралась за „галку“?

Общая бесѣда длилась около часу, но ничего особеннаго не было сказано. Результатомъ этой веселой и простой бесѣды было, однако, полное убѣжденіе князя, что дѣло кончено. Пока дочь разговаривала съ гостемъ, онъ изрѣдка задумывался и каждый разъ приходилъ все къ тому же убѣжденію.

„Да, все кончено! Даже навѣрняка! Сегодня же вечеромъ что-нибудь да окажется. Да, „за этимъ“ онъ на цѣлый день и просился въ гости? Было у него заранѣе намѣреніе. Ну, вдругъ, ввечеру, на балѣ и объявимъ помолвку!“

И все нутро князя философа уже не колыхалось, какъ прежде, а загоралось и огнемъ горѣло.

XXIII.

Наступилъ часъ обѣда. Князь съ гостемъ и дочерью вышелъ въ залу, гдѣ ихъ уже ожидали сестра, сынъ съ женой и незваный гость. При взглядѣ на сестру генеральшу князь удивился и потомъ взбѣсился. Сестра тоже сама не своя, точно пораженная чѣмъ-то.

„Неужели же дурафья вообразила, подумалъ князь,—что я ея „галку“ приму, да цѣловаться съ ней начну! Такая же дура, какъ и сынъ“.

Князь поспѣшилъ представить своему гостю сестру и молодую княгиню. Но гость отозвался снова очень быстро, что онъ уже имѣетъ честь быть знакомымъ съ обѣими и тотчасъ же перевелъ разговоръ на другое.

Пока всѣ стояли обмѣниваясь незначущими словами, „галка“ стояла нѣсколько поодоль и вообще держала себя скромно.

Егузинская, отвѣтивъ какимъ-то привѣтствіемъ, тотчасъ же приблизилась къ князю и шепнула ему на ухо:

— Братецъ! Помилосердуйте, что вы творите? Всему на свѣтѣ предѣлъ есть! Ужъ это не философія! Это умалишеніе!

Князь выпучилъ глаза на сестру, слегка измѣнился въ лицѣ и прошепталъ:

— Не будь тутъ гостей, вцѣпилъ бы я тебѣ въ загривокъ, сестрица, да выкинулъ бы твое превосходительство въ окошко. Ну, вотъ пока получи...

Словъ этихъ никто не слыжалъ, но всѣ замѣтили гнѣвное лицо хозяина и его сверкающіе глаза. Егузинская отчасти оробѣла, но тѣмъ не менѣе дернула плечами. Движеніе ея и лицо сказали:

— Что жъ! сумашествуй! Мое дѣло сторона. Я не филозофка. Не кусаюсь...

Всѣ сѣли за столъ. Князь пригласилъ своего собесѣдника, котораго уже очевидно полюбилъ душой, сѣсть по правую отъ себя сторону, а по лѣвую позвалъ сѣсть сестрицу. Егузинская, видимо не рѣшаясь, переминалась на одномъ мѣстѣ и глазами показывала братцу на скромно стоящаго въ ожиданіи офицера.

— Сестрица, садись тутъ! выговорилъ князь такимъ голосомъ, который равнялся военной командѣ.

— А васъ, сударь мой, прибавилъ онъ офицеру, — прошу около сестрицы. А ты, Юлочка, сюда, — показалъ князь направо на стулъ около своего новаго друга. — Вы же, сынокъ и невѣстка, на нынѣшній день послѣдними будете. Утѣшайтесь, что послѣдніе будутъ первыми, пошутилъ князь.

Когда всѣ были за столомъ, наступило неловкое молчаніе. Всѣ переглядывались. За столомъ положительно происходило что-то особенное... или всѣмъ понятное, но умалчиваемое, или всѣмъ равно непонятное. Дорогой гость князя былъ доволенъ и счастливъ, но какъ будто вмѣстѣ съ тѣмъ немножко встревоженъ. Другой богатырь офицеръ былъ только тихъ и скромнень. Онъ казалось весь съежился, будто прося извиненія. Онъ будто понималъ, что явился незванымъ и поступилъ дерзко. Но, вѣдь, онъ же не виноватъ. Его привезли!.. И видя холодность хозяина, онъ всею своею фигурой просилъ прощенія.

Генеральша сидѣла окрысившись, внѣ себя, холодно и важно поглядывая на брата, но за то, обращаясь къ своему сосѣду, вслѣдствіи старалась придать лицу другое выраженіе, до крайности вѣжливое и предупредительное.

Юлочка была на седьмомъ небѣ и едва только сѣла, какъ начала болтать со своимъ сосѣдомъ, сидѣвшимъ на почетномъ мѣстѣ около ея отца.

Князь Егоръ былъ не только какъ въ воду опущенный, но глядѣлъ на всѣхъ широко растарачивъ глаза и какъ-то особенно нелѣпо хлопалъ вѣками. Онъ моргалъ обоими глазами такъ, какъ еслибъ оба засорилъ пылью. Когда случа-

лось ему встрѣтить взглядъ отца, Егоръ моментально опу-
скалъ глаза и виновато смотрѣлъ на салфетку, которая ле-
жала у него на колѣняхъ.

„Какъ вамъ угодно. Я тутъ не при чемъ. Воля ваша“,
говорило его лицо.

Молодая княгиня относилась ко всему происходящему кру-
гомъ нея точно такъ же, какъ и большая серебряная ваза,
стоявшая среди стола съ пятью бутылками вина. Княгиня
была сама не живое существо, а предметъ.

Разговоръ общій не завязывался. Юлочка весело болтала
съ сосѣдомъ о московскихъ вечерахъ, генеральша особенно
почтительно задавала своему сосѣду разные вопросы, стараясь
завести разговоръ. На нѣкоторые онъ отвѣчалъ подробно и
охотно, на другіе, очевидно, не хотѣлъ отвѣчать и, сказавъ
слова два, быстро мѣнялъ предметъ разговора. Когда Егузин-
ская спросила у него о заморскихъ замляхъ, потомъ о Тур-
ціи, то гость положительно замаялъ разговоръ.

Наконецъ, послѣ второго блюда, генеральша обратилась къ
братцу хозяину и выговорила:

— Братецъ! Алексѣй Григорьевичъ, какъ я слышала,
очень любить мадеру. Вы бы предложили угостить... У васъ
есть такая, какой по всей Москвѣ не найдется.

— Точно ли? обрадовался князь, обращаясь къ гостю, си-
дящему направо около дочери. — Вы предпочитаете мадеру
всѣмъ винамъ? У меня дивная!

— Извините, братецъ, я говорю про Алексѣя Григорье-
вича, сухо замѣтила Егузинская.

— Ну! удивился философъ.

Наступила пауза, и за столомъ какъ будто произошло ка-
кое-то легкое волненіе. Даже оба гостя офицера взволнова-
лись, будто ожидая, что сейчасъ среди нихъ упадетъ и раз-
зорвется бомба.

— Кажется происходитъ недоразумѣніе, выговорилъ скромно
сосѣдъ Егузинской. — Мы оба, князь, называемся одинаково.
И я, и онъ, мой пріятель, — могу выразиться, мой другъ —
оба мы Алексѣи и оба Григорьевичи. Генеральша говорила
обо мнѣ, а вы подумали на моего тезку — вотъ и все.

— А а а! протянулъ хозяинъ. — Вы оба!.. Да... Оба?!...

И философъ хозяинъ остался разиня ротъ. Наступила
снова пауза. Но затѣмъ оба гостя офицера, каждый со своей
стороны, постарались завести разговоръ со своими дамами. И

Юлочка и генеральша съ удовольствіемъ помогли своимъ собесѣдникамъ прекратить неловкое молчаніе. Но, однако, изрѣдка всѣ они, и князь Егоръ и даже княгиня „предметъ“, взглядывали пытливо на хозяина.

Филозофъ сидѣлъ недвижно, слегка разиня ротъ, не глядя ни на кого и будто прислушиваясь. И, казалось, что онъ прислушивается не къ тому, что говорятъ вокругъ него, а ирисушивается къ тому, что происходитъ въ немъ, или, наконецъ, къ тому, что онъ самъ про себя думаетъ. Лицо его слегка перемѣнилось, стало темнѣть. Наконецъ, окинувъ весь столъ какимъ-то страннымъ, будто вопрошающимъ, взглядомъ, князь взялся рукой за голову и тихо вымолвилъ:

— Простите! извините! Мнѣ, что-то... Какъ-то... голова что-то... Простите. Я сейчасъ.

Князь быстро поднялся. Юлочка, перепугавшись, вскочила тоже, но князь остановилъ ее жестомъ и выговорилъ глухо:

— Сиди! Всѣ сидите... Я сейчасъ. Неможко въ голову ударило. Я сейчасъ...

И князь быстро и твердою походкой вышелъ вонъ изъ столовой. Пройдя двѣ горницы, онъ хотѣлъ двигаться далѣе, но остановился въ самыхъ дверяхъ и пошелъ назадъ. Дойди снова до дверей, ведущихъ въ столовую, онъ будто вспомнилъ что-то, остановился и опять пошелъ назадъ. Потомъ онъ взялъ вправо, вышелъ къ балконной двери, сѣлъ на первое попавшееся кресло и сталъ глядѣть на стѣну опалѣлыми глазами.

— Не можетъ быть! шепталъ онъ почти бессознательно, самъ не понимая что говорить. — Не можетъ быть! Нѣтъ, такъ!.. Да какъ же это такъ? Что же это такое?.. Графъ Орловъ!.. Да не можетъ быть!

— Фу! Господи помилуй! выговорилъ, наконецъ, князь вслухъ и взялъ себя за голову обѣими руками.

И онъ сталъ тяжело съ трудомъ отдуваться, какъ человѣкъ, который плыветъ и начинаетъ терять силы. Князю даже такъ и представилось, что онъ плыветъ черезъ рѣку и тонетъ. Какъ тонетъ?! Да онъ ужъ потонулъ! Да неужто нельзя вынырнуть? Вынырнуть можно... Положительно можно вынырнуть. И до берега можно доплыть. И назадъ можно вернуться. Да только одно—людей стыдно.

— Стыдно! Стыдно! Стыдно!

И вдругъ князь замѣтилъ, что онъ повторяетъ это слово вслухъ, да еще громкимъ и отчаяннымъ голосомъ.

Въ столовой между тѣмъ шель тихій разговоръ. Всѣ были смущены. Два офицера постоянно переглядывались, но смотрѣли разнo. Одинъ былъ крайне смущенъ и встревоженъ, другой весело улыбался. Вскорѣ по уходѣ князя изъ столовой, генеральша обратилась къ своему сосѣду и вымолвила:

— Простите братца, Алексѣй Григорьевичъ. Вы знаете, не даромъ его прозвище философъ. Но признаюсь вамъ, я совершенно не могла ожидать, что братецъ можетъ... Извините, какъ бы мнѣ выразиться... Поведеніе нынѣшнее братца совершенно неблагоприлично.

— Почему? Помилуйте! удивился гость.

— Поведеніе его по отношенію къ вамъ совсѣмъ неблагоприличное. Нельзя эдакіе поступки объяснять философіей.

— Я васъ не понимаю. Какіе поступки? Полноте.

И офицеръ тотчасъ же прибавилъ:

— А что, у князя бываютъ боли какія головныя? Вообще хвораетъ онъ?

Егузинская объяснила, что братъ очень полнокровень, что у него бываютъ приливы крови къ головѣ и вѣроятно таковою случился сейчасъ; что положеніе его вообще серьезно. Надо бы больше обращать вниманія на свое здоровье.

Понемногу разговоръ оживился, но однако всѣ изрѣдка поглядывали на дверь, за которою скрылся хозяинъ.

Наконецъ, дверь эта отворилась, лицо вернушагося князя все еще было нѣсколько иное, измѣнившееся, болѣе красное, но, повидимому, онъ былъ совершенно спокоенъ и очень хорошо себя чувствовалъ.

Занявъ свое мѣсто, князь сразу удивилъ всѣхъ своею болтливостью и игривымъ расположеніемъ духа. Онъ заболталъ и долго болталъ безъ умолку, обращаясь направо и налево ко всѣмъ безъ разбору и почти не давая никому вставить ни одного слова. Говорилъ князь о себѣ... Говорилъ, что за всю его жизнь считали его чудакомъ, а что никакого чудачества собственно въ немъ не было и нѣту. Живетъ онъ просто, „по Божьему“. И вотъ за эту простоту въ своихъ жизненныхъ обычаяхъ, за простоту чисто сердечную, природенную, его пожаловали въ чудодѣи, чуть не въ комедіанты, прозвали философомъ...

— Ну, что же! Вѣстимо, я не отрекшваюсь, заговорилъ, наконецъ, князь, обращаясь уже къ сосѣду своей сестрицы.—Я дѣйствительно философъ. Вотъ мы здѣсь все свои люди. Вы,

Алексѣй Григорьевичъ, изволили пожаловать ко мнѣ съ вашимъ товарищемъ, другомъ или адъютантомъ,—собственно я не знаю... Ну, съ господиномъ Галкинымъ... Онъ вамъ не чужой человѣкъ. Я-же здѣсь въ семьѣ. Стало быть, говорить можно все безъ обиняковъ. Все можно прямо сказывать, какъ оно на умѣ. Я, конечно, понималъ, что васъ очень удивило одно обстоятельство. Удивились вы, что я принялъ васъ не такъ, какъ слѣдовало принять именитаго графа Орлова. Я сталъ съ первой минуты обходиться на свой образецъ. Я радушно принялъ господина Галкина, котораго имѣлъ причины не желать принимать у себя, а васъ попросилъ... обождать... Давайте теперь говорить по совѣсти. Теперь конецъ. Я больше хитрить не хочу. Скажу, я ожидалъ васъ съ особымъ удовольствіемъ, такъ какъ мнѣ великая честь, что вы соизволили ко мнѣ пожаловать. Но когда я увидалъ, что вы прихватили съ собой человѣка, котораго я не желалъ у себя видѣть, а именно Алексѣя Григорьевича Галкина, то я, признаюсь, обидѣлся. Ну, и дѣйствовалъ на свой образецъ. Теперь все, такъ сказать, повернулось кверху дномъ. За время моей бесѣды съ Алексѣемъ Григорьевичемъ я такъ былъ прельщенъ его душой, его умомъ, всѣмъ его обхожденіемъ, что теперь, прямо скажу, онъ для меня якобы близкій старинный пріятель. Что дѣлать! Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Привезли вы мнѣ врага, а оказался онъ моимъ другомъ. Стало быть, и сердце мое на васъ прошло. И вотъ теперь, Алексѣй Григорьевичъ, или позвольте здѣсь разъ назвать васъ по титулу—теперь, ваше сіятельство, простите меня за мое холодное съ вами обращеніе. Не ищите въ этомъ ничего дерзостнаго. Простите философу и простите хозяину, который вдругъ осерчалъ. Теперь сказываю: конецъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Я радъ радехонекъ обоимъ Алексѣямъ Григорьевичамъ и обоихъ готовъ любить. А васъ и много любить и много чтить, какъ великаго російскаго гражданина и сына отечества, славнаго многими подвигами.

Князь кончилъ, и наступило молчаніе. Всѣ были взволнованы. Даже Орловъ сидѣлъ слегка смущенный, очевидно, хотѣлъ заговорить и не зналъ, что сказать. Наконецъ онъ пересидѣлъ себя и вымолвилъ:

— Простите вы меня, князь. Я не зналъ; я взялъ съ собою Алексѣя Григорьевича, т. е. г. Галкина, какъ адъютанта, при мнѣ состоящаго. Но, кромѣ того, признаюсь вамъ, что

хоть я и могъ слышать, что вы не долюбиваете его, заглазно, но не придавалъ вѣры этому. Я не понимаю, какъ моего Алешу не любить! Не даромъ же мы друзья. Скажи-ка ты, Алешка!—прибавилъ графъ черезъ столъ,—есть ли на свѣтѣ такіе пріатели, какъ мы, братецъ, съ тобой?

Галкинъ отвѣтилъ какое-то слово, но никто его не слышалъ, настолько онъ былъ смущенъ.

— Знаете ли, князь, продолжалъ Орловъ,—что мы съ Алешей въ такихъ бывали иногда передѣлахъ, въ такія рѣшета съ такими чудесами попадали, въ которыхъ истинная дружба сразу скажется. Говорять, надо пудъ соли вмѣстѣ съѣсть, чтобы другъ дружку узнать. А я скажу, надо попастьъ въ иное бѣдовое положеніе, въ какія намъ не разъ съ Алешей приходилось попадать. Вотъ въ эдакія-то минуты я и узналъ его душу, и хоть и много у меня друзей-пріателей въ Петербургѣ, а такихъ кровныхъ друзей, родныхъ по душѣ, какъ Алеша Галкинъ—вотъ этотъ самый—такихъ у меня другихъ нѣтъ. И сколько я его люблю, столько онъ меня любить. Такъ вотъ, князь, эдакаго пріателя, я признаю, и рѣшилъ къ вамъ съ собой прихватить. Хотѣлъ, чтобы философъ Теллепневъ съ нимъ познакомился и пересталъ относиться къ нему вражески, никогда въ глаза не видавши. А что вы мнѣ преподали нѣкотораго рода урокъ за мой не совсѣмъ деликатный поступокъ, то вы правильно поступили. Ну, а теперь скажу тоже: „Кто старое вспомнеть, тому глазъ вонъ“.

И графъ, извинившись передъ сосѣдкой, протянулъ черезъ нее руку хозяйну. Князь быстро приподнялся, и оба крѣпко пожали другъ другу руки.

XXIV.

Послѣ обѣда всѣ перешли въ диванную, и бесѣда оживилась. Графъ Орловъ рассказывалъ анекдоты, острилъ и смѣшилъ всѣхъ до слезъ. Всѣ точно сразу ожили, всѣ были довольны. Бѣда миновала, путаница распуталась, и все кончилось благополучно. Всѣ были не только веселы, но, казалось, всѣ были счастливы. Только одинъ хозяйнъ, говорившій громче всѣхъ, смѣявшійся больше всѣхъ, изрѣдка вдругъ смолкалъ, и легкая тѣнь появлялась на его лицѣ, или же онъ, едва замѣтно для другихъ, подавлялъ въ себѣ глубокой вздохъ.

Въ диванную подали десертъ и множество всякихъ наливкокъ. Графъ оживился, перепробовавъ всѣ наливки, и становился все веселѣе.

— Вотъ что, хозяинъ! вдругъ громко выговорилъ онъ, шлепнувъ себя рукой по ногѣ.— Давайте-ка мы съ вами, князь, о дѣлѣ разсуждать. Вѣдь тутъ все свои люди. Ваша семья, да я съ другомъ. Вы сказывали, что мой Алеша вамъ по душѣ пришелся, что вы его полюбили въ нѣсколько часовъ такъ, какъ если бы знали нѣсколько лѣтъ. Такъ ли это? Правда ли это?

— Вѣстимо, отозвался князь,—я же сказалъ. А отъ своихъ словъ я не отрекаюсь.

— И правы вы. Малый золотой. И при немъ говорю это и безъ него скажу. Не даромъ мы съ нимъ первые друзья! Давайте же, родной мой, разные россійскіе обычаи, самыя коренныя—по-боку махнемъ! Хотите?

— Не понимаю, графъ, отозвался философъ, но слегка дрогнувшимъ голосомъ, такъ какъ тотчасъ же сообразилъ, про что говорить Орловъ.

— Позволите ли вы? Да, впрочемъ, должны позволить... Вы философъ. Вы должны любить и должны желать всѣ эдакіе обычаи, свѣтскія условія, выдумки людскія почаще по-боку... Вѣдь вы философъ. Ну, вотъ скажите: если нравится вамъ Алеша такъ же, какъ и мнѣ? Да если вдругъ окажется такое диковинное обстоятельство, что мой Алеша любить княжну, а княжна тоже его любить, да и давно влюблены они другъ въ дружку—что вы на это скажете, князь?

Всѣ присутствующіе обмерли отъ словъ Орлова и боязливо уставились на князя, ожидая его отвѣта.

— Что жъ я... зашепталъ онъ.—Я право, графъ... Я слышалъ, зналъ это... Сестра говорила. Но я господина Галкина не зналъ и ничего отвѣтить не могъ.

— Понятное дѣло! Но теперь-то вы его знаете и даже полюбили... Ну и давайте, князь, вотъ такъ-то, тутъ при всѣхъ: разъ, два, три, и готово!

Орловъ хлопнулъ три раза въ ладоши.

— Я свать. Разъ! Сватаю моего друга. Два! Предлагаю вамъ его руку и его сердце для вашей княжны. Три! Согласны вы? Я и посаженнымъ буду.

Наступило молчаніе и продолжалось одно мгновеніе. Но это мгновеніе показалось вѣчностью всѣмъ, трепетно ожидавшимъ перваго слова князя.

— Что жъ я, выговорилъ философъ, разведя руками.— Я ничего... Я право... Какъ хотите...

— Да мы-то всё хотимъ! размѣялся Орловъ громко и, поднявшись, онъ обнялъ сидящаго князя.

— Золотой вы мой! Бриллиантовый! Мы всё хотимъ. Вы-то вотъ захотите.

— Я что жъ... Я...

— Ну, давайте расцѣлуемся, да и согласимся.

— Ей-Богу... Я право... Я, графъ... Я, то-есть Алексѣй Григорьевичъ, бормоталъ князь.

— Я сватаю друга. Я посаженный. Закатимъ балъ, какого въ Москвѣ не бывало. Царица на балъ будетъ и въ первой парѣ съ княземъ Телепневымъ пройдетъ въ полонезъ. Ну, философъ, голубчикъ, родной, живо говори, согласенъ?

— Да я, графъ!..

— Говори „согласенъ!“

— Ну, согласенъ.

Едва только князь успѣлъ выговорить это слово, какъ Орловъ обхватилъ его, приподнялъ богатырскими руками съ кресла и расцѣловалъ нѣсколько разъ въ обѣ щеки.

— Ну, образъ несите родителю! обернулся онъ. — Благословлять сейчасъ. Ну, княжна, цѣлуйте родителя! И ты, Аляша, цѣлуй! Благодарите!

Юлочка бросилась на шею къ отцу и стала горячо цѣловать его. Но философъ только разъ чмокнулъ дочь въ щеку какъ бы безсознательно. Потомъ точно такъ же поцѣловался онъ три раза съ Галкинымъ и, совершенно смущенный и растерянный, чувствовалъ, что все передъ нимъ идетъ кругомъ. Какой-то круговоротъ и невѣдомо: хорошій ли, худой ли. Вѣдомо одно: если все это и хорошо, но много хуже того, что еще нѣсколько часовъ тому назадъ представлялось ему.

Егузинская, сіяющая и счастливая, принесла изъ спальни князя семейный образъ. Князь благословилъ дочь и жениха. Начались цѣлованья и всеобщая радость.

Наконецъ Орловъ замѣтилъ, что предъ баломъ надо всѣмъ отдохнуть—и хозяину и имъ—двумъ гостямъ.

Князь какъ будто даже обрадовался предложенію. Проводивъ Орлова до маленькой гостиной на краю дома, гдѣ уже успѣли поставить кровать, князь прошелъ къ себѣ въ горницы и тотчасъ же вызвалъ къ себѣ сестру.

Когда Егузинская вошла къ нему, онъ встрѣтилъ ее, ухмыляясь насмѣшливо.

— Что, сестрица! Давно мы съ вами другъ дружку знаемъ. А вотъ вы меня не знали... Думали, что я съ великими вельможами, какъ какой-нибудь подъячій или прохвость, лицомъ въ грязь ударю, или меня лихорадка трясти начнетъ. А вотъ на дѣлѣ-то не то. Вотъ я все-таки проучилъ вашего Орлова! Онъ мнѣ нравится—душа человѣкъ, прелестный, а все-таки я его поучилъ: не вези ко мнѣ безъ моего спросу хоть бы даже своихъ пріятелей. Ну, а на его счастье, да и на ваше, потрафилось все совсѣмъ особо... Что жъ дѣлать, Ваша правда, славный малый эта „галка“. Ну и Богъ съ нею, пускай онъ женится на Юлочкѣ. Все произошло, слава Богу... Но урокъ-то все-таки я Орлову далъ! Какое я былъ философъ, таковъ и остался, таковымъ и останусь! Ну, вотъ все, сестрица. Теперь идите, да тоже отдохните. Часа черезъ два съѣзжаться начнутъ, надо намъ быть на ногахъ.

Егузинская выслушала все, не проронивъ ни слова. Она пристально смотрѣла въ лицо братца и, казалось, думала: „Кто тебя разберетъ! Ничего, какъ есть, не поймешь. Зачѣмъ тебѣ было учить? Ну, спасибо, на добраго человѣка налетѣлъ“.

Егузинская прошла въ горницы къ племянницѣ, гдѣ былъ и князь съ женой. Юлочка безумствовала: прыгала, кружилась, кидалась ко всѣмъ на шею и всѣхъ цѣловала.

— Чудодѣй твой батюшка-родитель, сказала Егузинская молодому князю.

— Нѣтъ, тетушка, отозвался Егоръ, — я только сегодня понялъ всѣмъ сердцемъ, какой батюшка человѣкъ. Ему хоть съ королями съ разными и съ императорами водиться. Какъ это у него все выходитъ! Меня, тетушка, разъ двадцать въ жаръ и въ ознобъ швыряло за весь-то день. А вонъ оно, что вышло-то! По правдѣ-то сказать, тетушка, ничего даже не разберешь.

— То-то, голубчикъ мой, и мнѣ такъ-то сдается, что ничего не разберешь. Ну, да слава Господу, кончилось-то не бѣдой.

XXV.

Часа черезъ три весь Бутырскій домъ былъ переполненъ сплошною блестящею толпой. Дѣйствительно, вся Москва явилась въ великолѣпный освѣщенный домъ князя. Вокругъ

усадыбы въ сторону Москвы стояло столпомъ цѣлое зарево: тысяча бочекъ смоляныхъ пылала. Князь будто предвидѣль и предсказаль: весь чадъ и дымъ тянуло вѣтромъ на Москву.

Дѣйствительно, въ эту ночь Москва могла задохнуться отъ прованія князя философа, и если не очумѣла отъ копоти и смрада горящей смолы, то ей пришлось очумѣть на утро отъ того, что рассказывали про поведеніе князя съ графомъ Орловымъ.

Въ восемь часовъ, при всѣхъ гостяхъ, въ большой залѣ, князь Телепневъ, взволнованный и возбужденный, взялъ за руку дочь и объявилъ, что она помолвлена и невѣста Алексѣя Григорьевича Галкина.

Начались поздравленія. Затѣмъ, когда суетня стихла, по данному знаку оркестръ грянулъ полонезъ, и безконечная вереница паръ двинулась тихо по залѣ. Въ первой парѣ шель графъ Орловъ съ генеральшей Егузинской, а за ними князь съ дочерью.

Сдѣлавъ кругъ, князь подозвалъ стоявшаго у стѣны жениха и выговорилъ:

— Ну, получай изъ рукъ въ руки и веди дальше,—и по залѣ, да и по жизненному пути.

И князь, поставивъ на свое мѣсто богатыря-офицера, положилъ ему въ руку руку дочери, а самъ отошелъ въ сторону. И предъ его глазами въ ярко освѣщенной залѣ стали скользить большущій змѣй. Это была вереница паръ. Но вдругъ князю показалось, что это не гости, а что это дѣйствительно большущій змѣй, который извивается по залѣ и вотъ сейчасъ обхватитъ его, задушитъ, ужалитъ...

— Офицерша Галкина! повторялъ онъ про себя.—По собственной и несказанной глупости! Бывали дураки на свѣтѣ, но такихъ дураковъ, какъ ты, Аникита,—стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а не было! Ахъ, дуракъ, дуракъ! Нѣтъ, вотъ дуракъ-то! И никого не обманешь. Какъ ни ломайся, а на утро всей Москвѣ будетъ все понятно. И я знаю, какъ вся Москва тоже знаетъ, что никогда Галкинъ его другомъ не былъ. Будь правда—было бы и прежде извѣстно. Все было подложено меня обморочить. И пустили мороку! И одурачили на всю жизнь. Теперь одно тебѣ... На Калужку бѣги! Запирайся и никогда ужъ больше людямъ не показывайся.

Но пока князь думаль, раздумываль, и все бушевало въ немъ, въ его опущенную голову стучало все сильнѣе. На-

конецъ, заль изъ яркаго розоватаго сталъ темнокраснымъ. Змѣй большущій тоже сталъ пунцовый и вмѣстѣ съ тѣмъ—зацѣпилъ онъ, что ли, князя,—но вдругъ его шибко ударило чѣмъ-то по головѣ.

Въ полусознательномъ состояніи князь все-таки понялъ, что онъ уже лежитъ на паркетѣ, что ему не хорошо, что вокругъ него много народу. И всѣ нагибаются, хватаютъ его за голову, за руки. А ближе всѣхъ лицо сына и дочери, а за ними лицо графа Орлова.

XXVI.

Князь философъ опасно заболѣлъ. Съ нимъ случилось именно то, что въ семьѣ смутно ожидали за послѣдніе годы. При его темпераментѣ и сидячей жизни онъ именно долженъ былъ опасаться удара.

Большинство москвичей дворянъ умирало такъ. Избытокъ здоровья, горячій темпераментъ и спокойная, беззаботная жизнь, при излишествѣ въ пищѣ, питъѣ и снѣ, приводили всегда къ одинаковому концу.

Если бы теперь въ жизни князя не случилось никакого чрезвычайнаго происшествія, то онъ, быть можетъ, все-таки раньше или позже подвергся бы удару. Чрезвычайный случай со сватовствомъ только ускорилъ появленіе того, что всегда грозило.

Князь лежалъ въ постели въ полусознательномъ состояніи: у него отнялась правая рука, отчасти нога и слегка перекосило лицо. Однако доктора надѣялись. Главный московскій докторъ-нѣмецъ, съ прозвищемъ штадтъ-физикусъ, навѣщалъ больного всякій день и смѣло утверждалъ, что, при натурѣ князя, онъ можетъ еще оправиться.

Князь Егоръ съ женой и Егузинская переѣхали въ Бутырскій домъ и были неотлучно при больномъ. Вся Москва только и говорила, что о случаѣ съ княземъ-философомъ. Мнѣнія раздѣлились. Одни утверждали—и, конечно, меньшинство,—что продѣлка графа Орлова со старымъ княземъ—поступокъ совсѣмъ негодный, оскорбительный для всего дворянства, что эдакъ шутить нельзя. Если можетъ кто такъ шутить, такъ развѣ только „господа“ Орловы, которымъ все тринь-трава и море по колѣна. Въ особенности негодовали отцы семействъ.

Большинство, однако, было совершенно противоположнаго мнѣнія. Оно утверждало, что никто тутъ не виноватъ, или самъ князь виноватъ. Философъ опростоволосился и, вдобавокъ, болѣзнью своею выдалъ самъ себя. Всѣ отлично поняли, что ударъ, приключившійся съ княземъ, былъ прямымъ послѣдствіемъ оскорбленнаго самолюбія и обиды отъ той ловушки, въ которую князь попалъ.

Не изображай онъ изъ себя философа, знайся съ людьми, дѣйствуй проще—никогда бы ничего подобнаго не приключилось. Бывай онъ въ гостяхъ, увидѣлъ бы онъ графа Орлова гдѣ-нибудь на вечерѣ, и обманъ, или „финтъ“, сталъ бы невозможенъ.

Дѣйствительно, выходило такъ, что князь былъ самъ кругомъ виноватъ. Его не обманывали—онъ самъ себя обманулъ. Правда, его немножко подвели, но не какую-либо особенною адскою хитростью. Все случилось чрезвычайно просто. Если же вышло особенно удачно, то по независящимъ отъ Орлова и Галкина обстоятельствамъ.

Конечно, распустивъ слухъ о намѣреніи жениться, графъ похитрилъ немножко, но все-таки въ самой продѣлкѣ съ княземъ прямого обмана не было. Затѣя могла и должна была не удасться, а случайно удалась вполнѣ. И удалась какъ-то особенно просто и скоро. Разумѣется, ожидать слѣдовало, что князь-философъ настолько самолюбивъ, что все скроетъ въ себѣ и виду не покажетъ, что разыгралъ не философа, а простофилю. Но природа взяла свое, и приключился ударъ отъ нравственнаго потрясенія.

— Все нутро перевернулось. Кондрашка и хватиль! объяснили москвичи.

Вся семья князя: сынъ, дочь и сестрица, хотя и были смущены, но, конечно, не могли считать себя виновными. Они не участвовали въ продѣлкѣ Орлова. Даже самъ Галкинъ и тотъ считалъ себя виновнымъ на половину. Быть можетъ лишь одному Орлову было всего непріятнѣе все приключившееся. Онъ ожидалъ нажать въ князѣ временнаго врага и затѣмъ умиловить его, но никакъ не ожидалъ, что вдругъ запахнетъ смертью.

Съ перваго же дня болѣзни князя, Орловъ всякій день присылалъ кого-либо изъ своихъ адъютантовъ или секретарей узнать объ его положеніи. Къ общему удовольствію, чрезъ нѣсколько дней больному было уже немного лучше.

Доктора надѣялись болѣе, чѣмъ когда-либо, на выздоровленіе. Наконецъ, чрезъ дней десять князь уже могъ слегка двигать рукой и ногой. Семья вздохнула свободнѣе.

Но теперь представлялось вопросомъ, какъ поступить князь оправившись.

Княжна Юлія и Галкинъ боялись, что свадьба разстроится. Князь вѣроятно хотѣлъ все скрыть ото всѣхъ и поэтому согласился на свадьбу. А теперь, когда все огласилось, когда всякому въ Москвѣ извѣстно, что онъ сталъ жертвой обмана, что онъ настолько оскорбленъ, что даже заболѣлъ, легко можетъ случиться, что онъ пойдетъ на попятный дворъ.

Въ концѣ второй недѣли болѣзни князь началъ быстро оправляться. Штадтъ-физикусъ пересталъ уже ѣздить въ Бутырки и снова говорилъ вездѣ, что русскія природы составляютъ исключеніе, а въ Москвѣ попадаются среди дворянства такіе люди, которые созданы на какой-то особый ладъ, умѣютъ умирать и воскресать. И будучи самъ нѣмцемъ, штадтъ-физикусъ передѣлывалъ русскую пословицу и говорилъ: „Что нѣмцу на умираніе, то русскому на проживаніе“.

Въ тотъ день, когда князь сошелъ съ постели, уже изрядно двигаясь, и при помощи людей и костыля доковылялъ до кресла, чтобы посидѣть, въ бутырскій домъ пріѣхалъ посланецъ Орлова. Онъ имѣлъ порученіе спросить, угодно ли князю Телепневу принять графа Орлова, и если угодно, то какое онъ назначить время.

Князь велѣлъ отвѣчать, что готовъ принять графа когда угодно.

Что было въ душѣ филозофа, когда онъ первый разъ очнулся въ своей кровати, и что было теперь, никто не зналъ. Князь Аникита не обмолвился ни единымъ словомъ. Онъ зналъ отлично, что Москва поняла смыслъ или причину его болѣзни, и невольно сознавалъ, что разыгралъ совершенно глупую роль. У него хватило силы воли все скрыть. Разумъ послушался, но тѣло не послушалось. Нравственный ударъ самолюбію былъ настолько силенъ, что повлекъ за собою другой, физическій. Продолжать теперь притворяться, увѣрять всѣхъ, что онъ радъ и счастливъ, что болѣзнь приключилась независимо отъ обстоятельствъ, было еще глупѣе, ибо никого не надуешь!

— Что же дѣлать? спрашивалъ себя князь.—Отмстить и не соглашаться на бракъ, или просто примириться, признать-

ся, что подвели, поддѣли, и отнестись къ этому добродушно? Вѣдь, бѣды или несчастія никакого не будетъ... Напротивъ, будетъ счастье для дочери...

Раздумывая о томъ, какъ отнестись къ происшествію, выздоравливающей князь не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Иногда приходили минуты озлобленія и раздражительности, а затѣмъ смѣнялись минутами спокойствія и примиренія... или же, вѣрнѣе, жизненной усталости и равнодушія ко всему на свѣтѣ. Семья окончательно не знала и не могла предугадать, чѣмъ все разрѣшится. Она, разумеется, ожидала съ нетерпѣніемъ, когда князь совсѣмъ поправится. Орловъ обѣщался имъ всѣмъ быть у князя при первой возможности и просить у него прощенія. А пока о женихѣ никто князю не долженъ былъ говорить, ни даже поминать.

И вотъ появился посланецъ отъ графа, а затѣмъ, однажды вечеромъ, на дворъ Бутырскаго дома вѣхала хорошо извѣстная въ городѣ карета. Когда князю доложили о прибытіи именитаго гостя, онъ заволновался и выговорилъ глухо:

— Проси. Скажи, сожалѣю, самъ встрѣтить не могу...

Затѣмъ князь выслалъ родныхъ изъ комнаты, остался одинъ и сталъ ожидать.

Черезъ нѣсколько мгновеній, въ блестящемъ мундирѣ и регалияхъ, бодрою походкой, съ добродушно улыбающимся лицомъ и яснымъ взглядомъ, вошелъ къ князю въ спальню тотъ же богатырь, котораго онъ такъ недавно продержалъ нѣсколько часовъ на стулѣ около передней. Графъ поздоровался съ хозяиномъ, расцѣловался, усѣлся около него и, положивъ руку ему на колѣно, сталъ съ участіемъ разспрашивать, какъ онъ себя чувствуетъ.

XXVII.

Чрезвычайная, вліяющая на всякаго простота въ обращеніи, непринужденное добродушіе и въ лицѣ, и въ голосѣ, вся манера держаться и говорить—тотчасъ неотразимо подѣйствовали на князя. Онъ сразу стихъ, примирился... Вдругъ показалось ему ясно, что насколько все естественно въ этомъ человѣкѣ, настолько въ немъ, князѣ, якобы философѣ, все фальшиво. Этотъ живетъ, чувствуетъ и мыслить просто: что онъ есть, то онъ и есть! А онъ, князь, что-то такое выду-

манное, дѣланное, взаймы взятое. Что онъ такое всю жизнь изъ себя корчилъ и представлялъ?.. Онъ комедіанствовалъ! Игралъ со всѣми, и доигрался до ловушки.

Положимъ, что въ жизни этого молодого богатыря и красавца была только одна удача. Ему бабушка ворожила. А въ жизни князя съ перваго шага, съ прїѣзда на службу, была только неудача за неудачей. Онъ былъ обиженъ судьбой, которая не дала ему ровно ничего изо всего, что ему желалось.

— Ну, давай, князь, говорить по душѣ. Все на ладонь! Слышь-ка?! заговорилъ наконецъ Орловъ, придвигаясь еще ближе къ креслу больного и кротко глядя ему въ лицо.— Я хоть и виноватъ, но все-жъ таки не совсѣмъ. Я, вѣдь, не мошенничалъ. А коли смошенничалъ, то самую малую толику. Я только скромничалъ, да якобы въ конфузѣ обрѣтался. Знаю, что теперь вы меня возненавидѣли, на меня обидѣлись и такъ даже глубоко оскорбились, что захворали... Все это я разумѣю. И очень мнѣ больно все и стыдно... Въ моемъ положеніи не слѣдъ было никакія колѣна отмачивать. Да ужъ очень жалъ мнѣ было добраго молодца. Но все-жъ таки, другъ, вѣдь, особой напасти мы не затѣвали тутъ никакой. Ежели немножко въ Москвѣ на твой счетъ злые языки развязались, такъ плюнь на нихъ. Будь вотъ теперь настоящимъ философомъ!

Князь хотѣлъ что-то отвѣтить, но не зналъ, что сказать.

— Скажите мнѣ: очень вы на меня озлобились, по правдѣ? произнесъ Орловъ.—По сущей по правдѣ!

— По сущей по правдѣ, графъ, былъ я тогда сильно обиженъ. А теперь, послѣ того, что пожаловалъ ко мнѣ и свиснулъ меня Кондратій Ивановичъ, какъ-то иначе сдается все... Вѣдь Кондрашка—не свой братъ! Вѣдь, я чуть не померъ! Вотъ оно теперь все эдакое... людское или житейское представляется въ другомъ видѣ... въ грошевомъ, что ль...

— Ну, вотъ, родной мой! воскликнулъ Орловъ. — Вотъ истинно! Эдакъ-то вотъ философы и разсуждаютъ.

И при этомъ Орловъ положилъ снова руку на колѣно хозяина и прибавилъ:

— Вотъ теперь вы истинный философъ. Да! Эта людская суета кажетъ важнымъ, когда человѣкъ глупостями занять. А въ случаѣ большого горя, большой болѣзни, сейчасъ все это обернется намъ пустяками, и очамъ нашего разума кажетъ лишь маревомъ. Итакъ, князь, дружище, прежде всего

мы рѣшимъ первое дѣло. Вы на меня не злобитесь? Я тебѣ, князь, не сталъ врагъ на всю жизнь, сказывайте по совѣсти.

Князь взглянулъ въ лицо Орлова, невольно улыбнулся и произнесъ мягче, чѣмъ когда-либо въ своей жизни:

— Нѣту... Какой врагъ! Гдѣ же!.. На васъ поглядѣть, нешто можно на васъ злобствовать? Не даромъ васъ любятъ всѣ...

— Стало быть, простили вы меня?

— Что объ этомъ, графъ... Бросимъ...

— Ну, и слава Богу! Первый вопросъ рѣшенъ. Мы, стало, съ вами на всю жизнь други-пріятели. Каждый разъ, что я приѣду въ Москву, то сейчасъ же къ первому къ вамъ. Я у васъ виноватый и прощенный и, стало быть, я у васъ въ долгу. Теперь второе дѣло. Подлинно ли вамъ Галкинъ такъ отвратенъ? И чѣмъ? Опять-таки говори, князь, по правдѣ, по совѣсти, безъ утайки.

Князь слегка двинулъ плечами и вымолвилъ:

— Нѣтъ, что же... Онъ малый не глупый... дворянинъ... Дочь въ него врѣзалась. Вотъ по имени-то фамильному...

— Что же? перебилъ Орловъ.— Не понимаю...

— Что? Галка... Сами знаете.

— Господь съ вами! воскликнулъ Орловъ. Вотъ гдѣ философія-то нужна! Такія ли прозвища на свѣтѣ есть! И какъ не стыдно не только философу, а даже простому разумному человѣку на эдакое обстоятельство вниманіе обращать. Чѣмъ же телепень лучше? Ну, положимъ, птица орель лучше птицы галки... разсмѣялся графъ.— А ужъ телепень, право, не лучше галки.

И смѣхъ Орлова былъ настолько заразителенъ, что и князь началъ смѣяться.

— Ну, теперь рѣшимъ третье дѣло. Вѣришь ли ты, князь, что я отношусь къ Галкину сердечно, что вся наша затѣя— не простое для меня времяпрепровожденіе? Вѣришь ли ты, князь, что я Галкина не оставляю и судьбой его займусь, какъ еслибъ онъ былъ моимъ родственникомъ?

— Не знаю, отозвался князь.— Полагаю.

— Нѣтъ, не полагайте, а будьте увѣрены. Онъ мнѣ по сердцу пришелся еще подъ Москвой. Вѣдь, вы не знаете, какъ мы съ нимъ повстрѣчались, какъ онъ по моимъ холопамъ изъ пистолета палилъ. Это я все когда-нибудь вамъ расскажу... Такъ вотъ теперь, стало быть, я долженъ при-

бавить еще то, чего вы не знаете. Вашъ будущій зять, офицеръ Галкинъ, если Богъ дастъ мнѣ и ему жизни и здоровья, годковъ черезъ десять, а то и раньше, будетъ почище иныхъ прочихъ, которыхъ вы желали въ женихи княжнѣ. За это я вамъ отвѣчаю моимъ Орловскимъ словомъ. Проживите вы еще на свѣтѣ десятокъ лѣтъ, и сами мнѣ скажете, что довольны судьбой зятя и своей дочери. Все житейское въ рукахъ царицы нашей, а я у нея не послѣдній человѣкъ. Ну, князь, такъ какъ же? Какъ порѣшишь?

— Да что же рѣшать? Все рѣшено.

— И перемѣны не будетъ?

— Нѣтъ, какъ можно...

— Все можно, князь. Поди, во время болѣзни не разъ вамъ про насъ думалось: вотъ дай срокъ, выздоровлю, а вамъ себя покажу!

И Орловъ снова разсмѣялся.

— Что? Развѣ не думалось такъ? Не собирались вы, лежа въ постели, начать по выздоровленіи калачики загибать—и мнѣ, и Галкину, и даже дочери родной?

Смѣхъ Орлова настолько дѣйствовалъ заразительно на князя, что онъ не только развеселился, но даже чувствовалъ себя какъ-то лучше и бодрѣ. И вдругъ князю философу пришла мысль не только тотчасъ же согласиться на все и успокоить всѣхъ, но даже сдѣлать что-нибудь большее.

— Не знаете ли, графъ, гдѣ теперь Галкинъ? вдругъ спросилъ онъ.— Я бы желалъ за нимъ дослать?

— Дослать за нимъ недалеко. Я его привезъ съ собою, и онъ сидитъ въ залѣ съ вашимъ сыномъ.

— Ну, вотъ и прекрасное дѣло! Я встать не могу... Ужъ вы потревожьтесь—позовите всѣхъ сюда, а въ томъ числѣ и нареченнаго.

Черезъ минуту появились въ горницѣ всѣ: дочь, сынъ, Егузинская, а за ними и богатырь, номеръ второй, но въ томъ же простомъ гвардейскомъ мундирѣ. Всѣ были взволнованы, но съ радостными лицами.

— Юла, иди сюда, ласково произнесъ князь, улыбаясь.— Ну, и ты тоже, самозванецъ, поди! обернулся онъ къ Галкину.

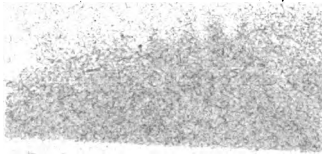
Когда молодые люди приблизились къ его креслу, князь поглядѣлъ на нихъ, снова улыбнулся и, обратясь къ графу, выговорилъ:

— А, вѣдь, и впрямь онъ ничего! А къ его прозвищу я привыкну. Вѣдь, привыкъ же я къ своему. Ну, дѣти, вторично даю я вамъ мое согласіе на бракъ, но уже безо всякаго остервененія. А ужъ какъ я тогда былъ остервенившись! А ужъ пуще всего вотъ на его сіятельство. Помнится, разнесъ бы я не то, что свой домъ, а и всю Москву бы испепелилъ. Ну, когда же ваша свадьба? Приданное у насъ давно заготовлено, стало быть, все дѣло за попомъ, а меня до церкви доvezутъ. Вы вокругъ аналая походите, а я посижу, да погляжу.

Черезъ полчаса со двора князя Телепнева выѣхала карета Орлова, увозя шутника-вельможу, но привезенный имъ офицеръ остался въ домѣ, и всѣ его поздравляли. Весь домъ Бутырскій заходилъ ходуномъ.

Не только семья, но и люди, заглянувшіе въ горницу барина-князя, удивлялись перемѣнѣ, которая съ нимъ случилась. Князь смотрѣлъ не только не сурово, но смотрѣлъ такъ, какъ никогда не бывало прежде. Онъ глядѣлъ „по-орловски“—заразительно добродушно. А то, что ему теперь думалось—были думы истиннаго, а не поддѣльнаго филозофа.

PG3470

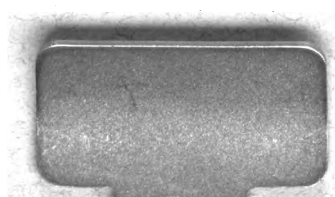
.S2

1894

t.16

A000002164939

A000002164939